

Ирина Мальчукова

**Петюнька Очкастый в Трельяжном Королевстве,
или История с сонным порошком**

Повесть-сказка

**Днепр
«Сердняк Т. К.»
2019**

УДК 821.161.1(477)'06-34

М 21

Ирина Мальчукова

М 21 Петюнька Очкастый в Трельяжном Королевстве, или История с сонным порошком / Ирина Мальчукова. – Днепр: Середняк Т.К., 2019. – 392 с.

ISBN 978-617-7761-37-1

В прихожей Ложкиных неожиданно зазвонил поломанный будильник. Взрослые не услышали его сумасшедший звон, что и неудивительно, ведь предназначался он исключительно малышу – Петюньке, прозванному сверстниками Очкастым.

Чтобы угомонить разбушевавшийся будильник, мальчик обыскал трельяж и в верхнем ящике зеркального шкафчика обнаружил старую коробку из-под пластилина. В ней что-то шевелилось, чихало и ругалось. Причиной ночного переполоха стали пластилиновые буквы. Они были хорошо знакомы Петюньке по рассказам его лучшего друга – Ермолаева Яшки, который однажды побывал в Антресоловой стране, где живут забытые желания.

Посовещавшись с буквами, Петюнька решает отправиться в сказку, чтобы вызволить феев снов, сохранить Границу и оградить верхний мир от тёмных желаний.

УДК 821.161.1(477)'06-34

ISBN 978-617-7761-37-1

© Ирина Мальчукова, 2019

Глава 1

Старый трельяж в прихожей Ложкиных

Вчера в прихожей треснуло зеркало. Это дал сбой старенький покосившийся трельяж. Более тридцати лет неказистый предмет интерьера с тройным зеркалом, четырьмя выдвижными ящичками и одной откидной дверцей исправно служил семье Ложкиных, отражая в прозрачных зеркальных глубинах меняющиеся с годами лица своих хозяев и храня в недрах шкафчиков истоптанную обувь и всякую дребедень.

Как понял Петюнька (герой нашей сказки и по совместительству младший отпрыск Ложкиных, от роду шести лет), скромный зеркальный шкаф коричневого цвета и с несколькими золотистыми завитушками, выложенными, словно аппликация, поверх лакированных ящиков, поставила в «прихожке» со дня въезда в квартиру, тогда ещё новую, его прабабуля Клавдия Ивановна.

Вопреки уверениям соседей, родственников, знакомых и друзей, бабушка Клава, рано овдовевшая, занимавшая пост главы семьи и поэтому привыкшая командовать, не сомневалась, что трельяж (первая, между прочим, вещь, купленная с первой зарплаты её сына – Петюнькиного деда) должен стоять именно в прихожей, напротив входной двери.

Каждый, кто переступает порог дома, считала Клавдия Ивановна, первым делом заглядывает в зеркало, оставляя на дне стеклянного «глаза» частицу своей души, а заодно раскрывая и намерения, с какими тот пожаловал в гости. С добром пришёл, добро и получи. Если же со злом, то не взыщи, голубчик, всё к тебе же и вернётся...

Петюнька с бабушкой Клавой лично знаком не был, поскольку на небо к ангелам она переселилась (это мама всегда так говорит – переселилась) задолго до рождения правнука. Тем не менее, многие традиции, заложенные Клавдией Ивановной, были ему известны, так как и по сей день они свято блюлись Ложкиными.

Менялись обои, занавески, ковры, люстры... Менялись и сами жильцы квартиры... Но старый прабабушкин шкафчик, как и прежде, стоял в прихожей и тремя глазами с любопытством взирал на входную дверь.

Даже когда треснуло зеркало, и мама, грозно подперев руками бока, потребовала от папы избавиться от старой развалины и на деньги, накопленные для покупки дивана, приобрести новый трельяж современного дизайна и с мягким пуфиком в придачу, пapa наотрез отказался. В доме Ложкиных редко разгорались скандалы. Обычно глава семейства старался быть терпимым к женским капризам и не повышать голос. Но на этот раз папино терпение лопнуло. Помахав

пальцем перед маминым лицом, папка грозно (а чтобы грозно было, предварительно прокашлялся в кулак) заявил:

– Никогда! Старый друг лучше новых двух!

На следующий день пришёл вызванный папой дядя Вася (коллега по работе) и заменил треснувшее зеркало новым, только что из магазина. Заодно дядя с папой подкрутили какие-то шурупчики, благодаря чему старый трельяж уже не так косил, как прежде. В смысле, таки косил, но не влево, а вправо...

Ложкины, особенно мужская половина семейства, души не чаяли в неказистом «трёхглазом» шкафчике. И почитали они трельяж не только в память о бабушке Клаве. Неуклюжий шкаф с тремя зеркалами, которые от старости покрылись пятнами и непонятными штрихами, не поддающимися современным чистящим средствам, столько лет сосуществовал с людьми, что стал неотъемлемой частью их жизни.

Петюнькин папа, не в меру бережливый хозяин, хранил в главном отсеке фамильного трельяжа крем для обуви и собственно обувь. В основном ту, по которой давно плачет свалка. Но глава семейства серьёзно полагал, что и дырявые тапки когда-нибудь сгодятся.

А ещё он считал (Петюня знал это по секрету!), что каждая пара ботинок, отдавшая жизнь человеку, приобретает душу. Как можно спустить кроссовок в мусоропровод, если кроссовок этот и не кроссовок вовсе, а часть приятных воспоминаний о походе всей семьёй за грибами, о луже, в которую вступил Петюнька, в первый раз выйдя погулять после тяжёлой простуды, о дурачествах на дедушкином огороде?

Вещи умеют помнить. В этом старший Ложкин был уверен, но подобную лирику старался скрывать от чужих глаз в тёмном и уютном шкафчике трельяжа Клавдии Ивановны.

О скоплении старой обуви в старом шкафу знала вся семья, но только Петюня был в курсе истинных причин этого милого чудачества папы. Известно ему было и о «сокровищах», которые отец держал в выдвижных ящичках трельяжа. Шестилетнему мальчишке

рабочие перчатки, изолента, гвоздики в банке из-под огуречного крема для лица, шурупчики в коробочке, оставшейся после каких-то лекарств, фонарик, свисток, запасные ключи от квартиры, кладовки и дачи, а также кое-какие отцовские инструменты действительно казались кладом.

Мальчик представлял себе, что в укромных ящиках прабабушкиного шкафчика притаился волшебный мир, понимать который он, Петюня, постепенно учится. Когда взрослых не было дома, или родители были слишком заняты, чтобы следить за играми своего отпрыска, малыш совершил набеги на папкины запасы. Под присмотром трёх «стеклянных глаз» он устраивался на полу в прихожей: стоя на коленках, с замиранием сердца вываливал на пушистый красный коврик содержимое шкафа и с завидным энтузиазмом приступал к детским исследованиям. Папина забинтованная клейкой лентой отвёртка, мамина туфля с отбитым каблуком, солнечные батарейки, зарядное устройство для мобильного телефона, забракованная тётей Зоей помада, рваный носовой платок – эти такие нехитрые и такие загадочные предметы стали для Петюни любимыми игрушками. Именно эта мелочь, а не новенький пластмассовый трактор или коллекция миниатюрных гоночных машинок, как думали наивные родители.

Глава 2

Петюнькины грёзы

Нравом Петюнька пошёл в папу – неисправимого романтика. Младший Ложкин также любит в своих фантазиях одушевлять предметы, наделять их характером. Лет в пять, например, Петюня называл стул в детской комнате Лошариком и верил, что это жеребёнок.

Низенький табурет с мягким сидением, обитым зелёной тканью, до сих пор представляется ребёнку лягушкой, которая каждый раз, как на неё кто-то присаживается, игриво квакает (то есть поскрипывает), приветствуя гостей. Филигранная, кованая, вся в завитушках подставка для цветов кажется ему застывшей среди зелени жар-птицей. А фигуристый кувшин, который тётя Зоя использует в качестве копилки, заталкивая по воскресеньям в расписаное горлышко очередной блестящий рубль, напоминает Петюньке базарную кумушку в цветастом платке. Чуть тронь её, как веселушка, лишь притворяющаяся глиняным кувшином, зальётся звенящим монетным смехом.

Да, вещи умеют чувствовать! Это малыш знал наверняка. Они любят, если мы любим, они печальны, если печальны мы. Они хранят в себе радость и грусть, о которых люди со временем забывают. Вещи, как тётин кувшинчик, по сути своей – копилки. Они накапливают человеческие эмоции, запоминают истории чьих-то жизней, они консервируют в изначально мёртвом материале добрые и злые чувства, испытанные человеком. И в этом противоречивом переплетении в них вспыхивает живой огонёк, отблеск, пусть и слабый, человеческой души. Вещи, бесспорно, живые. И живыми их делает чувствующий и мыслящий человек.

В мире дивных грёз живёт Петюнька – ещё маленький мальчик, но уже с сердцем великого фантазёра! Правда, подобные фантазии сложно назвать полезными для ребёнка... Ведь в грёзах и мечтах так легко затеряться, так заманчиво заменить ими реальный мир!

Глава 3

У Петюни Очкастого появился друг!

Петя Ложкин, любовно прозванный родными и близкими Петюнькой, рос замкнутым и болезненным мальчиком. Частые простуды и прочие хвори одолевали малыша почти с пелёнок. Слишком рано Петюня начал терять зрение, из-за чего вынужден был носить массивные очки с толстенными стёклами и не менее толстой уродливой оправой. Единственное, что было приятного в них, – это вкусный, как казалось мальчику, темно-жёлтый цвет. Цвет гречишного мёда! Сладкого и полезного, как успел оценить Петюнька!!!

Постоянный насморк, отчего мальчик слегка гнулся, среди детсадовской детворы снискал ему славу Козявки. Но больше всего смешили ребят не сопли под носом Петюни, а его огромные, как у черепахи из мультика про львёнка, очки. Из-за них малыш обзавёлся ещё одним, не менее обидным прозвищем – Очкастый. Дошло до того, что прозвище вытеснило фамилию, и даже воспитательницы с нянечкой и «добрые» тёти-соседки между собой именовали худенького чудаковатого мальчика не Петей Ложкиным, а Петюней Очкастым...

И мало кто замечал, как под толстыми стёклами очков лучатся карие глаза ребёнка, с каким интересом и с какой надеждой он взирает на мир, дарящий первые пощёчины...

Петюньке доставались от сверстников не только насмешки, но и тумаки. Особенно зверствовал Заречный Вовка, что из соседнего подъезда. Драчун был порядком выше и крепче Козявки. Надеть ведро на голову очкарика или плонуть ему в борщ – для Вовки было привычным удовольствием.

– У Очкастого снова сопли размазались! – часто дразнился хулиган.

Ребята, слыша эту избитую шутку, смеялись, высывали языки и тёрли указательным пальцем под носом. Так было до тех пор, пока в группе не появился Яшка Ермолаев. Рыжий непоседа был не

робкого десятка и сам любил похулиганить. Но, на удивление, за сопливого очкарика Яшка вступил... и подбил Вовке глаз.

А после щупленький Петюнька долго плакал, натирал и без того красный нос и всё покачивал коротко стриженной головой, стоя на коленях в углу рядом с растрёпанным Яшкой. Нет, Петя Ложкин наказан не был. Это Ермолаева воспитательница отправила в ссылку. Петюнька же добровольно составил компанию своему заступнику. Из-под очков малыша текли крупные слёзы. Он то и дело всхлипывал, а иногда икал. Но при этом как-то странно, блаженно даже улыбался. Остренькое личико Петюни сияло радостью. Чистыми слезами мальчик благодарил за подаренную ему дружбу.

Глава 4

Игры в нефабричные игрушки

Яшке пришлись по душе фантазии Петеньки, и он с удовольствием вместе с новым другом играл не в обычные (фабричные) игрушки, а развлекался с так называемым хламом. Будь это стёртые шнурки от ботинок, пробка от бутылки, солянка в виде утёнка, расчёска с поломанными зубчиками, какая-нибудь коробка, баночка или аптечный пузырёк – во всём, даже самом мелком и незначительном, мальчишки видели чудо, видели сказку.

Какой восторг вызвал у Петюньки с Яшкой огромный пляжный зонтик в бело-синюю полоску! Если его перевернуть ручкой вверх, получается симпатичная лодочка, вместиться в которой могут не только малыши, но также Яшкин кот Барсик. Ах, как весело путешествовать по воображаемым странам на таком вот необычном судне, распевая писклявыми голосами любимую песню Петюнькиного отца про забинтованного Щорса и его отряд, который шёл куда-то по берегу!

Ещё интереснее строить из стульев, подушек и одеял «халабуду», представлять себя индейцами, разрисовывать друг другу лица помадой, улюлюкать, брать Яшкиного дедушки в плен, туго стягивая руки и ноги несчастного шнурками и скотчем.

Говоря по правде, не все забавы, придуманные друзьями, носили мирный характер. Чего стоит история с маминой зубной щёткой, тайком извлечённой Петюнькой из стаканчика в ванной?! С её помощью юные энтузиасты пытались почистить зубы Яшкиному коту. Будучи в летах, Барсик, как это ни прискорбно, начал терять зубы. Чтобы помочь пушистику сохранить последний шатающийся клык, друзья и решились на авантюру. Однако почему-то запланированная операция не увенчалась успехом...

Не поняв благих намерений, Барсик взгромоздился на шкаф. Устроившись за самоваром и кожаным коричневым чемоданом, обиженный кот долго чмокал, вылизывая остатки зубной пасты, и сердито поглядывал жёлтыми глазищами на шалунов. А щётка, как

будто ничего и не было, вернулась в стаканчик горячо любимой мамы...

Изрядно подпортил репутацию Петюньке, который совсем недавно слыл исключительно тихим и безобидным мальчиком, также розыгрыш с пузатым будильником, прозванным ребятами Усатым Полицейским. Усатым, наверное, по той причине, что стрелки похожи на усы, а полицейским – из-за того, что звон будильника подозрительно напоминал вой милицейской сирены.

Этот интересный предмет шутники подсунули под матрас Ложкину старшему. Петюнькин папа, не ожидая подвоха, плюхнулся на кровать, а когда раздался хруст в будильнике или кое-чего в позвоночнике, с тихим стоном сполз на пол.

После досадного происшествия Усатый Полицейский, с вывалившейся пружинкой и навечно застывшими стрелками, теперь уже точно похожими на обвисшие усы, отправился в один из ящиков трельяжа. Петюне во избежание плохого влияния со стороны Яшки было запрещено общаться с рыжим оболтусом. К счастью, запрет утратил силу уже через неделю.

Ну не могли родители обрубить столь внезапно начавшуюся дружбу столь разных и, наряду с этим, настолько схожих ребят...

Глава 5

Солнечный Зайчик

Было бы нечестно утверждать, что в жизни Петюньки, кроме рыжеволосого непутёвого Яшки, больше не было друзей. Вернее, друзей таки не было, но была подруга. Ещё со времён песочницы Петюня завёл знакомство с голубоглазой девочкой по имени Машенька. Её белокурые локоны, слегка выющиеся на кончиках, сразу привлекли внимание обычно чересчур замкнутого в себе и ничего не замечающего вокруг тихони. Ниспадая до плеч, волосы Машеньки образовывали настоящий нимб. Прямо как на бабушкиных старинных иконах! В ясную солнечную погоду нимб буквально светился мягким, тёплым, золотистым светом.

Как-то Петюнька заставил себя подойти к удивительной девочке. Преодолевая застенчивость, малыш протянул к ней руку. На раскрытой ладошке лежало миниатюрное круглое зеркальце, выковырянное Петюнькой из маминой сумки. Поскольку сумка была уже порядком ношенной, и мама не раз просила папу купить новую, мальчик решил, что в его поступке нет ничего страшного. Он просто подарил маме ещё один повод надавить на папу и всё-таки получить от него новую сумку.

Отражая лучики, зеркальце играло солнечными зайчиками, которые ласково, по-весеннему слепили смеющуюся детвору. Именно тогда, набравшись смелости, Петюнька сделал первое в своей жизни признание в любви:

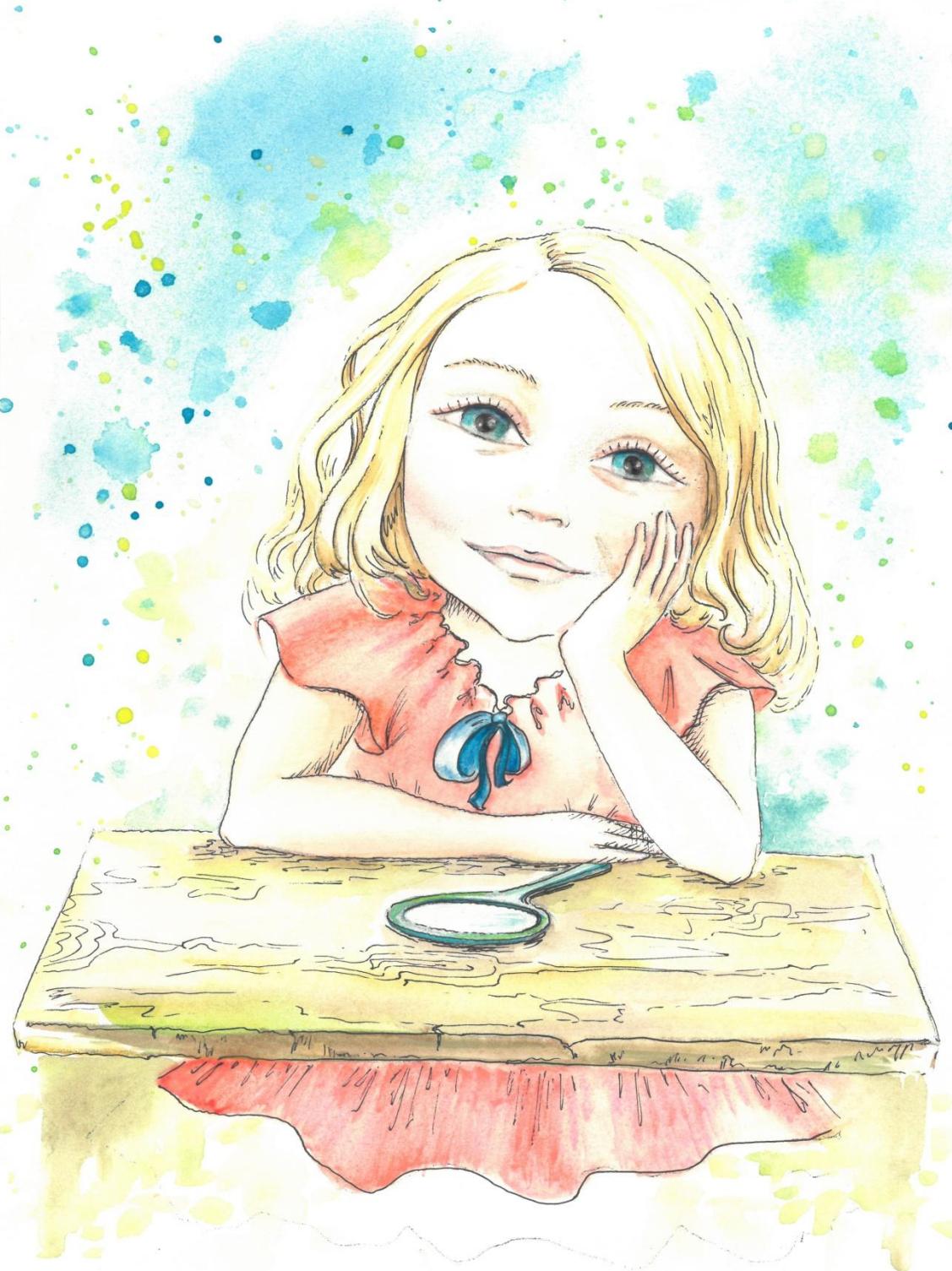
— Ты светишься, как эти солнечные зайчики, и я тебя люблю...

А дальше... А дальше Машеньку позвала её бабушка. Ни на следующий день, ни через неделю Петюнька, против своего обыкновения рвущийся на улицу гулять, не замечал среди резвящихся детишек той единственной, той самой милой, самой ласковой девочки на свете, белокурые волосы которой слегка вьются на кончиках и пушистым облаком ниспадают до плеч.

Но в этой истории нет ничего печального, поскольку Петюня ещё встретит свою Машеньку. Не в соседнем дворе, на ставшей любимой песочнице, а в детском садике, в собственной же группе,

куда по счастливому стечению обстоятельств (в других садиках свободных мест не было!) зачислили девочку с солнечным нимбом над головой.

С лёгкой руки Петюньки Очкастого (точнее сказать – с лёгкого языка) за новенькой закрепилось прозвище – Солнечный Зайчик. И надо полагать, белокурая Машенька отнюдь не была за это в обиде.

Глава 6

Первая ссора, или Гирлянда из пожухлых листьев

Со временем дружба Петюньки с Яшкой крепла. Светлый образ Машеньки не стал тому помехой. До тех пор, пока у Солнечного Зайчика не грянул день рождения. В честь шестилетия своей дочурки родители притащили в детский сад огромный торт и ещё три коробки с угощениями: одну (большую) с заварными пирожными и две (поменьше) с шоколадными конфетами двух видов.

Целый день вокруг именинницы, роскошные волосы которой были собраны в два хвостика и украшены не менее роскошными розовыми бантиками, крутилась разнокалиберная мелюзга. Разнокалиберная! Это выдал, презрительно хмыкая, Яшка, не раз удивлявший Петюньку чудными выражениями. Их он нахватался из телевизора, по которому слишком часто транслируют фильмы про гангстеров, пистолеты и погони.

Словом «мелюзга» Ермолаев окрестил прочих мальчишек из группы, которые, судя по всему, тоже были неравнодушны к Машеньке. Чтобы поздравить Солнечного Зайчика и вручить подарок, выстроились в очередь Мишка Короб, полненький Кирилл, Игорёк, два брата-близнеца Артур и Артём. И даже, представьте себе, сам Вовка пожаловал и скромно занял своё место в конце очереди, нервно теребя в руках самодельную поздравительную открытку из картона и цветной бумаги!

Петюнька с Яшкой ко дню рождения Машеньки тоже готовились. Но, как это часто бывает с мальчишками, вышла неприятная история. И теперь друзья, понуро склонив головы, стояли в сторонке от «кавалеров» Машеньки и с тоской наблюдали за тем, как другим раздаёт Солнечный Зайчик свои тёплые улыбки.

А дело было так. В конце лета после изнурительной жары многие деревья, в первую очередь клёны и каштаны, начали сбрасывать рано пожелтевшие листья, тем самым намекая на скорый приход осени. Справедливо полагая, что добру пропадать незачем, Петюня предложил другу соорудить из них гирлянду. Чтобы получилось красиво, листочки было решено разукрасить красками.

Все выходные мальчишки трудились над подарком Машеньке. Испачкались сами, испачкали стол на кухне, где была организована временная художественная студия, а также холодильник, шкафчики, дверь. В общем, всё, к чему прикасались «умелые» руки двух «поросят».

Конечный результат совместного труда начинающих художников превзошёл все ожидания родителей, которые, признаться, поначалу скептически отнеслись к творческим экспериментам ребят. Яркая разноцветная гирлянда из листиков, подвязанных к ниточке, бесспорно, достойна была похвалы. Правда, некоторые листочки, раскрашенные акварельными красками, а затем подсушенные на балконе, свернулись в трубочку, слегка подпортив общий эффект...

Эти досадные нюансы отнюдь не уменьшили ценность подарка, изготовленного своими руками. Проблема была в другом. Подарок один, а дарителей двое!

Неожиданно для самих друзей между ними разгорелся спор, кто из них преподнесёт подарок Машеньке. В очередной раз Петенька убедился в том, что не ему одному запали в сердце «солнечные» локоны Зайчика.

Задиристый Яшка первым вступил в спор. Когда нервничал, он начинал пищать. Вот и сейчас, нахохлившись, словно петух, рвущийся в бой, и, на всякий случай, схватившись за гирлянду, Ермолаев что есть мочи пропищал:

— Конечно, я! Ведь я больше принёс листьев! Ты собирал только те листочки, которые лежали на земле, да и то возле твоего дома! Далеко ходить не пришлось! Я же ради Машеньки забрался на орех, что растёт на дедушкиной даче, и нарвал целый ворох зелёных листьев!!! Твои шершавые, коричневые листочки и рядом с моими не висели! Понял??!! Да!!!

Для убедительности Яшка показал язык и щёлкнул пальцами свободной от гирлянды руки перед Петькиным носом, который, кстати, от обиды уже покраснел и напоминал морковку.

– Дудки! – возразил Петюнька. Высморкавшись, чтобы ничто не мешало ругаться, мальчик ткнул пальцем в Яшкину грудь, затем схватился за другой конец гирлянды и громко, что совсем не было для него характерным, объявил:

– Это я придумал! Листочки, ниточка, краски – это всё мои идеи! К тому же, Яшутка, художник ты никакой!!! Все измазюканые тобой листья были испорчены! Получились только серо-буроватые кляксы! Ты не умеешь смешивать краски! Правильно говорит мама, что от тебя одно баловство!..

– Ах, ты так?! – неистовствовал Яшка. – Ах, вот ты какой??!

Поддавшись гневу, Ермолаев потянул на себя гирлянду. Как видно, силы свои малыш не рассчитал. Тонкая верёвка не выдержала ссоры и лопнула, оставив друзей с пустыми руками, то есть без подарка.

Оба мальчугана сжимали в кулаке по обрывку нитки с помятymi и рваными листьями. По щекам обоих текли слёзы. Ведь и Петюнька, и Яшка понимали, что ни сил, ни времени на изготовление новой гирлянды у них нет.

– Бедная Машенька... Что скажет она о нас? – промямлил Петюнька. Он сказал «о нас», но мысленно поправил себя: «Что скажет обо мне Солнечный Зайчик?..»

Глава 7

Подвески для Машеньки

Посвящается Ирине Б.

Прошляпив прекрасную возможность отличиться в глазах Машеньки и в день её рождения, единственный, между прочим, в году, вручить ей особенный подарок, ребята впали в уныние. Они гуськом ходили друг за другом, но при этом молчали, будто набрали воды в рот. Каждый винил другого в происшедшем, каждый чувствовал, что вина одна на двоих. И какой бы тяжёлой ни была ноша (чувство вины и досады), вдвоём её нести будет гораздо легче. Понимая это не столько умом, сколько сердцем, друзья не расставались друг с другом ни на минуту.

Куда Ермолаев, туда и Ложкин. Куда Петюнька, туда и Яшка. Особняком от группы, но всюду вдвоём. Даже туалет на удивление смурные друзья посещали вместе. Заметив такое необычное поведение ребят, Вовка, присмиревший было после недавней стычки с Ермолаевым, осмелел и язвительно, сжав двумя пальцами нос, прогнулся:

– Тили-тили-тесто, Рыжий и Очкастый – жених и невеста!

Яшка по обыкновению своему уже готов был нахмуриться и сжать кулаки, но, поймав взгляд Зайчика, передумал и вслед за другом, ссутулившимся от переживаний, направился в дальний угол игровой комнаты. Там он сидел долго, молча, прикусив губу, и периодически, будто протестуя, мотал рыжей нечёсаной гривой.

Ноша, незримо сдавившая хрупкие детские плечи, тем не менее, не помешала мальчишкам полакомиться предложенным угощением. Правильнее будет сказать: не помешала Яшке, на аппетите которого переживания обычно никак не оказывались. Петюнька же, всё вздыхая, ковырял ложкой в торте...

Ермолаев быстро справился со своей порцией, переключил внимание на порцию друга, попросил добавки, прикончил её, затем откинулся на спинку стула, задрал рубашку, чтобы ничто не мешало перевариваться пище, и, примирительно похлопав Петюню по плечу, пообещал:

– Мы что-нибудь придумаем.

Думали друзья весь остаток дня, потом следующий день, и ещё день, и ещё. Так дотянули до выходных. В субботу Ермолаев гостил у Ложкиных, что стало уже традицией. Примостившись на диване в гостиной, более известной как зал, друзья лежали и смотрели в потолок. Это они всё ещё продолжали думать.

– Машенька заслуживает... – начал говорить Петюнька, но запнулся и нервно заёрзal на диване.

По привычке он чуть не сказал: «Моя Машенька...» К счастью, Яшка не обратил внимания на смущение друга.

– Машенька заслуживает, – повторил Петя, – чтобы ей подарили такой же необычный и яркий подарок, как и она сама. После некоторой паузы Петюня кивнул куда-то вверх и мечтательно, немного растягивая слова, произнёс: – Что-нибудь э-да-ко-е... Как вон те блестящие висюльки...

Речь шла о красавице-люстре – единственном украшении комнаты. Она представляла собой струящийся многослойный каскад из подвесок пурпурного и гранатового оттенков, по форме напоминающих груши или вытянутые капельки, и, по правде говоря, не совсем вписывалась в скромную обстановку зала Ложкиных. Слишком громоздкая, слишком яркая, слишком красивая. Но не слишком, как вдруг подумалось Петюньке, для его Солнечного Зайчика!

Судя по восторгу в Яшкиных глазах, рыжему другу Петюни пришла в голову та же мысль. Не привыкший медлить, Яшка тут же предложил:

– Чего мы ждём? Давай снимем для Машеньки несколько висюлок! Никто и не заметит. – Немного помолчав, малыш добавил полушёпотом:

– Такой роскошной люстре была бы рада и королева Жужа...

– Что? Что? – спросил Петюня, не рассыпав последние слова друга.

— Машенька, говорю... — нарочито громко протрубил Яшка, приложив ко рту обе ладошки. — Такому королевскому подарку Маша точно будет рада!

К слову сказать, уже не раз Ермолаев упоминал при Петюньке какие-то странные имена. И имя некой Жужи срывалось с его уст чуть ли не чаще других. Но каждый раз малыш делал вид, что оговорился. Наблюдательный Петюня, конечно же, не мог не заметить в поведении друга такой вопиющей странности. Он давно уже хотел подвергнуть Яшку допросу, но всё как-то не представлялось удобного случая.

Вот и сейчас, когда Ермолаев «прожужукал» что-то себе под нос, Петюнька насторожился, но будучи поглощенным мыслями о подарке Маше, решил опять махнуть рукой на оговорки друга и отложить серьёзный разговор на потом.

К радости ребят потолки в квартире Ложкиных были низкими. По центру комнаты, как раз под люстрой, стоял массивный стол. Если

на него поставить стул, а на стул уложить несколько толстых книжек, то и карапуз вроде Петюньки или Яшки сможет дотянуться до люстры.

Поскольку Ермолаев был явно крепче болезненного Петюни, инициативу по выполнению плана он взял на себя. Закатав зачем-то рукава рубашки, Яшка полез на стул. Несмотря на трудности (под весом мальчика стол и стул шатались, будто пьяные, а одна из книг выскоцнула из-под ноги и, раскравшись парашютиком, хлопнулась на пол), восхождение на «пирамиду» прошло удачно.

Для начала малыш снял лишь две висюльки: одну для Петюньки и одну для себя. Потом он решил, что мелочиться не стоит, и снял ещё четыре. Немного погодя, передохнув, Ермолаев снова вскарабкался на шатающийся стул и книжки, и на сей раз отцепил с разных сторон люстры, чтобы не так заметно было, десять цветных подвесок. Подсчитав, что для круглого счёта не хватает совсем чуть-чуть, Яшка вздохнул и добавил четыре висюльки. В общей сложности удалось снять двадцать подвесок, по десять на каждого друга.

Рано утром в понедельник малыши, сияя радостью, спешили в детский сад. Друзьям не терпелось вручить Машеньке особенный подарок. И не имело значения, что они опоздали на целую неделю.

«Лучше поздно, чем никогда», – вспомнил Петюня поговорку, которую часто использует в своих нравоучениях папа.

Однако мальчишек опять ждало разочарование. Родители отправили Машеньку в деревню к бабушке, чтобы последние летние деньки девочка провела на лоне природы, на свежем воздухе.

Посовещавшись, друзья сошлись во мнении, что до возвращения Солнечного Зайчика подвески лучше припрятать. И не дома, конечно (не ровён час, кто-нибудь из домашних обнаружит с таким трудом добытые подарки), а на нейтральной территории. Поскольку выбирать было не из чего, статус таковой был присвоен семейным дачным наделам. Благо, ни Ложкины, ни Ермолаевы не были обделены радостью с весны по осень все выходные и отпуска гнуть спину над овощными грядками...

Свою долю «клада» Яшка прикопал в пристольном круге дедушкиной карликовой яблони. Да ещё палочку воткнул, чтобы не забыть заветное место.

Романтичный Петюнька поступил более красиво – спрятал подвески в георгинах. Чтобы цацки не испачкались, он завернул их в тряпочку, вложил в целлофановый пакетик и обвязал голубой тесёмкой.

Вопреки ожиданиям малышей их секрет очень быстро раскрылся. Пропалывая цветник, тётя Зоя случайно наткнулась на загадочный свёрток и, к величайшему своему удивлению, узнала в его содержимом декоративные подвески от любимой люстры. Дома, после тщательного осмотра семейной реликвии и констатации факта наличия в ней двух «проплешин», тётя устроила скандал.

Петюньку вызвали на ковёр, допросили. Далее последовал звонок Ермолаевым, за ним – новый допрос, теперь уже Яшки, слёзы мамы, упрёки папы и извинения, которые дедушка как глава семейства Ермолаевых торжественно принёс Ложкиным вместо своего нерадивого внука.

Сам же шкодник, как всегда, отбывал наказание в своей комнате, лишённый сладкого и телевизора. На очень долгий срок! Наверняка дедуле сложно будет простить Яшке, забывшему, несмотря на палочку, где закопан «клад», ночную беготню по саду с фонариком и лопатой.

А сад у деда большой! К тому же, как оказалось, спрятал внук подвески вовсе не под яблоней, а под грушей...

Глава 8

Страшная тайна Ермолаева, или Здравствуй, Антресолия!

Петюнька опять заболел. Воспаление среднего уха. Теперь малыш не только плохо видел, но и плохо слышал. Врачи всерьёз опасались, что в случае осложнений ребёнок навсегда оглохнет на правое ухо. Чтобы подобного не допустить, Петюне назначили особый курс лечения. В том числе противные капли в ухо и нос.

Мальчика также обязали выполнять специальные дыхательные упражнения, которые должны были очистить узкие, как оказалось, носовые ходы и тем самым облегчить поступление лекарств к больному месту – среднему уху. Петюнька пальцами зажимал нос, широко открывал рот, делал глубокий вдох и «загонял» воздух вовнутрь, после чего в многострадальном ухе должно было что-то «стрельнуть».

В результате такого «проветривания» получались очень смешные звуки. Ну, что-то наподобие этого: «Аф-ф-ф-фм». Наблюдать за упражнениями мальчика, несмотря на серьёзность момента, сложно было без улыбки. Даже мамино лицо, сильно осунувшееся и побледневшее с тех пор, как заболел сын, невольно озарялось светом при виде того, как её малыш старается выполнять предписания доктора.

Что уж говорить о Яшке... Рыжий сорванец, ежедневно навещавший друга, без стеснения заливался хохотом, а насмеявшись, вместе с Петюнькой, исключительно из солидарности, выдувал похожие «аф-фэ-фэм». По окончании «концерта» с применением «духовых инструментов» начинал смеяться, невзирая на кашель, и сам больной. А смех, как известно, наилучший лекарь!

Однажды в перерывах между упражнениями и смехом Яшка презентовал Пете довольно странный комплимент:

– Ты, Петюня, молодец! Дуешь не хуже Жужиного медведя! Думаю, что с косолапым пыхтуном ты точно спелся бы. Да нет! Ты точно сдулся бы!!! Хи-хи-хи!

Далее Ермолаев не удержался и снова перешёл на писклявый смех.

Прокашлявшись, высморкавшись и протерев чистым платком очки, Петюнька внимательно посмотрел на Яшку. Стارаясь, насколько это возможно, сделать голос поласковее, он спросил:

– Послушай, Яшенька, ты вот часто вспоминаешь какую-то Жужу. Но я знаю точно, что Жужи на самом деле нет. Во всяком случае, мне о ней ничего не известно. Может, пора поделиться секретом и перестать жужукать себе под нос? Ведь я друг тебе, жужу-жу. Клянусь, никому ничего не скажу!

– Издеваешься, да? – не вытерпел Яшка. – А я, между прочим, такое знаю, что тебе и не снилось! Это страшная тайна!!!

– Так расскажи, жи-жи-жи! – шутливо подразнивал Петюня друга.

– Иди ты... Я не шучу, а ты смеёшься! – обиделся вдруг Ермолаев, чем весьма удивил Петю. – Жужа существует! Она такая же живая, как и ты. Заруби это себе на носу! И не смей, слышишь, отзываться о Жуже невежливо, а то Её Высочество на тебя обидится!..

Яшка приложил указательный палец к губам, шикнул на Петю, а затем этим же пальцем помахал перед его носом. Всё это он проделал с таким серьёзным выражением лица, что Петюня даже растерялся. Привыкший к Яшкиным шуткам-прибауткам, мальчик поначалу подумал, что друг его попросту разыгрывает, но теперь, когда Ермолаев так неожиданно и натурально вспылил, Петюне стало казаться, что шутками здесь и не пахнет.

– Яшенька, – снова ласково обратился Петя к другу, – я же не знал, что всё так серьёзно. Обещаю быть вежливым по отношению к твоей Жуже, кем бы она ни была. Прошу тебя, не пугай меня и, если можно, раскрой свою страшную тайну.

– Вот так бы сразу! – смилиостивился Яшка. – А то жу-жу-жу, жи-жи-жи...

Ермолаев устроился на полу, устланном толстым пёстрым ковром, сложил ноги по-турецки. Петюнька примостился рядом с ним. Из-за больного уха, а также ватки, торчащей из него, малыш боялся пропустить что-то из рассказа друга, возможно, самое важное

и интересное, поэтому старался как можно ближе пододвинуться к Яшке.

Рыжий фантазёр открыл рот, но так ничего и не сказал... Наверное, не придумал, с чего начать. Несколько минут мальчик сидел неподвижно, уставившись в одну точку – жёлтенький цветочек на ковре. Потом вдруг встрепенулся, опять напугав Петю, почесал затылок, проделал то же самое с подбородком, утёр пальцем нос, хотя насморка, как у Петюни, у него не было, хлопнул ладонью по лбу и пару раз по щекам, отчего они сразу же покраснели, помотал головой, потянулся, зевнул...

– Яшенька, – подал слабый голосок Петюнька, снедаемый любопытством, – может, начнёшь уже?

Ермолаев сделал вид, что рассердился, посмотрел на друга исподлобья и начал.

– Э-э-э... – проэкал он для солидности, подражая толстым дяденькам в телевизоре. – Дело было ночью... Тьфу... Не так... Знаешь, Петя, есть такая страна, где живут все наши желания и мечты, которые не сбылись, потому что мы о них забыли. Но мечты всё равно живут. Там – в Антресолии. И ждут, когда мы вспомним о них. Понимаешь? Ждут!

– Угу! Угу! – кивал Петюня. – А дальше? Дальше что?

Дальше Яшка рассказал о своём дивном сне, который как-то привиделся ему. В этом сне мальчик попал в сказку – зашкафную страну, известную как Антресолия. В сказке малыш летал на спине крылатого Ангела, кожа и волосы которого были окрашены в сиреневый цвет, танцевал с розовыми облаками, убегал от трухлявых пней, которые пытались поймать его своими безразмерными носами, путешествовал по радуге, а ещё в космическом такси-ромашке, на ласточках, воронёнке. Во время опасных полётов мальчик много раз падал, но не разбивался!

Побывал Ермолаев в гостях у пчёл, внутри улея, стены которого оклеены живыми обоями. Там он познакомился с паучихами-ткачихами, которые подарили ему заряженный древней магией

костюм. Этот костюм действительно оказался волшебным и не раз спасал Яшке жизнь!

Посетил мальчик город Алфавит – столицу волшебного королевства, видел Молочную реку, в которой водятся сырные рыбки, плавал на карамельной лодочке, взбирался на гору, оказавшуюся гигантской коровой, ходил по сахарной мостовой и вафельному причалу, разговаривал с птицами и животными. Самое приятное для сладкоежки, коим Яшка, безусловно, является, – в гостях у сказки он много раз угощался разными вкусностями!

Встречал Яшка в своём сне гномов, фей, эльфов, великанов, драконов и волшебников. Сам колдовал с помощью волшебного жезла, увеличивающего или уменьшающего всё, к чему прикоснётся. Действие жезла, кстати, мальчик успел опробовать на собственной персоне! Рисовал Ермолаев также кисточкой, волшебство которой заключалось в том, что каждый рисунок, создаваемый ею, оживал.

А ещё среди магических вещей малыша был малюсенький флакончик с несколькими и, главное, последними в королевстве каплями живой воды. Её целебными свойствами Яшка мог воспользоваться всего один раз. Именно это волшебство должно было поставить (и поставило!) точку в борьбе мальчика со злом. Борьба же, надо сказать, была отнюдь не лёгкой!

Боролся смелый Яшка с Бураном – наколдованным злой Ведьмой великанином. Чудом мальчик выбрался из чёрной дыры. Еле спасся он от дождя из кипятка, нырнув в Янтарное озеро, в котором едва не утонул... Озеро, как и всё в сказке, было необычным: в нём живут русалки, а вместо воды плещется сладкий сироп. Визгливые русалки, хоть по природе они вовсе не злые, Яшке не понравились, так как хвостатые красавицы, приняв малыша за рыбий корм, чуть было не съели его...

Рассказал Яшка и о встрече со злой Колдуньей, которая хотела Антресолию погубить. Вместо сердца в груди у неё был спрятан кусок камня. Руки свои Старуха умела растягивать, как резину, и тогда они становились похожи на длиннющих змей. Этими резиновыми руками Колдунья забирала у потерявших веру в чудо

людей их очерствевшие сердца и оставляла взамен такой же холодный, как и у неё, осколок камня. Человеческие сердца, почерневшие от безверия, Ведьма хранила в шкафах, на стеклянных полках. В них Старуха черпала колдовскую силу, которая наделяла её бессмертием.

Но маленький Яшка Колдуною всё-таки победил! Он разбил стеклянные шкафчики, расколдовал томившиеся на их полках сердца, вернул им способность верить в чудеса!! Воспользовавшись магией целебной воды, малыш вдохнул жизнь даже в сердце Ведьмы, окаменевшее много веков назад!!!

Отныне Яшку в Антресолии почитают как героя. Сам Хранитель ключей от волшебного королевства, явившийся мальчику в образе серого волка, в благодарность за помощь преклонил перед ним свою могучую голову.

Глава 9

Главный секрет – буквы

Приключений в Яшкином сне было много, и все их не перечислишь. Но самое главное, что малыш вынес из своего сказочного путешествия и чем он не мог не поделиться с Петюнькой, – это знакомство с буквами. Знакомство, которого ленивый мальчик, не желающий учиться, так долго пытался избежать...

Буквы – почётные жители Антресолии! Это основа любого волшебства! Без них не сложится сказка!

Вот и Яшкина сказка началась с букв. Для начала первых пяти букв алфавита, вылепленных из пластилина. Если их сказочные имена произнести в алфавитном порядке, получается волшебное заклинание, отпирающее дверь в Антресоловую страну: Абра-ар, Бурундуn, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да...

Именно эти смешные слова мальчик услышал однажды ночью в своей спальне, когда с антресолей упала вешалка, к нему в гости из шкафа пожаловал сиреневый Ангел, заговорил кот Барсик, ожили пластилиновые буквы, превратившись в миниатюрных человечков, в окно постучали клювами вороны, а через форточку пыталась просунуть резиновую руку Чёрная Колдунья...

Ведьма, несомненно, знала, какую силу в себе таят буквы. Поэтому она и выкрада у Яшки его друзей: босоногого и вечно бурчащего Бурундуна (это буква «Б»), весёлого и шаловливого Вьюга-Вьюна (буква «В») и Гагатуна (буква «Г») – любителя громко посмеяться. Поработив буквы, Старуха с помощью своей верной тени Ахуратс открыла древнюю книгу заклятий, необходимую для чёрного колдовства. Чтобы буквы не сбежали, Колдунья держала их в плена, в подвешенной над алтарём клетке. Это безобразие длилось до тех пор, пока не пришёл Яшка – Спаситель Антресолии!

Пройти через сложные испытания мальчишке помогли его верные друзья: знающий всё и про всех профессор Абра-ар (буква «А») и добрая Дзинь-да-да (буква «Д»).

Во время невероятных приключений Яшка познакомился также с прочими буквами сказочного алфавита:

- лодочником Еремеем («Е»),
- красавицей Ёлочкой с двумя клубочками на голове («Ё»),
- капризной, но справедливой королевой Жужей («Ж»),
- строгой медсестрой Зелёнкой («З»),
- академиком Инсулином («И») и его братом доктором Йодом («Й»),
- пилотом космической ромашки Каратэ («К»),
- лётчицей Лори («Л»),
- толстеньkim маркизом Медком («М»),
- кавалеристкой Нори («Н»),
- сказочным милиционером Опанасом Оперенко («О»),
- послом паучьего короля Плюнь-Чпоком («П»),
- цыганкой Розочкой («Р»),
- фермером Сыром Ивановичем («С»),
- балагуром Типуном Таратустой («Т»),
- подмастерьем со смешным прозвищем – Ухо («У»),
- мастером фантазийных дел Фло, более известным как Фломастер («Ф»),
- художником Холстом Хмелевичем («Х»),
- цветочницей Цыпочкой («Ц»),
- бабушкой Чинитой («Ч»),
- её подружками – весёлыми старушками Шань («Ш») и Щень («Щ»),
- стражником Твердолобиком («Ь»),
- отшельником Ыком («Ы»),
- ещё одним стражником по имени Мякиш («Ь»),
- учеником Фло-мастера – весельчаком Эхом («Э»),
- дядюшкой городовым Юшкой Юговым («Ю»),
- а также принцессой Янтарного озера, которая живёт внутри ракушки, – белокурой Яхтар («Я»).

– Фух! Вроде бы всех назвал. Вроде бы не забыл... – устало подытожил свой рассказ Яшка. Но Петюнька заметил, что эта усталость была приятной его другу.

– Ах, какие были приключения! – зажмурившись, вспоминал Ермолаев. – Ах, какая славная вышла сказка!

Петюнька, широко открыв глаза, наблюдал за Яшкой. Он был удивлён, заинтригован и восхищён. А ещё немножко завидовал. Подобруму, конечно, и совсем чуть-чуть. Увлёкшись историей о загадочной Андресолии и о буквах, и одновременно испытывая коктейль таких разных чувств, малыш даже забыл, что болен, и целый час почти не кашлял и не сморкался.

– Яшенька! Какой чудный... – мечтательно произнёс Петюня. – Какой чудный, Яшенька, приснился тебе сон!

– И тебе, Петюнь, приснится! – поспешил успокоить друга Ермолаев. – Ты только загадай желание! И давай, Петюнька, выздоравливай скорей...

Глава 10

Любимая пижама космонавта

Болезнь, казалось бы, отступила. На радостях мама отправила папу в магазин за вкусностями для сыночка. Но радовались Ложкины недолго. Упрямая болячка, сделав шаг назад, снова заявила о себе, атаковав ребёнка с удвоенной силой: к вечеру у Петюньки поднялась температура.

– Досиделся на полу со своим Яшкой! – ругалась мама, доставая из Петюнькиной подмышки тёплый липкий градусник. – Сколько я тебе говорила: не сиди на полу, не ходи босиком, не стой у открытого окна!

– Так лето же ещё. Тепло, вроде... – пытался возразить Петя.

– А у нас сквозняки, – строго отрезал папа.

– Ты же взрослый мальчик, – вмешалась в разговор обычно сдержанная тётя Зоя. – Знаешь, что нужно быть осторожным, что нельзя нарушать предписания врача.

– Тридцать восемь и пять! – перебила её мама, всплеснув руками.

Тётя вздрогнула и невольно повторила мамин жест, выказав свою обеспокоенность здоровьем племянника. Петюньке поведение двух нервничающих дам показалось немножко смешным. Складывалось впечатление, что мама и тётя играют в игру «Море волнуется» и руками изображают волны.

– Сейчас же в постель! – приказал папа. Подхватив сына, будто пёрышко, на руки, он поспешил в спальню.

– Пижаму не забудь надеть, – подсказала мама, которая не отставала от папы ни на шаг и уже несла в руках какое-то лекарство.

– Петюнькину любимую – синенькую, – уточнила тётя, – там ещё золотой месяц и россыпь мелких звёзд.

– Да знаю я! – обиженно буркнул отец. – Между прочим, я сыну не чужой! Между прочим, я сыну – папа!!!

Синенькая пижама действительно нравилась Петюньке больше всех. Кроме неё, были у него ещё зелёная с красно-жёлтыми попугаями и бежевая с вислоухими щенками. Но первая казалась

мальчику нарочито пёстрой, вторая же – слишком наивной, детской, что ли. Видите ли, шестилетний Петюня считал себя уже взрослым мальчиком, вышедшим из того возраста, когда умиляют бежевые щенки...

Другое дело – синяя пижама со звёздами и месяцем. В ней малыш чувствовал себя космонавтом, который, скажем, осторожно, не спеша, спускается по ступенькам звездолёта, ступает на поверхность Луны (а ещё лучше Марса или Венеры), делает первый, а потом второй шаг, собирает специальной лопаточкой пробы грунта, переговаривается с кем-то по маленькой радио, прикреплённой с внутренней стороны шлема. И так шаг за шагом, осторожно, не спеша, юный исследователь открывает новый, доселе незнакомый ему мир, продвигается к холмистому горизонту, где его, несомненно, ждут невероятные чудеса.

Мечтая таким вот образом, Петюнька не замечал, как начинал шевелить руками и ногами, спрятанными под одеялом, будто на самом деле он шёл по пустынной поверхности какой-нибудь планеты.

Даже повышенная температура не помешала мальчику приступить к обычному шебуршанию в кровати. Заметив это, старший Ложкин улыбнулся, но тут же спохватился, надел на лицо маску строгого папы и дал новый приказ:

- Прекратить баловаться! Отбой!
- Так точно! – послушно ответил Петюнька, воображая, что говорит по той самой, из придуманного им шлема, радио.
- Спи, сынок, покоритель космических просторов, – уже нежнее, перейдя на шёпот, пожелал папка.

Как всегда, он погладил Петюньку по голове, аккуратно снял с него очки, положил их на столик, подоткнул одеяло и, стараясь шуметь как можно меньше, на цыпочках, вышел из комнаты, осторожно, чтобы не скрипела, прикрыл за собой дверь. Правда, щёлочку, сквозь которую пробивался приглушенный свет лампы из коридора, всё-таки оставил. Чтобы сыну не так было страшно засыпать в темноте...

Глава 11

Зазвонил поломанный будильник

Весь следующий день Петюнька провёл в постели. По большей части спал. Когда просыпался, кашлял, чихал, сморкался, делал свои смешные дыхательные упражнения и принимал лекарства. Мама и тётя, словно наперегонки, пытались заполнить чем-нибудь рот больного: то таблетку подсунут, то ложку с микстурой, то бульон, то чай с малиной или тёплое молоко с мёдом. Если нет нужды засовывать что-то в рот, тогда под мышку – градусник.

Причём с градусником вышла нелепая история. Дело в том, что в доме Ложкиных было два градусника, и один из них барахлил – искажал данные. Но какой именно из двух, ни мама, ни тётя Зоя вспомнить не могли. Поэтому ради подстраховки они решили использовать сразу два градусника: один – под мышкой слева, другой – справа.

«Нашпигованный» градусниками Петюнька сидел на кровати, облокотившись о подушки, и представлял себе, что предметы, смешно торчащие под мышками, – это на самом деле не градусники, а очень маленькие пулемёты. Естественно, космические! С их помощью малыш может поймать любого бандита. Нужно только выставить плечо вперёд и сказать с чувством: «П-п-ли-и-и!»

Такие нехитрые игры были, пожалуй, единственным развлечением Петюньки, «приговорённого» к постельному режиму. Телевизор смотреть ему не разрешалось, поскольку папа считал, что говорящий ящик несёт только зло, особенно для ещё не окрепшей детской души. Разве что иногда старший Ложкин давал «добро» на просмотр мультиков и передач о животных.

Что оставалось делать мальчику? Конечно же, мечтать, фантазировать, воображать, представлять! Для Петюньки, к счастью, это не было проблемой. Тем более что Яшка подбросил такую заманчивую тему для игры воображения как Антресолия – страна забытых желаний!

«Как это должно быть интересно – путешествовать в сказке?! – вздохнул мечтательно Петя. – Как бы и я хотел познакомиться с

королевой Жужей, маркизом Медком, почтенным профессором Абра-аром. Ну где же ходит Яшка? Что-то он сегодня запаздывает. А обещал ведь какой-то сюрприз».

На этом Петюня вынужден был прервать свои мысленные рассуждения, так как позвонили в дверь. Слышно было, как мама пошла открывать. Сердце мальчика радостно забилось – Яшка пришёл! А значит, представление начинается!!!

И действительно, через минуту в прихожей весело защебетал его рыжий друг. Но вот незадача: после короткой маминой реплики (Петюнька не рассыпал слов) щебет утих, хлопнула дверь, мама прошагала на кухню, а в комнату к Пете так никто и не вошёл...

– Я думала, что ты спишь, – потупив глаза, оправдывалась потом мама. Однако Петюнька чувствовал, что дело здесь в другом.

«Мама просто злится на Яшку. Считает его виноватым в том, что у меня поднялась температура. Ах, мама!» – негодовал малыш. Мысленно, конечно, и недолго. Разве можно злиться на мам?

До вечера ничего интересного с Петюнькой не происходило. Впрочем, и сам вечер был таким же скучным и пресным, как день. Всё то же, всё так же. Капли, таблетки, микстуры и градусники. Разве что папа, вернувшись с работы, немного подсластил будни больного сына плиткой молочного шоколада с арахисом и пачкой песочного печенья.

– Шоколад перед сном? Ребёнок не будет спать! – рассердилась мама на папу, застав Петюньку за поеданием сладостей в постели. – Вечно ты контрабандой что-нибудь пронесёшь!

– Цыц, мать! – урезонивал папа маму. – Надо же дитё как-то поддержать. Не всё ему таблетки твои глотать.

Когда взаимные упрёки (впрочем, больше в шутку, чем всерьёз) умолкли за дверью, а тётя перестала громыхать посудой в кухне, прибираясь после ужина, по дому Ложкиных разлилась тишина. Это было самое любимое Петюнькино время, ведь перед сном так легко мечтается!

– Забытые желания... – шёпотом произнёс малыш, задумчиво рассматривая полосу света из-за двери, его персональный ночник. –

Сколько же таких желаний у людей? У мамы, у папы, у тёти Зои? И даже у меня? И что же получается – если желания забыты, значит, мы о них ничего не знаем? Сейчас вот, сию минуту? И так никогда не узнаем, если не вспомним? Но как же вспомнить? Замкнутый круг. Ах, как жаль! Как жаль, что у меня в комнате нет антресолей! Как жаль, что я не могу попасть в сказку!

Петюньке стало так досадно, что он чуть не заплакал. Слёзы мальчик сдержал, но всхлипнуть – всхлипнул.

– Как же всё-таки хочется сказки! Как я хочу узнать, есть ли у меня забытые желания! – загадал малыш, упрямо не желающий сдаваться.

Чтобы доказать (Петюнька и сам не знал, кому), что его желание крепко, мальчик зажмурился, стиснул зубы и сжал кулачки. Да так сильно, что ногти больно впились в ладошки.

– Дзы-дзы-дзы-ы-ы! – раздалось вдруг в прихожей. Но звонили не в дверь. Это распинался будильник. Поломанный!!! Тот самый Усатый Полицейский, который после детских шалостей был отправлен в ссылку, как сердито выразился тогда пapa, в старый прабабушкин трельяж.

Петюня настороженно сел в постели, надел очки, откинулся на одеяло, но не встал. Испугался! Только кончиками пальцев правой ноги коснулся прохладного пола.

– Дзы-дзы-дзы-ы-ы-ы! – завибрировал, будто закашлялся, будильник в прихожей, и не думая отключаться.

«Да что же это такое?!? – удивился Петюня. – Неужели никто не слышит? И даже тётя Зоя, вечно жалующаяся, что ей раньше всех вставать?..»

В душе мальчика страх боролся с любопытством. Прижав руки к груди и немного наклонившись корпусом по направлению к двери, Петюня слушал и ждал, что будет дальше. Усатый Полицейский, наверное, сошёл с ума. Он так долго и так громко трезвонил, что не только Ложкины – и соседи должны были услышать его беспокойный зов. Тем не менее, никто из взрослых не реагировал. Мальчик так и не дождался ни лёгких шагов мамы, ни грубого топота папы, ни хотя бы

ворчания страдающей от бессонницы тёти Зои. И это было очень странно!

Страх, наконец, уступил любопытству. Малыш и не заметил, как уже шлёпал босыми ножками по коридору, слабо освещённому одиночной лампой. Ещё пара шагов, повернуть направо, и там трельяж...

Глава 12

Сюрприз в прихожей, или Апчхи!

— Дзы-дзы-дзы-ы-ы! — неистовствовал Усатый Полицейский. Странно, но по мере того, как мальчик приближался к прихожей, звон становился не громче, а тише. У Петюньки даже мелькнула мысль, что будильник устал звонить, и, если бы мог, он бы непременно охрип.

В прихожей, по сравнению с коридором, было темнее. И всё-таки света коридорной лампы, троекратно отражённой в зеркалах трельяжа, было достаточно, чтобы чётко обрисовать контуры шкафа и входной двери напротив. Причём бросалась в глаза не сама дверь, а её копия на серебристой зеркальной глади. Сразу три копии двери.

Чтобы было виднее, Петюня включил настенный светильник в форме тюльпанчика, подвешенный над трельяжем. Несмотря на мамин запрет сидеть на полу, малыш, как обычно, стал на коленки перед шкафом и выдвинул верхний ящик, куда, как он помнил, папа засунул поломанный будильник.

— Ну, чего трезвонишь? — спросил мальчик, выуживая из ящичка нарушителя тишины.

Чувствуя за собой вину в том, что не так давно произошло с будильником и папой, Петюнька старался обходиться с Усатым Полицейским как можно нежнее. Он ласково поглаживал пальцами циферблат, ощупывал застывшие стрелки, выпавшую пружину, какие-то колёски сзади и, главное, заводной ключ, который до сих пор продолжал вращаться, непонятно кем и когда заведённый.

— Тише, тише, — приговаривал мальчик, внимательно осматривая вибрирующий будильник, чтобы найти ту заветную кнопочку, которая заставит его успокоиться. Но куда бы ни жал Петюня, за что бы ни дёргал и что бы ни крутил, результата никакого. Вспомнив, что вещи умеют чувствовать и думать, малыш решил попросить:

— Ну, прошу тебя! Прекрати звонить. Если хочешь, я попрошу у тебя также прощения. Прости! Миленький, я не хотел. Но так уж получилось тогда...

– Дзы-дзы! – коротко, примирительно дзенькнул будильник и умолк.

– Я знал, что ты меня поймёшь. Спасибо тебе, – поблагодарил Петюнька Усатого Полицейского.

Прежде чем вернуть будильник в шкаф, мальчик ещё раз для закрепления эффекта погладил стрелки и пружинку. После такого массажа усы-стрелки Полицейского вздрогнули. Точно так, как вздрагивают усы у Яшкиного деда, когда тот, тайком от бабушки, нюхает табак. А ещё, вспомнилось Петюньке, дедушка Ермолаев выразительно крутит похожим на картошку носом, довольно кряхтит и громко чихает, чем выдаёт себя перед бабушкой, которая при этом всегда ругается и грозит пальцем.

«Смешно было бы, если бы будильники имели рты и носы! – представил себе малыш. – Вот это была бы забава – просыпаться по утрам не под дзы-дзы, а под чхи-чхи!»

Усмехнувшись, Петюня положил будильник в яичек, поверх коробки из-под пластилина. Коробка, кстати, показалась мальчику подозрительной, поскольку была ему незнакомой. Петюнька точно знал, что ещё вчера, когда он в последний раз наведывался с проверкой в трельяж, никакой такой коробки здесь не было.

«Неужели папа без меня положил что-то в ящик?» – то ли удивился, то ли обиделся Петюня.

Чтобы посмотреть, что внутри коробки, мальчику пришлось опять потревожить будильник. Удивительно, но Усатый Полицейский соизволил промолчать. Стрелки будильника, пока Петюня перекладывал его в другое место ящика, покачнулись, быстрынко обежали кружок по циферблату и застыли кончиками вверх, как бы сообщая малышу, что Усатый Полицейский не сердится, что будильник в приподнятом расположении духа. В том, что у механизма, начинённого колёсиками и пружинками, есть душа, Петя не сомневался.

«Хм. Вот ты уже и улыбаться начал... – подумал мальчик. – Авось скоро начнёшь чихать».

— Апчхи! Апчхи! — действительно чихнул кто-то. Не будильник. Чих донёсся из коробки!

— Апчхи-чхи! Ах, замучила эта аллергия... — последовало за чихом. — Ах, милейшие! Апчхи! По-моему, здесь чем-то пахнет? Апчхи! Случайно не нафталином? Апчхи-чхи! В старых шкафах часто хранят нафталин.

— Что вы, б-б-батенька, — послышался ещё один голос из коробки, хрипловатый и немного гнусавый, как у простуженного Петюньки, — б-б-большое заб-б-луждение с вашей стороны полагать, что в шкафу пахнет нафталином. Б-б-батенька, нафталином здесь как раз и не пахнет!

— Вероятно, — ввязался в нелепый разговор кто-то третий, из той же коробки, — под нафталином вы имеете в виду нечто такое, что нафталином вовсе не является, но так же неприятно пахнет, как нафталин. Весьма неприятно! Вай-вай!

— Гарантирую — здесь нафталин! Га-га-га! Правда, я не знаю, что такое нафталин, но пахнет грандиозно! — заливаясь хохотом, объявил четвёртый незнакомец из коробки.

— Да что вы, в самом деле, друзья? Спутать с нафталином духи?! Да вы! Да я... — возмутилась, судя по звонкому голосу, девочка.

— Вай-вай-вай! Духи-хи-хи? Не завидую я той мадам, чьи они... — ехидно поддел девочку некий шутник.

— Да говорю я вам — духи! Действительно они!! Да-да-да!!! — разошлась не на шутку девчонка из коробки.

— Га-га-га! — продолжал смеяться весельчак.

— Б-б-беспорядок, б-б-батенька! Б-б-будьте разумны! Зачем, б-б-батенька, устраивать б-б-балаган? — пытался урезонить спорщиков заика.

— Ах, если б знал я, что будет такой спор... Апчхи... Не начинал бы этот разговор... Апчхи! Ах, эта проклятая аллергия! — сетовал обладатель первого голоса.

— Вот-вот! И я о том! — делал вид, что соглашается, но судя по смешливому тону, дразнился таинственный забияка.

Внутри коробки началось движение. Кто-то толкал картонную крышку, даже, как показалось Петюне, бил кулачками и пинался, старясь крышку эту приоткрыть.

«Апчхи», «б-б-балаган», «вай-вай», «га-га-га», «да-да», «аллергия», «б-б-бардак», «вот-вот», «грандиозно», «друзья» – все голоса, доносившиеся из коробки, смешались в единый гул и стали напоминать приглушённое жужжение пчелиного роя. Сплошное «у-у-у...»

– Вот это да! Вот это новости! – воскликнул мальчик.

Он отнюдь не испугался, так как был уже наслышан от Яшки о загадочных болтунах в коробке из-под пластилина, со встречи с которыми когда-то началась сказка его друга.

«Так это и есть сюрприз от Ермолаева – пластилиновые буквы! – мысленно подытожил Петюнька. – Как только Яшка умудрился незаметно от мамы засунуть коробку в трельяж?»

Глава 13

Знакомьтесь: Абра-ар, Бурундин, Вьюга-вьюон, Гагатун, Дзинь-да-да

– Ой, а я, кажется, помню ваши имена! – обрадовался малыш. Приблизив лицо к брыкающейся коробке (она всё ещё лежала внутри ящика, поскольку Петюня не решался её оттуда вытащить), мальчик шёпотом, но внятно перечислил в алфавитном порядке волшебные имена, которые поведал ему Яшка: – Абра-ар, Бурундин, Вьюга-вьюон, Гагатун, Дзинь-да-да.

Коробка перестала брыкаться, голоса затихли. Но ненадолго. Выждав минуту или две, самый смелый из болтунов спросил:

– Вай! А кто там?

– Я – Петюнька, то есть Петя Ложкин, Яшкин друг, – ответил малыш, стараясь быть серьёзным, хотя его распирало рассмеяться. – Я думаю, что Яшка подарил вас мне...

– Вай-вай-вай... – выдал своё коронное Вьюга-вьюон (Петюня уже догадался, что разговаривает с буквой «В»). – Вот тебе на...

– Вы... Вы не переживайте, – спохватился мальчик, подумав вдруг, что буквы могли расстроиться из-за неожиданной смены хозяина. – Я вас не обижу. Я... Я так хочу с вами дружить! Можно мне открыть коробку?

– А-а-а... Сделайте милость, уважаемый Петюня... Освободите нас! А-а-пчхи! А то, видите ли, нет мочи терпеть этот ужасный... пардон... специфический запах... Апчхи! Апчхи! – обратился к мальчику Абра-ар.

Петюня не сомневался, что это была именно буква «А». Перепутать подчёркнуто вежливую манеру говорить, характерную, по рассказам Яшки, для профессора Абра-ара, умнейшей из всех букв алфавита, было невозможно.

– Конечно, профессор! Сейчас! – поспешил малыш успокоить букву «А». – Я знаю, что у вас аллергия. Только поверьте – в трельяже мы не держим нафталин. Это, наверное, папин одеколон вызвал вашу аллергию. Его подарили папе на юбилей коллеги по работе. Вроде бы дорогущая вещь!.. Но мама сказала, что запах у

одеколона скисший... Выбросить подарок папе было жалко – вот и хранится, на всякий случай, подкисший одеколон в трельяже. Я им засохшие фломастеры иногда заправляю...

Закончив с объяснениями, Петюнька аккуратно вынул коробку из ящика, положил её на лакированную поверхность шкафа перед зеркалами, двумя пальцами приоткрыл растрёпанную крышку, подумал немного и резким движением отбросил её в сторонку, как будто в коробке сидит нечто, что может его укусить. Что говорить – Петюне было не по себе. Ведь не каждый день (вернее, ночь) на твоих глазах оживает сказка!

– Ах! Ах, как сладок глоток свежего воздуха! – не скрывал радости профессор Абра-ар – почтенный господин с коротенькой бородкой и в таких же больших, как у Петюньки, очках.

Одета буква «А» была в синий плащ. На голове красовалась серая классическая (интеллигентная такая...) шляпа. Под расстёгнутым плащом Петюне удалось разглядеть серые, как и шляпа, брюки на смешных голубоватых подтяжках и, представьте себе, на ремне!.. Завершали облик сказочного профессора белоснежная шёлковая рубашка, голубой с металлическим отливом галстук, который украшал вышитый красными нитками символ буквы «А», и тёмно-серые элегантные туфли.

«Любопытно, – подумал Петюня, рассматривая утирающегося миниатюрным носовым платком Абра-ара. – Подтяжки держат штаны, а ремень тогда зачем? Пистолет он там прячет, что ли? Очень любопытно...»

– Признаться, уважаемый Петюня, – продолжил тем временем благодарственную речь Абра-ар, – сидеть запертым внутри старого шкафа – не самое приятное занятие. Апчхи... Благодарим вас за спасение!

– Б-б-батенька, говорите за себя. А я вот полагаю, что мальчик мог б-бы и раньше вызволить нас из шкафа. До ночи пришлось ждать. Б-б-большое промедление с его стороны! – пробурчал, заикаясь, Бурундун (он же буква «Б»).

Со слов Яшки Петюнька помнил, что эта буква любит лишний раз побурчать, покритиковать, почитать нотации. Хотя немного смешно воспринимать критику от небритого, длинноволосого, очень напоминающего бездомного бродягу субъекта, в образе которого явилась мальчику буква «Б». Не добавляли солидности Бурундуна также рваные короткие джинсы, красная клетчатая рубаха с закатанными до локтей рукавами, зелёная бейсболка с аппликацией в виде буквы «Б» и абсолютное отсутствие какой-либо обуви на ногах. Единственное, что в гардеробе босоногого Бурундуна можно было назвать приличным – это длинный шерстяной и, наверное, очень тёплый жёлто-зелёный шарф с бахромой по краям, которым была обмотана шея бурчащей буквы. Да, бросался ещё в глаза огромный, тоже зелёный с жёлтым зонтик с резной деревянной ручкой. Редкая вещь!

– Извините! Но я же не знал, что в шкафу меня ждёт сюрприз от Яшки... Сюрприз – он на то и сюрприз, чтобы до определённого времени о нём ничего не знали. И вообще, если бы не будильник... Да что это я оправдываюсь, когда все не виноват?! – из вежливости начал извиняться Петюня, но потом неожиданно, прежде всего для самого себя, вспылил.

– Га-га-га! Га-га-га! Грандиозно! – хотел, ничуть не стесняясь, Гагатун – буква «Г».

Внешность Гагатуна соответствовала его не совсем пристойному, как посчитал Петюня, поведению. Настоящий клоун в слишком пёстром и несуразном наряде!.. На голове – шутовской колпак в сине-красную клетку и с кисточкой на кончике, на ногах – обтягивающие лосины в красную и синюю полоску. Рубашка с закрытым воротом и изрезанным подолом, обшитым бубенцами, окрашена в кричаще-жёлтый (канареечный) цвет, на фоне которого нелепо «разбросан» какой-то мелкий синий рисунок. Присмотревшись внимательнее (для этого пришлось вплотную приблизить лицо к коробке), Петюнька определил, что рисунок состоит из очень маленьких изображений буквы «Г». Левый рукав рубашки, как и пояс, ярко-красный. Какого цвета правый рукав,

мальчик определить не мог, так как через правое плечо Гагатуна был переброшен синий плащ – очень длинный, почти до пола. Поверх плаща из лоскутов зелёного и голубого цвета выложен огромнейший, во весь рост сказочного клоуна, его символ – буква «Г». Ну и, наконец, жёлтые, в тон рубашке, ботинки с закрученными носками, как у восточных джиннов. Вот такой парад красок в одном лице...

«Тот ещё гусь носатый... – подумал мальчик, успевший, как видно, обидеться на букву «Г». – Что толку всё время хохотать?..»

– Да вы, Петенька, не обращайте внимания, – вмешалась, наконец, деликатная Дзинь-да-да – буква «Д», напомнившая мальчику колокольчик. – Действительно, не стоит обижаться. Бурундун – он хоть и бурчит, но в глубине души очень милый и добрый. Гагатун же смеётся не над вами, Петенька. Просто по природе своей он смешливый.

Петюнька с нескрываемым восхищением разглядывал букву «Д». Пожалуй, самую красивую из сказочной пятёрки. Что

неудивительно – девочка всё-таки! В первую очередь, бросалась в глаза великолепная юбка Дзинь-да-да. Скорее две юбки, объединённые в одну.

Первая – синяя, короткая, пышная, как пачка балерины. По бокам два огромных банта, специально завязанные таким образом, чтобы вниз спускались, гладко переливаясь синим шёлком, длинные ленты. Вторая – розовая, полупрозрачная. Будучи продолжением первой, она красиво струилась до мягких синих туфелек, больше напоминая шлейф, нежели юбку. Когда Дзинь-да-да двигалась, юбка-шлейф изящно распахивалась спереди, открывая ножки, обтянутые голубыми чулочками и крест-накрест перевязанные синими атласными ленточками – этим элегантным продолжением девичьих туфель.

В верхней части наряда безраздельно властвовали сине-голубые тона – любимые, как понял Петюнька, цвета буквы «Д»: синяя блузка, украшенная голубой тесьмой, и широкий голубой пояс, расшитый синим бисером. Высокий воротник, широкие рукава, маленькая диадема из голубых кристаллов и синенький кулончик на тонкой шее в виде буквы «Д» делали Дзинь-да-да похожей на принцессу. Впрочем, для Петюни «дюймовочка» из картонной коробки с копной выющихся каштановых волос, ниспадающих до колен, была не то что принцессой, а самой настоящей сказочной королевой.

Да, Петюня был очарован волшебной красотой Дзинь-да-да. Её густые пряди, перехваченные двумя симпатичными розовыми бантиками, чуть было не затмили в памяти Петеньки образ Зайчика с солнечным нимбом над головой. Но чуть было – не считается...

– Вай-вай-вай! Дзинь, по-моему, ты кое-кому нравишься, – не преминул съязвить Вьюга-вьюн, заметив, как внимательно Петюнька через свои огромные очки осматривает буковку «Д». – Смотри, осторожнее там, а то перепутает мальчуган девочку из коробки с конфеткой и ненароком съест!

– Га-га-га! Конфеткой... Га-га-га! Съест... – верный себе хохотал Гагатун.

– Не смешно! Да-да-да! Да что вы, друзья? Что подумает о нас мальчик? Как дурно вы воспитаны!.. – не выдержав, Дзинь-да-да начала отчитывать своих нерадивых товарищей.

– Б-б-бардак... Б-б-беспорядок... – бурчал в углу коробки Бурундин. Правда, не понятно было, кому адресована его критика.

– Вай-вай! На себя посмотрите... Воспитывать все любят... И я, может, воспитывать могу. Если захочу, та-а-кой из меня выйдет воспитатель! – сердито огрызался Вьюн.

Он сидел на краю коробки, скрестив ноги в зелёных ботинках и сложив на груди руки. Одет был в просторный костюм, в каких обычно занимаются спортсмены, осваивающие премудрости восточного бойцовского искусства. Только расцветка спортивного костюма не совсем стандартная: правая половина зелёная, левая – тёмно-красная. Справа на груди зелёным по зелёному вышит символ буквы «В». На голове бордовая повязка, на шее завязана крепким узлом такого же цвета косынка.

Когда Вьюга-вьюн вертел головой, а он вертел ею почти всё время, длинные свисающие концы платков на шее и голове весело болтались. Вообще, шустрый Вьюн в бойцовском костюме и пиратских платках, с озорной улыбкой, румянцем на щеках и сощуренными глазами создавал впечатление хитрого, себе на уме шалуна, от которого можно ожидать разных «сюрпризов».

К такому выводу пришёл Петюнька, наблюдавший за буквой «В». А ещё он вспомнил Яшкины отзывы о Вьюга-вьюне, во многом подтвердившие его предположения. В частности Пете пришёл на ум потешный, по его мнению, рассказ о том, как Яшутка получил от буквы «В» щелчок по носу.

«Да-да, – подумал малыш, – Вьюн тот ещё пират. С ним нужно держать ухо востро. Хм... Не ухо беречь надо, а скорее нос...»

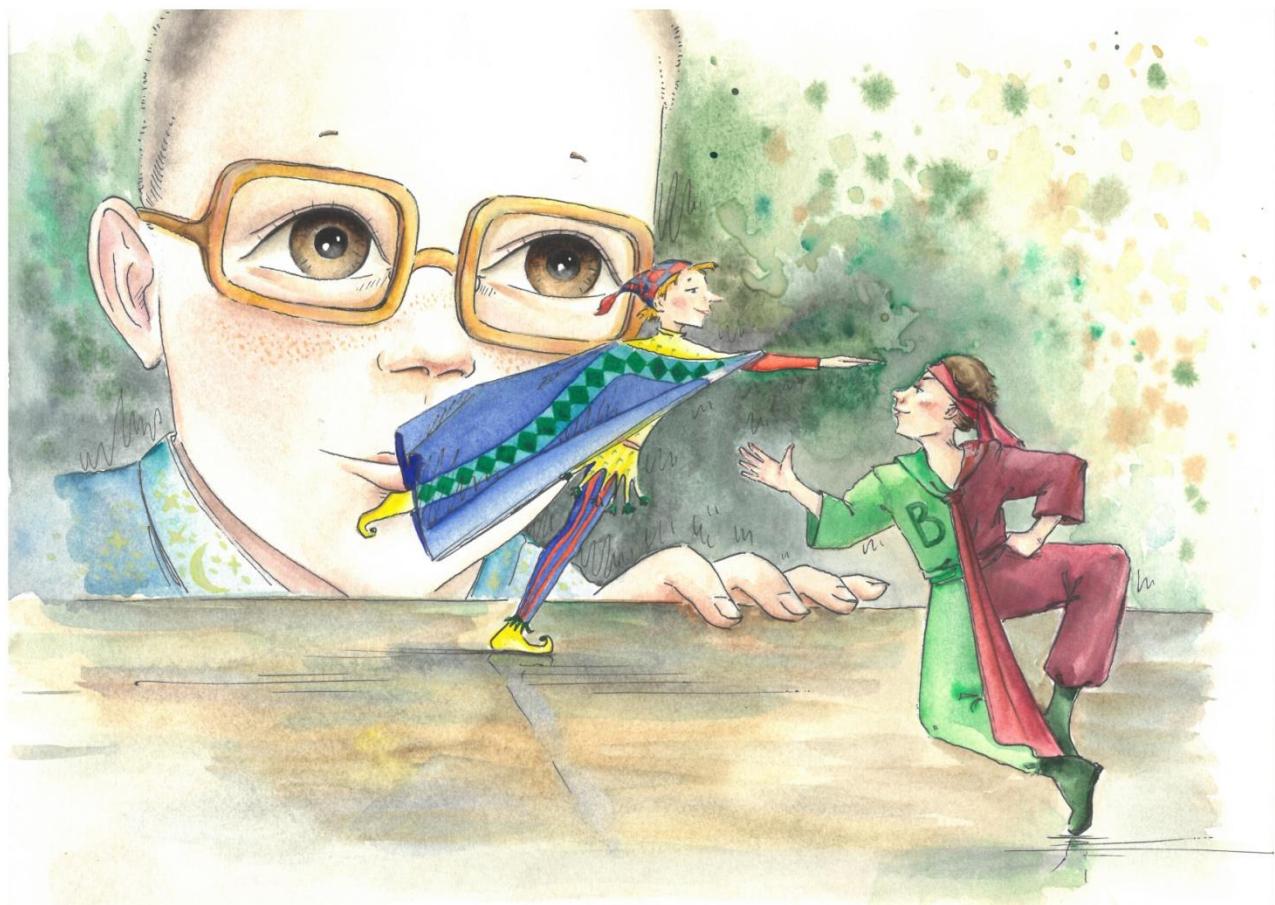
Пока Петюня размышлял, какого мнения он придерживается о непредсказуемой букве «В» – положительного или не очень, предмет его размышлений резко вскочил с края коробки, перепрыгнул через него и смешной трусцой пустился по гладкой поверхности трельяжа. Периодически он поскользывался, падал, тут же вскакивал, бежал,

чтобы ещё раз поскользнуться и упасть. Всё это Вьюга-вьюн проделывал как-то чересчур уж легко и непринуждённо. У Петюньки зародилось подозрение, что буква «В» попросту его разыгрывает: на самом деле не падает, а фокусничает.

Скоро Вьюга-вьюну наскутило падать, но баловством шутник не пресытился, поэтому без промедления приступил к новой забаве: присел на корточки и начал отплясывать гопак.

— Вот так! Вот так! — умудрялся между делом ещё и приговаривать баловник. — Вот так! Так! Так!

— Грандиозно! Грандиозно! — донеслось со стороны коробки, откуда уже мчался навстречу к танцующему Вьюну его друг Гагатун.

Хорошенько разогнавшись, буква «Г» заскользила по трельяжу, делая вид, что упражняется на ледяном катке. Поворот налево, поворот направо, один кружок вокруг своей оси, нога вверх, руки в стороны — получилась ласточка. Бум-бум — задорно звенели бубенцы на клоунской рубашке Гагатуна.

Остальные буквы выглядывали из коробки, которая выступила для них в качестве трибуны, и поддерживали артистов громкими аплодисментами и подбадривающими криками.

– Б-б-браво, б-б-братцы! Хру-хру-хру! – засмеялась даже буква «Б». От смеха у Бурундуна выступили слёзы, и он то и дело тёр глаза своим роскошным жёлто-зелёным шарфом.

– Да-да-да! Дзинь-дзинь-да! Да-да-ди-ду-да! Да-да! – запела девочка-колокольчик.

– Дин-да-да! Да-ду-ди-да! – подпевал буквке «Д» растроганный Петюня.

– Ах-ах, милейшие! Ах-ах, уважаемые! Как это всё приятно! Как всё радостно! – приговаривал почтенный профессор Абра-ар.

Мальчик и буквы нашли общий язык. Даже больше – теперь у Петюньки появились новые друзья!

Глава 14

В зеркале скрипнула дверь, и вот он – пан Сонька

Ночью в прихожей Ложкиных в мягким свете бра – маленького тюльпанчика с головкой, опущенной вниз, разворачивалось интересное действие: на красном коврике перед зеркальным шкафом сидел наш Петюня в огромных очках и сине-жёлтой пижаме и, на первый взгляд, разговаривал сам с собой. Или со своим троекратным зеркальным отражением? Но это только на первый взгляд. Сказочные собеседники Петюньки Очкастого были настолько маленькие и необычные, что стороннему наблюдателю, пожалуй, сложно было бы их разглядеть.

Впрочем, сказка приходит в жизнь далеко не каждого из нас. И в этом деле не имеет значения, носим ли мы очки. Большое чудо, как правило, состоит из тысяч, миллионов маленьких чудес. Чтобы увидеть их, стеклянных очков и даже самых мощных ламп бывает недостаточно. Нужно иметь чистое сердце, способное верить в чудо и творить его.

Такое сердце, как у Петюньки, у Яшки, Маши, даже Вовки и любого другого ребёнка. Независимо от цвета глаз, волос, кожи. Независимо от того, в какой семье (министра юстиции или водителя маршрутного такси) и в каком уголке нашей планеты довелось жить малышу или малышке. Чистота сердец – это дар детства, откуда родом все мы.

Петюня Ложкин, прозванный сверстниками Очкастым, в нескольких кусочках пластилина, подаренных ему лучшим другом – Яшкой, сумел разглядеть чудо. И какое, согласитесь, чудо?!! Сказка эта явилась не столько любопытным глазам мальчишки, спрятавшимся за толстыми стёклами очков, сколько его сердцу, готовому принять чудеса.

– Я знал... Я знал, что Яшка не выдумал свою историю, что говорил правду, – прошептал Петюнька.

Нет, он не боялся, что родители могут его услышать. После того, как взрослые не отреагировали на сумасшедший звон будильника, его слабый голосок и подавно не потревожит их крепкий сон. Здесь дело

было в другом. Петюне почему-то казалось, что сказку, как легкоокрылую бабочку, легко вспугнуть, поэтому он старался вести себя как можно осторожнее. А то моргнёшь, чихнёшь или ещё что-нибудь в этом духе, и всё исчезнет враз. Потом гадай: была ли сказка или только привиделась.

Пока видение не исчезло, Петюнька решил сложить буковки обратно в коробку и отнести к себе в комнату.

«У меня сохраннее будет», – думал малыш.

Поскольку Абра-ар, Бурундун и Дзинь-да-да коробки не покидали, с ними не возникло никаких проблем. Наоборот, профессор был нескончально рад покинуть старый шкаф со специфическим запахом скисшего одеколона. Только крышкой попросил коробку не прикрывать. Мол, аллергия!

Однако Вьюн и Гагатун, объединившиеся в пару и выделяющие на трельяже невероятные па (то страстную лезгинку, то чувственное танго, то романтичный вальс), возвращаться в коробку отнюдь не желали. Петюнька пытался их уговорить, пообещав удобную танцплощадку на прикроватном столике в своей спальне. Но, естественно, метод «по-хорошему» не принёс нужного результата. Строптивые буквы «В» и «Г» с удвоенным рвением продолжили танцевать: взяли друг друга за руки, стали на цыпочки, изобразив, как догадался Петюня, балерин и начали отчебучивать, припевая:

– Вай-вай! Га-га! Вай-вай! Га-га! Вай-вай! Га-га! Га-га! Вай-вай! Га-га! Га-га!

– Б-б-беспорядок! Б-б-бардак! – донеслось из коробки бурчание Бурундуна. – Их не пряником надо, их надо кнутом! Б-б-безобразники...

– Вай-вай, был бы пряник, а то так... – намекнул, не прекращая танцевать, Вьюга-вьюн.

– Ни так, ни сяк, – уточнил его дружок Гагатун.

– А, я понял! – стукнул себя по лбу Петюнька, отчего очки слезли на кончик носа. – У меня в спальне есть кусочек шоколадки и песочное печенье.

– Вот! Вот так бы сразу! – обрадовалась буква «В».

В ритме вальса вместе с буквой «Г» Вьюга-вьюн направился к коробке.

Всё происходящее показалось Петюне смешным, и он от души рассмеялся. Смеялись, каждый на свой лад, и его новые друзья.

– Ах-ха-хи-ха! – бархатным интеллигентным голосом смеялся Абра-ар. Почему именно интеллигентным, Петюня и сам не знал, но ему казалось, что всё, что связано с профессором, непременно должно быть таким.

– Хру-хру-хру... – довольно похрюкивал в шарф Бурундун.

– Хе-хе! Вай-вай! Не могу... Хе-хе! – заливался смехом Вьюга-вьюн.

– Га-га! Га-га! Грандиозно! – громче всех хохотал Гагатун – спец по смеху.

Элегантная Дзинь-да-да звонким колокольчиком нежно разбавляла общий хор:

– Ха-ха! Дин-дон-да! Ха-ха!

Увлёкшись, друзья не слышали, как в прихожей что-то скрипнуло, и не видели, как дверь, не та, что за спиной Петюни, а отражённая в зеркале, приоткрылась, впустив облако зеленоватой пыли. Причём, что интересно, приоткрылась лишь одна копия двери – в центральном, самом широком зеркале. Однако входная дверь, отражённая в боковых зеркалах, как и прежде, была заперта.

Когда зелёное облачко рассеялось, в дверном проёме показалась круглая голова в длинном голубом колпаке. Пухлые щёчки, маленькие глазки, курносый нос и большие растопыренные уши придавали неожиданному гостю сходство с поросёнком. С очень милым, надо признать, свинтусом в колпаке.

Глазки загадочного посетителя испуганно бегали, изучая обстановку. Убедившись, что опасности нет, субъект, похожий на поросёнка, улыбнулся и утёр пот на лбу пухленькой ручкой, облачённой в оранжевый в синих васильках рукав. Его бледные, будто покрытые изморозью, щёки под смех друзей, собравшихся в

прихожей, начали оттаивать. Очень скоро на лице гостя расцвёл двумя бутонами свежий румянец.

Толстячок расслабился, немного подался вперёд, толкнув дверь. Проём стал шире. Теперь помимо головы был виден крепкий корпус незнакомца в пёстрой распашонке, а под ней короткие кривые ножки в жёлтых шароварах и голубых тапочках.

С неподдельным любопытством крепыш рассматривал представшую его взору компанию. Особого внимания гостя удостоился мальчик в пижаме и очках.

Петюня тем временем справился с загулявшими буквами, загнав-таки Гагатуна и Вьюна в коробку.

– Пора спать, – объявил малыш друзьям. – Пора в кроватку.

От долгого сидения на коленках у Петюньки затекли ноги. Чтобы легче было вставать, мальчик опёрся руками о трельяж, мимоходом бросил взгляд на зеркало, не ожидая увидеть там что-либо интересное. Каково же было удивление Петюни, когда вместо худенького личика в очках из зеркала на него взирала пухлая физиономия «поросёнка» в колпаке?!

Гость широко улыбнулся, вытер о подол рубашки правую руку, приложил её к груди, там, где сердце, а затем протянул к малышу. Петюнька, как и положено вежливому мальчику, пожал высунувшуюся из зеркала руку. Она оказалась вполне реальной – мягкой, тёплой и немножко влажной. Пожать – пожал, но сказать – ничего не сказал. Порядком растерявшись, он не придумал, что следует говорить в данной ситуации.

– Приветствую вас, уважаемый пан Сонька, – вместо мальчика встретил добрым словом гостя профессор Абра-ар. – Каким ветром вас сюда занесло, милейший?

– Ий-ий! – пропищал тоненьким голоском толстячок. – Какая неожиданность! Какая радость! Какая радостная неожиданность... Тьфу... Какая неожиданная радость... В общем, как хорошо, что я встретил именно вас, профессор! Всех вас, мои дорогие друзья!

Глава 15

Печальный рассказ пана Соньки

Закончив с рукопожатием, пан Сонька снял с головы колпак и обнажил безупречно гладкую, блестящую лысину. Настолько гладкую, что в ней, как в зеркале, отражался свет лампы-тюльпанчика. Смешно так получилось: зеркало в зеркале. У Петюньки мелькнула мысль, что это не лысина вовсе, а отполированный таз. Кстати, и по форме голова ночного гостя весьма соответствовала этому сравнению.

– Хи-хи... – тихонько засмеялся Петя, стараясь, чтобы незаметно было, прикрыть рот ладошкой. Потом так же, тихонечко, добавил: – А уши – это ручки воображаемого таза?..

– Что? Какой такой таз? Какие такие ручки? – спросил Абра-ар, который, судя по всему, единственный из присутствующих владел ситуацией и не терял самообладания.

Остальные же буквы, чем-то очень обеспокоенные, помалкивали. Вьюн не шутил, Гагатун не смеялся, а Бурундун, что больше всего удивило мальчика, удержался от критики, хотя было из-за чего побурчать на Петю.

– Да ничего, – промямлил Петюня. Он понял, что его шутка не к месту и не ко времени. Смутившись, малыш зачем-то потёр правый висок, будто у него заболела голова.

Гость по ту сторону зеркала неуверенно засопел, потоптался, оглянулся назад – за дверь, которая по-прежнему была приоткрыта. Его тоже что-то беспокоило. Более того – пугало. Румянец, прступивший на пухлых щёчках, потух, и лицо пана Соньки снова стало белым, как полотно.

– Ий-ий... – испуганно запищал, будто завизжал поросёнок, лысый коротышка. – Она близко... Я её слышу...

– Кто – она, милейший? Поясните, что происходит? – на удивление спокойным голосом задал вопрос гостю профессор.

– И-и-ий... – не переставал визжать пан Сонька. От страха он присел на корточки, вжал голову в плечи, обеими ладошками закрыл глаза, из которых уже струились слёзы, и начал слегка покачиваться –

то назад, то вперёд. Когда приступ паники утих, Сонька отлепил руки от лица, жалобно посмотрел на Петюньку покрасневшими глазками и, наконец, пропищал: – Ахуратс... Ий-ий!..

– Ах... Ах... Ахуратс?!? Вы сказали – Ахуратс? – опять спросил профессор. Правда, не так спокойно, как прежде.

– Ахуратс! Говорю – Ахуратс!!! Старухи нет, а Тень осталась... – отчаянно крикнул пан Сонька.

– Ахуратс – это Старуха, только если произнести задом наперёд, – пояснил Петюне Абра-ар, никогда не забывающий, что он всё-таки – профессор. – Так звали Тень Колдуньи, её верную помощницу в чёрных делах.

Коротышка в распашонке, сообразив, что позволил себе лишнее, закрыл рот ладошкой, в очередной раз выглянув за дверь, убедился, что там никого нет (пока – нет) и продолжил свой рассказ, но на этот раз уже шёпотом:

– После того как Старухи не стало, её Тень, как брошенный пёс, бродила неприкаянной. А потом исчезла. Все подумали, что Ахуратс постигла та же участь, что и хозяйку. Но недавно стало известно, что Тень Старухи приучил Сморчок. Теперь Ахуратс служит Князю Трельяжного Королевства.

– Вай! Колдун приобрёл мощное оружие... Что теперь будет с Антресолией? – воскликнул Вьюга-вьюн.

– Да, при Старухе Сморчок был мелкой сошкой, знал своё место – носа не высывал из Трельяжа, – добавила Дзинь-да-да. – Но теперь Ведьмы нет, значит, путь свободен... К более лакомому куску пирога.

– К Антресолии, – подытожил Абра-ар.

Бурундун, внимательно прислушивающийся к разговору друзей, не преминул побурчать:

– Б-б-батенька, постойте... Каким же об-разом этот Сморчок соб-бирается подчинить страну желаний? Даже с помощью Ахуратс ему это не по силам. Нужна очень мощная магия, способ-бная перекрыть силу человеческих желаний. Нет, пан Сонька явно преувеличивает.

— Гроза Антресолии... Ведьма... Она черпала силу в чёрных сердцах. Но Яшка расколдовал их и выпустил на свободу. Сморчок не того уровня колдун, чтобы освоить магию Старухи, — согласился с буквой «Б» Гагатун.

— А он и не пытается, — потупив глазки и теребя пальчиками колпак, сказал пан Сонька. — Сморчок нашёл для себя другую лазейку в мир людей. С помощью нас — феев человеческих снов.

— Ах, милейший, как это? Вы на стороне зла? — изумился Абрам.

— Что вы?! Как вы могли такое подумать?! — обиделся толстячок.

Пан Сонька так разозлился, что даже топнул ножкой, из-за чего тапка отлетела в сторону и стукнулась о дверь в правом зеркале. Фей утёр рукавом лысину, нахлобучил на неё колпак и на одной ножке, той, что оставалась в тапке, перепрыгнул из центрального зеркала в правое. От таких акробатических трюков старый трельяж покачнулся — дверь в зеркале захлопнулась с громким «тум!».

— Ий-ий! Теперь она точно меня услышит! — причитал пан Сонька, засовывая пухлую ножку, больше похожую на разбухший вареник, в сбежавшую тапку.

— Подождите с причитаниями, пан Сонька. Меньше стонов, больше слов по существу. Разъясните нам, наконец, что задумал Сморчок? И при чём здесь вы? — урезонивал паникёра профессор.

Крепыш послушался букву «А», перестал ийкать. Вперив взгляд в Петюньку, который всё это время стоял в углу, опасаясь подойти ближе к шкафу, зазеркальный гость прошептал:

— Тень может беспрепятственно перемещаться из мира в мир. Ей неподвластны запреты. В промежуточных измерениях между дверьми, пребывая в которых, мы, феи снов, особенно уязвимы, Ахуратс отлавливает нас, высасывает чернотой наши силы.

— Вай, зачем Сморчу лысые толстяки, да ещё в распашонках? — всё-таки съязвил Вьюга-вьюн, чем навлёк на свою голову гнев Дзинь-да-да. Вернее, на головной платок, за который девочка дёрнула, давая понять шалуну, что поведение его бес tactно.

— Ий-ий... — заплакал фей Сонька. — Мы, может, Колдуна не нужны... Князь собирает сонный порошок — наш волшебный инструмент. Мы посыпаем им головы спящих людей, чтобы им снились добрые и светлые сны. Но если порошок попадёт в злые руки, сны превратятся в кошмары. Сморчок посредством сонного порошка хочет отравить умы людей, наслать на них чёрные сны.

— А в конечном итоге свести их с ума, превратить в послушных зомби, — закончил за фея Абра-ар. — История повторяется. Сюжет немного другой, но суть та же. Люди, окутанные чернотой, перестанут верить в чудеса и сказки, забудут о своих желаниях, которым не суждено было сбыться. И не будет уже суждено... Это верная смерть антресолькам...

— Оно так, но не совсем, — уточнил пан Сонька. — Сморчок не хочет уничтожить Антресолию, ведь вместе с ней автоматически исчезнет и Трельяжное Королевство. Сморчок хочет поработить Антресолию, превратив её в подобие Трельяжа.

— Кхи-кхи... — кашлянул в кулак Петюня, но не потому, что запершило в горле, — мальчик просто пытался привлечь к себе внимание. — Извините, что прерываю вас, но многое из того, что вы рассказываете, мне непонятно. Может, поясните мне, что такое Трельяжное Королевство, чем оно отличается от Антресолии? О зашкатной стране, где живут забытые желания, мне рассказывал Яшка, но про Трельяж я слышу впервые.

— Ах, конечно, мой милый друг. Вы же не в курсе. Но сейчас мы это исправим! — пообещал профессор.

Видно было, что Абра-ар приободрился: расправил плечи, затянул потуже галстук, снял очки, подышал на них, после чего чистым платком тщательно протёр запотевшие стёкла. Все движения профессора были спокойными, размеренными. Петюня догадался, что это часть привычного для буквы «А» ритуала — профессор Абра-ар готовится прочесть мальчику лекцию.

Малыш опять вспомнил рассказы Яшки. В том числе и рассказ о том, что буква «А», словно ходячая энциклопедия, знает всё и обо всех. Во время приключений Ермолаева в сказке профессор

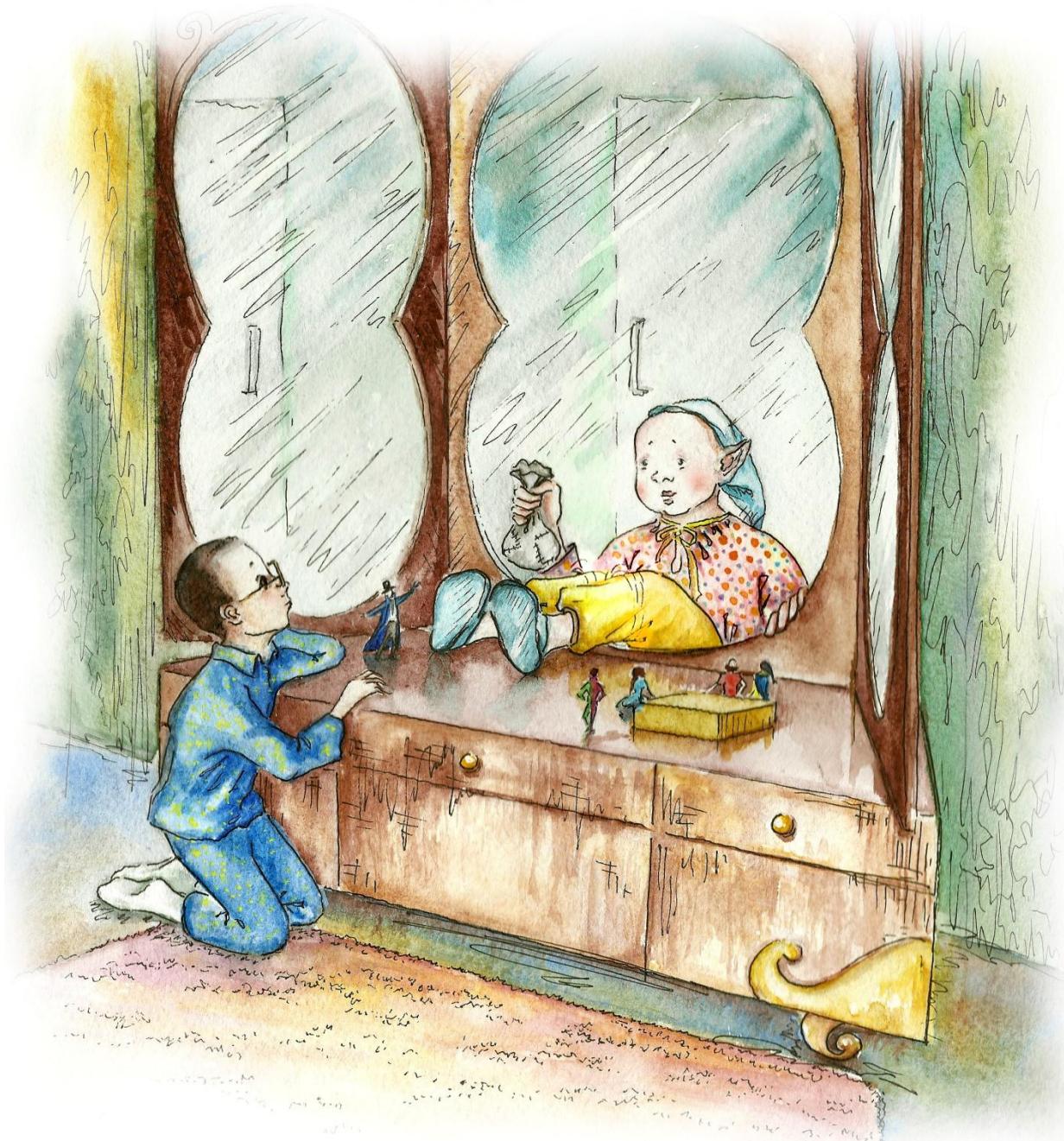
постоянно консультировал его, давал советы, пояснял. И без этих пояснений ещё неизвестно, как бы всё обернулось.

«Вот и моя очередь настала слушать рассказы умного Абра-ара», – не без удовольствия подумал Петюня.

Глава 16

Что такое Трельяжное Королевство?

Поскольку стоя слушать не совсем удобно, мальчик снова уселся на коврик прихожей. Его примеру последовали буквы, примостившиеся по краям коробки. Пану Соньке тоже захотелось присесть. За отсутствием стула толстячок, как и Петя, сел на пол, только зазеркальный, и прислонился спиной к зазеркальной двери.

Внутри зеркала было маловато места. К такому выводу пришёл Петюнька после того, как фей просунул сквозь него свои ножки и с

комфортом расположил их на шкафу уже с этой стороны. В результате перед самым носом мальчика красовались две голубые тапки, а из них выглядывали толстенькие, как сардельки, пальцы. Сонька всё время шевелил ими, и это смешило Петю, но малыш, учитывая серьёзность момента, изо всех сил старался сдерживаться.

Лишь в уме Петюня позволил себе сделать замечание: «Ишь ты... Ноги тут положил... Оно и видно, что пан... А размер ноги, кстати, у пана почти такой же, как у меня».

— Апххи! — не столько из-за аллергии, сколько по привычке громко чихнул профессор Абра-ар перед тем, как начать своё повествование. — По большому счёту Трельяжное Королевство — это продолжение Антресолии, это тоже её часть. Только знаете, Петя, расположенная на окраине. Такое себе отдалённое, глухое местечко, куда отправляются в ссылку тёмные желания. Да-да, милейший, есть и такие. К сожалению, человек мечтает не только о хорошем... Ведь так?

— Угу, — кивнул, соглашаясь с буквой «А», Петя.

Он сам недавно что-то нехорошее пожелал Яшке, когда вспыхнулассора из-за испорченного подарка Машеньке. Пожелал про себя и потом сразу же забыл. А оно вон как?.. Тёмные желания, хоть и забыты, тоже где-то живут...

— Да, Петенька, — подтвердила буква «Д» слова профессора. — Тёмные желания не исчезают. Они продолжают жить в сказке, засоряя её. Их слишком много! Чтобы Антресолия не превратилась в свалку, Советом Мудрейших было решено отвести под чернь отдалённую провинцию. Пусть уж лучше зло концентрируется в одном уголке, нежели будет ядом своим отравлять всю сказку.

— А надзорателем в Трельяжном Королевстве, по сути тюрьме, был назначен колдун Сморчок — карлик с морщинистым лицом, — снова взял слово профессор Абра-ар, которому становилось не по себе, когда кто-то другой, а не он, выступает в качестве рассказчика. — Раньше Сморчок был добрым магом. Не особенно могущественным, но достаточно опытным, чтобы справиться с тёмными желаниями и не позволить им покинуть границы Трельяжа.

И всё-таки слишком долго колдун пребывал среди черни, чтобы чернота эта очернила его разум и сердце.

— Сморчок провозгласил себя Князем Трельяжа, — рассказывал дальше пан Сонька. — Изначально антресольки в этом поступке карлика не увидели угрозы для страны, сочли за чудачество и не более того. Когда же колдун, напившийся силы тёмных человеческих желаний, выпустил чернь в свет, чтобы потушить его навсегда, маги забили тревогу, но было уже поздно. Сморчок стал очень сильным, и к нему прибилась Ахуратс. Попытки королевских волшебников, а их было много, остановить его не дали результата. Даже паукам из Сумеречной Долины, владеющим древнейшей магией, которой побаивалась, как мы знаем, сама Старуха, не удалось одолеть колдуна. Правильно подметила Дзинь-да-да: тёмных человеческих желаний слишком много. И с каждым днём их становится всё больше. Особенно теперь, когда Сморчок начал управлять сознанием людей через сны, через насыляемые на них кошмары. Представьте себе: колдун додумался использовать против людей их же дурные желания, тем самым он не даёт эти желания забыть! Поддавшись гневу, алчности, зависти и прочим порокам, человек порождает новые тёмные желания, приумножает чернь — армию Сморчка. Скоро Антресолия станет чёрным королевством, и над ратушей в Алфавите, нашей златоглавой столице, будет развеваться чёрный флаг... Ий-ий... Да ещё эта Ахуратс! Она здорово Сморчку помогает. Изловила почти всех панов Сонек. Остался один я. Вопрос — надолго ли? Тень меня чует, идёт по следу из двери в дверь. Если она отберёт последний мешочек с чистым сонным порошком, пока ещё не запятнанным чернотой, Князь Трельяжного Королевства станет непобедимым. Ий-ий... Нельзя! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Колдуну достались последние крупинки порошка!

Не успел пан Сонька закончить свой печальный рассказ, как в дверь в центральном зеркале, которая недавно захлопнулась, кто-то с силой стукнул с той стороны. Грум-грум — раздалось в прихожей, напугав Петюньку и его друзей. Дзын-дзын — зазвенели дрожащие стёкла в зеркалах. При каждом ударе в дверь старенький трельяж

сотрясался, и казалось, что ещё чуть-чуть – зеркала не выдержат напора и рассыплются на множество осколков.

– Ий-ий! Это она! Это она! – запищал пан Сонька.

Он начал дёргать ручку боковой двери, чтобы спрятаться за ней от Тени, но дверь фею снов не поддавалась. Зато дверь по центру, в которую так настойчиво ломились, странно скрипнула, будто застонала, и распахнулась. За ней зияла чернота.

Глава 17

Ахуратс

У Петюньки по коже пошли мурашки. Он ничего не видел в дверном проёме, кроме темноты, но темнота эта показалась мальчику разумной. Интуитивно Петюня чувствовал, что нечто, спрятавшееся в ней, неизмеримо могущественное и злое. И сейчас Зло наблюдает за ним.

Через несколько секунд чернота начала сгущаться и приобретать образ человека. К своему изумлению малыш увидел в зеркале самого себя, только целиком вылепленного из тёмного дыма. Ступив на порог, Тень остановилась. Подобно хищному зверю, она прицеливалась, готовясь нанести удар. Впрочем, Тень особо не спешила, поскольку понимала, что жертва в её полной власти.

Пан Сонька перестал дёргать за ручку боковой двери. Отчаявшись, он повернулся лицом к врагу, одну руку спрятал под распашонку. Петюнька сразу не понял, зачем, но потом его осенило – Сонька что-то ищет за пазухой! Наверное, что-то очень важное, коль оно понадобилось пану в такую трудную минуту.

Тень ухмыльнулась, широко надула щёки и стала расплыватьться в одно огромное пятно, которое быстро заполнило собой центральное зеркало и переметнулось в правое, где испуганно жался к двери фей Сонька. Он всё ещё рыскал у себя под рубашкой. Периодически, между ийканьем и сопением, Сонька посыпал Петюньке взгляды, то ли умоляя о чём-то, то ли подавая какие-то тайные знаки.

Мальчик, оцепенев от страха, стоял у края трельяжа. Все буквы спешно покинули коробку и собрались возле него. Вьюга-вьюн и Гагатун дёргали за Петюнькину пижаму, а Бурундун колол колено мальчика кончиком зонта, таким образом побуждая к действию. Однако Петюня понятия не имел, как он может помочь зазеркальному гостю?

Капля за каплей чернота заполняла второе зеркало. Ноги пана Соньки уже увязли в чернильном болоте. Фей пытался отлепиться, из последних сил старался высунуть из кисельной грязи правую ножку. Наконец ему это удалось. Будто игривый поросёнок, пан Сонька

дрыгнул ногой, и тапка пулей влетела в прихожую. Опустив босую ножку в грязь, толстячок принял вызволять вторую ногу, чтобы проделать с ней ту же самую смешную процедуру. Вскоре на красный ковёр прихожей опустилась вторая тапочка.

Чернота, довольно булькая, поднялась до колен пана Соньки. Из кляксы образовались две чёрные руки, которые обхватили толстую талию фея, сомкнувшись на ней в виде замка. Сонька задыхался и судорожно хватал ртом воздух. Его рука, спрятанная под распашонкой, обмякла и безвольно повисла. Пальцы разжались, выпустив какой-то предмет. Что это было, Петюнька не смог рассмотреть – слишком быстро всё происходило. Он только уловил краем глаза, что таинственный предмет, как и тапки, выпал из зеркала и угодил прямо в коробку из-под пластилина. Тень, увлёкшись заглатыванием фея сна, не заметила подобного манёвра. Чтобы и дальше не замечала, Петюнька поспешил спрятать коробку под трельяж.

Чёрное пятно покрыло пана Соньку полностью. Сытая Тень снова забулькала. Не спеша, она сворачивалась, превращаясь в одну точку. Некоторое время точка-глаз наблюдала за мальчиком, словно Ахуратс решала, как ей поступить с человеческим детёнышем. Посчитав, видимо, что ребёнок не представляет для неё интереса, точка мигнула и рассосалась. Дверь захлопнулась. Зеркальный шкаф покачнулся, огласив прихожую тихим стоном: дзынь, дзынь...

– Дзынь-дзынь-дзынь... – плакала вместе с уставшим трельяжем Дзынь-да-да.

Глава 18

Посмотрите, друзья, что пан Сонька нам оставил!

Растерянный Петюнька стоял посреди прихожей, почёсывал затылок, поправлял очки, вытирая нос рукавом пижамы, одёргивал то рубашку, то штаны – в общем, нервничал и беспричинно вертелся, соображая, как ему следует реагировать на всё происходящее и что делать дальше.

«Ах, жаль всё-таки пана Соньку... Какое странное начало сказки... И что я мог здесь поделать?» – размышлял малыш.

Буквы растерялись не меньше, чем мальчик. Дзинь-да-да сидела на коленках и тихонько плакала. Гагатун пытался её утешить: строил смешные рожицы и звенел бубенцами. Правда, как ни старался клоун, осушить слёзы на прекрасном личике буквок «Д» у него не получилось. Тогда Гагатун проявил инициативу: снял с головы цветастый колпак и мягкой кисточкой начал вытираять слёзы, катившиеся по правой щеке девочки. Бурундун, оценив ситуацию, пристроился с другой стороны, чтобы бахромчатым краем шарфа вытирать слёзы на левой щеке. Абра-ар и Вьюга-вьюн, естественно, не могли не принять участия в утешении всеобщей любимицы. Каждый из них протягивал Дзинь-да-да по платку: буква «А» – белоснежный, шёлковый, с кружевной окантовкой, буква «В» – помятый и не совсем чистый, но зато от чистого сердца.

Петюнька не выносил, когда плачут девочки: как маленькие, так и большие, вроде его мамы или тёти Зои. Ему всегда казалось, что это всё из-за него, что это он во всём виноват. И так хотелось сбежать куда-нибудь подальше от слёз и рыданий и спрятаться, чтоб не нашли. Вот и сейчас, слушая, как убивается из-за пропавшего пана Соньки добрая Дзинь-да-да, Петюня испытал соблазн незаметно удалиться в свою спаленку, где так тихо и спокойно. Но это было бы не по-джентельменски... Нет, плачущих девочек бросать нельзя!

Мальчик в который раз уселся на пол возле трельяжа (ах, видела бы мама это безобразие!), приблизил лицо к буквам, сгруппировавшимся вокруг Дзинь-да-да.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещал Петюня и осёкся, вспомнив, что совсем недавно Яшка утешал его самого точно такими же словами.

«Яшенька... Яшка... Ты уж наверняка придумал бы... — пришло вдруг Петюньке в голову. — А вот я... А я?»

Мальчик смотрел в зеркало и внимательно изучал отражение своего бледного лица в огромных очках, будто его зазеркальный портрет мог подсказать ответ на поставленный вопрос. Отражение молчало. Так же, как и Петюня, оно беспомощно хлопало ресницами и вздыхало. И всё-таки зеркало по-своему помогло мальчику. Насмотревшись на себя, Петюнька обвёл взглядом отражённую в зеркалах прихожую и за своей спиной (вернее, спиной зеркального двойника) заметил голубые тапки, которые фей человеческих снов, уже будучи в плену Тени, умудрился выбросить из зеркала.

«Наверняка тапки эти не такие простые, как кажутся, раз пан Сонька так старался их спасти», — сделал вывод малыш.

Чтобы подобрать тапочки, Петюня повернулся и задел коленом в спешке засунутую под трельяж коробку. В ней мальчика ждал ещё один сюрприз — серый, грубо сшитый, с заплатами мешочек, перевязанный красной лентой.

— Посмотрите, друзья, что пан Сонька нам оставил! — воскликнул Петюнька.

Он уже достал коробку из-под шкафа и положил её на прежнее место перед зеркалами. Тапочки малыш посчитал нужным расположить здесь же — рядом с коробкой.

— Ах, это же мешочек с сонным порошком фея снов! — как всегда первым отреагировал профессор Абра-ар.

Не отставал от него и Вьюга-вьюн, заметив:

— Вай, а это феевские тапки, с помощью которых, насколько я знаю, все паны Соньки перемещаются от двери к двери, переходят из мира в мир.

— Думаю, что пан Сонька оставил нам свои вещи не случайно, — сказала Дзинь-да-да, перестав, наконец, плакать. — Думаю, что мы

должны воспользоваться ими и спасти фея. Всех феев снов, пленённых колдуном Сморчком.

– Вай, Дзинь, ты вообще понимаешь, о чём говоришь? – заволновался Вьюга-вьюн. – Чтобы спасти панов Сонек, нужно спуститься в Трельяж, в логово Князя... Туда, где живут тёмные желания. И там, бр-р-р, Ахуратс! Никто, кроме мальчика, не сможет сделать этого. Тапочки послушаются только его.

На этом месте Вьюга-вьюн посмотрел на Петюню. Остальные буквы последовали его примеру. В итоге мальчик оказался под обстрелом десяти глаз: умоляющих, как у Дзинь-да-да, спрашивающих, как у Абра-ара, оценивающих, как у Бурундуна, требующих, как у Вьюна, подбадривающих, как у Гагатуна. Всех объединяло одно – они ждали от мальчика ответа.

– Прошу вас, Петенька, помогите, – молила, сложив ручки, буквка «Д».

– Согласны ли вы, милейший, помочь нам? – спрашивала буква «А».

– Сможет ли он помочь?.. – сомневалась, почёсывая небритый подбородок, буква «Б».

– А то как же? Он обязан!!! – горячо уверяла буква «В».

– Он сможет! Он сможет! Он согласится! Он спасёт нас! Он – герой! – успокаивала всех буква «Г».

– Кто? Я – герой, что ли? – не верил своим ушам Петенька.

От удивления малыш обернулся, проверяя, не стоит ли кто-то за его спиной. Кто-то, достойный звания героя.

– Да-да, Петенька! Да-да! Не зря Яшка, наречённый в Антресолии Мальчиком с Чистым Сердцем, избрал вас, чтобы вручить свой подарок, то есть нас. В жизни случайностей не бывает. Всё смысл имеет! Да-да! – окончательно забыв о недавних слезах, радовалась Дзинь-да-да. От восторга девочка хлопала в ладошки и подпрыгивала, отчего пышная, как у балерины, юбка плавно изгибалась.

— Хорошо, — сдался Петюня, которому стало даже интересно. — Пусть будет по-вашему. Я — герой. Хи-хи... Так что же герою этому нужно делать?

— Очень просто, малыш. Апчхи... — принялся объяснять профессор Абра-ар. — Примерь тапочки фея. Они помогут попасть в сказку, а там поглядим.

«По-моему, я уже в сказке», — подумал Петюня, но не стал делиться этой мыслью с друзьями.

Следуя совету буквы «А», он просто примерил тапки. Это было очень кстати, поскольку босые Петюнькины ножки успели озябнуть. Как и предполагал мальчик, обувь пана Соньки пришлась ему впору. Более того, Пете показалось, что волшебные тапочки, доставшиеся от фея, если поначалу и были немного шире, нежели полагалось малышу, сузились, подстраиваясь под нового хозяина.

— Любопытно. Хм... Любопытно... — приговаривал Петюнька, разглядывая обновку. Хотя назвать обновкой дырявые, потёртые, выцветшие тапки фея было весьма сложно.

— Любопытно ему, слышишь? Рассматривает тута... Чай, не купленные — даром достались... — услышал мальчик новый голосок, не принадлежавший буквам. Очень тоненький и очень писклявый. Даже писклявее, чем был у пана Соньки.

«Похожим голосом разговаривал однажды Яшка, — вспомнил Петя. — Ну да, конечно! На дне рождения Машеньки, когда надышался газом из воздушного шарика».

— Ага! Как говорится, дарованным тапкам в дырки не смотрят. А то понимаешь — смотрит тута... Ну и пошла молодёжь! — согласился с первым говоруном кто-то ещё — с таким же, похожим на мышиный писк, голоском.

Петюнька догадался, что это разговаривают тапочки фея снов. Чтобы проверить свою догадку, малыш поставил на трельяж, где в свете лампы-тюльпанчика лучше было видно, свою правую ногу и, недолго думая, ткнул пальцем в одну из дырок тапки.

– Ох-хох! – застонала правая тапочка. – Детёныш совсем не знает, как следует обращаться с феевской обувью. Тычет тута мне в глаз!

– Какой кошмар! Держись там, сестра! Зажмурься! – поддерживала страдалицу левая тапка, та, что осталась внизу.

Поспешно убрав палец с дырки, которая оказалась глазом тапки, Петюнька извинился:

– Ой, простите, уважаемая тапка... Ой, извините... Как я мог?..

Действительно, если бы мальчик не спешил засовывать в дырку палец и внимательно присмотрелся, он бы заметил, что дырки – это не дырки. Вернее, дырки, но, как и положено волшебным вещам, не простые. В совокупности своей все отверстия в ткани тапочки образовывали симпатичное лицо: эдакие дырчатые глазки, носик и рот. Сквозь дырки, между прочим, проглядывали Петюнькины розовые пальцы.

Обрамлённые ресницами (ниточками, торчащими из краёв дырок) тапочкины глаза моргали! Точно так же, как моргают глаза у людей и других живых существ.

– Ну так что, человеческий детёныш? Кхи-кх-кх... Летим? – уже миролюбиво спросила правая тапка. При этом она покрутила дыркой-носом, подморгнула дыркой-глазом и улыбнулась, широко растянув дырку-рот. Судя по всему, извинения мальчика были приняты, и он теперь прошён.

– Летим, – ответил Петюня.

Малыш толком не представлял, куда, но понимал, что от него ждут согласия. Да и как можно было не согласиться? Ведь сама сказка зовёт тебя в гости! Ведь само чудо приглашает тебя стать его частью! Ведь просил же этого, ведь ждал!.. И вот на тебе – желание исполняется!!!

Глава 19

Первый полёт Петюни

— Хорошо! Тады я выпускаю крылья. Слышь, сеструха? Приём! Приём! Ты там не зевай, распусти пёрышки! Кхи-кх-кх... — скомандовала правая тапка левой.

— Поняла, подруга! Крылья распустила. Пошли!!! — с готовностью выполнила приказ левая тапка — младшая, как понял Петюнька, по званию.

Прямо на глазах мальчика обе тапочки выпустили по бокам крылья. Настоящие! Синего цвета. Крылышки старательно захлопали. Фиву-фиву — услышал Петюня.

«Так обычно шумят, — подумал малыш, — толстые голуби, перелетая с карниза на карниз в поисках вкусных зёрен, которыми угощает их, тайком от мамы с папой, тётя Зоя».

Крылья хлопали не зря. Мальчик почувствовал, как его ноги отделились от пола. Теперь он висел в воздухе. Страшно не было. Было скорее непривычно. Петюня не сразу сориентировался, как нужно вести себя. Руки беспомощно размахивали. Тяжёлое тело пошло кувырком, и не успел малыш моргнуть, как мир перевернулся: голова висела над полом в сантимetre от красного ковра, а ноги болтались вверху.

— Вай, смотри не ударься о шкаф! Не набей себе шишек! — предупредил мальчика Вьюга-вьюн, наблюдавший с трельяжа за первым полётом Петюни.

— Ах, откинь ноги назад, корпус — вперёд, руки — в стороны! Представь себе, что ты плывёшь! — советовал умный Абра-ар.

— Греби руками! Греби руками! — кричал Гагатун.

«Советовать легко, а вот сделать...» — подумал малыш. Для начала он упёрся руками в пол. Затем, поочерёдно поднимая и опуская то правую, то левую ладонь, «зашагал» к трельяжу, ухватился за спасительную ножку шкафа, начал постепенно выравнивать положение: попу вниз, голову вверх. Справившись с этим, Петюнька стал на коленки. Одной рукой он продолжал держаться за шкаф, другой сгрёб буквы в карман. Куда без них? Не

забыл малыш и о мешочке. Этот таинственный предмет отправился во второй карман, сразу же оттопырив его до неприличия.

– Теперь можно в путь, – подытожил мальчик.

Откинув, как советовала буква «А», ноги назад, Петя повис по горизонтали. На этот раз у него получилось не перевернуться вниз головой.

– Да-да-да! У вас выходит, Петенька! Да-да! Вы можете! – подбадривала Дзинь-да-да.

– Б-б-батенька, прошу вас, б-б-будьте осторожны! Не дрова везёте! – капризничал Бурундун.

– Слыши, сестра, полный назад, потом вперёд! С разгону! Усекла? – передавала послания правая тапка своей сестрёнке слева.

Левая тапочка, выполняя приказание, пошла назад слишком резко. В результате Петюнькину левую ногу отнесло к двери. Правая немного отставала.

– Не так быстро, сеструха! Погодь чуток! – командовала старшая.

– Постойте! – обратился к тапкам малыш. – Как я войду в двери, если они закрыты? Так ведь я стукнусь, как барашек, головой о зеркало...

– Тю, так ты открай, – удивилась левая тапка.

Буква «А» высунулась из кармана. Бурундун и Гагатун поддерживали профессора, чтобы он не упал. Абра-ару падать никак нельзя. Кто тогда будет давать советы?

– Мой милый мальчик, – подсказывала буква «А». – Нужно сказать заклинание – перечислить в алфавитном порядке наши имена.

– Понял! – обрадовался такому лёгкому решению Петюня.

Обрадовался, но ненадолго, так как ему в голову пришла неприятная мысль: «Что же это получается? Я всё-таки мог помочь пану Соньке – открыть ему дверь, за которой он так хотел укрыться?..»

От этой мысли Петюньке стало не по себе. Малыш переживал, кусал губы от досады, так некстати нахлынувшей на сердце. Он одновременно чувствовал себя виноватым и невиноватым в том, что

произошло. В конце концов, Петюне не доводилось ещё путешествовать по сказке, и он не имел возможности научиться обращаться с волшебными дверьми...

Сообразительный Абра-ар, по-прежнему свисавший с кармана и наблюдавший за мальчиком, догадался, что чистое сердце человеческого детёныша мучают укоры совести. Чтобы поддержать Петюньку, придать ему уверенности, которая так была необходима сейчас, буква «А» сказала:

– Не берите в голову, милейший. Вы ведь не знали, как следует поступить, а мы, растерявшись, вам не подсказали. Да и вообще, всё было предопределено. Ахуратс так или иначе пленила бы фея снов. Уверен, что Судьбе было угодно, чтобы вы стали свидетелем этой ужасной сцены. Не надо мучить себя! Случилось так, как должно было случиться. Если пока не ясно, в чём заключён смысл, он, уверяю, есть. Мудрая Судьба действует всегда осмысленно.

Сложно сказать, осознал ли Петюнька то, что хотел донести до него профессор Абра-ар, но после такой утешительной речи на душе у него полегчало.

– Эй, командир! – пискнули тапки. – Отворяй уже двери, что ли! Не тормози!

Прежде чем сказать заклинание, мальчик, который всё это время парил посреди прихожей, постарался принять положение, более удобное для прыжка: левая нога упёрлась в дверь, правая согнута в колене, руки вытянуты вперёд. Вглядываясь в дверь в центральном зеркале, Петюнька с расстановкой перечислял:

– Абра-ар, Бурундуn, Вьюга-вьюн...

Виу-у-у – заскрипела дверь, поддавшись чарам. Но не в центральном зеркале, а в левом!..

– Гагатун, Дзинь-да-да, – закончил читать заклинание мальчик.

Ви-и-и-и – дверь распахнулась настежь. Там не было темно. В дверной проём просачивался зеленоватый свет. Пахло сыростью, болотом.

«Ну, с богом...» – пожелал себе Петюнька и оттолкнулся.

Сложив руки ладонь к ладони, малыш неожиданно ловко нырнул в проём.

Глава 20

Междверное Пространство

Липкая влажность и невесомость – первое, что почувствовал Петюнька, очутившись в Междверном Пространстве. Именно что Междверном. Всюду, куда бы ни бросил взгляд малыш, его встречали двери, двери и ещё раз двери. Окружённые зеленоватым туманом, они парили в пустоте. Белые, красные, жёлтые, фиолетовые... – всех цветов радуги. Были также двух-, трёхцветные, в горошек, в полосочку, украшенные затейливыми рисунками, лепниной, мозаикой или вовсе без украшений. Не на всех дверях Петюня заметил ручки, зато замками разных типов и глазками была оборудована каждая из них.

Помимо стандартных прямоугольников плавали в тумане двери квадратные, круглые, треугольные, а также в форме трапеции, ромба, овала и прочих геометрических фигур. Одни из них поражали необъятными размерами, и мальчик предположил, что за ними скрываются миры великанов. Другие, напротив, удивляли своей миниатюрностью и больше напоминали щель. Некоторые двери находились в горизонтальном положении или были перевёрнуты вверх тормашками. Нередко попадались Петюне вообще перекошенные, словно пьяные, экземпляры дверей.

Самое интересное заключалось в том, что периодически, следуя какому-то закону Междверного Пространства, двери трансформировались, то есть меняли цвет, форму и размеры. И то, что ещё минуту назад было красным треугольником или оранжевым овалом, становилось синим квадратом или ромбом в жёлто-коричневую полоску. Двери для гигантов превращались в двери для карликов и наоборот.

Петюнька прилагал все усилия, чтобы не врезаться в одну из дверей, перевоплощение которых очень походило на игру цветных стекляшек в детском калейдоскопе.

«Кто знает? Может, это и есть калейдоскоп? Игрушка в руках великана. И я болтаюсь внутри неё, как сосиска. А великан сидит сейчас, смотрит в дырочку и смеётся», – подумалось вдруг мальчику.

— Апчхи! — чихнул профессор Абра-ар, наглотавшийся междверной пыли.

— Аллергия? — посочувствовал Петюня и тут же скривился, ощущив во рту незнакомый привкус. Не то чтобы неприятный, скорее непонятный.

Разговаривать, паря в Междверном Пространстве, было не самым лёгким занятием. Да что там разговаривать — дышать волшебной пылью поначалу мальчику было тяжело. Странная субстанция зеленоватого цвета, заполнявшая Междумирье, так и норовила просочиться в рот, нос и глаза. Правда, относительно глаз малыш особо не беспокоился, так как огромные очки надёжно их защищали.

Загадочный туман заинтересовался мальчиком, настойчиво лип к нему, заглянул за воротник, словно изучая, проверяя, испытывая, что за фрукт пожаловал в сказку. На самом деле вещество, атаковавшее Петюню, не было ни туманом, ни пылью, как мысленно называл его мальчик. Но поскольку вещество это было незнакомым, иных определений Петюня придумать не мог. Разве что: НЕЧТО, ОНО, ЭТО...

Опять, как и при недавней встрече с тьмой, мальчик почувствовал, что столкнулся с чем-то живым и разумным. Только междверная субстанция, чувствовал сердцем Петюня, не таит в себе зло. Просто это непонятное НЕЧТО ещё не решило, как относиться к пришельцу, коим являлся Петюнька. Вот ОНО и щупает липким туманом, щекочет ноздри пылью, обволакивает дымкой, пытаясь понять, пытаясь разгадать.

«Я, наверное, для НЕГО такая же загадка, как ОНО для меня?» — предположил Петюнька.

Туман сгустился. Настолько, что мальчик не видел больше дверей вокруг. Стёкла очков запотели, будто кто-то дыхнул на них. Малыш испугался, подумав, что может так врезаться в какую-нибудь дверь. Он продолжал парить. Даже если бы и захотел, не мог остановиться. НЕЧТО несло его куда-то на большой скорости.

– Я хороший... – попытался сказать что-то в своё оправдание мальчик, но поперхнулся светящейся пылью, закашлялся.

Миниатюрные крупинки ЧЕГО-ТО, потревоженные Петюнькиным кашлем, закружились в танце. Сначала мальчик думал, что движение пылинок хаотично, что в нём нет смысла, но вскоре заметил, что частицы субстанции выстраиваются в некий рисунок.

«Нет, это не рисунок, – сделал вывод Петюня, присмотревшись внимательнее. – Это слово!»

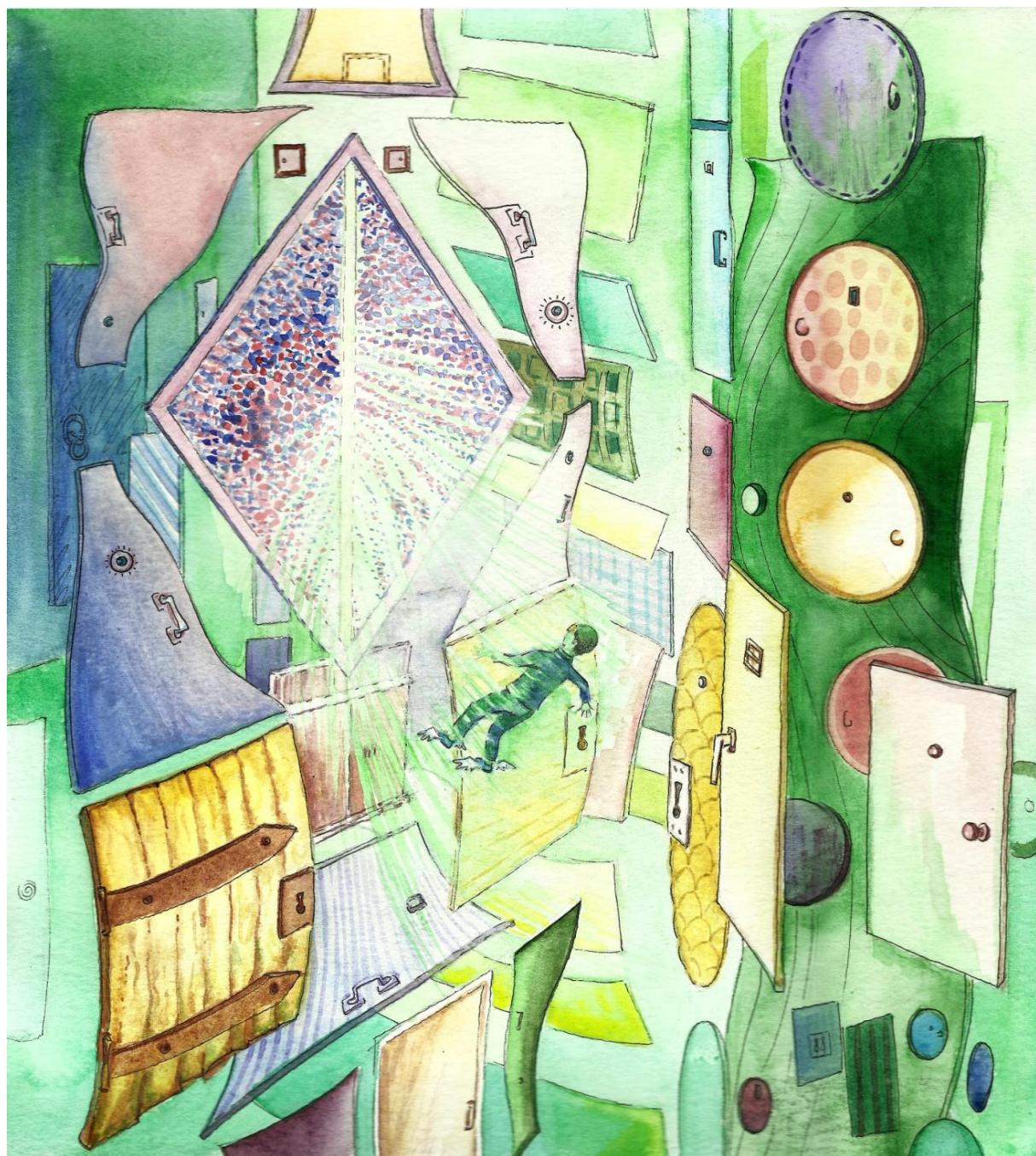
Страяясь не обращать внимания на вездесущую пыль, малыш начал читать вслух:

– П... Р... И... При... В... Е... Т... Вет... Привет!

Глава 21

Красно-синий ромб

Внезапно туман рассеялся. Сила, которая толкала мальчика, поднатужилась и подарила пинок. Не со злости. Таким образом, НЕЧТО подтолкнуло малыша в нужном направлении. Правда, откуда ОНО могло знать, что является нужным, это большой вопрос? Мощным ударом пылеобразной субстанции Петюню отбросило к ромбовидной двери, которая сквозь зеленоватый туман мерцала красными и синими огоньками.

— Их-их-их! — захлёбывались от восторга крылатые тапочки. — Какая скорость! Давно мы так не летали!

По мере приближения к двери-ромбу Петюнька с ужасом наблюдал, как она увеличивается в размерах. Это скорее была не дверь — целые ворота. Малыш уже мог разглядеть, что ромб обит причудливой тканью, по текстуре своей напоминающей рыбью чешую: чешуйки красные, чешуйки синие... Именно они и сверкали.

— Я же врежусь в эти ворота! Ой, мамочка!!! — закричал, поддавшись панике, Петюня.

Малыш пытался увернуться. Однако скорость полёта была настолько велика, а Петюнькин опыт в этом деле настолько мал, что все его манёвры (он размахивал руками, брыкался, вилял попой, мотал головой и совершал иные смешные действия) не увенчались успехом. Ко всему прочему, тапочки не желали слушать мальчика. Опьянённые полётом, они мчались к ромбовидной двери.

Столкновение неизбежно. Поняв это, мальчик, успевший приобрести кое-какие навыки по открыванию волшебных дверей, прокричал:

— Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да!

Посреди ромба появилась яркая щель. В неё хлынула зелёная пыль. Казалось, с той стороны, за дверью, кто-то могущественный сделал глубокий вдох, чтобы засосать в себя изрядную порцию тумана, а также то, что спряталось в нём. Например, Петюньку.

Как в воронку, закручиваясь слева направо, пыль просачивалась в щель, которая заметно увеличивалась в объёме.

«Сейчас меня туда засосёт», — обречённо подумал малыш.

Он осознавал, что ничего не может поделать, а поэтому нужно расслабиться и позволить междверному течению унести его туда, куда предопределено мудрой, как учили Дзинь-да-да и Абра-ар, судьбой. А ещё Петюня вспомнил передачу о мире животных. В частности об усатых китах, которые открывают свой рот и заглатывают вместе с водой всякую мелкую живность — планктон.

«Вот и я, как этот планктон, водоросль там какая-то, ракок или креветка, стану чьим-то завтраком...» — то ли пошутил, то ли констатировал факт Петюня. Он и сам не знал точно.

Яркий свет ударили в глаза. Сила притяжения, словно магнитом, потянула мальчика куда-то вниз. Тапочки, до этого момента, по сути, бездействовавшие, позволявшие течению нести их, захлопали крыльями. Против воли мальчика (впрочем, он не был против и покорно терпел всё, что происходило с ним) его тело развернулось: впереди были ноги, корпус откинулся назад. Тапочки вели сами. Петюнька, раскинув руки и крепко зажмурившись, чтобы не так было страшно, балансируя, как поплавок, в потоке пыли и тумана.

В мозгу застряла одна мысль: «Скорее бы всё закончилось... Скорее бы всё закончилось...»

Глава 22

Воронка-лифт

Свет, царивший вокруг, был нестерпимо ярок. Петюнька чувствовал это даже сквозь закрытые веки. Облизнув губы, малыш отметил, что они солёные от слёз.

Клац – донеслось откуда-то. И свет погас, как будто кто-то нажал на выключатель. Подождав немного, Петюня осмелился приоткрыть глаза. Привыкший уже к зелёной пыли, теперь он наблюдал такую же субстанцию, только фиолетового цвета. Хотя нет, не совсем такую же. Вещество в этом мире было не просто пылью либо туманом, оно приобрело более понятные мальчику формы облаков.

– Похоже на небо, – предположил Петюня. – Да-да, это же небо! Какое-то сумеречно-фиолетовое...

– Ах, Сумеречная Долина! – воскликнул Абра-ар дрожащим, как заметил мальчик, голосом.

Голова профессора выглядывала из кармана. На ней не было шляпы. Наверное, её унесло течением пыли.

– Вот уж не думал, что нас сюда занесёт. Интересно, зачем Ключник направил именно к этой двери? – размышлял Вьюга-вьюн где-то там, внутри кармана.

– Б-б-р-р-р... Б-б-братцы, там же пауки! – испуганно бубнил Бурундун.

– Граница... – подыточил Гагатун. – Застава... Промежуточный мир между Антресолией и Трельяжем.

– Б-б-братцы, там же пауки! Там же пауки! – всё повторяла, как заведённая пластинка, буква «Б».

– Да прекратите вы пугаться раньше времени! Пауки не страшнее тех, кто заключён в Трельяже, куда мы с вами держим путь. Если подумать, оно к лучшему, что мы попали в Сумеречную Долину, а не сразу в тёмный Трельяж... – успокаивала друзей Дзинь-да-да.

Петюня внимательно прислушивался к разговору человечков, спрятавшихся внутри кармана его пижамы. Собственно, ему больше

нечего было делать. Тапки самостоятельно управляли полётом, и это получалось у них исправно. Мальчика больше не трясло, не бросало из стороны в сторону, не переворачивало. Он плавно опускался вниз сквозь облака, сквозь пелену фиолетового тумана. Создавалось впечатление, что кто-то тянет за невидимую ниточку, к которой он, Петюнька, привязан.

Мальчик сравнил себя с воздушным змеем, безвольной игрушкой, которой управляют. И это сравнение не очень ему понравилось. А уж перспектива встретиться с пауками и вовсе не пришлась по вкусу. Но что он мог поделать?

Безмятежность полёта так же неожиданно прервалась, как и началась. Наверное, внизу разозлились или устали ждать и резко дёрнули за верёвку, чтобы быстрее получить свою игрушку. Петюнька перевернулся на живот. Его действительно что-то тянуло вниз. Карман с буквами вспух, оттопырился. Малыш не мог разобраться, что происходит. Он только чувствовал, что карман стал тяжелее, будто там спрятаны гантели, а не пять пластилиновых человечков. В конце концов, нитки не выдержали и лопнули, швы разошлись, карман оторвался. Вместе с ним вывалились кричащие от страха буквы.

Неведомо откуда подул ветер, взбил фиолетовую пыль, образовав новую воронку. Мальчика и его друзей подхватило вихрем и закружило.

– Вай! Ненавижу волшебную карусель! – крикнул Вьюга-вьюн, промчавшийся над Петюнькиной головой.

– Ах, неужели без этого нельзя?.. – пожаловался, проплывая мимо, профессор.

– Да что же это такое?!? А-а-а-а!!! – возмущалась и подевчачьему визжала Дзинь-да-да, пышные юбки которой надулись, как паруса.

– Б-б-б-ба-ба... – это пролетел Бурундун.

– Га-га! Грандиозно! – смеялся Гагатун, которому, пожалуй, единственному из всех катание на ветру приносило удовольствие.

Петюнька привык к воздушным кульбитам, поэтому особенно не переживал, лишь боялся потерять очки. Ему даже было интересно и смешно наблюдать за поведением друзей. Тем более интересно, что с каждым оборотом буквы увеличивались в размерах. Или же, наоборот, он сам уменьшался непонятно каким образом.

Мимо проплыла потерявшаяся было шляпа Абра-ара. Размером с хорошую суповую тарелку. В такой шляпе вполне поместится и голова Петюньки.

Мальчик изловчился и схватил шляпу левой рукой. Абра-ар, как раз подплывший к Петюньке, тоже уцепился за неё. Малыш, шляпа и буква «А» теперь парили вместе. Вскоре к их компании присоединились остальные буквы. Бурундуна одной рукой держался за ботинок Абра-ара, а другой размахивал зонтом. Выуга-вьюн обхватил обеими руками зонт Бурундуна. Гагатун обнимал Вьюна за талию и смеялся. Завершала шеренгу Дзинь-да-да, которой удалось ухватиться за развевающийся плащ буквы «Г». В результате получился симпатичный воздушный паровозик.

– Что происходит? – спросил Петюня Абра-ара. – Почему попадаем в какие-то воронки? Почему вы стали такие большие???

– Относительно ветряных воронок... – с готовностью приступил к пояснениям профессор Абра-ар, хотя ему было не совсем удобно рассказывать, учитывая неустойчивое парящее положение. – Двери, которые мы видели, ведут из мира в мир, а воронки эти нужны для перемещения внутри мира. Воронка – это что-то вроде коридора. Сказка состоит из множества таких коридоров и представляет собой огромный лабиринт. Воронка – это также что-то вроде лифта, который помогает быстро перемещаться из одного пункта в другой, из верхнего слоя мира, как сейчас, в самое его сердце. Воронки очень древние. Никто не помнит, кто создал их. Из-за старости они немножко барахлят, отчего перемещение по древним коридорам не всегда бывает комфортным... На вопрос о том, почему мы стали такие большие, мне ответить сложнее. Осмелюсь предположить, что это вы изменились, милый мальчик, а не мы. Наверное, у этой сказки, в которую мы попали, свои стандарты...

В подтверждение слов профессора (той части его речи, которая касалась лифта) вихрь-юла прекратил свой танец по кругу. Резко так прекратил, огласив фиолетовые, насколько мог охватить глаз, окрестности громким «вжих-вжух-жах-вжи-их». Так обычно «пыхтят» старые лифты, когда останавливаются, после чего с жалобным скрипом разъезжаются покосившиеся дверцы.

Петюньку и компанию отбросило к центру уже рассасывающейся фиолетовой воронки. Через секунду малыш и буквы лежали на копне соломы, заблаговременно подстеленной кем-то для гостей.

Глава 23

Встреча с пауком

Не успел Петюня отдохнуть и оглянуться по сторонам, чтобы определить, где он находится, как что-то лохматое и чёрное уткнулось ему в грудь.

— Хей, малчик, вставай. Быстро, быстро, — сказал кто-то со странным акцентом, совсем близко.

Петюнька почувствовал запах квашеной капусты, солёных огурцов и мочёных яблок — всё как-то сразу, из чего малыш сделал вывод, что тот, кто говорит сейчас над его головой, любит лакомиться разносолами.

Нечто чёрное, лохматое сильнее надавило на грудь. Петюньке даже стало немножко больно.

— Я же сказал вам, малчик, встать! Пройдёмте за мной. И ваших спутников это также касается. Быстро. У меня мало времени! — приказал рассердившийся, судя по строгому обращению, обладатель чего-то чёрного и лохматого.

— О боже ж мой! — воскликнул малыш, до которого, наконец, дошло, что в него тычет мохнатой ногой огромный... паук. По габаритам это скорее была настоящая лошадь.

— Б-б-братцы, б-б-братцы... Пауки... Пауки... — истерично повторял за спиной Петюньки Бурундун.

Абра-ар, Вьюн, Гагатун и Дзинь-да-да молчали. По их белым лицам мальчик понял, что его друзья так же напуганы, как и он сам. Буква «Д» и вовсе готова была упасть в обморок.

— Не-не, мадмуазель, падать не надо! Быстро иди надо! — предупредил девочку паук, заметив её состояние.

Петюня старался не смотреть на паука, того ещё монстра. Потупив взгляд, он делал вид, что внимательно рассматривает свои (теперь уже свои, а не фея) тапки. Столь пристальное внимание тапкам, комплексующим, наверное, из-за дырок, не понравилось.

— Ну что ты рассматриваешь тута? Чего докопался до наших дырок? А? — ворчала правая тапка.

– Слыши, сестрёнка! Он взглядом своим просверлит нам ещё несколько дырок. Будет у тебя дополнительный рот. Кха-кха-кха... – пошутила левая тапка.

Похоже, насчёт пауков тапочки не волновались, поэтому не утратили способности шутить. Хотя, собственно, зачем им волноваться? Пауки не питаются тапками, тем более старыми.

Говорящий паук повёл пришельцев узкими, всё время петляющими тропинками, устланными соломой. Тропинки, как мог судить по ощущениям мальчик, вели куда-то вверх. Что находится по сторонам, Петюнька не знал и знать не хотел. Он упёрся взглядом в свои ноги, шагающие по шуршащей соломе. Его воображение рисовало ему тёмные, влажные пещеры или такие же тёмные, глубокие норы под землёй, где тесно и душно. Признаться, малыш боялся замкнутого пространства почти так же, как и темноты. Даже дома, посещая туалет, он нередко оставлял за собой дверь приоткрытой...

Периодически Петюню шлёпало по лицу что-то мягкое и влажное. Малыш чувствовал, как на щеках остаются капельки холодной росы. Наконец, устав получать пощёчины, он решил оторвать взгляд от тапок. Его взору предстала удивительная картина: вокруг царили фиолетовые джунгли! На первый взгляд, пышные, непроходимые заросли деревьев и кустарников. Только заросли эти были какие-то странные. Дело не в причудливой сине-фиолетовой окраске листвьев, а в том, что деревья даже не были деревьями, а кусты – кустами... Растения, которые видел Петюня, были хорошо знакомыми ему травами и цветочками, вымахавшими до невероятных размеров. Он узнал подорожник, дикую ромашку, лопух, одуванчик, календулу, мяту, обыкновенную травушку-муравушку с колосками и ещё то растение с жёлтенькими цветочками, которое мальчик называл просто «кашкой». Фиолетово-синие листья мутантов свисали над тропинкой и дружественно шлёпали путников, приветствуя их в сумеречной стране.

Немного освоившись, Петюня заставил себя посмотреть на паука. Это мохнатое чёрное существо имело восемь ног, тоже чёрных

и мохнатых. Ну, прямо щётки! Когда паук обернулся, проверяя, не отстают ли гости, малыш увидел, что их провожатый носит очки. Не человечьи, конечно, а паучьи. Как и положено: на каждый глаз (их у пауков всего восемь...) по круглой стекляшке в красной оправе. Поскольку у паука нет ушей, очки держались на голове при помощи резинки.

«Яшкина бабушка тоже носит очки на резинке», – отметил про себя малыш и улыбнулся такому нелепому сравнению.

На спине паук нёс пузатый красный рюкзак, из которого торчали, словно стрелы из колчана, скрученные в трубочки свитки. На шее болталась длинная цепочка, изготовленная из серебристого металла. К цепочке был прикреплён полосатый с красным стержнем карандаш. Точнее, с одной стороны это был карандаш, а с другой – свисток.

Очки, карандаш, свитки в рюкзаке наталкивали на мысль, что паук, повстречавшийся друзьям, должен быть начитанным и образованным. Подобные наблюдения несколько успокоили мальчика. Образ паука даже показался ему комичным. Особенно его коронное: «бýстро, бýстро», «надóть» и «малчик».

– Не бойтесь, – шепнул на ухо Пете Абра-ар, который шёл следом за мальчиком. – Пауки – дружественный нам народ. Они не причинят вреда. Тем более этот гостеписец. Он безобиден, поверьте.

– Кто это? Как вы сказали?.. – чуть не прыснув со смеху, спросил Петюня. Его насмешило не столько новое неказистое слово, сколько чересчур вежливая, непривычная для мальчика Петюнькиного возраста форма обращения профессора – всё «вы» да «вы».

– Ах, гостеписец, – повторил профессор. – Это должность такая. Тот, кто её занимает, обязан записывать всех прибывших гостей.

– Б-б-баснями не корми детёныша. Хм... Гостей? Дружественный народ??? – вмешался в разговор Бурундун, который шёл впереди мальчика, сложив руки за спиной, будто заключённый. – С каких это пор пауки стали дружественными? Нет, малыш, не стоит верить профессору. Мы не гости, мы – пленные.

— Ах, милейший, не перекручивайте! — вспылил Абра-ар, которому не нравилось, когда его перебивали и тем более оспаривали истинность сказанного им. — Согласно Древней Междверной Конвенции пауки обязались придерживаться нейтралитета. Да, они несут в себе и зло, и добро. Да, они владеют самой могущественной магией среди миров, совмещающей белое волшебство с чёрным колдовством. Но они поклялись использовать свои чары только во имя поддержания всемирной гармонии, баланса между злом и добром. Помните, в случае со Старухой, вознамерившейся покрыть тьмой Антресолию, пауки выступили на стороне света? Думаю, сейчас ситуация повторяется. Сморчок хочет выпустить на волю чернь. Уверен, пауки не допустят этого! Сумеречная Долина — это пограничный мир. Пауки несут службу, охраняя гармонию. Их подозрительность можно понять. Мы — чужаки, непрошеные гости. Учитывая назревающую войну, не стоило ожидать, что нас будут встречать хлебом и солью.

— Б-б-бр-р-р... Понесло! Какой ты нудный, ей б-богу! — пробурчал Бурундун и смачно сплюнул на солому.

— Молчать! Быстро! Быстро! Идти надоть! — приказал паук.

— Б-б-большой начальник!.. Пока он приказывает только молчать. А потом что? Опутают паутиной?.. И поминай, как звали... — продолжал нагонять страху неугомонный Бурундун.

— Да что ты бурчишь, в самом деле! — отозвалась из-за спины Абра-ара Дзинь-да-да. — Признаю, что пауки — загадочный народ. О них мы мало что знаем. Но в благородстве им не откажешь. И вообще, Петенька, есть миф, согласно которому Творец всего сущего — это Паук. Точнее, Паучиха. Праматерь! Она сплела свою паутину — сеть миров. Всё живое, от мала до велика, связано с Великой Матерью пуповиной — нитью жизни.

При слове «нитью» малыш невольно вздрогнул, вспомнив свои ощущения в лифте (то есть волшебной воронке). Ему показалось тогда, что от него исходит невидимая нить, и за эту нить кто-то дёргает...

— Сюда! Быстро! Быстро! Ко мне! Ко мне! — кричал паук-гостеписец.

Он остановился на краю холма возле невысокого полосатого столбика с красной и синей кнопками и поджидал спутников, нетерпеливо перебирая ногами. Когда подошли мальчик и буквы, паук указал одной из лап куда-то вниз и объявил:

— НадоТЬ спуститься туда. Там пограничный пункт. Таможня. Тыквенная деревня. Там вас допросят, проверят на детекторе лжи, обыщут, просветят рентгеновскими лучами. Нам надоТЬ знать, не трельяжные ли вы лазутчики?..

— Б-б-батенька, видите — я б-б-был прав. Мы для них пленные, подозреваемые! — снова подлил масла в огонь сомнения Бурундун. Повернувшись к Абра-ару лицом, буква «Б» триумфально высунула язык: — Б-б-бе-е-е!

— Не бойтесь. Всё нормально. Всё так и должно быть. Их можно понять. Они правы... — успокаивал приунывших друзей профессор. Успокаивал, а сам хмурился и бросал неуверенные взгляды вниз.

Глава 24

Деревня на ладони. Земляной эскалатор

У подножия холма раскинулась маленькая живописная долина. С трёх сторон её обнимали густые фиолетовые леса. Удивляла необычная форма долины – ладонь! Гигантская ладонь с растопыренными пальцами. Да-да! Будто какой-то великан приложил ладонь к земле и обрисовал её контуры, чтобы оставить на века свой отпечаток.

Пальцы сказочной долины были окрашены в жёлтый цвет – это колосились золотом пшеничные поля. В промежутках между пальцами растеклись голубые водоёмы – оросительные каналы искусственного происхождения. Так решил Петюнька, отметив, что у каналов чересчур уж правильные треугольные формы. Правда, каналов было всего три. Четвёртый водоём представлял собой широкое озеро. Между большим и указательным пальцами оно плескалось бирюзовыми волнами.

В разных местах долину прорезали оранжевые линии – дороги, как понял Петюнька. По самой длинной из них и ближайшей к холму (той, которая соответствует линии жизни на человеческой ладони) мчалась, поднимая оранжевую пыль, крытая карета. Вместо лошадей были впряжены четыре зелёных кузнечика. Корпус кареты состоял из нераскрытоного бутона алого тюльпанчика и зелёных листвьев. Зелёных, а не фиолетовых, которые росли вокруг! Обратив внимание на это, малыш предположил, что карета заезжая, что она из другого мира. В качестве колёс были приспособлены круглые грецкие орехи. Скорее всего, полые изнутри.

По бокам экипажа гарцевали верхом на кузнечиках два всадника – полосатые пчёлы, опоясанные красными поясами и с кривозубыми саблями наголо. Ещё четыре таких же вооружённых всадника следовали за каретой. А вот кто управляет экипажем, Петюня разглядеть не сумел. Он находился слишком далеко от дороги, карета ехала очень быстро, да ещё её накрыло облако пыли. И, тем не менее, мальчик мог поклясться, что кучер не был ни пауком, ни пчелой. А ещё на голове у него была невероятно широкая

шляпа. Такие головные уборы носят ковбои в американских приключенческих кино, которые так любит смотреть Яшка.

Карета промчалась мимо. Оранжевое облако немного покрасовалось на фоне фиолетового неба и рассосалось, будто ничего и не было. Но сюрпризы на этом не закончились.

Открыв рот от изумления, Петюня любовался сказочной деревней, которая лежала буквально на ладони в обрамлении фиолетовых лесов, золотых полей, голубых каналов, бирюзового озера и оранжевых дорог. Все дома деревни были построены из тыкв: чисто-жёлтых или жёлтых с зелёными полосками, рыжих, белых, красноватых, салатовых, круглых, овальных, в форме фонарика, яйца, цветочка, огурца... Земля между тыквами, как и тропинка, по которой паук-гостеписец провёл Петюню и его друзей, была устлана соломой.

Сказочный мир, открывшийся Петюне, был поистине прекрасен! Мальчик, поддавшись чарам, даже позабыл, что мир этот принадлежит монстрам. Ну, очень сложно было поверить, что пауки способны создать такую лепоту...

– Быстро, быстро! Надо спешить! Спускаемся вниз! – приказал паук.

Провожатый нажал правой передней ногой на красную кнопку полосатого пограничного столба, чем привёл в действие какой-то механизм, спрятанный внутри холма. Крутой склон завибрировал, задрожал, пошёл волнами. Это заработал сказочный эскалатор.

Паук-гостеписец одной из своих мохнатых лап изобразил жест, который следовало понимать так: ну, чего ждёте?

Ближе всего к краю холма стоял Вьюга-вьюн, поэтому ему и выпала честь первым спуститься по движущейся лестнице. Вьюн хорохорился, делал вид, что ему всё напочём. Он подтянул штаны, потуже затянул узелок головной косынки и браво, эдаким марширующим шагом подошёл к эскалатору, занёс над скользящими ступеньками ногу и... застыл. На этом храбрость Вьюна закончилась.

– Быстро, быстро! Вниз! – повторил приказ паук и без зазрения совести подтолкнул букву «В».

Вьюга-вьюн пошатнулся и упал... К счастью, попой на ступеньку. И таким макаром, сидя, он спустился вниз.

— Я церемониться не буду. Бегом все вниз! Пошли!!! — закричал, брызжа слюной, паук, которому надоело панькаться с гостями.

Впрочем, с гостями ли? Петюнька начал подумывать, что Бурундун всё-таки был прав, и что их воспринимают в этом мире вовсе не как друзей.

Вторым после Вьюна на эскалатор ступил Гагатун. Наученный печальным опытом своего товарища, который сейчас стоял внизу и потирал ушибленную попу, клоун вёл себя подозрительно смирно, учитывая его необузданный нрав: не кривлялся, не дурачился, стоял спокойно, поэтому и спустился без приключений и ненужных травм.

— Следующими пойдём мы, — сказал Абра-ар Петюньке и буквеке «Д». — Держитесь друг за друга, чтобы не упасть.

— Ага! Ага! — с готовностью согласился с профессором мальчик, радый поддержке друзей.

Ездить на эскалаторе, в отличие от большинства ребят, Петюня побаивался. Ему всегда казалось, что в каком-нибудь отверстии застрянет ботинок или куда-нибудь засосёт штанину. Правда, в земляном эскалаторе отверстий не было, и переживать из-за ботинка или штанины смысла нет. Зато отсутствовали и перила, за которые можно было бы ухватиться при спуске. А склон холма, по которому друзьям предстояло спуститься, был очень крутым! Страшно!!!

Не мешкая, Петюнька прильнул к Абра-ару, обхватил его обеими руками и зажмурился. Дзинь-да-да подошла сзади и нежно обняла мальчика, а заодно и профессора.

— Подождите... — осипшим от страха голосом попросил Бурундун. — Б-б-без меня не идите. Я с вами!

— На счёт три идём вперёд! — предупредил Абра-ар. Поправив шляпу, буква «А» начала считать: — Ра-а-аз. Два-а-а. Три.

Профессор решительно сделал первый шаг, затем второй, третий. Вся компания семенила за ним. И вот уже лестница плавно спускает друзей в волшебную долину.

— Эй, Абра-ар, — шёпотом спросил Петюнька профессора, к которому всё ещё тесно прижимался, — это и есть Сумеречная Долина?

— И да, и нет, — ответила буква «А». — Сумеречная, конечно. Но не вся Долина. Лишь её малая часть. Страна на самом деле огромная и включает в себя множество долин, гор, рек... То, что перед нами, можно назвать прихожей... Да-да, это прихожая волшебной страны.

— Прихожая?.. — не удержался от критики Бурундун. — Таможня это. Таможня и в Антресолии таможня.

Последним на эскалаторе спустился паук. У подножия холма был вкопан такой же, как и на вершине, полосатый столб с двумя кнопками. Восьминогий провожатый ткнул на этот раз в синюю кнопку, и лестница со скользящими ступеньками исчезла. Паук засунул в рот свисток. Трень-трень-трень — разнеслось по долине. По этому сигналу во всех тыквах-домиках зажёгся свет, распахнулись дверцы, выпустив на мощённую соломой деревенскую площадь десятки, много десятков гигантских пауков.

Глава 25

Пауки несут службу. Допрос с пристрастием

Оказывается, пауки бывают не только чёрные, как думал Петюнька. «Шубы» восьминогих чудищ, сползающих к подножию холма, были окрашены в разные цвета. Чаще всего попадались на глаза мальчику рыжие и соломенного цвета пауки. У многих брюнетов на ногах были надеты ярко-оранжевые подколенники.

Пауки не стали мешкать. Двое жёлто-коричневых шустриков с крестами на спинах выплюнули по нити, оплели пришельцев и быстренько потащили куда-то к центру тыквенной деревни. Спасибо соломе! Благодаря ей мальчику не было больно. При иных обстоятельствах он бы признал, что кататься по соломе даже приятно.

«Проезжая» мимо одной из тыкв, фигуристой, красноватой, Петюня заприметил ту самую, из алого тюльпанчика, карету. Кузнечики отсутствовали. Их, наверное, распрягли и отвели в конюшню.

«Интересно.... – задался вопросом малыш. – Как нужно называть конюшню, где отдыхают кузнечики? Кузницей, что ли???

Дверь красноватой тыквы охраняли уже знакомые Петюне пчёлы в поясках и с кривозубыми саблями. Угрюмые охранники не обращали внимания на процессию пауков, стояли неподвижно, как вооружённые истуканы.

Из-под кареты выглядывали две ноги в узких серо-голубых штанинах. Слышно было, как кто-то, ковыряясь во «внутренностях» тюльпанчика, насвистывает какую-то весёлую мелодию.

– Наконец-то встретили двуногого! – обрадовался мальчик. Он почему-то решил, что это к удаче. Повернув голову так, чтобы видно было карету, которую уже миновали, Петюнька крикнул: – Эй, кто там?!! Помогите!!!

Незнакомец (кучер, надо полагать) перестал свистеть. Ноги исчезли под каретой. Через секунду с другой стороны бутончика показалась широкая тёмно-синяя шляпа. Испачканное грязью лицо кучера вытянулось от удивления.

— Тра-та-та-та!? — протараторил обладатель шикарной шляпы, оказавшийся, как понял уже Петюня, буквой «Т». — Мальчик! Откуда взялся мальчик?! И почему вы его связали? Та-та! Да здесь ещё и буквы? Почтенный профессор Абра-ар?! Прекрасная Дзинь-да-да?!?

— Разберёмся, — равнодушно ответил паук-гостеписец. — А вас, уважаемый Типун Таратуста, попрошу не вмешиваться. Не надать шума.

— Конечно, конечно... — вроде бы согласился Типун. — Та-та-та-та... Куда мне? Кто я такой? Всего лишь кучер... Всего лишь буква «Т». Но вот маркиз Медок?.. Что скажет по этому поводу министр?

Паук-гостеписец остановился. Сквозь очки на букву «Т» холодно смотрели восемь чёрных глаз. Типун Таратуста съёжился, но не отступил. Не в его характере было снимать перед кем-то шляпу. Он стоял возле кареты, гордо выпрямив спину, и ждал ответа. Пчёлы за его спиной недовольно, но пока тихонько зажужжали и направили острия сабель на пауков.

— Хм... — ухмыльнулся паук. — Как я погляжу, вам надать напомнить, что высокоуважаемый маркиз Медок числится министром при дворе королевы Жужи. Надать... Да-да, надать посмотреть правде в глаза. Оглянитесь вокруг — здесь не улей! Полномочия министра, будь он трижды уважаемый, не распространяются на Сумеречную территорию. Надать знать своё место... Малчик и иже с ним нарушили границу. Мы обязаны их проверить. Правила писаны для всех.

— Та-та... Конечно... — промямлил Типунчик, при этом подавая знаки пчёлам не жужжать. — Мы знаем своё место.

— То-то! — уже миролюбиво произнёс паук. — Если судьба малчика маркиза заинтересует, милости просим на таможню. А сейчас извините, бýстро идти надать!

Пауки продолжили свой путь. Типун, задумчиво потирая подбородок, долго смотрел им вслед, затем стукнул себя по лбу и быстрым шагом направился к двери. Пчёлы убрали сабли, пропуская букву «Т» в тыквенные покои маркиза Медка.

Петюньку и его друзей тем временем приволокли к овальной белой тыкве. Паук-гостеписец подул в свисток, после чего громко позвал:

— Ляля! Ляля! Сюда! Ко мне! Ко мне!

В светящемся окошке тыквы мелькнуло что-то синее. Тыква слегка покачнулась. Видно было, что внутри неё ходит кто-то большой и тяжёлый. Дверь отворилась. В открывшийся проём протиснулась синяя паучиха. Минимум вдвое шире и выше паука-гостеписца.

Ляля подхватила сеть вместе с Петюнькой и пятью буквами, которую до этого тащили двое пауков-крестоносцев, и направилась обратно к двери. Пока паучиха протискивалась в проём, тыква ходила ходуном. Виу, виу, виу — противно завизжало внутри.

— Ах, Ляля, Ляля... Тебе худеть надоть. Снова сигнализацию сломала... — упрекнул толстую паучиху гостеписец, но сразу же замолчал, столкнувшись с «ласковым» взглядом Ляли.

Синяя паучиха стукнула по коробке, висевшей над дверью, и сирена, подобно очкастому пауку, тоже соблаговолила умолкнуть.

— Кря-кха! Кря-кха! — торжествующе то ли хохотнула, то ли крякнула Ляля и переключила своё внимание на гостей: прилепила их к белой стене, на которой уже висел пленный — усатый коричневый таракан. Естественно, огромный, как и все, кто встречался на пути Петюньке в этом странном мире.

Паук-гостеписец, не снимая рюкзак со спины, уселся за большой белый стол, вынул из рюкзака, словно стрелу из колчана, один из свитков, испещрённый мелким почерком, снял карандаш с серебристой цепочки и приступил к допросу:

— Как звать? Откуда вы изволили прибыть?

Поскольку не было понятно, кому именно заданы вопросы, все молчали.

— Быстро! Быстро отвечать надоть! — вспылил паук и стукнул мохнатой лапой по столу.

Ляля подошла к Бурундуну, которому «повезло» больше всех – он висел рядом с тараканом, навострившим усы-антенны, и хорошенъко встряхнула букву «Б».

– Б-б-батюшки... Почему я? За что??? – прошептал Бурундин, с трудом разлепив побелевшие от страха губы.

– Не-не, Ляля. Начнём не с этого трусивого ворчуна. Меня интересует малчик! – дал указание паучихе гостеписец.

Ляля отпустила Бурундуна и приблизилась к Петюньке.

Не дожидаясь, когда паучиха вцепится своими страшными лапами, малыш представился:

– Я – Петя Ложкин. Меня многие знают как Петюнька Очкастый. Прибыл я из своей прихожей, через дверь, отражённую в зеркале трельяжа.

– Вот как? – удивился паук. – А как малчику удалось открыть дверь?

Петюнька честно признался:

– Я прочёл заклинание: Абра-ар, Бурундин...

– Тише!.. – перебил малыша гостеписец. – Не надоть здесь колдовать. Я так полагаю, малчик есть колдун? Так-так, шпиён Сморчка.

– Какой я шпион?! – возмутился Петюнька, чем навлёк на себя гнев Ляли, пнувшей в грудь мальчика волосатой синей лапой.

– Ах, почтеннейший гостеписец, не извольте гневаться, – не утерпел всё-таки и вмешался Абра-ар. – Вы разговариваете сейчас с другом самого Яшки – Мальчика с Чистым Сердцем!

– О-ля-ля! – удивлённо выдал паук.

Синяя паучиха обернулась и одарила гостеписца вопрошающим взглядом.

– Да я не тебе... – махнул лапой паук. Записав что-то красным карандашом в свиток, он спросил: – Какова есть цель прибытия к нам малчика?

– Э-э-э... – неуверенно заэкал Петюнька, который сам точно не знал, какова его цель. Немного подумав, малыш сказал: – Я пришёл, чтобы победить Сморчка и освободить всех панов Сонек.

Таракан на стене вздрогнул, направил оба усика на мальчика. Этот жест никто не заметил, кроме буквы «Б», но Бурундуна подумал, что противный таракашка таким образом с ним здоровается.

– Б-б-б-е-е... – скривилась буква «Б», явно не испытывая удовольствия от такого знакомства.

– Я – Шуршунчик, – прошептал таракан и похлопал Бурундуна по щеке своим длинным усиком.

– Очень приятно... – сглотнув, тоже прошептала буква «Б».

Паук-гостеписец отложил карандаш, встал из-за стола. Ответ Петюни его бескуражил.

– Ты? Малчик? Против Трельяжного Князя? Ха-ха! – недоумевал паук. – Но как? Как ты думаешь его победить???

– У меня есть тапочки фея снов и мешочек с сонным порошком, – не подумав, раскрыл свои тайны Петюня.

– Ах... Ах... – стонал Абра-ар.

– Вай-вай! – вторил ему Вьюн.

Дзинь-да-да и Гагатун молчали. Бурундуна и вовсе было не до Петюнькиных тайн. Едва сдерживаясь, чтобы не стошило, он наблюдал за тараканым усом, маячившим перед его лицом.

– Ляля, обыскать надо! – визгливо отдал новый приказ своей тучной помощнице гостеписец. – Потом поместить в стакан правды и просветить лучами.

Синяя паучиха с удовольствием принялась исполнять приказ босса: важно подползла к Петюне, отлепила его от стены и несколько раз встряхнула, будто пыльный половничок. От такого грубого обращения сбежали тапки, упав на пол со стенами и причитаниями:

– Трясут тута... Ох-ох!

– Како так можно? Вообще!...

Усы таракана изогнулись. Если бы кто-нибудь наблюдал за Шуршунчиком, то заметил бы, что его усы меняют свою траекторию в соответствии с перемещением мальчика. Петюньку потащили направо – усы повернулись туда же, Петюньку поволокли налево – усы «смотрят» в том же направлении.

Когда же на пол с глухим «хлоп-хлоп» упали вещи мальчика, стали странно себя вести не только усы. Весь Шуршунчик заволновался. Таракан напрягся, пытаясь порвать нити. Удивительно то, что это ему почти удалось. Некоторые паутинки не выдержали тараканьего напора и лопнули, предоставив возможность Шуршунчику вертеть головой. Таракан изогнулся так, чтобы его голова с длинными усищами опустилась вниз. Усы шевелились, словно две змеи, тянулись к тапкам и мешочку. Глаза таракана неотрывно следили за волшебными предметами, и где-то в их глубине вспыхивали жадными огоньками красно-жёлтые свечки.

Глава 26

Стакан Правды

Ляля приволокла Петюньку в дальний конец белой тыквы, где на полу из тыквенных семечек был выложен круг. Фыркнув, паучиха усадила мальчика в центр круга, похлопала его по голове и не спеша удалилась.

На столе гостеписца неведомо каким образом появился огромный серый пульт с красной, синей и зелёной кнопками. Паук направил пульт на Петюньку, нажал на красную кнопку. С потолка беззвучно опустился прозрачный купол и накрыл мальчика, который, подобно мухе, оказался внутри Стакана. Когда паук нажал на синюю кнопку, гранёные стенки Стакана покрылись разноцветными бликами. После нажатия на третью (зелёную) кнопку загорелись, как самые настоящие фонарики, тыквенные семечки.

Ослеплённый Петюнька прильнул лицом к стеклу. С другой стороны купола проявились размытые контуры его рожицы: с расплющенным носом и оттопыренной нижней губой. Видно было, что мальчик хлопает по стеклу ладошками и что-то говорит, но что именно, не слышно.

— По-моему, Стакан Правды барахлит?.. — решил паук-гостеписец.

Чтобы исправить этот недостаток, он покрутил пульт, похлопал по нему и, в конце концов, несильно стукнул им по столу. Никакого результата. Тогда паук пошёл на кардинальные меры — одновременно нажал на все три кнопки. И опаньки — из Стакана послышались Петюнькины всхлипы.

— Я... Я говорю правду! — доказывал малыш. — Я хотел попасть в сказку, немного завидовал Яшке, завидовал его приключениям... А потом зазвонил будильник, я нашёл коробку с буквами — Яшкин подарок. После этого открылась дверь в зеркале, пришёл в гости фей снов, его поглотила Тень. Но тапочки и мешочек с сонным порошком выпали из зеркала в прихожую. Я их подобрал, тапки обул, мешочек засунул в карман, полетел, попал в Междверное Пространство, а затем сюда... Сам не знаю, как это всё получилось...

– Да что это вы? Разве вы не видите, что мальчик говорит правду?!! – крикнула смелая Дзинь-да-да. – Хватит мучить ребёнка. Достаточно!

– Не-не, мадмуазель, пока это есть недостаточно, – не согласился с буквой «Д» паук.

Мохнатый очкарик кивнул Ляле, уселся на усердливо подставленный ею стул, вытянул вперёд шесть ножек. Две передние лапки паук довольно потирал, словно зритель в театре, предвкушающий приятное зрелище.

Стакан Правды хаотично играл всеми цветами радуги, чувствуя страх заточённого в нём Петюньки. Малыш устал хлопать ладошками по стеклянным стенкам, но не мог остановиться. Ему хотелось скорее выбраться отсюда. Было страшно. Казалось, что не хватает воздуха, что ещё чуть-чуть и...

— Ах... — вздохнул Петюня. Не убирая ладошки со стенки Стакана, он уткнулся в неё лбом и от отчаяния, что ли, начал постукивать им, словно бодающийся баращек. Очки сползли на кончик носа, но Петюнька не спешил их поправлять. Глаза мальчика были закрыты, по щекам текли слёзы. Перестав, наконец, бодаться, малыш сполз на пол. Очки при этом упали ему на колени. Из груди Петюньки вырвался ещё один печальный вздох: — Ах...

Голова закружилась. Всё вокруг поплыло. Мальчик терял сознание.

«Бабочки, наверное, так же умирали, когда мы с Яшкой закрывали их в банке. А я и не знал, что это так больно...» — последнее, что пришло в голову Петюньке перед тем, как отключиться.

Цветной хаос прекратился. Стакан наполнился тёплым молочным светом.

— НадоТЬ думать, малчик получил свой первый урок по сердценаке, — сделал вывод паук-гостеписец, наблюдая за тем, как меняет свой цвет Стакан Правды.

— Достаточно! Вы же его убиваете!!! — кричала Дзинь-да-да.

Ладошки девочки, выглядывавшие из-под паутины, сжались в кулачки. Буковка «Д» пыталась отлепиться. Ей это, к сожалению, никак не удавалось. Зато удалось Шуршунчику. Таракан соскользнул на пол. Убедившись, что пауки заняты мальчиком, он потрусили к оставленным без присмотра волшебным вещам. Его глаза

неестественно блестели, когда длинные усища, извиваясь, ощупывали тапки фея и мешочек с сонным порошком.

– Ай-ай... Куды суёшь свои усища? – запричитала левая тапка, оплетённая уже, словно плющом, усом таракана.

– Фу-фу! – кривилась её правая сестра. – Была феевской тапочкой, а стану тараканьей?.. Какая ужасная судьба... И зачем ему, собственно, тапки?

На такие обидные для таракана речи Шуршунчик не преминул отреагировать, ткнув усом в одну из дырок брезгливой тапки. Под жалобное «ай-яюшки» ус продолжил ощупывание. Только теперь этой чести удостоился мешочек.

В конце концов, тапочкины при чтения привлекли внимание пауков. Огромная Ляля бросилась к таракану. Шустрый Шуршунчик метнулся к двери. С разгону врезавшись в дверь, он включил сигнализацию. Дверь покосилась и всё же таракану не поддалась. Однако когда на Шуршунчика налетела Ляля, несчастная дверь со

скрипом выпала из проёма. Датчик визжающей сигнализации упал на голову паучихе. Таракан и оглушённая Ляля кубарем покатились по соломенной мостовой. Пока синяя паучиха приходила в себя, распутывала ноги, которые во время кувыркания связались в узел, Шуршунчик взобрался на тыкву, расправил крылья и был таков.

Глава 27

Юшкин кот

Восемь растерянных глаз гостеписца, обрамлённых красной оправой очков, выглядывали из проёма, лишившегося двери. Паук хотел свистнуть, чтобы позвать кого-нибудь на помощь (из-за фокусов тучной Ляли на сигнализацию давно уже никто не обращал внимания), но вспомнил, что отстегнул от цепочки свисток-карандаш. Пришлось вернуться к столу, где лежал свисток.

– Вай, выпустите, пожалуйста, мальчика. Ведь уже понятно, что он не шпион! – вежливо, чтобы не злить и без того разозлившегося из-за происшествия с тараканом паука, попросил Вьюга-вьюн.

– Так-так. Надоть отпустить малчика... – на удивление быстро согласился выполнить просьбу буквы «В» паук-гостеписец.

Он по очереди нажал на зелёную, синюю, затем на красную кнопки. Фонари погасли, стеклянный фонарь исчез в потолке. Петюнька неподвижно лежал на полу среди семечек, рядом с ним валялись очки.

Справившись с одним делом, паук отложил в сторону пульт, взял со стола свисток и от души свистнул.

– Юшкин кот! Что за тревога? Что случилось? – громко возмущался кто-то на улице. – Юшка меня в печёнку! Чего тебя, милая, эдак скрутило?..

В ответ – бессвязное мычание и плач. Это плакала и мычала Ляля, которая до сих пор не смогла распутать ноги.

Свист прекратился. Карандаш-свисток выпал изо рта гостеписца, а он не замечал и всё ещё продолжал дуть. Восемь глаз испуганно моргали, восемь ног нервно топтались. По всему видно было, что паук чего-то или кого-то боится.

– Что трясёшься? Небось, не заяц, а паук. Гляди, не спутай ножки, как твоя помощница. Ну и таможня, юшкин кот! – вычитывал паука бородатый дядька, облачённый в богатырские доспехи малинового цвета. На голове – блестящий шлем, на ногах – огромные сапожищи. В правой руке он держал копьё, в левой – щит, на котором выгравирован был витиеватый символ буквы «Ю».

– Ах! Сам воевода пожаловал! Буква «Ю» – Юшка Юговой! Мы спасены!!! – не скрывал радости профессор Абра-ар.

– Га-га! Грандиозно! – впервые за долгое время засмеялся Гагатун.

А вот пауку-гостеписцу было не до смеха. Поправляя очки, он бессвязно объяснял:

– Я... Это... Задержал вот... Сбежал таракан...

Бородач окинул взглядом комнату. Судя по нахмуренным бровям, то, что он увидел, ему не понравилось. Не спеша Юшка Юговой переступил через порог. Для него дверной проём оказался слишком низким.

– Юшкин кот! Понастроили тут... – ругалась буква «Ю», которую угораздило стукнуться головой о косяк.

«Дзон-дзон-дзон» – вместо сигнализации звенел металлический шлем воеводы.

– НадоТЬ исправить? Мы исправим, высокоуважаемый воевода! Проходите, присаживайтесь! – угодливо сутился перед важным гостем паук-гостеписец.

Юшка не отказался от предложенного стула. Прежде чем сесть, он кликнул одного из своих стражников:

– Твердолоб, бегом сюда!

На зов воеводы в дверь вломился здоровый детина – буква «твёрдый знак» («ъ»), чей символ был вышит на красной сорочке. Тоже в шлеме, только дырявом на затылке. Из дырки выглядывали собранные в длинный хвост волосы Твердолоба. Наверное, в шлеме они не помещались. Стражник тащил с собой металлическую, с пупырышками дубину и алебарду – длинное копье с насаженным боевым топором. Лезвие топора застряло в дверном проёме. Твердолоб с силой дёрнул оружие и выдрал кусок тыквенной стены.

– Юшкин кот! Ну и верзила!.. – ругнулся по обычаяу Юшка Юговой, не скрывая, впрочем, восхищения силой своего неуклюжего стражника. – На, возьми копьё.

Стражник переминался с ноги на ногу, неуверенно оглянулся – куда бы деть алебарду? Мотнув пару раз хвостом (это означало, что

Твердолоб думает), он нашёл выход: свою шикарную дубину зажал между коленями, чтобы освободить левую руку для копья начальника.

Воевода отдал оружие помощнику, уселся на предложенный стул, расставил ноги, уложил на колени щит и облокотился на него, будто это была столешница.

– Юшки бы свеженькой, горяченькой похлебать... С зелёненьким лучком! – мечтательно произнёс Юшка Юговой и даже причмокнул.

– Надоть юшку? Сделаем! – пообещал паук и направился к двери (тому, что от неё осталось), чтобы распорядиться насчёт угощения.

– Юшкин кот! Куда это ты пополз? Какая юшка? Ты мне зубы юшкой не заговаривай. Тьфу! Давай, членистоногий, рапортуй. Только членистораздельно. Ге-ге! Членистоногий – членистораздельно... Ге-ге! – сначала вспылил бородатый воевода, а потом засмеялся собственной по-солдатски грубоватой шутке.

Паук вздохнул. Совсем недавно он раздавал приказы, был хозяином положения, а сейчас вот вынужден выполнять чужие приказы и слушать несмешные шутки. Да ещё Ляля где-то запропастилась...

– Ну? Я долго буду ждать, юшка меня в печёнку? – прикрикнула буква «Ю» и стукнула кулаком по щиту.

Паук часто заморгал. Создавалось впечатление, что он вот-вот заплачет. Но нет! Гостеписец взял себя в руки. Вернее, в свои восемь мохнатых лап.

– Этот малчик... – паук указал на Петюньку, который уже пришёл в себя, сидел внутри круга и ощупывал пол в поисках очков. – Он пересёк границу зайцем. Без уведомления таможни. Нам надоть было проверить, не послан ли малчик Сморчком.

– Юшкин кот! – перебил паука воевода. – Шире открой свои глаза, коль очки тебе не помогают. Ты что, юшкина башка, не видишь, кого задержал? Речь идёт о ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ детёныше! Какой из него, юшка через коромысло, шпион?!

— Знаете ли! — неожиданно повысил голос гостеписец. — Мы, пауки, испокон веков несём службу на границе. И кто, как не мы, так хорошо знает сущность человеков, о которых вы так печётесь? Сколько несут они в себе черноты, которую мы, пауки, вынуждены стеречь?! Вся та чернь, которая норовит сейчас просочиться в свет, не от человеков ли?.. У нас, пауков, нет веры человекам.

— Эх, хитрая юшка... Как заливает! — немного смягчился строгий Юговой. — Ну, проверили вы детёныша. А буквы вам на что? Буквы — поданные Антресолии. Как посмели вы их приkleить, будто преступников, к стене? Маркиз Медок, а он уже в курсе, сообщит о данном инциденте Жуже. Ха, юшка меня дери, если уже не сообщил... Медок своё дело знает. Не пройдёт и сумеречных суток, как обо всём доложат Барсениусу. Юшка моя! Что скажет посол Плюнь-Чпок?! Что скажет Его Величество Лут, у которого гостит сейчас Барсениус? Ты понимаешь, юшка ты драная, что пахнет жареным скандалом? Это межмирный конфликт!

— Малчик и иже с ним пересекли границу незаконно, — продолжал настаивать на своём паук. — Это засекли радары. Нам надоть было отреагировать. Тем более что при нём были волшебные вещи.

— Какие такие вещи? — спросил воевода, от удивления забыв добавить ругательства с «юшкой».

— Тапочки фея снов и мешочек с сонным порошком, — медленно произнося каждое слово, сообщил паук. — Вы, надоть думать, знаете, какова ситуация с панами Соньками? И тут появляется малчик со всеми этими феевскими атрибутами...

— Вот это новости! Вот это да! — приговаривал Юшка Юговой, задумчиво поглаживая свою роскошную, лишь слегка посеребрённую сединой бороду. — Пампам-пампам... Ну что ж... Давай показывай эти... волшебные вещи.

— О, бистренько исполним, — обрадовался паук смене настроения воеводы.

Он хотел по привычке кликнуть Лялю, чтобы перепоручить ей относительно феевских вещей, но вспомнил, что помощница где-то

отдыхает, и самолично пополз к стене пленных, возле которой Ляля обыскивала мальчика. Тапочки и мешочек фея снов должны были по-прежнему лежать на полу. Так думал гостеписец, но, как оказалось, он ошибался. После неприятности с тараканом кое-что изменилось, и это кое-что паук заметил только сейчас: вместо двух тапочек рядом с мешочком лежала всего одна – правая. Левая же сестрёнка исчезла. Видимо, её стащил-таки Шуршунчик.

– Катастрофа! – испуганно крикнул паук-гостеписец. – Одну тапку украл таракан! Надоить думать – он и есть шпиён Сморчка...

– Что?!! – взревел, словно разбуженный посреди зимы медведь, Юшка Юговой. – Так вы упустили настоящего шпиона? Да ещё позволили ему унести с собой волшебный предмет? И до сих пор не объявили перехват??? Юшку тебе на голову!!!

Поддавшись гневу, воевода вскочил со стула. При этом он забыл, что до этого с ним никогда не случалось, о щите, который упал и пришиб Юшке обе ноги.

– Юшкин кот... Юшку тебе в печёнку... Юшка подери!!! – кричал воевода. А глотка у него лужёная, командирская. Похлеще сигнализации будет!

Паук растерянно пятился к столу. Твердолоб рад был помочь, но не мог: руки заняты оружием, к ногам приставлена пупырчатая дубина.

К счастью для Юшки, на его крик в тыкву вбежал стражник в голубых доспехах – буква «мягкий знак» («ъ»). У него, как и полагалось, был полный богатырский набор: сапожища, шлем, копьё с острым наконечником и гладко обтёсанная деревянная дубина.

В отличие от Твердолоба, долго думающего и мотающего хвостатой головой, буква «мягкий знак» сразу смекнула, что надо делать. Стражник быстренько сложил своё оружие на стол, отчего ножки стола подкосились, а столешница треснула, и ухватился за щит, чтобы поднять его. Но не тут-то было... Юшка Юговой слыл знатным силачом. Специально для него двадцать лучших антресолевских кузнецов выковали, а двадцать лучших магов заговорили волшебный щит. Никто, кроме воеводы, не мог

справиться с ним. Недаром щит украшал герб владельца – символ буквы «Ю».

Наблюдая за тщетными попытками товарища приподнять щит начальника, Твердолоб съязвил:

– Что, Мякиш? Кишка тонка? Смотри, пупок не надорви!

Буква «мягкий знак», не отвлекаясь от процесса, сквозь зубы процедила:

– Твёрдая ты башка... Подсоби...

– А! – дошло, наконец, до Твердолоба. – Сейчас! Погоди!

Не найдя лучшего места, он свалил оружие туда же, куда и Мякиш, – на бедный письменный стол, который не был рассчитан на такую нагрузку и, естественно, рухнул.

– Надоть же... Надоть же так-то? – причитал, оплакивая свой стол, паук-гостеписец. – Варвары! Варвары, а не буквы!..

Мякиш и Твердолоб вдвоём пыхтели над щитом, то и дело стукались лбами, словно пасхальные яйца, но даже приподнять его не сумели. Терпение воеводы лопнуло. Кряхтя, он ухватил нерадивых помощников за вороты рубах и вместе со щитом, за который крепко держались стражники, отшвырнул их в дальний угол тыквы. От удара в стене образовалась кривая трещина. Будто на дрожжах, она росла, рассекая теперь уже потолок. Тыква покосилась.

Глава 28

Операция «Перехват»

— Юшкина дубина! — орал на паука воевода, у которого даже глаза покраснели от злости. — Чего стоишь? Объявляй давай перехват, пока не ушёл таракан твой! Тараканы — они, знаешь, ю-ю-юркие! Тью-тю, и всё...

Паук промямлил что-то по поводу того, что таракан не его, засунул в рот таможенный свисток и так, свистя, выскочил на улицу. Там его ждала толпа недоумевающих пауков. В том числе и Ляля, которой наконец-то удалось распутать свои ножки.

— Тревога! Тревога! — выплюнув свисток, объявил собравшимся сородичам гостеписец. — Сбежал таракан — опасный преступник. Агент Сморчка. Он попытается пересечь границу, открыть дверь. Нам надо поймать его! Приметы преступника: длинные усы, коричневый окрас, при нём должна быть одна голубая тапка. На левую ногу! В случае сопротивления огонь на поражение! Всем приступить к выполнению операции «Перехват»!

Юшка, прихрамывая на обе ноги, и его стражники при полном вооружении также покинули помещение, выдрав из тыквы ещё один кусочек (опять застряла алебарда Твердолоба). Похоже, про мальчика и его товарищей все забыли.

Петюнька окончательно отошёл от испуга, перенесённого во время допроса внутри Стакана Правды. Первым делом он бросился освобождать друзей. Только паучьи нити были слишком крепкими, и мальчику не удалось их порвать. Ножа или какого-либо другого острагого предмета, которым можно было бы перерезать путы, под рукой не оказалось. Петюня беспомощно пожал плечами.

— Б-б-батюшки, когда же это всё закончится? — бубнил Бурундун. — Б-б-бардак! Б-б-беспредел!

— Вай, это нормально? Вот-вот рухнет тыква, и нас накроет... Вай-вай! — переживал Вьюга-вьюн.

— Дружочек, если вас не затруднит, посмотрите в окошко, — попросила Дзинь-да-да. — Что там происходит?

— Ах, милейший, сделайте одолжение, — присоединился к просьбе буковки «Д» профессор.

Петюнька послушно пошлёпал босыми ножками к перекошенному окошку, прильнул к золотистому, цвета топлёного молока с мёдом, стеклу. Первое, что он увидел, — это паника, царившая в паучьих рядах. Пауки бегали туда-сюда, сбивали друг друга с ног. У некоторых бедолаг, как и у Ляли, ножки спутывались. Прочим паукам приходилось останавливаться возле страдальцев и подолгу пыхтеть, распутывая затейливые узлы.

Воевода со своими стражниками расположился неподалёку от окошка и громко комментировал то, что видел:

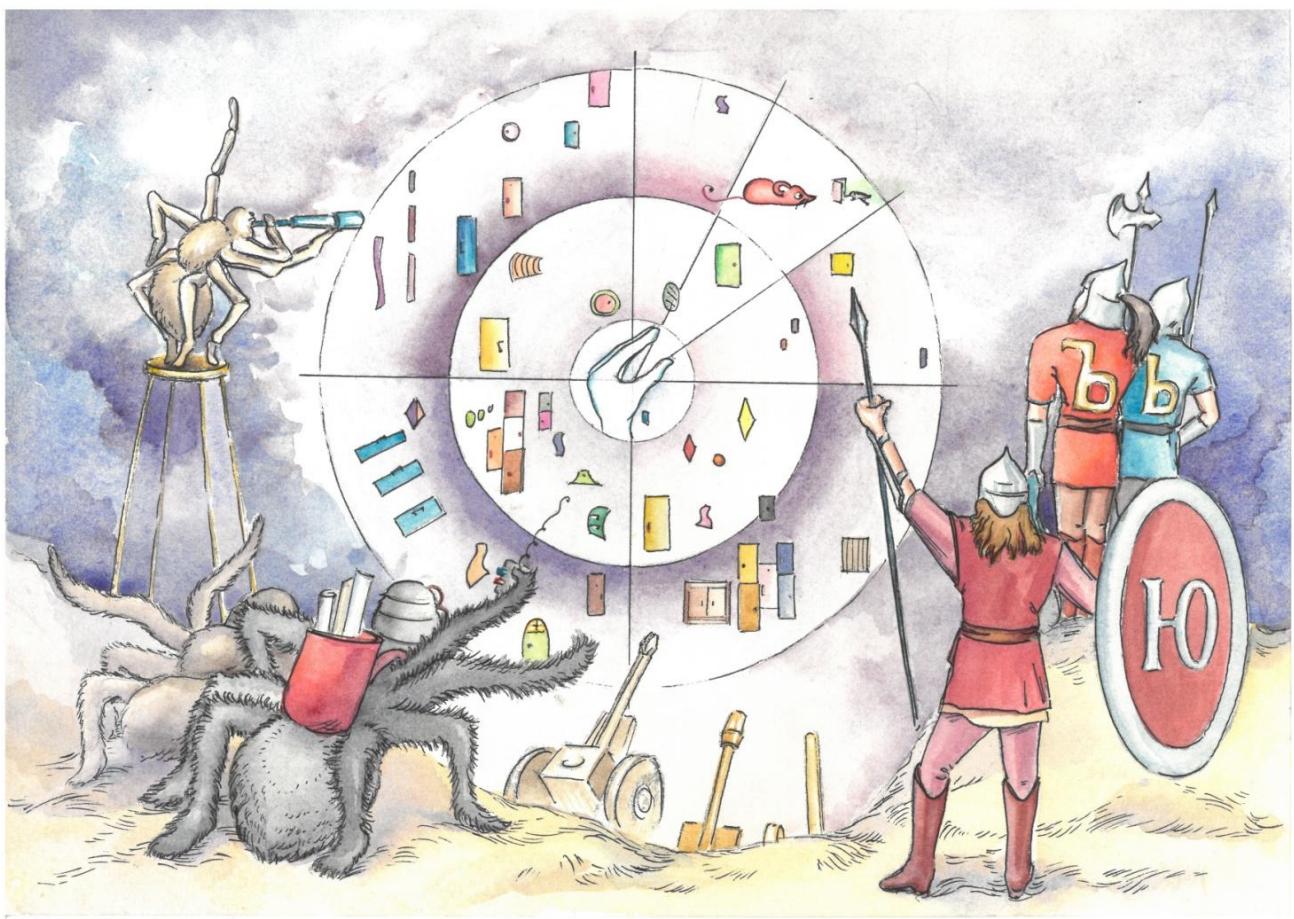
— Юшкины дети — это паучье племя... Ну и таможня, юшка меня дери... Дисциплины — нуль. Порядка — нуль. А хвалятся как? Мол, пограничные стражники... Юшка им цена, скажу я вам. Нуль без палочки.

На этом месте бородатый эксперт вынужден был прервать свои витиеватые ругательства, поскольку его внимание привлекло кое-что интересное. Пауки приступили к решительным действиям: включили волшебные радары и подготовили бобовые пушки. Лазерные лучи разрезали фиолетовое небо, будто черничный пирог, на сотни кусочков. В каждом таком кусочке высветилась дверь. Небо сейчас напоминало огромную дверную карту.

В лапах паука-гостеписца оказался уже знакомый Петюньке пульт. Мохнатый очкарик, напустив на себя деловой вид, поковырялся немного в приборе, настраивая его на новый режим работы, после чего по очереди несколько раз нажал на каждую из кнопок. На небесной карте высветилась человеческая рука. Не настоящая — иллюзорная. Это был всего лишь мираж, свечение, приобретшее форму руки.

Всякий раз, когда паук нажимал на какую-то кнопку, рука-мираж двигалась слева направо или наоборот справа налево, вверх, а потом вниз, сжимала и разжимала пальцы, хваталась за кусочек «пирога» и растягивала его, увеличивая картинку во весь небесный экран. Убедившись, что возле двери, изображённой на данной

картинке, правонарушителя нет, паук при помощи волшебного пульта разжимал пальцы руки и отпускал выхваченный из карты кусочек неба, который уменьшался в размерах и возвращался на своё место. Картинку за картинкой, дверь за дверью, которыми было напичкано небо Сумеречной Долины, обыскивал паук-гостеписец. А страна эта большая! И дверей, ведущих в иные миры, тоже накопилось немало. Так что процесс «прощупывания» фиолетового неба занял приличный отрезок времени.

Воевода устал ждать. Стукнув копьём о мощный щит, Юговой прорычал:

– Юшку тебе на голову! Такими темпами мы далеко не уедем. Придумай что-нибудь другое, членистоногий, а то таракан твой ускользнёт. Ты лично будешь рапортовать потом послу Плюнь-Чпоку. А он подобные фокусы не прощает.

– Таракан – не мой! – возразил паук.

– Может, и не твой, но зачтут, будь уверен, тебе в вину, – настаивал на своём воевода.

Минуты две паук размышлял, затем перевернул пульт, поменял батарейки, вытянул смешную антенну, направил на небо и «выстрелил», нажав на красную кнопку. На фиолетовом экране помимо дверей и руки появился ещё один объект – светящаяся красным мышка. Этот зверёк, сотканный из света, побежал по небу, быстро перебирая лапками и перелистывая одну за другой картинки. Поиск значительно ускорился.

– Юшкин же кот, ведь можно было сразу поставить на автомат, а не клацать вручную? – кряхтел в бороду Юговой. – Сколько времени потеряли...

– Есть! Засекли! – не обращая внимания на критику, сообщил гостеписец и указал на светящуюся мышку, которая застыла в верхнем правом углу экрана.

Туда же поспешила призрачная рука. И как раз вовремя, поскольку Шуршунчик уже готов был покинуть Сумеречный Мир. У таракана был свой метод открывания сказочных дверей. Свободным усом (второй ус был занят тапочкой) он ковырялся в замочной скважине, да так ловко, что замок, щёлкнув, открылся. Дверь нехотя, со скрипом приоткрылась, но тут же захлопнулась, снова приоткрылась и захлопнулась. И так несколько раз. Всё происходило настолько быстро, что даже юркий таракан не успевал сориентироваться и уловить момент, чтобы проскользнуть в щель. Волшебная дверь явно капризничала, не желая вот так просто выпускать усача. Когда она, словно рот старой зевающей дамы, приоткрывалась, в фиолетовую атмосферу просачивалась зеленоватая космическая пыль. Облака из пылинок медленно и важно расплывались по небу, расцвечивая вечные сумерки зелёной зарёй.

– Ах, как красиво! Небо светится зелёным! Мне папа как-то показывал фотографию с чем-то похожим, тоже зелёным. Называл это явление северным сиянием... – восхищённо рассказывал друзьям Петюнька. – Нет, вспомнил! Папа говорил, что такое сияние правильнее будет называть полярным, так как оно наблюдается как

на Северном полюсе, так и на Южном. Окрашено может быть в разные цвета, но чаще встречается именно зелёное сияние. Как вот сейчас. Да, красиво! А я вот думаю, что на снимке том не просто сияние было. Природное явление, как говорят взрослые. Да, это явление, но не природное, а сказочное. Это значит, что кто-то приоткрыл дверь в сказку и немного напылил.

Фокусы двери таракану надоели. Чтобы дверь не захлопнулась, Шуршунчик просунул в щель тапку, не спрашивая, естественно, у неё согласия. Небо, словно раскаты грома, пронзили вопли тапки, чьи права так бесцеремонно попрали:

– Ай-я-я-яй! – кричала она. – Я буду жаловаться! Готовьте адвоката!

Не обращая внимания на тапкины причитания, таракан начал просовывать в щель свою усатую голову. Пальцы руки-миража, подоспевшей к этому моменту, сжались в кулак, который с силой обрушился на дверь. Тапка выпала из проёма и пулей полетела вниз. Видно, от испуга несчастная забыла о том, что у неё есть крылья и она умеет летать... Получив оплеуху, дверь перестала зевать, обиженно захлопнулась и плотно сжала «губы». Для Шуршунчика путь к отступлению был отрезан.

– Юшка меня дери, браво! Теперь пушки давай! Ядра заряжай! Наводка на таракана! – кричал воевода, хотя и не был наделён полномочиями командовать таможенным паучьим отрядом.

Пауки считаются гордым народом и не больно-то охотно выполняют приказы посторонних. Даже таких именитых, как Юшка. Он, конечно, воевода, но буквенный, а не паучий... Здесь, в Сумеречной Долине, Юшка Юговой всё-таки был чужаком. Пауки хмурились, не скрывали своего неудовольствия по поводу чересчур уж напористого вмешательства в их таможенные дела бородатой буквы «Ю». И всё же долг превыше всего. Не в меру горячий воевода командовал и даже ругался всегда по существу. Пауки – мудрый народ и умеют, если нужно для дела, пойти на компромисс. Поэтому на распоряжения Югового, горохом посыпавшиеся на паучьи головы, таможенники ответили достойно – горохом.

Дула таможенных пушек (гигантских стручков бобов, фасоли и гороха) поднялись вверх и с любопытством уставились в небо, наряженное в фиолетовое платье в дверную клеточку.

– Заряжа-а-ай! – зычным голосом приказал Юшка.

Со всех сторон зашевелилось множество мохнатых паучьих лапок. Раздались щелчки. Как по сигналу, дула-стручки «расстегнулись», и Петюнька отметил, что внутри они полые. Но этот недостаток усердные пауки быстренько исправили – затолкнули в пушки ядра. В качестве таковых выступили круглые горошинки и немного приплюснутые, эллиптической формы бобы и фасолины разного цвета. Начинённые ядрами стручки захлопнулись. Щёлк, щёлк – отчитывались перед командиром пушки, демонстрируя свою полную боеготовность.

– На таракашку целься-а-а! П-п-пли-и-и!!! – смакуя каждое слово, отдал очередной приказ воевода.

Первыми выстрелили бобы: бом! бом! бом! Далее в ход пошла фасоль: фах! фах! фах! И наконец, горох: грох! грох! грох!

– Гром гремит, что ли? – спросил Петюню Гагатун.

– Да нет, это бобовая канонада, – махнув рукой, пояснил малыш. – Обстреливают таракана.

– Поделом ему. Нечего чужие тапки воровать и шпионить. Б-б-бардак! – бурчал Бурундун. Вспомнив недавние «лобызания» с Шуршунчиком, буква «Б» скривилась: – Б-б-бе-е-е...

– Га-га-га! Га-га-га! – смеялся над Бурундуном Гагатун.

– Вай, а что там таракан? Попали? – интересовался Вьюн.

– Пока не знаю. Не видно... – неуверенно ответил Петюнька.

Честно говоря, обзор, открывшийся из маленького тыквенного оконца, был недостаточен, чтобы в деталях разглядеть разыгрывающуюся в небе баталию. К тому же сумерки и тусклое стекло ухудшали видимость. Малыш досадливо тёр рукавом оконце, дышал на него, снова тёр, но стекло не стало прозрачнее.

– Вай-вай, а ты выгляни на улицу. Там виднее будет! – подсказал Вьюн. Заметив, что мальчик растерялся, привёл весомый аргумент: – Самое интересное ведь пропустим...

– Да-да, я сейчас, – пообещал малыш. Ему самому не терпелось узнать, чем закончится бомбёжка.

Подкравшись на цыпочках к дверному проёму, Петюня осторожно высунул голову. Снаружи трёмя горами над ним возвышались мощные фигуры богатырей. Юшка и его верные стражники стояли спиной к тыкве, к тому же были слишком увлечены пальбой горохом по таракану, поэтому мальчика никто не видел и не слышал. Петюньке это было только на руку. Хотя малыш ещё не успел приобрести обширный жизненный опыт, он всё же понимал, что с вооружёнными стражниками лучше лишний раз не сталкиваться.

Бом-фах-грох! Фах-грох-бом! – гремело небо. На глазах изумлённого Петюньки разыгрывалась грандиозная игра в пейнтбол. Обстрелянный ядрами по небу метался таракан, тыкался головой то в одну, то в другую дверь, однако двери, которым, кстати, также порядком досталось, не желали выпускать шпиона.

Одно из ядер (кажется, белая с расплывшимися красными кляксами фасолинка) задело Шуршунчика. Таракан кувыркнулся, неуклюже заскользил ножками по оранжевой двери, возле которой его зацепило. Усищами Шуршунчик пытался ухватиться за дверную ручку, но ручки этой на двери не оказалось.

– Вот почему двери безрукые! – хихикнув, сделал вывод мальчик. – Это из-за таких вот диверсантов, как таракан. Чтобы сложнее было войти или выйти, если нет на то разрешения.

– Ну, так что там с тараканом? Попали? – не унимался Вьюгавьюон.

– О да! Прямым попаданием. Такой вот фасолиной! – рассказывал шёпотом Петюня и для наглядности показывал руками, какого размера была фасоль, ставшая роковой для Шуршунчика.

– Гадость! Какая гадость! Га-га-га! – ругался, смеясь, Гагатун. Только он умел и смеяться, и ругаться одновременно.

Пауки уже подготовили сети для шпиона – натянули над тыквенной деревней паутинистый гамак. Осталось лишь дождаться, когда таракану надоест кувыркаться, и он угодит в сеть.

Только вот Шуршунчик не собирался сдаваться, несмотря на то, что его правое крыло было подбито фасолиной. Балансируя в небе, кишащем ядрами, только на одном левом крыле, таракан распрямил и раздвинул в разные стороны, будто настраивал антенну, свои усы. Затем раздался треск. Это трещал Шуршунчик, причём не просто трещал. Петюнька с изумлением отметил для себя, что в треске угадывается азбука Морзе.

Из папиных рассказов малыш знал, что в азбуке Морзе (она же морзянка) буквы, цифры и прочие символы закодированы в точки и тире. Морзянка – это язык телеграфа. Таким образом передают сообщения корабли другим кораблям или на сушу. Также это язык партизан, шпионов и радиолюбителей. Заключённые в тюрьмах и по сей день перестукиваются, используя морзянку.

Как-то играючи, шутя, старший Ложкин научил Петюньку общаться с помощью азбуки Морзе: стук – это точка, шкрябанье ногтем по столу или ручкой по стене – это тире. Когда мама сердилась за что-то на сына, запрещала выходить ему из комнаты, папка, чтобы поддержать наказанного наследника, передавал ему сообщения из соседней комнаты, то есть стучал и шкрябал: стук – шкряб – шкряб – стук... Такие перестукивания всегда веселили маму, и она переставала злиться.

Шуршунчик не стучал и не шкрябал, а трещал, но в треске его чётко угадывались короткие (равные точке) и длинные (тире) сигналы, которые обозначали буквы, а из букв складывались слова.

– Ух ты! Это же самая настоящая трескограмма?! – решил малыш.

Петюнька не верил своим ушам. Чтобы окончательно убедиться, что догадка его верна, он начал записывать всё, что слышит. Бумагой выступила достаточно мягкая изнутри тыквенная стена, ручкой – ногти мальчика. Попросту говоря, Петюня царапал на стене, оставляя на ней кривые знаки: точки и тире.

Тр – трыр – тр – трыр... – трещал Шуршунчик.

Малыш записывал: « . – . – » (этот знак обозначает букву «я»). И так точка за точкой, тире за тире. В конце концов, Петюньке удалось записать следующее:

.. . – [Я]
.. - - [В]
... - . [П] . - . . [Л] . [Е] - . [Н] ... - [У]
..... [ТОЧКА]
.... - - - - [SOS]
..... [ТОЧКА]
- - - [О] - [Т] - - - [К] . - . [Р] - - - [О] . - - - [Й] - [Т] . [Е]
- . . [Д] . - - [В] . [Е] . - . [Р] - - - [Ь]
..... [ТОЧКА]
.... - - - - [SOS]
..... [ТОЧКА]
.... - - - - [SOS]
..... [ТОЧКА]
.... - - - - [SOS]
..... [ТОЧКА]

Расшифровка: «Я В ПЛЕНУ. SOS. ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ. SOS. SOS. SOS». Знак помощи «SOS» (три точки, три тире, три точки – всё передаётся без пауз, очень быстро) таракан оттрещал трижды. Он точно призывал кого-то на помощь. Вопрос: кого?

Глава 29

Сморчок

— Слышу я, слышу. Растрещался, усатый... — шептали тонкие губы, словно солнце лучами, обрамлённые многочисленными морщинками.

Губы сжались тугим узелком, отчего усилилось их сходство с лучистым солнцем, таким, каким обычно изображают его на своих рисунках дети, затем медленно раздвинулись в улыбку, обнажившую два ряда мелких зубов и красные, воспалённые дёсны. Морщины, глубокими трещинами изрезавшие сухую, пепельного оттенка кожу вокруг губ, образовывали затейливый рисунок — эдакий штрих-код, клеймо времени, отпечаток прожитых лет. Устав улыбаться, губы сомкнулись, вытянулись в дудочку и дунули. Тёплый воздух серебристой дымкой осел на гладкой поверхности зеркала. Зеркала, в которое смотрел старик.

Огромная уродливая голова в таком же огромном уродливом берете, сшитом из зелёного бархата и опущенном рыжим мехом. Неуклюжая шапка, чтобы не сползти набок, крепилась к голове при помощи атласной красной ленты, завязанной в бант под узким треугольным подбородком. Безобразно большие, оттопыренные уши и густая копна каштановых кучеряшек, выглядывавшая из-под берета, добавляли объёма похожей на воздушный шарик голове. Странно, но при такой роскошной прическе на лице старика отсутствовала какая-либо растительность. Ни намёка на щетину. Даже не было бровей и ресниц.

Лишённые естественного обрамления, будто опаленные, глаза с уникальной снежно-белой окраской радужки и иссиня-черными изюминками-зрачками казались пустыми. По-птичьи округлые, они напоминали блюдца, в которых плещется молочными волнами холодное северное море. На дне моря притаилась, свернувшись клубочком, чернота. И чернота эта готовится к нападению.

Голова-купол насажена на тонкую цыплячью шейку, которая крепилась к хилому, короткому тельцу. Не выдерживая тяжести головы, тщедушное тело старика всё время тряслось, а голова

болталась, будто её носитель с чем-то соглашается или, напротив, спорит. Жестокая шутка природы, жалкая карикатура на человека. С виду скорее даже не человек, а гриб с широкой шляпой на тонкой ножке.

Облачён «гриб» был в коричневый, цвета крепкого кофе, камзол, застёгнутый до самого ворота на два ряда золотых пуговиц.

Поверх камзола был надет роскошный кружевной воротник-манишка, сплетённый из зелёных, в тон берету, ниток. Из-под рукавов выглядывали не менее роскошные кружевые манжеты, прикрывавшие до половины кисти рук. Каждый раз, когда старик взмахивал рукой, манжеты красиво распахивались, оголяя узкие с длинными пальцами ладони.

К воротнику крепилась редкой работы брошь, изображающая ящерицу. Изящные формы рептилии, которая сладко изогнулась, образовав «восьмёрку», были выполнены из желтогорячего золота, инкрустированного высшего качества изумрудами. На их свежезелёном фоне сверкали двумя кроваво-красными рубинами глаза ящерицы.

За красный поясок, болтавшийся на талии, была засунута плётка, рукоять которой, как и брошь, украшала зелёно-красная россыпь драгоценных камней.

Короткие ножки старика были обтянуты узкими зелёными штанами, которых, впрочем, почти не было видно под спускавшимся до колен камзолом. Последний штрих к элегантному костюму грибообразного урода – охотничьи, высокие, с отворотами, на толстой подошве сапоги из коричневой кожи. Учитывая небольшой рост старика, каблуки сапог были несколько выше, нежели обычно полагается иметь мужской обувь.

Да, уважаемый читатель, ты не ошибся. Перед тобой тот самый колдун, при упоминании имени которого вздрагивает каждый житель Антресолии. Да, это Сморчок, чёрный маг, провозгласивший себя Князем Трельяжа. В данную минуту, когда ты читаешь эти строки, колдун сидит на низком, грубо сколоченном табурете, никогда не знаявшем, что такое краска, и слегка раскачивается вперёд и назад, вперёд и назад. Широкие ноздри горбатого длинного носа жадно раздулись. Язык облизывает бледно-сиреневые губы. Всё говорит о том, что старик чем-то обеспокоен.

Его глаза прикованы к огромному зеркалу, почти полностью прикрывшему собой стену просторной, абсолютно пустой, если не считать зеркало и табурет, комнаты. Голые серые стены, серый

потолок, серый пол. Везде один холодный камень. Слабое освещение комнаты обеспечивалось несколькими факелами, подвешенными к стенам, – зелёными винными бутылками, узкие горлышки которых облизывали языки пламени.

Периодически сквозь многочисленные, как морщины на лице Сморчка, трещины в потолке просачивался золотистый песок, внося наряду с бутылками разнообразие в угнетающе-серую палитру комнаты. Судя по количеству осевшего на полу песка и толстому слою пыли на стенах, в этом мрачном помещении давно не прибирались. Только зеркало светилось чистотой, из чего можно сделать вывод, что оно имеет особую ценность для хозяина.

Зеркало, как и положено волшебной вещи, было не совсем зеркалом. В нём, как в телевизоре, разворачивались перед белыми глазами колдуна картинки, по которым Сморчок узнавал интересующие его новости.

Видел и слышал Князь Трельяжа всё, что видел и слышал его лазутчик – таракан Шуршунчик, оказавшийся, как бы ни банально это звучало, не совсем тараканом. На самом деле то нелепое существо, которое все воспринимали как хорошо откормленное насекомое, было искусно изготовленным руками самого Сморчка роботом. Его «начинка» состояла из видеокамеры, подслушивающих устройств и многих других шпионских штучек. При помощи глаз, внутри которых время от времени вспыхивали огоньки, Шуршунчик фотографировал и снимал на камеру, посредством усов-передатчиков транслировал на зеркало хозяина те изображения и звуки, которые ему удалось записать на плёнку.

А это значит, что Сморчок осведомлён о пришествии в сказку земного мальчика, о его сопровождающих, о последнем мешочке с сонным порошком, который нашли пауки в кармане Петюнькиной пижамы, о феевских тапках.

– Вот оно как... – задумчиво произнёс старик, по-прежнему раскачиваясь на табурете. Морщинки-лучики отчётиливее отпечатались вокруг губ. – Какую выгоду мы с этого имеем? Что нам с того?

— Мальчик... Мальчик... — тихо просили голоса, совсем близко, за стенкой. — Маленький... Свеженький... Чистенький... Отдай его нам... Мы голодны... Мы хотим мальчика... Его душу...

— Я подумаю, — пообещал Сморчок. — Может быть, потом. Мне нужно присмотреться к мальчику, прицениться. Ишь ты, пришёл победить меня?! Сопляк!

— Мы голодны, мы хотим сейчас, — скулили голоса за стенкой. — Отдай нам его!

— Потом! — сказал, как отрезал, колдун, зло сощурив белёсые глаза. Назойливость голосов его раздражала.

Голоса не унимались. Теперь скрёб раздавался не только за одной стенкой. Казалось бы, голоса были всюду. В стенах, кроме той, что закрыта зеркалом, а также на потолке и полу стали проявляться лица. Они открывали рты и скулили, выпрашивая жертву.

— Хотим есть! Чуем чистое сердце... Завистью изведём... Жадностью отравим... Гневом, злостью одурманим... Ай! Нет мочи терпеть! Отдай! А-а-ау-у-у!!! — сначала клянчил, а потом жалобно завыл хор голосов.

Искажённые ужасными гримасами лица пытались вырваться из камня. Раздался треск, затем зашуршал песок. Это плакали каменные стены, не выдерживающие голодных мук заточённой в них черни.

— Ахуратс, ко мне! — позвал колдун. — Заставь их замолчать! Фас!!!

Откуда-то из угла выскоцила Тень. Приняв подобие пса, она бросилась на стену, стала на задние лапы, а передними била по воняющим лицам. Скрёб поутих, но не прекратился. Тогда Ахуратс оскалила чёрные зубы и зарычала. Намёк был понят. Голоса умолкли. Лица лопались, как мыльные пузыри, оседая пылью на стенах.

— Так их. Молодец, девочка! Ко мне! — похвалил Тень старик и подозвал к себе, протянув для ласки слишком длинную как для короткого тельца правую руку с тонкими аристократическими пальцами. На одном из них красовался массивный серебряный перстень с чёрным камнем размером с перепелиное яйцо.

Тень поспешила на зов хозяина, остановилась перед табуретом, сладко потянулась, улеглась на пол и принялась лизать подошвы коричневых сапог колдуна.

– Ну что скажешь, Ахуратс? Уничтожить мальчишку? Или пока пощадить? – обратился старик к Тени с вопросом, и тут же сам себе ответил: – Подождём. Не верю я, что детёныш попал в сказку случайно. Случайностей не бывает. Но какова же его роль? Что задумал Хранитель, отворяющий двери?

Распростёртая над Тенью ладонь Сморчка излучала мягкий синеватый свет. Пригретая лаской Ахуратс преданно стелилась перед хозяином, тёрлась о сапоги и урчала. Впервые за свою призрачную жизнь, которую и жизнью-то назвать весьма сложно, Тень испытывала искреннюю привязанность к кому-то. Со Старухой, прежней владелицей, всё было по-другому. Это был долг, служба, рабство. Ведьма колдовством подчинила себе Тень, лишив её воли. Сморчок же отнёсся к ней как к равной, приручил умом и сердцем, которое, оказывается, не до конца очерствело. Два одиноких существа нашли друг друга. И эта странная, неожиданная дружба, зародившаяся в недрах тьмы, скрепила их крепче всякой магии. Поистине, нам не дано знать, что прячется в темноте...

Глава 30

Волчья голова

Сморчок пребывал в размышлениях и машинально, не осознавая того, ласкал Тень, шевелил пальцами, как будто чесал её за ушком. Ахуратс заурчала громче. Ей очень нравились подобные ласки, хотя она не имела ни головы, ни ушей, ни вообще чего-либо материального.

Привлечённый урчанием Тени зашевелился мех на шапке Сморчка. Показалась злобная мордочка неведомого зверька. Мех зарычал на Ахуратс точно так же, как совсем недавно она рычала на лица в камне. Зверёк (то, что от него осталось) ревновал хозяина к Тени.

– И ты туда же? Помолчи! – прикрикнул Сморчок. – Не мешай мне думать.

Мордочка обиженно сморщилась и исчезла. Остался лишь мёртвый мех.

В это время в зеркале колдун наблюдал, как кувыркается в фиолетовом небе Сумеречной Долины его таракан-робот, как отчаянно трещит, пересыпая ему секретную трескограмму.

– Помохи просишь? Открыть тебе двери? – приговаривал старик. – Открыть – открою. Так и быть.

Зрачки колдуна расширились. Темнота, притаившаяся в их глубине, выплеснулась в северное море, вмиг очернив белые радужки. Но этого ей показалось мало, и она чернильными струйками потекла по дряблым щекам старика, закапала на камзол, растеклась по рукаву и, наконец, добралась до перстня с камнем, где нашла себе новое убежище.

Перестав гладить Тень, Сморчок протянул руку, испачканную чернотой, к зеркалу. Из глубин чёрного камня выткался тонкий синий луч. Колдун сделал движение, будто забросил удочку. Луч пронзил зеркальную гладь и со скоростью света помчался сквозь зеленоватую пыль. Сотни разномастных дверей мелькали и разлетались в стороны, пропуская луч. Старик не обращал на них внимания. Он искал нужную дверь.

Луч споткнулся, прекратил свой бешеный бег. Цель найдена – жёлтый квадрат. Не мешкая, луч просверлил в нём дырку. Края дырки обуглились и стали крошиться, вследствие чего отверстие увеличилось. Всё происходило слишком быстро. Не успел Сморчок моргнуть, как дырка, подобно опухоли, разъела почти всю дверь.

Сработал механизм воронки. Зелёную пыль стало засасывать в фиолетовую атмосферу. Виу-вау-у – ревел ураган. Таким образом небесные датчики сообщали таможенникам о разгерметизации пограничной двери.

Проход открыт, но таракан не мог им воспользоваться. Разгулявшийся космический сквозняк не давал возможности подступиться к двери. Шуршунчик, уносимый ветром в противоположную сторону от прохода, жалобно трещал.

– Да, надо бы машинку немного подкорректировать, – сказал сам себе Сморчок. – Поставить турбо-ускоритель, что ли?

Руку с перстнем колдун по-прежнему держал вытянутой по направлению к зеркалу. Синий луч, перестав сверлить дверь, помчался за тараканом. Ему преградила путь иллюзорная рука.

– Бум, – самодовольно шептали губы старика.

Рука колдуна дёрнулась вперёд, насаживая на воображаемую шпагу кусочек воображаемого хлебца. Луч пронзил мираж и продолжил свой полёт, как ни в чём не бывало. Иллюзорная ладонь, нанизанная на лучистую нить, безвольно повисла и вскоре рассосалась, словно её и не было.

Луч догнал таракана, вытянулся змеиной мордочкой, ухватился за ус и потащил Шуршунчика к двери. Надо было спешить, поскольку небо уже начало себя лечить: дырка обрастила новой дверной коркой.

Чтобы ускорить процесс, колдун подключил вторую руку, вращал кистью, делая вид, что наматывает леску на катушку. Этот манёвр помог. Таракан успел проскользнуть в щель до того, как образовалась новая дверь. Луч с добычей теперь возвращался домой.

Казалось бы, всё складывалось благополучно, как вдруг заволновалось зелёное естество, так бесцеремонно потревоженное

колдуном. Космическая пыль сгруппировалась в облако, которое приобрело форму волчьей головы. Глаза волка сверкнули зелёными искорками, пасть открылась, чтобы перекусить лучистую нить.

— Ахуратс, — кликнул колдун и кивнул в сторону зеркала.

Тень без слов поняла, что хотел от неё хозяин, метнулась чёрной молнией к зеркалу. Уже через секунду, следуя за лучом, Ахуратс мчалась навстречу разинутой волчьей пасти.

Резким движением руки Сморчок потянул на себя нить. Луч выскользнул из зубов волка. Зверь взывал и бросился вдогонку за нарушителями его покоя. Зубастая пасть то и дело открывалась и закрывалась, но как ни старался волк, ему не удавалось перегрызть нить. Сморчок колдовал мастерски, и каждый раз луч с тараканом ускользали от зубов космического монстра.

— Ну что, поймал?! Мазила... — ликовал колдун. Сначала он говорил шёпотом, но вскоре разгорячился и перешёл на крик: — Ну, твоё какое дело, Ключник? Иди греми своими ключами куда-нибудь в другое место! Не лезь, куда тебя не просят! Слышишь?!

Всё сказанное Сморчком было, видимо, страшным оскорблением для волчьей головы. Ключник, как назвал её стариk, раздул ноздри и выпустил два клуба зелёного дыма. Светящиеся пылинки, похожие на зелёные болотные огоньки, начали вращаться вокруг головы, сгущаться, уплотняться, слепливаться друг с другом, формируя тело огромного монстра. Теперь у космического волка была не только голова, но также мощное лохматое туловище, длинные мускулистые лапы и пушистый хвост, которым разъярённый зверь лихо размахивал.

Через шею волка была переброшена толстая верёвка, выполнявшая роль своеобразного ремешка. На верёвке болталось, громко звеня, неисчислимое множество ключей и ключиков. Этот груз, казалось, волку ничуть не мешал. Монстр легко оттолкнулся, невзирая на ношу, сдавившую ему шею, и так же легко прыгнул, за раз преодолев расстояние, разделявшее его и таракана. Махнув лапой, на которой грозно сверкал острый коготь, он перерезал луч. Однако таракан волку не дался. В последнюю секунду Шуршунчик расправил

крылья и впорхнул в прозрачный экран, по другую сторону которого сидел, раскачиваясь на табурете, уродливый старик в уродливом берете.

Ключник ещё раз махнул лапой, ударил по экрану и медленно провёл по нему когтями. На зеркальной глади перед плачущими чернотой глазами Сморчка расплылись глубокие царапины. Но волшебное зеркало выдержало удар. Приобретя, как и хозяин, «морщины», оно не рассыпалось на осколки.

— Ахуратс... Ахуратс... — шептал, тяжело дыша, старик. Его камзол и воротник были испачканы чёрной кровью.

Волк размахнулся, чтобы нанести решающий удар, сокрушительную силу которого раненое зеркало наверняка не выдержало бы.

— Ахуратс! — в отчаянии закричал Сморчок и закашлялся, выплюнув на кружевные манжеты чернила.

Чёрной простынёю Тень набросилась на волка и ослепила вязкой тьмой его глаза. Смешиваясь с космической пылью, Ахуратс, словно фитиль, гасила одну за другой звёздчатые пылинки, слизывала свет чёрным языком. Из последних сил волк стал на задние лапы, пытаясь сбросить с себя Тень, но верная помощница колдуна ещё усерднее глотала пыль, пила дым, обгладывала звёзды.

Облитый чернотой Ключник гас. Исчезли лапы, туловище, хвост. Остались только голова и шея с гремящим ожерельем из ключей. Волчья морда ткнулась в зеркало. Ключник, истязаемый Тенью, смотрел на колдуна, однако не видел его, так как чёрный яд выел ему глаза.

— Я же предупреждал тебя! — злорадствовал Сморчок, к которому по мере того, как слабел его противник, возвращались силы. — Не вмешивайся! Я, Князь Трельяжа, сильнее тебя! И скоро, очень скоро твои ключи станут бесполезными, ибо я отворю все двери, уничтожу все замки. Больше не будет препятствий. Больше не будет границ. Тогда и твоя голова, Ключник без ключей, будет бесполезна. Хранитель, которому нечего охранять?.. Ха-ха! Ха-ха-ха!!!

Зелёный свет погас. Пресытившись, Тень икнула и выпустила одну пылинку. Маленький огонёк, подобно детскому мячику, поскакал прочь.

Ахуратс бросилась за «недоедками», высунула язык, чтобы слизать последнюю крошку, но колдун остановил её:

– Достаточно. Лежачих не бьют. Ко мне, девочка. Молодец! Молодец!

Чёрные пятна на одежде старика выцвели, чёрные слёзы на лице высохли. Чернота опять свернулась клубочком на дне белоснежных озёр, плещущихся в глазах-блюдцах, и притаилась в ожидании своего часа для нового пробуждения.

Икающая Тень грузно ввалилась через зеркальный портал в комнату, где её приветливо ждала рука хозяина, обещая ласку. Где-то в углу стонал потрёпанный таракан. Тихо перешёптывались, обсуждая новости, лица в камне.

Глава 31

Тыкве капут

— Ого! — рассказывал друзьям Петюнька. — Таракашка хитёр, шлёт кому-то послание, просит о помощи, ждёт, чтобы ему открыли дверь.

— Вай! Ясен пень, кому шлёт. Сморчку! Этому самозваному князю... Как трещит? Как трещит?! Аж уши болят. Надо бы ему антенны подломить. Куда смотрят пауки? На что им столько глаз, коль они не могут как следует запулить бобом в таракашку, не способны заставить его замолчать? Вай! Вай-вай! — возмущался Вьюга-вьюн.

— А мне таракана, пусть он и таракан, даже жалко. Столько бомб, а он один... — прошептала Дзинь-да-да и грустно взмахнула длинными ресницами.

— Небо ранено, — рассказывал дальше малыш. — В нём зияет дырка, и в дырку эту хлынул поток зелёной пыли. О, а ещё я вижу синюю молнию. Это уже не просто сияние, это космическая буря! По-моему, я слышал о дырах в небе. Только в нашем, обыкновенном, том, которое голубое, небе. Если не ошибаюсь, папа говорил мне, что такие дыры называются озоновыми. Может, и здесь, в фиолетовом небе, происходит что-то похожее. Насколько я понимаю, озоновые дыры — это нехорошо. Они влияют на климат нашей планеты. С их появлением ослабевает её защита, и тогда планету жалят такие вот пришельцы из космоса, как эта синяя змея.

Петюнька так увлёкся своими размышлениями вслух о небесных дырах, что забыл об осторожности и с шёпота перешёл на повышенные тона. Впрочем, друзья, привязанные к стене, всё равно не могли расслышать все детали рассказа мальчика из-за грохота пушек и раскатов грома.

Вьюн всё время переспрашивал:

— Что? Что? Вай, повтори!

Гагатун бессмысленно смеялся. Бурундун бурчал. Дзинь-да-да вздыхала. Абра-ар, вспомнив, что давно не чихал, решил восполнить этот недостаток, смачно выдув:

— А-а-пчхи-и!

— Ой-ой, уйдёт! Сейчас уйдёт! Да что же это вы? Да как это? Ах, таракан ускользнул... В ту самую дырку, о которой я рассказывал. Да, действительно дыры в небе вредны... — разочарованно сообщил Петюня.

— Юшка меня укуси, если ты не прав, малыш, — пророкотало над головой Петюньки. — Я бы всех этих пауков, юшку им на голову, батогом, батогом учил, как нужно охранять границу. Позорное тьфу на их восьмиглазые головы!

От страха мальчик пискнул, вжал голову в плечи и начал отступать вглубь комнаты. Вид вооружённых стражников приводил Петюньку в ужас, хотя интуиция подсказывала ему, что букв бояться не следует.

— Ах, милейшие! Ах,уважаемые! Очень просим вас освободить нас от пут. Руки и ноги затекли. Сил больше нет висеть так, словно мы муhi. Пожалейте, будьте любезны, если не нас, то хотя бы даму... — как всегда вежливо, но ослабевшим голосом просил Абра-ар.

— Юшка меня побери! — неожиданно гаркнул воевода, отчего не только Петюня, но даже вояки его вздрогнули. — Пустая моя голова! Как мог я забыть о буквах?! Это всё пауки виноваты. Запудрили мне мозги. Ну что стали, юшкины дети? Бегом марш к стене! Твердолоб заходит справа, Мякиш — слева. Чтобы через минуту все были развязаны!

Стражники ринулись в тыкву выполнять приказ начальника. С чрезмерным, надо отметить, усердием. Бом, бом — звонко запели металлические шлемы, водружённые на их горячие головы. Оба стражника застряли в проходе и беспомощно размахивали руками. Твердолоб, как и следовало от него ожидать, размахнулся правой рукой и рубанул алебардой многострадальную стену. Тыква крякнула и выплюнула на улицу отсечённый острым лезвием кусочек мякоти. Многочисленные трещинки в потолке и стенах множились. Встречаясь, они связывались узелком и продолжали свой извилистый путь, оплетая тыкву паутинкой. Бедная таможня стонала и кашляла. Трещины-швы лопались, с потолка посыпались семечки.

– Га-га! Ещё чуть-чуть, и тыква развалится на аппетитные кусочки, из которых можно сварить вкуснейшую кашу. Добавить туда крупы, медка и маслица. Маслица побольше! Вкуснятина! Сколько будет каши?! Грандиозно! Грандиозно! – радовался, перекрикивая треск лопающейся тыквы, Гагатун.

– Вай, слышал про кашу с топором, а теперь будет с буквами, – мрачно шутил Вьюн.

– Га-га! Чем алебарда не топор? Самое то! А ты, я смотрю, наложил уже в штанишки? Га-га-га! – подтрунивал над другом Гагатун.

– Вот выберемся, дам тебе! По твоей смешливой голове! – грозилась буква «В».

Бурундун качал головой и стыдил расшумевшихся товарищей:

– Б-б-батюшки, вы сошли с ума. Б-б-большой б-б-беспорядок!..

– Ах, это, должно быть, результаты стресса, – предположил Абра-ар.

– Держитесь, Петенька! – кричала Дзинь-да-да, которую больше всего в данную минуту волновала судьба мальчика. – Бегите к выходу! Не ждите нас!

– Ах, спасайте мешочек и тапочку фея, – подсказывал мальчику профессор. – Они вон там, слева.

Петюнька в панике метался между друзьями и окном, под дождём падающих тыквенных семечек, лавируя между вздыбившимися кусочками сочной мякоти. Вспомнив благодаря букве «А» о волшебных вещах, он бросился искать их. Тапочка, которая визжала и ругалась не совсем приличными словами, нашлась сразу. А вот мешочек с сонным порошком куда-то запропастился. Наверное, упал в одну из образовавшихся в тыкве расщелин.

Засунув тапку в карман, малыш пожал плечами. Мимо него с громким топотом промчались стражники, которым, наконец, удалось вызволить из тыквы свои шлемы. Пару раз взмахнув алебардой, Твердолоб рассёк паутинистые верёвки, и буквы со вздохами облегчения упали на пол.

Широкоплечий Мякиш первым делом подхватил Дзинь-да-да и легко, эдак играючи, перебросил девочку через левое плечо. Чести висеть на правом плече удостоились Вьюга-вьюн и Гагатун. Буквами «А» и «Б» занялся Твердолоб – нёс их под мышками. Огромными дубинами стражники расчищали проход, разбивая тыквенные комья в кашу.

Петюнька ползал на коленках, засовывал руки в расщелины, пытаясь нащупать там злосчастный мешочек. Тыква ходила под ним ходуном. Треск усиливался. Можно было подумать, что таможня по-своему хохочет, не выдерживая щекотки. Одни тыквенные кусочки соединялись, наезжали друг на друга, образуя уступы, другие, наоборот, расходились, формируя в оранжевой мякоти каньоны. Каждую минуту, пока длилось тыквотрясение, её внутренний ландшафт менялся. На месте уступов появлялись ямы, вместо ям вырастали горы. Как в таком хаосе найти мешочек?

Малыш растерялся, потёр переносицу, поправил очки. Ему в спину ударило семечко. Не успел Петюня даже охнуть, как такое же семя пульнуло ему в плечо.

«Приятного мало... Хорошо, что не по голове...» – подумал мальчик, но поиски не прекратил, осознавая, насколько дорога затерявшаяся в тыкве вещь.

Разрушительные процессы привели в действие Стакан Правды. То, что от него осталось. Вокруг Петюньки вдруг ни с того, ни с сего зажглись семечки-фонари. Поскольку тыкву всё время тряслось, прожекторы пустились в пляс, выписывая на рушащихся стенах и потолке чудесные световые узоры. Один из прожекторов, светящийся красным цветом, выхватил из сгустившихся внутри тыквы сумерек потерявшийся мешочек. Казалось бы, сама таможня подсказывала малышу, где нужно искать.

Красный луч держал под прицелом мешочек всего несколько секунд, но для Петюньки этого было достаточно, чтобы понять, куда двигаться. Точнее, ползти. Иначе как ползком перемещаться внутри трясущейся тыквы было затруднительно, да и опасно.

— Где-то в десяти шагах слева от меня, — прикинул Петюня. — Хи-хи, в десяти ползках... Раз, два, три...

— Ах! — донеслись с улицы крики Абра-ара. — А мальчика-то забыли! А мальчик остался там! Ах! Ах!

— Б-б-батюшки! Б-б-боже мой! Сейчас рухнет! Сейчас б-б-будет каша! Реб-б-бёнка пришлёт! Спасайте реб-б-бёнка!!! — причитал Бурундин.

Оказывается, ворчун тоже переживал из-за Петюньки. Узнать об этом малышу, что уж говорить, было приятно.

Тыква снова решила помочь мальчику в его поисках. Сразу несколько прожекторов разных цветов указывали на мешочек. С виду получился цветик-семицветик. Мешочек — серединка, прилепившиеся к нему лучики — лепестки.

Малыш дополз-таки, сумел, преодолел препятствия. Он лёг животом на мешочек, едва засунул его за пазуху. На этом силы закончились.

Тыквенный потолок почти смешался с полом. Куда ни глянь — сплошное месиво из кашицы и семечек. Теперь и ползти было трудно. Разве что прорыть ход?.. Но малыш не был кротом, и рыть не умел.

Тыква, переживая агонию, в третий (последний) раз пошла на уступки и попросту выплюнула Петюньку в наполовину сплющенный проём, который недавно был окном. Весь испачканный в тыквенном соке малыш упал на соломенную мостовую. За его спиной, чмокнув, тыква рухнула.

— Тыкве вашей капут, га-га... — хотел было пошутить Гагатун, но вовремя умолк, заметив, как нахмурились пауки.

Особенно переживал гостеписец, лишившийся таможни. Подобно тыкве, паук упал на землю. Он раскачивался и плакал. Ляля пыталась утешить шефа, но гостеписец, истерично хихикнув, отмахнулся от её объятий и уткнулся в солому, чтобы не видеть всё это безобразие.

— Да не переживайте вы так, — не выдержала добрая Дзинь-да-да. — Антресолевское правительство подарит вам волшебные семена

Цыпочки, и всего за несколько минут у вас вырастет новая таможенная тыква. Великий мастер Фло и его помощники оснастят её Стаканом Правды и прочими необходимыми устройствами. Уверяю вас, новая тыква будет лучше прежней. Не так ли,уважаемый воевода?

Юшка Юговой стыдливо кашлянул, ведь, как ни крути, это его оболтусы довели тыкву до кашеобразного состояния. Поняв по обращённым на него взглядам, что не уйти от ответа, воевода всё-таки соизволил извиниться:

– Кх-кх... Это... Ну да... Приносим извинения за доставленные неудобства. Наше правительство, несомненно, компенсирует все понесённые вами потери. Сегодня же отправлю Барсениусу прошение о доставке на таможню внеочередной партии Цыпочкиных семян, а также о командировании сюда Фло-мастера и его команды. Юшка мне на голову, всё будет отлично! Да!..

– Да-да-да! – хлопала в ладоши буковка «Д». – Вот видите, видите?!

– Вашу таможню и так нужно было обновлять, милейший, – вмешался Абра-ар. – Только теперь вам не нужно ждать очереди, и вы всё получите бесплатно. Это большой плюс.

– Вашими устами мёд бы пить, – прошептал паук-гостеписец, в то время как Ляля вытирала большим клетчатым платком его слёзы.

Где-то на другом конце улицы затрубили трубы, а глашатай объявил:

– Дорогу Медовому Высокородию – милостивому, мудрому и могущественному министру всех дел маркизу Медку!

– Жу-жу-жу! – жужжали пчёлы, что в данной ситуации следовало понимать как «ура-ура-ура!».

– Вай, мёд вспомнили, Медок и появился, – сделал вывод Вьюга-вьюн.

Глава 32

Министерский экипаж

К развалившимся таможне поспешили пузатые пауки, подвязанные белоснежными фартучками. Одни из них тащили огромные ложки-лопаты, другие катили бочки. Не теряя времени, пауки приступили к раскопкам – начали собирать кашу. Не были забыты также тыквенные семечки, ведь они очень полезны для здоровья. Паучата-поварята выуживали из каши семечки, а затем раскладывали их с целью просушки на растянутом над деревней гамаке. Том самом, который предназначался для таракана.

– Тра-та-та-та! – услышал Петюнька голос уже знакомой ему буквы «Т». – Работа кипит. Нынче, Ваше Сладкое Высокородие, будет славное угощение!

Протерев очки о подол рубашки и нацепив их на нос, мальчик с любопытством рассматривал подъехавшую к тыквенным развалинам карету. Как и кучер, правивший экипажем, и в частности его широченная ковбойская шляпа, бутончик тюльпана с грецкими орехами вместо колёс, зелёные кузнецчики, выполнявшие роль лошадей, и пчёлы с саблями мальчику были знакомы.

Петюньке дважды довелось повстречаться с каретой-тюльпаном, но только на сей раз он получил возможность полюбоваться министерским экипажем в непосредственной близости. Изумлённому взору малыша предстали некоторые интересные детали, которых раньше с дальнего расстояния он не замечал. Например, передний правый и задний левый грецкие орехи были позолочены, а передний левый и задний правый – посеребрены.

Петюня сразу вспомнил новогодние праздники, готовясь к которым, он вместе с мамой и тётий Зоей развешивал на ёлочке завёрнутые в блестящую фольгу орешки. В течение года малыш коллекционировал красивую обёртку из-под конфет и шоколадок. Чаще всего попадалась серебристая фольга, несколько раз – золотистая, ещё реже – красная, зелёная и прочих цветов. Петюнька был рад любой находке. Красиво же!

Корпус кареты, составленный из алых лепестков тюльпана, по бокам украшала эмблема маркиза – размашисто выписанная золотой краской буква «М». Сверху над буквой была пририсована маленькая корона.

С той стороны экипажа, которая была повёрнута к мальчику, раздвинулись лепестки. Из открывшегося оконца, украшенного в тон тюльпанчику красными занавесочками, высунулась белая пухлая рука. На указательном пальце блестел красной звёздочкой роскошный рубин в золотой оправе.

Рука щёлкнула пальцами. Этим властным жестом маркиз Медок, как понял Петюнька, подзывал его к себе. Мальчик не спеша подошёл к карете. Голые ступни покалывала солома, поэтому он невольно стал на цыпочки.

– Эм-м-м. Молодой человек. Эм-м-м... Мне... о-очень... приятно... с вами познакомиться. Наслышен. Весьма любопытно. М-м-м... Да... – медленно, несколько лениво, растягивая гласные и делая долгие паузы между словами, то ли сказал, то ли промурлыкал загадочный пассажир роскошного экипажа.

Лица министра Петюне не было видно, поскольку оно пряталось за слегка колышущимися занавесками. Только белоснежная рука на красном лепесточке, словно ложка сливок на сочной ягодке, красовалась перед мальчиком, играво поигрывала пальцами с безупречным маникюром.

Петюнька сам не знал, почему, но ему вдруг представилось, что в экипаже сидит толстый кот с усами и хвостом. И, возможно, кот этот сейчас облизывает мордочку, смывая остатки сметаны, которой только что отобедал.

Один из лепестков изогнулся, будто тюльпанчик показывал Петюне язык, а затем плавно опустился на землю, сформировав лесенку с несколькими ступеньками.

Министр сладко промурлыкал:

– Милости просим, молодой человек. Эм-м-м. Пожалуйте сюда.

Указательный палец с перстнем поманил мальчика, после чего рука скрылась в глубине экипажа.

«Подзывает меня, как щенка», – подумал Петюнька и немножко обиделся. Но с другой стороны, ему ещё не приходилось бывать внутри бутона тюльпанчика?.. Поэтому малыш, снедаемый любопытством, послушно ступил на лесенку. Бархатный лепесток приятно пружинил под его босыми ножками. Карета покачнулась, принимая гостя.

Мальчик почти поднялся по лесенке, осталось сделать ещё пару шагов. Неожиданно над каретой раздался оглушительный раскат грома. Испуганные кузнечики запрыгали на месте, карету подбросило вверх. Лепесток, на котором балансировал Петюнька, автоматически распрямился. Ноги мальчика заскользили вниз.

«Хорошо, что солома – не асфальт», – успел подумать Петюня перед тем, как упасть.

До соломы, однако, он не долетел. Чьи-то крепкие руки подхватили его в самый последний момент. По клетчатой рубашке малыш предположил, что это Бурундун раскрыл для него объятия. Но нет. У буквы «Б» рукава закатаны до локтя, а у этого господина застёгнуты на запястьях. Да и выглядит рубашка чище, опрятнее, что ли.

– Тра-та-та, малыш, не нужно падать, – раздалось над ухом Петюньки.

– Типунчик! – обрадовался мальчик такой своевременной встрече с буквой «Т».

– Тра-та, я. А кто ж ещё? Цыц, окаянные! – прикрикнул Типун Таратуста на кузнечиков, которые никак не могли успокоиться и нетерпеливо подпрыгивали. – Тпру, тпру, я вам говорю!

«Гур! гур! гур!» – гортанно пело небо, испещрённое красными молниями. Причём огненные стрелы, как называл молнии малыш, когда пересекались и сталкивались друг с другом, вырисовывали на небе ноты. Петюня имел отдалённое представление о том, что такое ноты. Их однажды показывала ему тётя Зоя. Она рассказывала, что с помощью нот люди записывают музыку. Это тоже, получается, язык, система знаков, передающих какую-то информацию. И хотя для

Петюньки этот язык был пока малознакомым, он был уверен, что видит именно ноты.

«Как интересно! – думал мальчик. – Сначала была карта, а теперь уже нотная тетрадь. Ну и небо в паучьей стране!»

Думать Петюньке помешали фиолетовые кляксы, расплывшиеся на лепестках тюльпана, на соломе, на рукавах красивой, красной в синюю клетку рубашки Типунчика, на пижаме малыша – в общем, всюду.

– Молодой человек, давайте быстрее, – подгонял маркиз Медок. – Небо уже слонявится. Скоро начнётся настоящий чернильный потоп. Эм-м-м. Карету не отмоешь. Давайте поднимайтесь. Эм-м-м. И компанию свою позовите. М-м-м... Да... Быстрой!

Петюнька оглянулся, высматривая друзей. Гагатун и Вьюгавьюн копошились на тыквенной куче, помогали паукам разгребать развалины и раскладывать ценный пищевой продукт по бочкам. Впрочем, эта весёлая парочка не столько работала, сколько баловалась, из-за чего пауки неодобрительно покашливали.

Бурундун сидел на бочке и занимался своим любимым занятием – критиковал и командовал:

– Б-б-батюшки, куда это вы? Да что это вы? Копаете неправильно! Так дело не пойдёт! Б-б-беспорядок! Мякоть по б-бочкам, семечки в мешки! Уметь надо!!!

Профессор Абра-ар, то и дело поправляя очки, шляпу или галстук, о чём-то увлечённо спорил с пауком-гостеписцем и Юшкой Юговым. Дзинь-да-да ласково похлопывала профессора по плечу, утешительно кивала пауку, улыбалась воеводе. Одним словом, все были чем-то заняты.

– Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да! – позвал малыш, забыв, что произнесённые в алфавитном порядке имена его товарищей срабатывают как заклинание.

«Грум, грум» – сердито гремело небо. Небесные двери захлопали, отбивая барабанную дробь. Все разом! Таможенные датчики сошли с ума, взвыв многоголосой сиреной.

— Тра-та, малыш, — отчитывал Петюньку Типун. — Ты что же это? Нельзя разбрасываться волшебными словами. Без надобности не колдуй.

— Ах, милейший, не сердитесь, — заступился за мальчика подоспевший Абра-ар. — Это же ребёнок. Многое не знает, опыта ещё не имеет.

— Да-да, — поддакивала буковка «Д», — малыш не виноват.

В конце тюльпанчика показалось румяное, пышнощёкое лицо министра: пухлые, похожие на две ярко-красные вишенки, губы, тоненькие, завитые, словно нарисованные, усики, крупный нос и добрые, умные глаза, слегка сощуренные, как у ленивого, дремлющего, но всё замечающего кота. Над ушами смешно вздыбились густые каштановые локоны, а посередине круглой головы расползлась лысина, частично прикрытая элегантной красной шапочкой с задорно торчащим вверх золотистым пером. Толстая шея практически утонула в широком красно-белом воротнике. Когда Медок подался вперёд своим массивным, как можно было догадаться, корпусом, чтобы лучше рассмотреть мальчика и компанию, собравшуюся за его спиной, с оконца свесился на красной атласной ленте тяжёлый круглый медальон. На сверкающей чистым золотом поверхности украшения был выложен из красных рубинов символ буквы «М». Медальон слегка раскачивался, мягко ударяясь о бархатный лепесток тюльпанчика.

Дверной оркестр гремел всё громче и громче. Таможенные сирены ему подпевали. Десятки ветряных лифтов прошлись ураганом по долине, закружиив в фиолетовом небе солому. Это уже была не музыка неба, это была какофония. А виноват во всём Петюнька...

Глава 33

Скачки на кузнечиках

— Ах, пребывая в сказке, нужно быть осторожнее со словами, ведь они живые, — шептал на ухо мальчику Абра-ар. — А то вон, что вышло.

— Может быть, наши доблестные таможенники соизволят, наконец, вмешаться и урезонят разбушевавшиеся двери? Что вы себе позволяете? — строго спросил министр.

Разозлившись, он изменил привычной манере говорить. Исчезли долгие паузы между словами и растянутые гласные. Это было уже не мурлыканье, а грозный рык.

— Юшку вам в печёнку, где гостеписец?! — взревел медведем Юговой.

Маркиз Медок бесцеремонно его прервал:

— Молчать! И твоё рыльце, воевода, в пушку. Да какой там пушок? Бородища!!! Как можно было разрушить таможню? Медведи, слоны, гиппопотамы! Тебе бы в цирке выступать, а не командовать армией. Ну где же этот гостеписец?

— Я здесь, — несмело отозвался очкастый паук, спрятавшийся в толпе зевак.

— М-м-м, прелестно. Вы здесь, а должны быть там... Закройте двери! — маркиз ударили кулаком по лепестку, оставив на нём вмятину.

— Система вышла из строя, Ваше Медовое Высокородие, — оправдывался паук. — Надуть время... Мы ничего не понимаем... Хранитель ключей не помогает нам. Что-то случилось... Боюсь, Сморчок перешёл к активным действиям. Война началась. Мы вынуждены закрывать двери вручную. На это надуть время. Много времени. Мы не есть в состоянии предотвратить потоп.

— Б-б-будет потоп... потоп... потоп... — обречённо повторял одно и то же слово Бурундун.

— Вай! Нас же снесёт ураганом?! — добавил свои пять копеек Вьюн.

– М-м-м... Да-а... Что вы предлагаете? – спросил Медок паука, озадаченно потирая виски. – Пусть ваши рукодельницы сотрут защитный кокон, что ли?

– Боюсь, кокон выткать не успеем, – виновато промямлил паук.

– Юшка меня... – начал ругаться, но запнулся Юговой. В присутствии начальства ругаться не полагается, поэтому воевода продолжил говорить, стараясь заменять ругательства, готовые сорваться с языка, смешным, глуповатым эканьем: – Это... Э-э-э... нужно объявить тревогу. Э-э-э... Надо... это... э-э-э... сообщить о надвигающейся катастрофе в столицу.

– Юшкина башка! Это! Э-э-э! – передразнил министр воеводу. – Ты что же думаешь, над Куапой не слышен этот дверной грохот? Да всё небо, считай, сошло с петель! Накроет всю страну! Представляете масштабы бедствия? Да-а...

Петюнька никогда ещё не чувствовал себя таким виноватым. Стать причиной гибели целого мира!..

«Мамочки, почему у меня всё не так? – корил себя малыш. – Когда нужно было открыть двери для пана Соньки, я не открыл. Когда не нужно было открывать, открыл...»

– Не надо так переживать, – утешал профессор. – Это происки Сморчка. Одному мальчику не по силам натворить таких бед. Просто заклятие было произнесено не в то время. Наверное, оно как-то ускорило процесс.

Сотни открытых дверей, похожих на разинутые рты, спорили, кто дальше плонет. Тяжёлые плевки, падая на землю, расплывались чернильными кляксами. Двери вошли во вкус, и фиолетовый дождь припустил. За считанные секунды бутончик, солома и тыквы окрасились в густо-фиолетовый цвет.

– Тра-та-та, не успели, – протараторил Типунчик, поспешиивший к кузнечикам, которые теперь не были зелёными. Как и всё вокруг, они щеголяли в новых чернильных нарядах.

Бурундун с довольным видом (мол, видите, какой я предусмотрительный) раскрыл свой красивый полосатый зонтик. К счастью, зонт оказался фантастически широким, так что под ним без

труда поместился мальчик, а также прочая компания. Даже Юшка и его увальни-стражники. Немножко не повезло, разве что, букве «Г», чей длинный нос, предательски выглядывавший наружу, испачкался краской. Гагатун по этому поводу не расстраивался. Как всегда, он заливался хохотом:

– Га-га! Грандиозно! Га-га!

– Мальчика и его друзей загрузить в карету, – приказал Медок. – Укроемся в подземелье. Объявить эвакуацию. Поручаю это тебе, воевода. Смотри, не подведи.

– Юшка всегда готов! – приложив руку к шлему, пообещал Юговой.

Абра-ар мягко подтолкнул Петюню к лесенке. Малыш постарался как можно быстрее преодолеть ступеньки. Он знал, что каждая минута дорога. За ним следовали профессор и Дзинь-да-да.

Министерский экипаж был рассчитан на шестерых пассажиров: три сидячих места спереди, три сзади. Однако из-за крупных габаритов маркиза Медка, занявшего сразу два привинченных к полу тюльпана стульчика с мягкими сиденьями и спинками, в карете нашлось место только для четверых гостей. Петюнька разместился напротив министра (спиной к кучеру) между буквами «Д» и «А». Свободным остался один стул возле маркиза. Бурундун, Вьюга-вьюн и Гагатун затеяли спор, кто из них достоин составить компании Медовому Высокородию. Дело дошло до потасовки.

– Вай, Бурундусик! – кричал Вьюн. – Зачем тебе карета, когда есть зонтик? Ты можешь спокойненько разместиться на козлах рядом с кучером.

– Б-б-большое спасиб-б-бо, Вьюнчик, – заикаясь, бубнил Бурундун. – Зонтик я могу одолжить тебе. И потом, это ты у нас любишь острые ощущения. Ты ниже и легче меня, так что на козлах рядом с кучером теб-бе самое место.

– Я тебе дам! – толкнул локтем Вьюн Бурундуна.

– Нет, это я тебе дам! – пнул коленом под зад Бурундуна Вьюна.

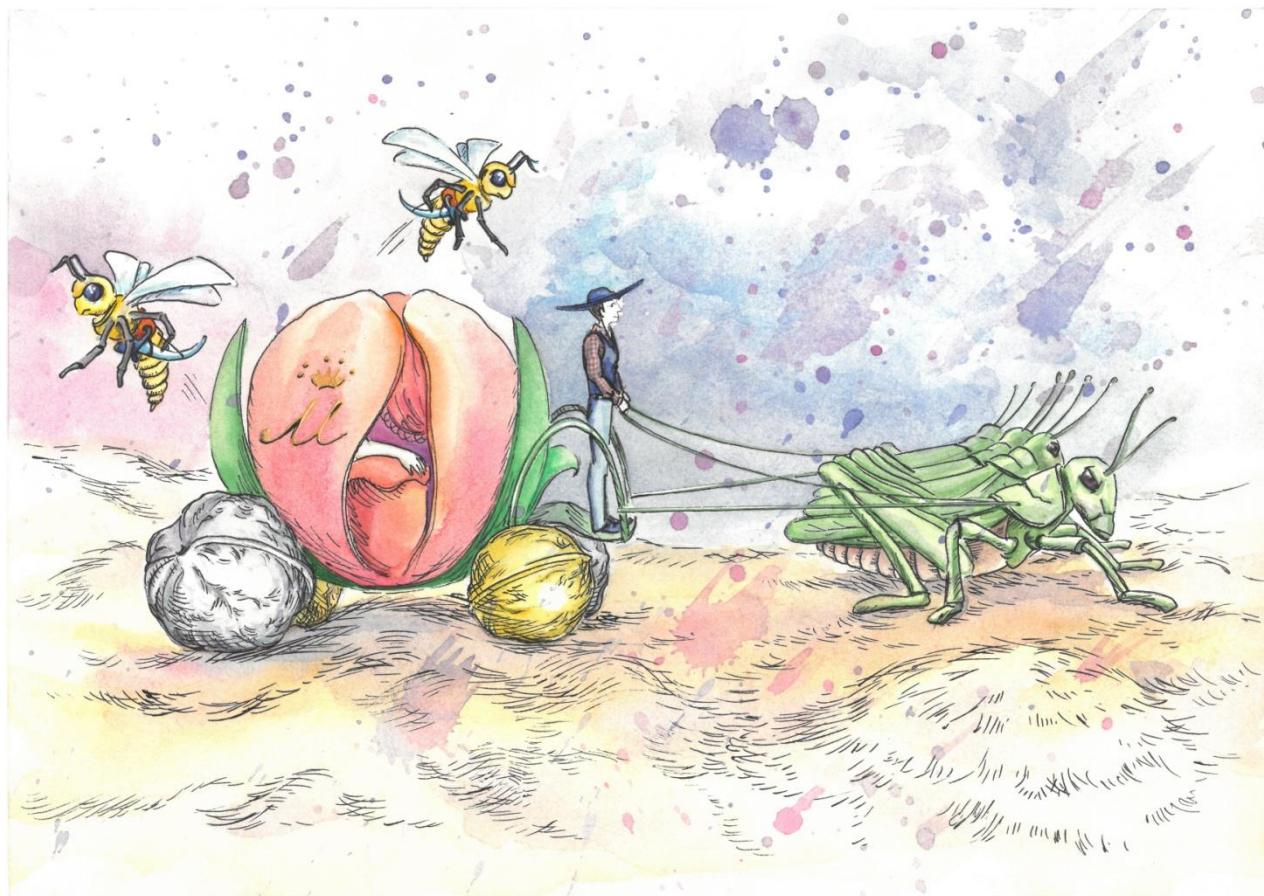
– Га-га! Га-га-га! Грандиозно! – смеялся Гагатун, сидя на стульчике возле министра.

Буква «Г» оказалась умнее, чем думал о ней Петюнька. Пока Бурундин и Вьюн угощали друг друга тумаками, Гагатун проскользнул в карету.

– Вай, предатель! А я тебя называл другом! – обратил свой гнев на букву «Г» Вьюга-вьюн.

– Б-б-беспредел... Б-б-беспорядок... – ругался и грозил кулаком Бурундин.

Гагатун улюлюкал и корчил рожицы, указательным пальцем правой руки указывал на кучерское место, недвусмысленно намекая товарищам, куда им следует идти. Вьюну и Бурундину ничего не оставалось, как разместиться по обе стороны Типуна. Заляпанный чернилами зонтик спасительным куполом укрыл головы трёх букв. Впрочем, Типунчик благодаря своей широкой шляпе не особенно-то нуждался в дополнительном укрытии, но против зонтика кучер не возражал.

Для солидности причмокнув, Типун затараторил:

– Тра-ти-та-та! Та-та-та-ра! Пошли, мои хорошие! Тра-та!

Кузнечики с радостью повиновались. Их и не нужно было подгонять. Под обстрелом чернильных капель скакуны мчали быстрее ветра. Только вот незадача – манера передвижения кузнечиков оказалась очень своеобразной... Высоко подпрыгнув и тут же ударившись головой о потолок, а попой о сидение, Петюнька не преминул это отметить. Благо, лепестки тюльпанчика были мягкими и нежными. В противном случае не обошлось бы без синяков.

Прыг-скок, прыг-скок – весело неслось по долине, ловко маневрируя между тыквами, разудальные кузнечики. А вместе с ними подпрыгивали и падали, стонали и смеялись пассажиры министерского экипажа.

Петюнька одной рукой уцепился за сиденье, а второй придерживал очки, которые всё время норовили сползти на кончик носа. Абра-ару, тоже очкарику, пришлось несколько труднее – ему нужно было удерживать от побега не только очки, но и шляпу. Дзинь-да-да после каждого подскока по-девчачьему поправляла юбки и, в конце концов, в них запуталась. Гагатун был счастлив получить такую грандиозную встряску и светился, словно майское солнышко, и безудержно смеялся. Весёлая буква «Г» умудрялась смеяться практически в любой ситуации.

Единственный, кому удавалось сохранять спокойствие и в частности не оставлять на лепестковом потолке вмятин вследствие периодических столкновений головы с тюльпанчиком, был высокоуважаемый маркиз Медок. В перерывах между оханьем и глупым хихиканьем мальчик предположил, что министр потому такой потолок-непробиваемый, что очень толстый.

Министр всех дел действительно был крупным господином. Особенно бросался в глаза круглый живот, колышущийся, подобно сладкому желе. Маркиз заботливо поглаживал и похлопывал свой животик, будто это был какой-то ценный груз. Скажем, бочонок с мёдом. Живот приглушённым урчанием отвечал на проявленную к нему ласку. Толстенькие ножки Медка в белых чулках,

выглядывающие из коротких чёрных штанов в бордовую полоску (прямо две набедренные подушки!), были широко расставлены, чтобы больше места досталось булькающему животу.

«Да, – подумал Петюня. – С такой гирей вместо живота никакая тряска не страшна».

Маркиз Медок заметил, что мальчик за ним наблюдает. Он игриво похлопал живот и улыбнулся, продемонстрировав безупречно белые и ровные зубы, похожие на выложенные в два ряда кусочки сахара. Судя по всему, толстенький министр вопреки чрезмерному увлечению сладким не забывает о здоровье и регулярно чистит зубы. Похвальная, надо отметить, черта. Неудивительно, что Медок стал министром всех дел!

Под громкое «тра-та!» кузнечики заскочили в узкий тёмный тоннель. Стражники-пчёлы, доселе скакавшие вровень с экипажем, вынуждены были немного отстать. Карета погрузилась в темноту, но ненадолго. Маркиз нажал на маленькую кнопку, вмонтированную в ближайший к нему лепесток, после чего в потолке зажглась лампа. В её мягком рассеянном свете тюльпанчик выглядел не красным, а розовым.

Петюнька запаниковал. В подземелье ему предстояло взглянуть в лицо сразу двум своим страхам – боязни темноты и замкнутого пространства.

«Мама... Мамочка!..» – мысленно звал маму малыш, с тревогой взглядываясь в мелькавшую за оконцем однородную чёрно-серую земляную массу.

Закружила голова, участилось дыхание, ладошки вспотели, затошнило. Петюньке казалось, что на грудь давит тяжёлый камень, а кто-то большой и жестокий зачем-то сдавливает ладонями его уши, и ещё чуть-чуть – голова треснет, как та несчастная тыква пауков.

Смешные подпрыгивания на мягких стульчиках продолжались достаточно долго. Трижды экипаж кренился налево, дважды направо (Петюнька, чтобы отвлечься, считал), из чего можно было сделать вывод, что тоннель петляет.

– Тпру, тпру, мои дорогие! Тпру! – наконец, крикнул кучер к несказанному облегчению пассажиров.

Зелёные скакуны замедлили ход, но не остановились. Разгорячённые кузнечики продолжали прыгать, не желая подчиняться приказу.

– Тпру! Кому я говорю?! – заорал рассерженный Типун.

Щёлкнул кнут. Впервые, между прочим, за всё время скачек.

Экипаж резко остановился. Мальчик и буквы, кроме министра, упали на пол. Сверху розовым покрывалом их накрыла пышная юбка Дзинь-да-да.

Слышно было, как причитают Вьюн и Бурундун, которых с козел выбросило на землю:

– Вай-ваюшки, моя спинка...

– Б-б-бока... Мои б-бока!

Глава 34

На подземном перроне

Тюльпан дразнился — показывал кому-то язык, вывернув лепесток наружу. Это бутончик сообщал пассажирам, что пора на выход.

— Да с большим удовольствием, — буркнула рассерженная Дзинь-да-да, оправляя юбку.

— М-м-м... Да, мадмуазель, к такому способу передвижения надо привыкнуть, — сочувствовал девочке маркиз Медок.

Кстати, его великолепный костюм и благородная лысина, едва прикрытая маленькой шапочкой с пером, ничуть не пострадали во время невероятных скачек.

— Га, а мне понравилось. Отличный аттракцион! Надо бы повторить! — подтрунивал над ошалевшими друзьями Гагатун, зачем-то выпучив глаза и вращая зрачками.

— Ах, нет! Увольте, милейший, — всплеснул руками профессор Абра-ар. — Уж лучше ветряные лифты. Хотя и то, и другое, признаюсь, неприятно. Ах, ромашковое бы сюда такси...

— Да, машина желаний!.. — мечтательно вздохнула Дзинь-да-да.

Петюнька вздрогнул. О машине желаний он был наслышан. Естественно, от Яшки. Ромашковому космическому такси Ермолаев чуть ли не оду пел! Взахлеб рассказывал о том, как сбывались небольшие желания пассажиров ромашки-такси. Хочешь мороженое — получи. Хочешь соку — угощайся. Хочешь присесть в домашнее кресло — пожалуйста. А то, может, приляжешь на софе? Нужно только немножко пофантазировать, представить желаемое, и мысль материализуется в виде аппетитного бутерброда, пирожного или чашечки сладкого чаю.

«В таком такси и я бы не отказался прокатиться. А то пришлось попу отбивать в тюльпане... Что бы я загадал? — прикинул малыш. — Ага, вареные сосиски! С пирожками! С чем пирожки? С капустой или грибами? Лучше с яйцами и укропом, как готовит мама. И непременно компот из яблок, груш и кизила!»

Выгружая своё грузное тело из кареты, отчего бутончик, будто лодочка в штормящем море, начал раскачиваться, а мальчик с друзьями опять попадали на пол, министр пояснил:

— Мадмуазель... М-м-м... Боюсь, путешествовать по воздуху пока нет возможности. Придётся обратить внимание на альтернативные виды транспорта. Эм-м-м... Например метро.

— Га-га! Грандиозно! Червяковое метро! — обрадовался новости Гагатун.

Позволив министру спуститься на землю, тюльпановый лепесток закапризничал и распрямился. Букву «Г» подобный манёвр цветка не обескуражил. Заливаясь хохотом, Гагатун съехал вниз на попе. Поскольку лепесток и дальше капризничал, не желая складываться в гармошку, остальным пришлось последовать примеру буквы «Г». Внизу съезжавших по лепестку ловили пчёлы из министерской свиты.

— Ну что ж, — обратился маркиз Медок к собравшимся возле кареты друзьям. — Пока для нас собирают метрополитеновских червяков, мы остановимся в подземном трактире. Эм-м-м... Нам не помешает немного отдохнуть, почиститься, перекусить.

— Тра-та, нынче будет тыквенное угощение, — нежно тараторил Типун, обтирая тряпкой измазанные чернилами спины зелёных скакунов. — И вам, милые, достанется. Тра-та, тыквенное пиршество!

Маркиз Медок, не забывающий заботливо придерживать и поглаживать булькающий животик, оглянулся, высматривая, кого бы спросить о трактире.

Как ни странно, подземелье вовсе не было тёмным и тесным, как ожидал малыш. Место, где Типунчик высадил своих пассажиров, оказалось просторной пещерой. Под высоким земляным сводом, с которого свисали, подобно гирляндам, спутанные корни растений, растянулся широкий перрон, устланный традиционной для пауков соломой. Вдоль стен и по краю перрона, за которым вытянулся колбаской длинный метрополитеновский коридор с двумя гладко оттуюженными колеями, расположились на равном расстоянии друг от друга камни. Они светились мягким молочно-сливочным светом.

«Достаточно света, чтобы не разбить нос», – подумал Петюня.

А ёщё мальчик не без удовольствия отметил, что у страха действительно глаза велики, и подземный мир вовсе не так страшен, как он его себе представлял. Более того, станция сказочного метро не была лишена комфорта. Посередине перрона устроились, изящно изогнув сучковатые спинки, метрополитеновские скамейки. Вернее, малые архитектурные сооружения, представившие взору Петюньки, были лишь наполовину скамейками, поскольку в качестве сиденья у них была приспособлена паучья сеть.

«Ого! Полускамейки... Полугамаки!..» – удивился мальчик и поспешил усесться на ближайший к нему мебельный гибрид, чтобы представить себе, что должны чувствовать ожидающие прибытия поезда пауки, отдохная на забавных скамейках-гамаках.

По обе стороны каждой скамейки стояли высокие урны причудливой формы. Сверху крышечка в красную крапинку, снизу две педали, будто башмачки, а по центру отверстие. Один из копошившихся на перроне пауков-рабочих, облачённый в оранжевый жилет, подполз к урне, нажал на педальку, вследствие чего крышка отворилась, и высыпал в урну принесённый в ведёрке мусор: смесь пожухлых листьев, прелой соломы, поломанных веточек и сучков. Крышка захлопнулась. Паук нажал на вторую педаль. Внутри урны приглушённо зажужжал спрятанный там моторчик. Малыш предположил, что это включился механизм наподобие электрической мясорубки, перемалывающий в муку загруженный в урну мусор. Моторчик поперхнулся и закашлялся. Жужжение прекратилось, а из отверстия в подставленное ведро посыпалось действительно мукообразное вещество, которое недавно было листьями, соломой, ветками и сучками.

– Ах, это, милейший, пауки измельчают органический мусор, чтобы ускорить процесс получения из него удобрения, – пояснял Петюне примостившийся рядом с ним в гамаке профессор. – Полученной «мукой» пауки скармливают здешних дождевых червяков, которые её перерабатывают, то есть переваривают, а затем возвращают в виде полезнейшего удобрения – гумуса. Удобрение,

видите ли, пауки используют для культивирования пещерных цветов. Представляете, есть такие цветы, которые для своего роста не требуют солнечного света! Это подарок отшельника Йка – антресолевского пещерного человека. Волшебница Цыпочка, специализирующаяся на цветах, собрала семена редких даже в сказке растений и вывела множество новых интересных сортов. Насколько они прекрасны, вы скоро сами убедитесь. Пауки придумали весьма любопытный способ их применения.

– Вай, между прочим, пчёлы мне нажужжали, – прошептал неожиданно вынырнувший из-за скамейки-гамака Вьюга-вьюн, – что в свите нашего сладчайшего и высочайшего Медка присутствует буква «Ы». Наверное, сидит где-то в трактире и попивает медовуху в ожидании Его Министерского Высокородия...

– Ах, не может быть, – недоверчиво махнул рукой Абра-ар. – Чтобы Йк покинул свою пещеру? Тем более не могу поверить, что он посетил границу Сумеречного Мира. Что забыл старик у пауков?

– Вроде бы, если пчёлы, конечно, не врут, – делился сплетнями Вьюн, – отшельнику было какое-то видение. Из-за него старик спустился с гор и явился в кукурузную башню к самому Барсениусу. А потом, и это наиболее интригующая новость, по личной просьбе нашего Барсика короля Жужа одолжила своего Медка, чтобы снарядить экспедицию на границу.

– Ах, нельзя ли вежливее? – шикнул на Вьюна Абра-ар. – Его Сладчайшее Высокородие может нас услышать.

– Вай, ну и пусть, – храбрился Вьюга-вьюн, хотя и бросил украдкой взгляд на ministra, обсуждавшего что-то с пауком в фуражке – станционным смотрителем. – Вопрос в том, что нужно маркизу на границе? Ладно, Юшка – он военный. А Медок? И заметьте, как вовремя министр прибыл сюда. Точнёхонько к нашему прилёту. Не нас ли Медовое Высокородие здесь встречал?

– Эм-м-м, мои дорогие, – сладко промурлыкал Медок. – Давайте пройдём за господином смотрителем, который любезно согласился провести нас к трактиру. Подземные лабиринты, знаете, очень запутанные. Без провожатых путешествовать по ним не стоит. А ты,

Типун, займись скакунами. Выделяю тебе в помощники двух пчёл. Как закончите, присоединяйтесь к нам. Кстати, как называется трактир?

— «Три бабушки», — с готовностью ответил станционный смотритель и по-военному шаркнул задними ножками.

Гордый, что его назвали господином, паук выпятил грудь и играво ушипнул проходившую мимо, якобы случайно, любопытную паучиху в голубом платочке. Возмущённая такой наглостью паучиха хлопнула новоявленного господина метлой. Фуражка слетела с незадачливой головы смотрителя и бабочкой запорхала над перроном.

— Га-га! Га-га-га! — прыснул со смеху Гагатун.

Даже деликатная Дзинь-да-да не удержалась от смешка, прикрыв, правда, улыбку кулаком.

Поймав сбежавшую фуражку и нахлобучив её на голову, станционный смотритель погрозил сначала проказнице-паучихе, а потом смешливой букве «Г», после чего отвернулся и молча пошёл по перрону.

Медок пожал плечами. Постояв немного, он любовно погладил булькающий животик, махнул пчёлам и засеменил следом за сердитым экскурсоводом. Несмотря на большой вес и кажущуюся неуклюжесть, маркиз, обутый в мягкие кожаные туфли на плоской подошве, ступал почти бесшумно. Не было слышно даже шороха соломы.

Петюнька же, как ни старался выше поднимать ноги, шумел ужасно — шарк, шарк, шарк.

«Ну точно кот... Большой, тяжёлый кот! Коты... Они все такие... Умеют тихонько ходить. А то как бы они ловили мышей?» — размышлял малыш, наблюдая за Его Сладчайшим Высокородием.

Пчёлы-стражники, спешившись и предоставив заботу о кузнечиках Типуну, рассредоточились по перрону. Одна пчела с оголённой саблей опередила хозяина и пристроилась сразу за молчаливым пауком. Две пчелы прилепились к массивной фигуре Медка, обеспечив ему в случае чего защиту с левого и правого

флангов. Четвёртый стражник замыкал шествие. Время от времени, будто по команде, четыре глотки дружно орали:

– Дорогу Его Медовому Высокородию! Жу-жу! Жу-жу!

Попадавшиеся на пути пауки, преимущественно из рабочего персонала, испуганно бросали тазы, вёдра, миски и прочие ёмкости, которые использовали для сбора просачивающейся сквозь землю чернильной воды. Пролитая жидкость пропитывала солому, окрашивая её в фиолетовый цвет.

Станционный смотритель свернул направо, в один из многочисленных ходов, прорытых в земляной стене. Коридор был уже, нежели перрон, но с таким же высоким потолком и с такими же корнями-гирляндами, с которых стекали капля за каплей вязкие чернила. Освещение обеспечивали те же камни молочного света, выложенные вдоль стен. Единственное отличие от перрона заключалось в подстилке: вместо соломы – стружки, заляпанные фиолетовыми кляксами.

Бросив быстрый взгляд на Гагатуна, Бурундуна хитро хмыкнул, раскрыл зонтик, подозвал Вьюна, после чего оба проказника, демонстративно виляя попами, продолжили свой путь. Это был своеобразный акт мести по отношению к букве «Г», который, однако, не возымел нужного действия. Гагатунчик, наоборот, старался сильнее заляпаться, становился под корнями, подпрыгивал, цеплялся, подобно шаловливой обезьянке, за гирлянды, затем резко отпускал их, обеспечивая себе, а заодно и товарищам чернильный душ.

– Ах, милейший, что вы вытворяете? – возмутился профессор Абра-ар, с сожалением рассматривая свою рубашку, утратившую идеальную белизну.

– Да, действительно, – сердилась Дзинь-да-да, чьи роскошные локоны слиплись от чернил.

Одна из пчёл размахнулась и ловко насадила на кончик сабли колпак Гагатуна, давая понять шалуну, что пора заканчивать с глупыми шутками. Другая пчела, грозно жужжа, отобрала зонтик у Бурундуна и прикрыла им от срывающихся с потолка капель Его Сладчайшее Высокородие.

– Б-б-беспредел! – встрепенулся Бурундин, но нацеленное на него острие сабли быстро его успокоило.

– Га-га-га! – смеялся Гагатун, закрыв рот ладошками, чтобы не злить министра и его воинственных стражников.

Станционный смотритель неожиданно остановился, снял фуражку, небрежно махнул куда-то в сторону, обтёр мохнатой лапой голову, снова нацепил головной убор, развернулся и, ничего не объясняя, поплёлся в обратную сторону – к перрону.

– М-м-м, странный субъект, однако, – промурлыкал под нос Медок и кивнул ближайшей к нему пчеле. – Разведай, что находится за углом, куда указал паук.

Стражник с завидным энтузиазмом замахал крыльями, нырнул за угол, через секунду вернулся и с довольным видом отрапортовал:

– Всё в порядке, Ваше Медовое Высокородие! Мы пришли. Пахнет мёдом!

Глава 35

Трактир «Три бабушки»

За поворотом показалось причудливое строение, именуемое трактиром. Смешное зданьице складывалось из двух кубиков-этажей и упиралось практически в земляной потолок. Подземный трактир, чьи стены и треугольная крыша были сплетены из желтоватых корней растений, отдалённо напоминал камышовый шалаш. Впереди, будто на открытке, расположилась шикарная терраса, украшенная резными колоннами и перилами с завитушками. На террасе были аккуратно расставлены круглые столики и кресла, тоже сплетённые из корней. За столиками, застеленными красными скатертями, важно сидели, распивая чай, пауки в жилетках и паучихи в платках. Да, самое главное – над террасой светилась красными и синими огоньками вывеска заманчивого содержания. Сверху крупными буквами выложено название трактира: «Три бабушки». Под ним из маленьких букв выдержки из меню: «Чебуреки. Шаурма. Щи. Чай. Шоколад. Щербет».

Многочисленные маленькие оконца круглой формы ярко светились. Играла весёлая музыка. Кто-то приятным хриплым голосом напевал:

- Наши паучки любят скрипочки. Тра-ля-ля. Тра-ля-ля.
- Не виновата я, что полюбила паука, – подпевала дама. – Тра-ля-ля. Паука-скрипача. Тра-ля-ля. Скрипача. Ля-ля. Хотя и знала я... Тра-ля-ля.
- Что наши паучки любят только скрипочки. Тра-ля-ля, – продолжал петь обладатель хриплого голоса. – Только скрипочки. Гоп-гоп, ля-ля.

Отдыхавшие на террасе паучихи, все как одна, расчувствовались и кончиками платочеков вытирали по очереди восемь плачущих глаз. Пауки-кавалеры, забыв о чае, утешали дам, доставали из карманов своих жилеток новые платки.

- Б-б-батюшки, разрюмсались тут. И без них мокро... – прощедил сквозь зубы Бурундун, не оценивший, видимо, прозвучавший паучий шлягер.

В одном оконце мелькнула тень. Через секунду дверь распахнулась. Разные вкусные запахи защекотали ноздри гостей, заставили взволнованно булькать проголодавшиеся желудки. Чувство голода, так настойчиво заявившее о себе, притутило Петюнькины страхи. Малыш даже улыбнулся, представив себе, какие угощения ждут его за открывшейся дверью. Если судить по запахам, то очень вкусные!

– Счастье какое привалило! – защебетала пышнотелая старушка, появившаяся в открытом дверном проёме.

Хотя почему старушка? Скорее дама неопределённого возраста, когда принято вспоминать ягодку, которая что-то там опять... Многослойный купол цветастых юбок, красивая салатовая блузка с вышивкой и не менее красивая ярко-синяя жилетка, пуговки которой под напором пышных форм едва держались на петлях. На голове красный платок и зелёный кокошник с выложенным из бисера символом буквы «Ш» – это всё вместе было бабушкой Шань. Согласно рассказам Яшки буква «Ш» была знаменитой антресолевской шоколадницей, готовящей самый вкусный в сказке шоколад.

«О! – подумал Петюнька. – Если верить Яшке, а такому сладкоежке, как он, нет причин не верить, что там, где бабушка Шань, ищи рядом её подружек – буквы «Ч» и «Щ»...»

– Щень, подь сюда! – весело кудахтала буква «Ш». – Чинита, подружка моя, ставь воду на чай! Гостей встречай! Ах, Щень, вытяни из печи пироги! Накрывайте на стол, старушки-веселушки! Стелите скатерть! Ту, праздничную, белоснежную с голубой каёмочкой! Сегодня у нас тыквенная каш-ш-ша! К ней простокваш-ш-ша! От самого Сыра Ивановича!!! А к простокваше пампушечки и ватрушечки с тыквенным вареньем!

– Чай, чай, чай! С мёдом и тёплым молоч-чком! А ещё чебуреки и вареники с нач-чинкой из тыквенного пюре! Желе из тыквы, пудинг из тыквы и сок! Тоже из неё, родимой! – зазывала, рекламируя тыквенное меню, вторая старушка-веселушка – буква «Ч», или Чинита.

Доброе лицо с лучистыми голубыми глазами выглянуло из-за полного плеча колоритной бабушки Шань. Рядом с крупной фигурой шоколадницы хрупкая, худенькая Чинита в накрахмаленном розовом чепчике, на котором вышит синими нитками её символ, в длинной красной юбке, скромной золотистой блузке и шерстяной безрукавке в сине-розовую полоску казалась щепкой.

«Да, прям как в сказке про пузырь и щепку», – улыбнулся Петюня.

– Вы что же это, подружки? Потчевать собрались гостей вторым блюдом и десертом, забыв про первое? Сначала щи, мои голубушки. Или борщ! Красный со свёклой и капустой или зелёненький с щавелем и лучком! – подала голос третья владелица трактира. По всему выходило – буква «Щ», то есть бабушка Щень.

Растолкав локтями щебечущих дам, Щень заслонила собой дверной проём, расправила плечи, гордо демонстрируя накинутый на них красный платок с россыпью мелких цветочков. Вытерев руки о передник, повязанный поверх широкого голубого платья, буква «Щ» поправила коралловые бусы и задорно подмигнула маркизу Медку карим глазом.

– А для вас, мсье министр, припасено особое угощение! – игриво поигрывая длинным каштановым локоном, который выбился из-под пышной гульки на затылке, скреплённой гребешком в виде буквы «Щ», сладко пообещала Щень. – Акациевый мёд! Тыквенный мармелад и, конечно же, коронное блюдо – вкуснейший щербет! Ни в одной сказке такого не попробуете!!!

– Милости просим, гости дорогие! – хором запели кумушки. – Наш каравай – ваш каравай! Наш стол – ваш стол! Наш кров – ваш кров! Пожалуйте! Скорее пожалуйте сюда!

– М-м-м, мадамы, с большим удовольствием! – расплылось в улыбке румяное лицо Медка.

Подхваченный под руки дамами полненький министр расцвёл и даже остановил охранников, которые по обыкновению своему замахали саблями, видя поползновение на Его Сладчайшее Высокородие.

— Ишь ты, размахались, ироды?! Шу-у-стрье! — шутливо погрозила пальцем жужжащим пчёлам шоколадница Шань. — И вам, шустрики, медку нальём. Не жужжите!

Трактир «Три бабушки» изнутри оказался гораздо просторнее, нежели представлялось мальчику. Обширный зал подземного общепита был заставлен круглыми столиками, которые в совокупности своей образовывали спираль. Десятки пауков стучали ложками, уминая свой обед. Впрочем, обед это, завтрак, полдник или ужин, Петюнька определить затруднялся, поскольку в фиолетовой стране, в которой он очутился, и уж тем более здесь, под землёй, в любое время суток было одинаково — сумеречно.

Среди пауков затесались несколько розовых червячков, которые с таким же аппетитом, как и членистоногие едоки, поглощали приготовленные бабушками блюда. У червяков, как понял Петюня, своя диета: на широких расписных тарелках лежали сложенные горками пухлые лепёшки странного землистого цвета...

«Наверное, лепёшки пекут из той муки, которую пауки получают из своих смешных урн с моторчиками. Того самого помола! А потом эти лепёшки, хи-хи, идут на удобрение!..» – строил предположения Петюнька.

Между столиками, плавно двигая бёдрами, не шла, а плавой плыла официантка. Тоже буква. Судя по символу, вышитому на роскошном, в восточном стиле наряде бордово-сиреневого оттенка, едва прикрытом маленьким белоснежным фартучком, это была буква «Р». Цыганка, гадалка, а также танцовщица, лихо отплясывающая чечётку, – Петюнька помнил её такой по Яшкиным рассказам. Ещё он помнил, что Розочка, как звали букву «Р», напророчила его другу резиновую грушу. Иными словами, клизму. Ермолов в своей сказке чудом избежал близкого знакомства с этим интересным предметом. Но испугался, по его собственному признанию, – ОЧЕНЬ!

«А в моей сказке Розочка – ещё и официантка. Неожиданно, зато интересно!» – задумался мальчик, любуясь красавицей с длинной чёрной косой.

– Грушу хочешь? – спросила вдруг очаровательная брюнетка и улыбнулась, заметив, как вздрогнул малыш. – Ха-ха! Рари-ра! Не боись! Настоящую!!! Сладкую, сочную, медовую!

– С-с-спасибо... – запинаясь, поблагодарил Петюня. – Только я предпочитаю я-я-яблоки...

– Ха-ха-ха! Рари-ра! Ру-ра! – засмеялась Розочка.

Вильнув юбкой, будто лиса хвостом, буква «Р» развернулась, на ходу подхватила с ближайшего столика поднос, заставленный пустой посудой, взгромоздила его себе на голову и, отстукивая каблучками красных туфелек весёлую мелодию, направилась в кухню. Чашки и тарелки на подносе задорно звенели, но не думали падать.

– Вот даёт?! Вот вытворяет! Ну и фокусница! – искренне восхищался Вьюга-вьюн.

Пауки, большинство из которых, покончив с обедом, запивали его тыквенно-молочным коктейлем через трубочку, как ни странно, видя такое представление с подносом, сохраняли спокойствие и продолжали пить. Равнодушное «хлюп-хлюп» доносилось с каждого

столика. Более того, пара наглецов без зазрения совести всучили в каждую руку Розочки ещё по подносу с грязной посудой.

Официантка ловко справлялась со своими обязанностями, при этом не забывала пританцовывать, шутить и подпевать выступавшим на небольшой сцене в правом углу зала паучкам-артистам. Это был квартет: скрипач в шляпе, пианист с бабочкой на шее, маленький барабанщик, обмотанный шарфом, и солистка – паучиха в блондинистом завитом парике. То ещё зрелище!

– Паук, не плети паутину, – запела под шквал аплодисментов блондинка, сладко обнимая микрофон. – Не собирай росинки в листок. Давай забудем рутину и разойдёмся на годок.

– Паула, Паула, не обрывай нить. Паула, Паула, давай дружно жить. Вам-па-пи-вам-у-у... – подпевал барабанщик. Будучи простуженным, он слегка хрюпал.

В окружении милых дам маркиз Медок совсем растаял, распетушился. Глупо улыбаясь, он позволял трём кумушкам вести себя, поглаживать и похлопывать по плечу. Шань и вовсе расшалилась – щёлкнула пальцем по перу, украшавшему шапочку ministra.

– Щедро, щедро вас угостим! И-их! Щи у меня получились отменные! – хвасталась хохотушка Щень.

– Б-б-батюшки, щедрое-то оно... щедрое... это угощение... Но в такой компании... и кусок пирога в горло не полезет... Как можно кушать, когда трактир пауками кишит? Б-б-быр... – недоверчиво оглядывал собравшуюся публику Бурундун.

– Частный кабинет для вас подготовили, – успокаивала ворчуна бабушка Чинита.

– За ширмой! – весело уточнила Шань и, оставив в покое перо маркиза, махнула куда-то налево.

Глава 36

Тыква на столе, тыква в животе

Красивая, плетёная из корней перегородка отделяла тихий, уютный кабинет для ВИП-гостей (то есть для самых важных!) от шумного общего зала. По центру кабинета разместился большой овальный стол, который окружили, будто наследку цыплята, с десяток кресел с широкими спинками. Стены подпирали высокие шкафы, тоже сплетённые из жёлтых корней. На их полках лежали, рассеивая по кабинету приятный молочный свет, хорошо знакомые Петюне камни. Только по сравнению с волшебными светильниками, которые он наблюдал на перроне и в тоннеле, трактирные камешки были гораздо меньших размеров.

Наряженный в белоснежную скатерть стол ломился от всевозможных блюд. На больших и маленьких тарелках, в мисках, судочках, на подносах, в кастрюльках, сковородках, горшочках и кувшинчиках красовалась, предлагая себя, сегодняшняя царица меню – тыква. Два вида каши – с пшеном и рисом, тыквенный крем-суп с сыром, фаршированная тыква с кизилом и орехами, плов с тыквой, тыква печёная с мёдом, тыквенное пюре, тушёная тыква с чечевицей, салат из вареной тыквы, салат из тыквы сырой, натёртой на тёрке и соединённой с морковью, яблоком и зеленью, сэндвич из тыквы, тыквенный соус, икра из тыквы, тыквенная подлива, пироги и пирожки с тыквой, тыквенные пудинги, оладьи, блины, запеканки, печенье, кексы, вафли, воздушные булочки из тыквы, хлеб с тыквой и зелёным луком, халва из тыквы, тыквенный рулет с творожной начинкой, тыква с яблоками в сливочном соусе, тыквенное суфле, тыквенные конфеты, пирожные, варенье, мармелад, желе, мороженое, тыква в клюквенном соусе, паста с тыквой, тыквенная карамель, мусс из тыквы с имбирем, тыквенное масло, тыква-гриль, тыквенные соки, морсы, компоты, отвары и даже кофе из тыквы... Всё это великолепие пахло и дразнилось: мол, съешь меня, попробуй, оцени!

Да, ещё были тыквенные семечки, размером с хорошую лепёшку! Этот полезный продукт, дарованный природой, тоже был представлен на столе достойно: семечки сырье и жареные, с шелухой

и очищенные, дроблённые, толчёные, в виде порошка, сами по себе или в качестве украшения и приправы блюд – салатов, овощных рагу, соусов, выпечки. Чего только стоят макароны под соусом из тыквенных семечек! А в прозрачном графинчике с изящным носиком и ручкой красиво переливалась в свете ламп тёмно-рубиновая жидкость – тыквенное масло.

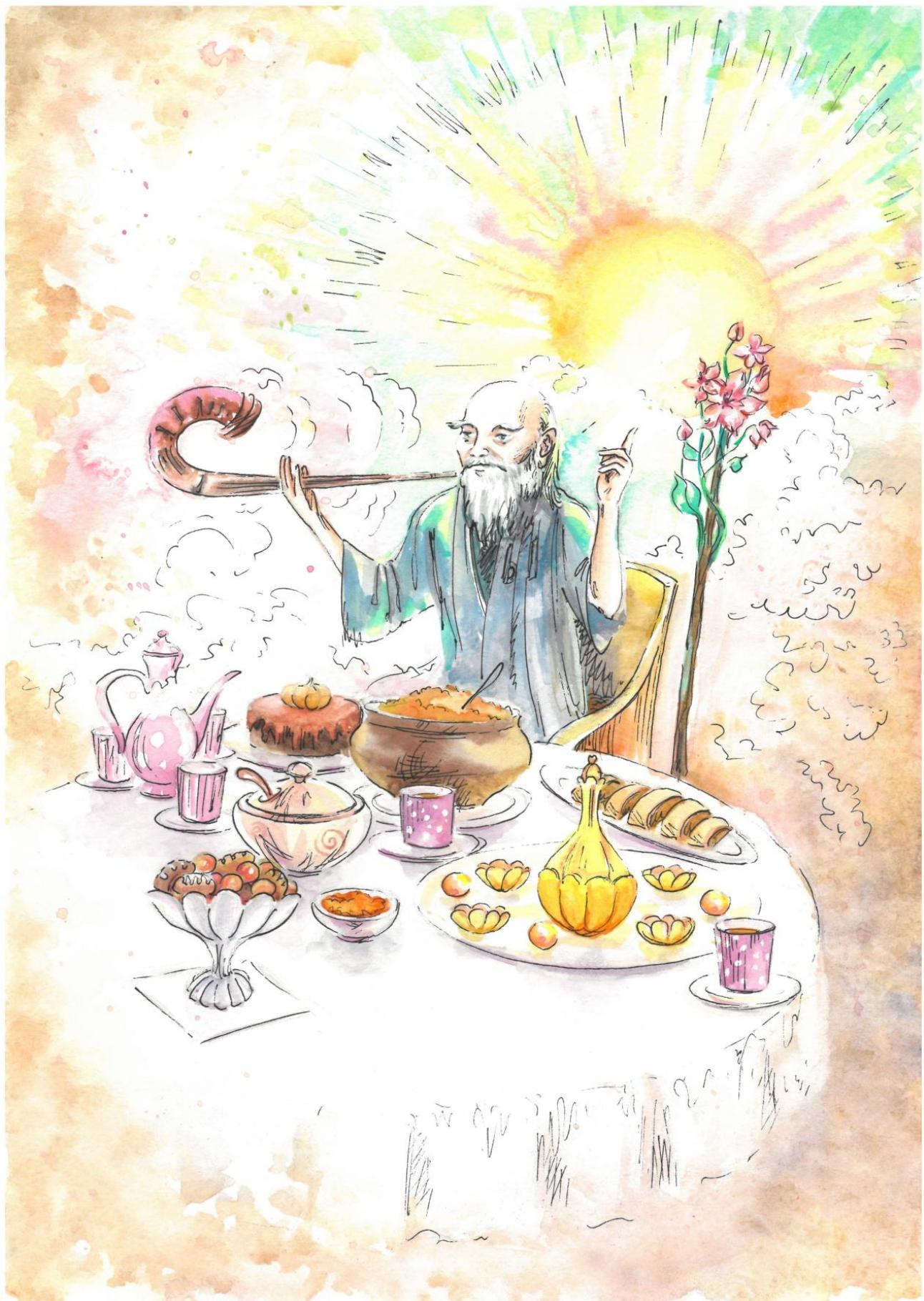
Видя такое разнообразие блюд из простых тыквенных семечек, Петюнька вспомнил тёту Зою, которая давно употребляет муку, полученную из семечек тыквы, как лекарство, пищевую добавку и средство для похудения. Одна чайная ложка перед приёмом пищи и побольше воды.

– Ух ты! – удивился малыш. – Сколько всего интересного, вкусного и полезного можно приготовить из обычной тыквы?!

– Чистая правда, маленький, – согласилась Чинита. – Тыква – это кладезь витаминов и прекрасный материал для кулинарного искусства. И не только кулинарного! Например, из сорта бутылочной тыквы у нас изготавливают очень крепкие цистерны для хранения жидкости. Идеально подходит бутылочная тыква для создания на её основе прекрасных скульптур. Такие ваяет прямо на огороде наш антресолевский художник Холст Хмелевич. Представляете, как это интересно – вырастить тыкву в виде медвежонка или слонёнка с длинным хоботом??!

– Тык, тык, тык, – поддакивал седобородый старик в отрепье, сидевший за столом, посреди всего этого тыквенного пиршества, и уплетавший за обе щёки щедрое угощение трёх бабушек-поварих.

Позади кресла, в котором он вольготно расположился, стояли, прислонясь к шкафам, огромная, закрученная в бараний рог курительная трубка (прямо мамонтовый бивень!) и большая палка, снизу мёртвая, а сверху цветущая нежными розовыми цветами. Покрытую коричневым лаком трубку украшала искусственная гравировка: скачущие олени, листья, цветы и геометрические узоры смешивались в чудесные картинки. Посреди всей этой лепоты красиво выписан был талантливым мастером символ буквы «Ы».

— Ык... — икнул стариик. Откинувшись на спинку кресла, вытянув под столом ноги и блаженно подняв к потолку довольные очи, он бормотал в бороду, испачканную мёдом и тыквенной кашей: — Тык, тык... Тыква — это что-то с чем-то!

— Вай, отшельник Ык?! — воскликнул Вьюга-вьюн. Он слегка хлопнул в ладоши и округлил глаза, делая вид, что удивлён. Повернувшись к Абра-ару и хитро прищурившись, прошептал: — Я же говорил! Я же говорил!!

— Ах, уважаемый отшельник Ык! Как мы рады! Какая честь! — искренне радовался профессор встрече с буквой «Ы». — Но что заставило вас спуститься с горных вершин в подземелье пауков?

— Когда я сидел в своей тёмной пещере, мне привиделось солнце... Оранжевое, искрящееся радужными бликами солнце, которое взошло над головой земного мальчика... Солнце это было нестерпимо ярким и нестерпимо жарким. Я не смог усидеть в пещере. Солнечные лучи, дарящие надежду, которой так не хватает в трудные, как сейчас, времена, заставили меня покинуть свою обитель. Я спустился... Я спустился с великой горы Акнеруб в столицу — дивный город Алфавит. Её золотые купола ослепили мне глаза, но... Но это не было моим солнцем. Тем оранжевым солнцем, которое искрится и играет радужными бликами. Тем солнцем, которое пробуждает в сердцах веру в чудо... И тогда я отправился искать мальчика, восход солнца души которого мне привиделся в моей пещере. И вот я здесь, на границе миров, на сказочном перекрёстке. Все дороги ведут в Сумеречный мир... Но сумеркам, как я вижу, скоро придёт конец!.. Ибо близок восход солнца! Солнца веры и надежды, солнца любви, которую подарит нам чистое сердце земного мальчика... — как-то странно, загадками ответил на вопрос профессора отшельник, бесцеремонно разглядывающий Петюньку. Затем, потеряв вдруг к малышу всякий интерес, он присосался к своей трубке и тут же неприлично громко икнул: — Ык...

Розовый дымок, выписывая кренделя, укутал стариика, словно покрывалом. Терпко запахло травами.

— Чего это ты удумал, старик? — изумилась Чинита, всплеснув руками, обтянутыми розовыми резиновыми перчатками. — Здесь курить запрещено! Это тебе не пещера! Это прилич-ч-ное заведение!

— Ш-ш-ша... Ш-ш-ша... Ух, ирод, надымил! — шипела, подобно кошке, рассерженная шоколадница.

Бабушка Шань махала руками, разгоняя надоедливый дым. Со стороны выглядело, будто буква «Ш» ловит комариков...

Щень яростно размахивала фартуком, но помалкивала. Не выдержав-таки дымовой атаки, буква «Щ» шагнула в розовое облако, по дороге прихватив кувшин с тыквенным морсом. Что происходило дальше, Петюнька не видел из-за густого дыма, но слышал, как с громким «пш-ш-ш» морс затушил угольки в трубке Йка. Розовый дым, обидевшись, вспылил, заполнив собой весь кабинет, но очень скоро, сменив гнев на милость, начал рассеиваться.

Несчастный Йк с морсом на волосах, бороде и одежде сидел в кресле и судорожно прижимал к коленям трубку, внутри которой булькала оранжевая тыквенная кашица. Щень, ухватившись за злосчастную трубку обеими руками, пыталась её отобрать. Поскольку строптивый старик не желал сдаваться, кумушка схватила стоявшую рядом с креслом палку и, недолго думая, ласково согрела ею нечёсаную голову Йка. Припудренный розовой цветочной пыльцой отшельник хмурился, часто моргал и икал. В тех местах на земляном полу, куда попала пыльца, вскоре появились нежные зелёные травинки. Палка-то была волшебной!

— М-м-м, мадам... Зачем же так-то? Разве нельзя было как-то иначе? — спросил Медок, бросая сочувствующие взгляды в сторону буквы «Ы». — Уважаемый отшельник, возможно, не обладает приятными манерами, но всё-таки не заслуживает та-а-кого обращения... Он, в конце концов, мой гость!..

— Г-га! — хохотнул было Гагатун.

Чтобы и его не угостили палкой, он поспешил прикрыть рот колпаком. Лицо буквы «Г» покраснело, глаза заслезились, щёки, не зная стыда, надулись. Не в силах сдержать приступ смеха, Гагатун выскочил за ширму. Разливистое «га-га-га!» перекрыло звучавшую со

сцены музыку. Несколько десятков пауков недоумённо уставились на согнувшуюся пополам носатую букву.

– Р-раз... Р-раз... Р-раз... – трижды щёлкнула пальцами перед лицом Гагатуна Розочки, которая как раз подкатила к ширме столик на колёсиках с новыми порциями вкусных ароматных блюд. – Успокойся, милок. Смешар-рики-лошар-рики... А то получишь пинок...

– Ха, она мо-о-жет! – бросил как бы между прочим сидевший за соседним столиком паук.

– Р-раз, р-раз... – шутя, официантка стукнула ложкой паука по лбу. – Р-разве тебя мама не учила в детстве, что во время еды нужно быть глухим и немым? А?!

Провинившийся паук предпочёл промолчать. Обиженно сопя, он передвинул стул к другому столику – лишь бы подальше от проказницы с ложкой.

– Грандиозно! Грандиозно! – аплодировал Гагатун, пылко поглядывая на грозившую ему кулаком Розочку.

– Человек мой разлюбезный, чего стал? – спросила Чинита, выглянувшая из-за ширмы. – Бегом сюда! Мыть руки будем!

Розовый дым полностью рассеялся. Йк, которому так грубо не разрешили курить, нервно покусывал кончик бороды. Веселушка Щень примирительно похлопала его по плечу, не забыв при этом, на всякий случай, отодвинуть трубку в уголок. Шань держала в руках большой тазик. Чинита протягивала гостям кусок душистого мыльца и услужливо лила из кувшина, откуда пахло розами, на их намыленные ладони. Розочка раздавала чистые вафельные полотенца.

– Чистота – залог здоровья! – приговаривала, улыбаясь, Чинита. – Одежду вашу, когда пойдёте отдыхать, сдадим в прачечную. У нас экспресс-обслуживание. Пара чихов, и всё чисто, сухо, выглажено.

– Апчхи, апчхи! – чихнул профессор и виновато потупился, чувствуя себя неловко.

– Цыц! Р-раз, р-раз... – шутливо приказала Розочка Гагатуну, надувшему щёки, чтобы снова рассмеяться, и щёлкнула его по носу. – Смешар-рики-лошар-рики... Кубики-рубики... Цыц, говорю!

По окончании церемонии омовения рук гостям было разрешено приступить к трапезе. Голодный Петюнька ел с удовольствием, жадно. Умный Абра-ар периодически одёргивал его и грозил пальцем, давая понять, что спешить не стоит – можно и подавиться.

К компании друзей, наконец-то, присоединился Типун. Букву «Т» радушные хозяйки встретили не менее сердечно, нежели его начальника – маркиза Медка. Стойко выдержавший сладкие приветствия и крепкие объятия Типун Таратуста был допущен к столу.

Не были забыты и стражники из министерской свиты. На всех, правда, не хватило кресел. Пришлось из общего зала притащить скамейку. Не так удобно, как в креслах, но тоже ничего... Пчёлам тыквенное меню пришлось по вкусу. Каждое блюдо они обильно поливали мёдом и запивали сладким компотом.

– Жу-жу! Жу-жу! – довольно жужжали подобревшие от доброй пищи стражники.

– Не жужжите! Жуйте молча! – коротко приказал министр перед тем, как отправить в рот оранжевый кусочек тушёной тыквы.

– Ж-ж-жуть как вкусно... – оправдывались испачканные мёдом пчёлы.

Тыквенное пиршество подходило к концу. Сытые желудки, переваривая вкусности, переговаривались:

– Ур-ур-р-р!

– Бур-бур-р-р!

Чтобы ничто не мешало им урчать и переваривать, ремни расстёгивались, пояса приспускались, спины откидывались назад, тяжёлые веки слипались, обещая уставшим за день глазам интересное кино из сновидений.

– А-а-ах-х... – зевнул профессор. – Не помешало бы поспать... Милейший Петя, не подарите ли вы друзьям несколько крупинок сонного порошка? Са-а-мую малость?

– Да-да, подарите нам, Петенька, добрые сны?! – сонно попросила Дзинь-да-да.

– О чём вы? Конечно! Сейчас! – пообещал малыш.

Желая угодить друзьям, он уже доставал из-за пазухи тяжёлый мешочек, доставшийся от фея снов. В кармане мирно посапывала правая тапка.

– Б-б-батюшки, не спеша присыпать порошком наши головы, – остановил Петюньку Бурундуна. – Спать в креслах неудобно!

– М-м-м... Да... Где у вас, мадамы, находится опочивальня? – спросил маркиз Медок кумушек, деловито прибиравших со стола.

– Шустрик, вставай! – тормошила Шань пчелу, уснувшую лицом в тыквенном салате. – Вы спрашиваете, опочивальня? Вставай, говорю, ирод! Ну так вот... Вставай! Нашёл место!.. Выйдете из трактира, повернёте направо. Там увидите наш «Тихий зал». Сразу поймёте, что к чему. Вставай!

– Что ты? Что ты? – пришла на помощь букве «Ш», которой не удавалось разбудить пчелу, Чинита. – Чего улёгся? А вас, мои дорогие, встретит в опочивальне Цыпочка. Она как раз привезла новую партию семян пещерных цветов. Что-то ты, Шаньюшка, переборщила с медовухой... Достаточно было бы и одного кувшинчика... А ты на шесть жужжащих ртов выставила целых десять!.. Ну так вот... Розочка вас проведёт.

– И-и-их, ушипните вы его! Нечего церемониться! – вмешалась Щень.

– Что ты? Если ужалит спросонья? – испугалась бабушка Чинита.

– Ык... А вы его морсом... Морсом... – подсказывал из своего угла Ык. – Морсом у вас хорошо получается...

– Эм-м-м, солдатушки... Расслабились, как я погляжу? Хотите выплыть из министерской стражи? Так я вам устрою! Мигом убрать сие безобразие! – строго приказал своим подчинённым Медок, кивнув на спящего стражника.

Пчёлы встрепенулись, повскакивали из-за стола, перевернув скамейку. Вместе со скамейкой упала на пол нерадивая пчела. Ей на голову свалилась миска с тыквенным салатом.

– М-м-м... – рассерженно промычал маркиз и от стыда закрыл лицо ладонью.

Брезгливо перешагнув через стражника, продолжавшего спать, теперь уже на полу, посреди рассыпанной тёртой тыквы, министр Медок покинул кабинет.

– Б-б-беспорядок! Какой б-б-беспорядок! – бурчал Бурундун, тыча пальцем в пчелу.

В кабинет, едва не перевернув ширму, вбежала Розочка. В руках буква «Р» несла сказочный пылесос: живой пенёк с красным мешком на голове, выполнявшем роль шапки. Пенёк недовольно моргал и крутил длинным носом, предчувствуя неприятную для себя процедуру. Розочка с чувством потрясла пылесос, настраивая его на рабочий лад. Пенёк зафыркал. Его нос со скрипом начал удлиняться. Достигнув пола, испачканного тыквой, нос-шланг присосался к нему. Фырканье стало громче. Скривившийся пылесос яростно раздувал ноздри и втягивал мусор. За несколько секунд оранжевая кашица исчезла с пола и головы спящего стражника (ему всё нипочём...), осев внутри красного мешка.

– Р-раз, р-раз, и всё, – улыбаясь, подытожила Розочка и похлопала пенёк. – Можешь сворачиваться.

Пенёк втянул нос, закрыл глаза, немного пошевелил губами, будто что-то жует, и сплюнул:

– Тьфу.

– Ну что, р-р-ребятёнок? Пора баиньки? – обратилась официантка к Петюньке. – Не боись! Сейчас я проведу вас в «Тихий зал».

– Вай, наконец-то, – вздохнул Вьюн.

Глава 37

«Тихий зал» в пещерном саду

Маркиз Медок поджидал друзей у входа в трактир. Рядом с ним, выпрямив спины, расположились две пчелы. Остальные стражники до сих пор будили спящего на трактирном полу товарища. По растерянному виду и округлившимся брюшкам пчёл, на которых небрежно болтались приспущенные красные пояса с саблями, можно было догадаться, что после обильной трапезы держаться по-солдатски подтянуто и строго, как это положено министерским стражникам, пчёлам сложновато. Но долг обязывает!

К тому же министр был не в духе. Барабаня пальцами по животу, он стыдил пчёл:

– М-м-м... Это надо же? Такой позор! Пчёлы. Воины. А ведёте себя как несмышлёные дети. Ах, узнает Её Высочество Жужа!..

– Мы больше ни жу-жу... – оправдывались, потупившись, стражники.

– Рубики-кубики... Что за жу-жу? Чего носы повесили? – весело спросила Розочка.

Толкнув плечиком дверь (руки были заняты несколькими зонтами, плетёными из корней), официантка вышла, пританцовывая, на террасу. За ней следовали Петюнька и вся буквенная компания.

Розочка раздала гостям зонтики, которые должны были защитить их от срывающихся сверху чернильных капель. Это было весьма кстати. Фиолетовый дождь припустил. Пауки не успевали собирать в вёдра и миски просачивающуюся сквозь потолок жидкость. Стружки на полу пропитались чернилами и неприятно липли к ногам.

«Наверное, там, на поверхности, происходит что-то невероятное?! – подумал малыш. – Да и Юшка со своей командой до сих пор не спустился в подземелье...»

Прикрывшись плетёными зонтами (Бурундун не расставался со своим – полосатеньким), все засеменили следом за буквой «Р». При каждом шаге потревоженная кашица из чернил и опилок противно «квакала». Ноги предательски скользили. Особенно тяжело пришлось

Петюньке. В отличие от вечно босого Бурундуна, малыш не привык ходить босиком по мокрым опилкам и лужицам. Его ступни посинели, но не столько от чернил, скорее – от холода. Чтобы меньше контактировать с холодными, вязкими чернилами, мальчик старался ступать на цыпочки. Из-за этого он отставал от друзей.

Заметив, как мучается человеческий детёныш, Медок кивнул пчёлам. Поняв без слов, что хотел им сказать начальник, стражники скрестили лапы-руки, сформировав сиденье, и дружелюбно зажужжали, предлагая мальчику помочь. Петюнька не заставил себя долго ждать – быстренько вскарабкался на «живые носилки». Настроение мальчика улучшилось. Ещё бы! Его, будто пчелиного императора, несут крепыши с настоящими саблями!

Розочка повернула направо. За трактиром как-то сразу и неожиданно расцвёл пещерный сад. Огромные светящиеся бутоны разнообразных расцветок росли прямо из земли. Стебли были слишком короткими, и их почти не было видно под бутонами. Листьев вовсе не наблюдалось. Цветочные головки мерно раскачивались, будто кивали, приветствуя путешественников.

В белом цветке распахнулись шторки – два лепестка. В образовавшееся оконце выглянула белокурая красавица. Фиалковые глаза, жемчужная улыбка и щёчки, зардевшиеся румянцем. Обрамлённое короткими светлыми кудряшками лицо, подобно утреннему солнышку, светилось радостью.

Радость, если она искренна, заразительна. Несмотря на усталость и страх, которые напоминали о себе, покалывая холодом сердце, малыш улыбнулся. Ему хотелось смеяться! Светлая девушка в белом цветке напомнила Петюньке цыплёнка, который с любопытством взирает на мир из окошка, проклёванного в белоснежной скорлупе. И неважно, что мир этот является тёмным и сырьим подземельем...

Как ни странно, цветы пещерного сада, будучи под обстрелом чернильных капель, сохраняли идеальную чистоту.

– М-м-м... Да! Сразу видно, что магия добра – сильнейшая среди миров! – поднял толстый указательный палец маркиз Медок. –

Милая, прелестная, очаровательная мадмуазель Цыпочка! С вами и подземелье покажется раем!

— Ценю ваши комплименты, маркиз, но смотрите не переоцените меня, — скромничала Цыпочка, протягивая министру белую ручку для поцелуя.

— Это буква «Ц» — величайшая в Антресолии волшебница. Её специализация — экспериментальное магическое цветоводство, — шёпотом пояснил Петюньке профессор.

— Да знаю я, — тоже шёпотом сказал мальчик. — Яшка рассказывал, что был в волшебном саду Цыпочки. А ещё он мне говорил, что волшебница подарила ему последние капли живой воды. Те самые, которые потом превратили камень в груди Колдуны в человеческое сердце.

— Целый вечер вас ждала. Меня пауки предупредили, что на таможне задержан земной мальчик. Как интересно! Ца-ца! Как интересно! Друг самого Яшки! — рассказывала буква «Ц», весело поглядывая то на одного, то на другого гостя. При этом фиолетовая петуния в волосах цветочницы нежно трепетала, разделяя восторг хозяйки.

— Рари-ра, сестра? Нельзя ли быстрее? — поинтересовалась Розочка. — Мне ещё одежду собирать, в прачечную нести. Море дел! Мор-ре!

— Цаца ты моя! Ну конечно! — широко улыбнулась Цыпочка. — Подходите, друзья. Разбирайте семена. Только осторожнее! Семена маленькие, ранимые.

— Ува! Ува-а-а... — донеслось из белого цветочка, из-за спины буквы «Ц».

— Ах, как волнительно... — прошептал Абра-ар.

Профессор часто моргал, стараясь сдержать слёзы, накатывающиеся на глаза. Петюнька удивился, было, такой чувствительности друга и хотел пошутить на этот счёт, но когда Цыпочка протянула ему на листочек-пелёнке младенческое семя, аукающее и пускающее слюни-пузыри, сам расчувствовался. К слову сказать, он давно уже заказывал родителям младшего братика или

сестричку. Папа был не против, но мама почему-то упрямилась. Говорила, что ей и с одним ребёнком хлопот по горло. А Петюня мечтал! «Было бы с кем играть, – думал он. – У Яшки хотя бы кот есть, пусть и старый. У меня же никого...»

– Ца-цá! Посмотри, какая цáца! Бери давай. Смелей! – подбадривала мальчика волшебница. – Выбери место, присыпь семя опилками. Ну, бери же! Ты не один спать хочешь.

– Га! Хорошо, что дождичек идёт. Поливать не надо! – смеялся Гагатун, умудрившийся пролезть без очереди и прихватить по семени себе и своему дружку Вьюну.

– Цирк... – фыркнула Цыпочка и погрозила наглецу пальцем. – Да, чуть не забыла! В зелёном цветочке, у Ёлочки, возьмёте шерстяные одеяла и подушки.

– Га-га! Га-га! – смеялся Гагатун, уже копошась в опилках.

Петюнька наблюдал за ним, чтобы понять, как следует ему поступить с семенем пещерного цветка. Мимо промчался нагруженный одеялами Вьюга-вьюн. Не рассчитав расстояния, он врезался в мальчика. Петюнькино семя упало и заплакало. Мальчик присел возле него, нежно дотронулся до семени пальцем и пощекотал ему животик. Семя-дитя начало агукать и пустило корни.

– Улю-лю, улю-лю, – приговаривал Петюня, продолжая щекотать вверенного ему младенца.

Сверху упала пузатая фиолетовая капля. Семя, округлив ротик, принялось пить. Утолив жажду, оно выпустило росток.

– Ого, цветочек! Ты растёшь, как на дрожжах! – удивился мальчик, наблюдая, как на его глазах формируется на коротком толстом стебле головка бутона, как растёт она, раздаётся вширь, наливается синим цветом.

– Ха-ха-ха! – смеялся нежным колокольчиком бутончик, который ростом был уже вдвое выше Петюни.

Цветок излучал свет. В такт бьющегося где-то внутри бутона сердца свет пульсировал, выпуская в пещеру пучки лучистых синих стрел.

— Тук-тук, — постучал малыш по бутончику. — Кто в цветочке живёт?

— Ха-ха, кто в цветочке живёт?! — передразнил бутончик мальчика и показал язык, изогнув один лепесток.

Из отворившегося оконца выплыло облачко ароматной пыльцы. Повисев немного над Петюнькиной головой, оно хихикнуло и рассыпалось синей пудрой. Мальчику нестерпимо захотелось спать. Он начал карабкаться вверх по изогнувшемуся лепестку, чтобы попасть внутрь бутончика, свернуться там калачиком и уснуть.

— Ёлки зелёные! Детёныш, ты забыл взять одеяльце и подушку! — крикнула зеленоглазая красавица в светло-зелёном платье с прозрачными воздушными рукавами. Она выглядывала из зелёного цветка, который неведомо каким образом оказался рядом с Петюнькиным — синеньким.

Малыш вздрогнул и скатился вниз по лепестку. Карабкаться по цветочкам — вообще не самое лёгкое занятие. Это Петюня понял ещё при знакомстве с министерским тюльпанчиком. Зато весёлое! Бутончик, по крайней мере, смеялся. От неуклюжих прикосновений мальчика ему было щекотно, и он взмахивал лепестком, отчего малыш всё время скатывался вниз.

— Ну-ну... — буркнул Петюня, утёр от пыльцы нос, поправил очки.

Решив чуток передохнуть, он уселся на кончик лепестка. Зеленоглазая красавица, сдерживая смех, протянула ему одеяло и подушку. Петюнька с нескрываемым любопытством рассматривал новую знакомую. Это была буква «Ё», известная в Антресолии под именем Ёлочки. Её невозможно спутать с другими буквами (буквой «Е» например). Всё дело в необычном веночке, украшавшем симпатичную головку Ёлочки. Вместе с миниатюрными цветочками в венок были вплетены два крупных клубка шерстяных зелёных ниток. По длинным волосам девушки цвета воронова крыла струились разноцветные шёлковые ленты.

Мило улыбаясь и хлопая пушистыми ресницами слегка раскосых глаз, Ёлочка выдавала гостям шерстяные одеяла и подушки.

При этом она не переставала ловко орудовать спицами, вывязывая новые подушки и одеяла. Хотя нет! На сей раз красавица при помощи волшебных спиц, изготовленных из иголок гигантских ежей, колдовала над чем-то новеньkim. Приглядевшись, малыш сделал вывод, что это будет носок.

Буква «Ё» на секунду оторвалась от своего занятия, приложила недовязанный носок к голой ступне мальчика, что-то пошептала, прикидывая, какой должен быть размер, и продолжила стучать спицами. Да так быстро, что спицы, соприкасаясь друг с другом, высекали радужные искры.

Петюнька прислушался. Ему показалось... Нет, он был уверен, что сказочные спицы-иголочки, когда встречались и скрепляли свой союз петлями, весело переговаривались:

- Здрас-сте, Иванна!
- И вам, Васильна, не хворать!
- Что вязать будем?
- Лицевой узор, надо полагать!
- А как это?
- Ну, мать, тебе ли этого не знать?!
- А то как же?! Знаем! Ниточку отбросим назад...
- Петельку поддеваем и привязываем.
- Ещё как привязываем! А дальше что?
- Голубушка, что-то память твоя поплохела?! Тебе бы по утрам пить простоквашу!
- Простокваша по утрам – это хорошо! Впрочем, как и овсяная каша! Но ты, милая, не ворчи! Лучше научи!
- С большим удовольствием! Итак, нитку перебрасываем вперёд.
- Петельку поддеваем?
- Уже поддели!
- И привязываем?
- Ох, как крепко привязываем!
- Ихоньки!
- Ахоньки!
- Носочки махоньки...
- Махоньки, да тёпленьки!
- Тёпленьки, чтобы ножки малыша не зябли во время сна!
- Да и опосля...
- Зябнуть деткам не полагается!

– Ихоньки!

– Ахоньки!

– Носочки махоньки!..

– Всё. Второй носок готов! – сообщила Петюньке Ёлочка и спрятала спицы в корзинку, не забыв в благодарность за исправный труд ласково погладить их ладошкой. Затем буковка «Ё» положила новоиспечённые носочки на свои коленки, расправила их и строго спросила: – Я вас вязала, топтыши?

– Вязала... Вязала...

– Я в вас жизнь вдохнула?

– Вдохнула... Вдохнула...

– Мне вам и наказывать?

– Наказывай. Слушаем.

– Вот вам мой наказ, топтыши: оберегайте малыша от хвори, от заразы, от порчи и от сглаза! Моя нитка крепка. Узелки мои крепки. Крепко и моё слово. Ступайте к мальчику! Оберегайте!

– Слушаем и повинуемся!

Два зелёных носка с причудливыми красно-голубыми узорами спрыгнули с колен Ёлочки, скатились вниз по лепестку, перепрыгнули через лужицу и метко, с первой же попытки, сами натянулись на Петюнькины ножки.

Лепесток, на котором примостился малыш, осторожно, чтобы не вспугнуть ребёнка, начал подниматься. Временная цветочная спаленка была готова принять Петюньку. Уже засыпая, мальчик вспомнил о волшебных кручинках сонного порошка, обещанного друзьям.

– Р-рубики-кубики, малой! Погоди! Не спи! Р-р-раз! Р-раз... – крикнула Розочка, подпрыгнула и щёлкнула пальцами перед носом Петюньки. – П-р-ро пижаму не забудь, р-ребятёнок! Снимай давай!

– Сейчас, сейчас... – сонно пообещал малыш.

Сняв куртку пижамы, он сбросил её букве «Р». Мешочек с сонным порошком выпал и, если бы не лепесток, вовремя изогнувшись в виде ковша, плюхнулся бы в лужу. Лепесточек

выгнулся дугой и, подобно нахлынувшей вдруг волне, отбросил мешочек в сторону мальчика.

— Ап, — принял Петюнька драгоценный груз и развязал верёвочку.

Сонный порошок почти ничем не отличался от обычной соли. Такой же белый и без запаха. Только на вкус совсем несолёный, как определил малыш, не устоявший перед соблазном лизнуть волшебные крупинки. Скорее вовсе без вкуса.

— Штаны давай, — не отставала от Петюньки Розочка. — Я долго буду ждать?

— Да-да, конечно, — отмахнулся мальчик.

В данную минуту ему было не до штанов. Надо было придумать, как достать до голов друзей, которые следовало «посолить» сонным порошком, будто это не головы были, а хлебные горбушки.

— Ха-ха-ха! — засмеялся цветочек.

Лепесток, на котором всё еще сидел Петюнька, удлинился. Словно подъёмный кран, он рос. Правда, не ввысь, а вширь. Обогнув зелёный цветок с буквой «Ё», а затем белый с буквой «Ц», лепесток поднёс Петюньку к голубенькому цветочку, внутри которого, уже сменив платье на ночную рубашку, расчёсывала волосы буква «Д».

— Тебе, Дзинь, дарю щепотку добрых снов, — ласково произнёс малыш и присыпал роскошные косы Дзинь-да-да волшебными крупинками.

— Вай, девочкам всегда без очереди... — проворчал Вьюн, который сидел в одних трусах в красном цветке, свесив ножки.

— И тебе дарю, Вьюнчик, — мальчик щедро «посолил» голову буквы «В» белым порошком.

— Б-б-батюшки, порошочек-то приб-береги. Чай, последний! — погрозил пальцем из окошка, образовавшегося в жёлтом цветке, Бурундун.

— Га-га-га! И мне дай! Мне! — смеялся Гагатун, подпрыгивая в оранжевом цветке, отчего бутончик раскачивался, грозя в любую минуту выплюнуть проказника в мокрые опилки.

— Ах, милейший... Если что, могу обойтись и без добрых снов... — скромно потупившись, сказал Абра-ар, устроившийся на ночлег в бирюзовом цветке. Без шляпы, костюма и галстука профессор выглядел не так солидно, как обычно. Проще, что ли... И чуть-чуть растерянно.

— Нет уж! Добрые сны вы все заслужили! — твёрдо возразил Петюня, посыпая порошком по очереди головы Абра-ара, Бурундуна, Вьюна, Гагатуна, а также маркиза Медка и Типуна, устроившихся на ночлег в малиновом и лиловом цветочках, и, конечно же, отшельника Йка, дымящего своей трубкой в фиолетовом бутоне. Достались волшебные крупинки и буквам «Ё» и «Ц», которые тоже были не прочь увидеть светлый сон. Может быть, последний в этой сказке. Только министерские пчёлы остались без внимания, поскольку стражникам не положено спать.

Хлопоты позади. Малыш свернулся калачиком в своём синеньком цветочке, укутался в шерстяное одеяло. Лепестки плотно закрылись, образовав над ним купол. Бутон слегка покачивался, убаюкивал гостя. Капли тихо барабанили по цветочной крыше и тоненькими струйками стекали вниз. Рядом мирно посапывала тапочка, а где-то под одеялом перешёптывались заговорённые Ёлочкой носки:

— Ты спишь?

— Нее, дремаю... То есть малыша оберегаю, ножки его согреваю.

— Ну, согревай. И смотри мне — не зевай!

Глава 38

Узники Трельяжа

На дне глубоких кратеров, этих язв на теле молчаливой планеты, темно и холодно. Сердце мира, именуемого Трельяж, давно остыло. Густая Ночь залепила небо, надёжно укрыв равнодушную пустыню от любопытных звёздных глаз. Тишина сковала спящую планету. Разве что ветер-проказник иногда, от скуки, пощекочет изрытый осинами-кратерами мир, погоняет немножко туда-сюда пыль, погудит несмело, пощупает, пошуршит. А когда скука станет совсем невыносимой, исподтишка подует в глубокие раны-колодцы, потревожит сгустившуюся на их дне темноту и, нашкодив, под ропот, грозно нарастающий в недрах сонной планеты, бежит, трусливо взбивая пятками серую пыль. Просыпаясь, планета силится разлепить веки, но властная Ночь, надавив тяжёлой, влажной ладонью, усмиряет готовый вырваться наружу стон.

– Знай своё место! – обычно шепчет Стражница-Ночь, загоняя в тесную будку разгулявшийся без присмотра ветер.

Угрюмой планете полагается быть молчаливой. Трельяж – это тюрьма, в глубоких камерах которой заточены желания, порождённые тёмной стороной человеческой души. Мусор, грязь, отбросы – попросту ЧЕРНЬ.

О черни в сказках не принято говорить вслух. Отбросы лишены права быть полноценными гражданами Антресолии – страны розовой мечты. Вообще любых прав, кроме одного – права хранить вечное молчание. Таков закон.

По крайней мере, был таким до тех пор, пока колдун Сморчок, назначенный Антресолевским Советом Мудрецов надзорителем Трельяжной Темницы, не пресытился ночью и тишиной и не отворил ДВЕРЬ в загадочное Междумирье. Нарушив привычный порядок вещей, посягнув на Границу, Сморчок самовольно снял все запреты.

Холодная планета постепенно просыпается, чувствуя волнение заключённой в её сердце черни. Напуганный ветер дрожит, не решаясь больше дуть и играть с пылью в салки. Стражница-Ночь

терпеливо молчит, поскольку узникам разрешил шуметь САМ хозяин, провозгласивший себя Князем Трельяжного Королевства.

Тёмные запретные желания получили амнистию. Великий маг Сморчок подарил узникам шанс отомстить антресоловским чистюлям, наивно веряющим в чистоту человеческого сердца, за отобранную свободу, за навязанное МОЛЧАНИЕ.

– У-у, заляпаем грязью вашу розовую страну, – грозятся тени, блуждающие на дне глубоких кратеров.

– Грядёт чёрная революция? – удивилась прильнувшая к колодцам Ночь.

Стражница прислушивалась к голосам, которые становились смелее и громче, и, всё более удивляясь, терпела, потому что так приказал ОН.

– Кате снова подарили новую игрушку. С голубыми волосами. А ещё набор игрушечной посуды. И платье у неё новое – оранжевое в клетку. А мне мама говорит, что не хватает денег. Но чем я хуже Кати? У-у... Мне бы ту куклу... С голубыми волосами... Я бы выколола ей глаза! Назло Кате! – завистливо прошептали в одной из камер.

– Мишку папа повёл в зоопарк. Будут смотреть там на мартышек и кормить булкой медведя, а потом, примостившись на парковой скамейке, по очереди лизать мороженое в хрустящем вафельном стаканчике. Мой же папа всё время занят, всё время на работе. У-у... Чтобы от того мороженого у Мишки заболело горло! – скулили в соседней камере, той, что слева.

– Эх... Чтоб вам пусто было! – сердился третий призрак. – Опять веселятся, музыку включили. А я отпахал у станка две смены. Спать хочу! Чтобы у них электричество замкнуло! Тьфу, басурманы...

– Не хочу идти в школу... Чтоб она сгорела... – плаксиво жаловался кто-то в четвёртой камере. – Чтоб учительница математики заболела... Тогда не будет контрольной!

– Вот увалень! Наступил мне на ногу... Чтоб ботинок тебе мозоль натёр... Будешь знать, куда ставить свои грабли! Медведь неуклюжий! – возмущался пятый узник.

— У Марфы Петровны красные туфли... Чтобы каблук она сломала... Чтобы сломала. Да-да! Сломала! Нечего щеголять тут, когда мне третий месяц уже не выдают зарплату... А-у-у... — горестно завывали в камере справа.

— Бабка обещала мне оставить в наследство квартиру, — нудно бубнил кто-то, — если буду за ней ухаживать, продукты, лекарства покупать, убираться. Я убираюсь, покупаю. За свои деньги, между прочим! А она ещё сто лет жить собралась. Когда всё это закончится? Таблетки ей, что ли, подменить?..

К подземному хору присоединялись всё новые и новые голоса. Плач, стоны, ропот, вскрики, жалобы и угрозы — всё смешалось в нём:

- Ненавижу...
- Донесу...
- Чтобы он лопнул!
- Чтобы они провалились...
- Чтобы вам пусто было...
- Отомщу!
- Хочу, хочу, хочу!..
- Вот вам, вот вам!
- Ату её, ату!
- И поделом...
- Гром и молния на их головы...
- Чтобы они!..
- Чтобы их!..
- Чтобы вас!..

Гул становился невыносимым, и даже Ночь, привыкшая ко многому, брезгливо скривила губы.

— Ух! — подняла ладонь Стражница, чтобы хлопнуть по колодцам и закупорить их липкой чернотой. Ночь была не в силах больше слушать скулёж и ропот.

- Не смей, — сухо приказал ей ОН. — Отступи.

Ночь послушно отпрянула от колодцев. Она не понимала приказов хозяина, но осуждать их не осмеливалась. Трельяжный Князь стал слишком силён.

Сидя верхом на оседланном таракане-роботе, колдун Сморчок парил над стонущей планетой. От него исходил синеватый свет. Лицо старика оставалось безучастным. Решительно выставив руку с перстнем вперёд, Князь сделал движение, будто отбросил покрывало. Стражница-Ночь взвизгнула и отступила, пропуская хозяина. Небо посветлело, сменив традиционный чёрный наряд на грязно-серый.

Примостившись за спиной колдуна, Стражница отчитывалась:

– Узников слишком много, повелитель. Всё время прибывают новые. На всех камер не хватает. Не знаю, что делать, как удержать?

– А и не надо удерживать, – хитро сощурившись, сказал Трельяжный Князь. – Пусть погуляют.

– Обедать пора, – сообщил как бы между прочим рыжий зверёк на голове колдуна.

– И то правда, – ласково похлопал шапку старик.

Жадно облизнув губы, колдун наблюдал, как наполняются красным светом миллионы кратеров печальной планеты.

– Раны вскрыты, – довольно прошептал Сморчок. – Идите, детки, к папе!

Кратеры взорвались, выпустив на волю призраки тёмных желаний. Колдун зажмурился и открыл рот. Призраки, искрясь, словно язычки пламени, соединились в поток и огненной рекой хлынули в рот старику. Сморчок пил, не открывая глаз, чтобы не видеть искажённых лиц заглатываемых им желаний. Такой обед необходим был Трельяжному Князю для пополнения магических сил, но не доставлял удовольствия.

Периодически, утомившись, колдун делал передышку, и тогда по его подбородку небрежно стекали огненно-красные струйки. Зверёк-шапка, свесив хвост, стирал с лица старика остатки недопитых желаний. Его любопытная мордочка вытянулась и, не удержавшись-таки, спросила:

– Вкусно, хозяин?

Сморчок провёл языком по зубам, почмокал и сплюнул. Огненный плевок, визжа, плюхнулся на землю и рассыпался искорками.

– Ну, как тебе сказать? – нахмурившись, отчего лицо казалось более старым, ответил колдун. – Самые сытные – это желания, порождённые завистью и жадностью. Таких очень много. Но они не очень вкусные. Что-то вроде пресного хлеба... Желания, порождённые страхом и отчаянием, отдают горечью. Эдакая горчица на хлеб... Понимаешь?

– Нет, – сказала шапка, но при этом кивнула, будто говорила «да».

– Так вот... – продолжал Князь делиться впечатлениями. – Самое вкусное – это масло... Желания, продиктованные местью. Пикантный вкус у желаний, рождённых из ревности. Это уже деликатес!

– Что-то вроде колбаски для магического бутерброда? – спросил зверёк и потянулся к подбородку хозяина, чтобы и себе лизнуть, но обжёг язык и, жалобно скуля, свернулся в шапку.

Колдун продолжил пить, сделал пару глотков и поперхнулся, сплюнул на ладонь искринки и поднёс к лицу, чтобы лучше их рассмотреть.

– Что это у нас? – удивился стариk. – Желание маленького, слабого мальчика, которого обижают? Желание отомстить обидчикам? Да, месть всегда сладкая! А мальчик-то нам знаком?! Не с ним ли сейчас панькаются пауки? Так-так... Вот его слабинка! И не одна! Здесь ещё и ревность замешана? Ясно! Мальчику нравится девочка, но проблема в том, что нравится она также его другу... Как делиться? Ха-ха!

– Дай попробовать, дай... – упрашивал хозяина зверёк-шапка, уже позабыв, видимо, насколько горячими могут быть тёмные желания людей.

– Не-ет, – погрозил пальцем непослушному зверьку Сморчок. – Эти желания мы есть не будем. Мы прибережём их для особого случая. Мы напомним о них человеческому детёнышу. Пусть сам проглотит то, что породил.

Колдун обернулся, ища кого-то. Не найдя, позвал:

– Ахуратс!

– Я всегда рядом, повелитель, – прошептала Тень, едва различимая на фоне грязно-серого неба.

– Чуешь запах тёмных желаний этого человека? – спросил её колдун.

Тень приняла подобие пса, уткнулась мордой в ладонь старика, понюхала.

— Вижу, что чуешь, — ласково сказал старик, а затем, сменив тон, строго приказал: — Найди в общем потоке ещё подобные искры и принеси мне.

Тень нырнула в красную реку. Желания, горящие в магическом огне, набросились на псину. Но куда им тянуться с самой Ахуратс? Тень разинула пасть и, словно сахарную косточку, разгрызала попадавшихся ей на зуб тёмных узников на тысячи мелких искорок.

— Не отвлекайся, Ахуратс. Ищи! — отдал приказ Князь.

Тень вильнула хвостом, оттолкнулась и побежала по красным лицам, судорожно разевающим рты. Время от времени тёмный силуэт огромной собаки останавливался, лапой выуживал из огненной реки нужные искорки и дальше продолжал свой бег.

— Кхи-кхи, — несмело кашлянула за спиной колдуна Стражница-Ночь.

— Что тебе, черноглазая? — спросил миролюбиво сытый Князь.

— Я насчёт феев снов, господин... — тихо начала говорить Ночь, но запнулась.

— Ну... И что? — подбадривал её колдун.

— Они всё время есть требуют. Попробуй прокорми такую прорву свиней... — жаловалась Ночь хозяину. — И чуть что, они пищат, как девчонки!

— Ха-ха-ха! — засмеялся Сморчок. — Ты меня, Ночь, поражаешь! Не ты ли испокон веков работаешь в Трельяже Стражницей? Тебе ли не знать, как приручать строптивых? Кнутом, кнутом потчуй их.

— Слушаюсь, — как-то обречённо сказала Ночь. — Но от их писка у меня болит голова!..

— Не хочу слушать! Пустяками голову мне морочишь! — прикрикнул Князь, чьё хорошее настроение, видать, закончилось. — Ну, где ты там, Ахуратс?!!

В несколько прыжков Тень очутилась у ног хозяина и в протянутую колдуном руку выплюнула с десяток пылающих угольков.

— Маловато, конечно, — разочаровался Князь. — Ну да ладно.

Старик достал из кармана камзола красный мешочек, расшитый золотыми нитками, ссыпал туда собранные Тенью искры, затянул верёвку и бросил мешок верной помощнице:

– Держи. Отправляйся к паукам. Найди мальца. Познакомь героя с его же собственной ЧЕРНЬЮ. И не забудь о сонном порошке, который в первый раз упустила! Хватит пацану играть роль фея.

Ахуратс подхватила мешочек и была такова. Глядя вслед своей помощнице, колдун протянул руку. Из перстня с чёрным камнем выстрелил синий луч, пробив в небе дырку. Тень благодарно помахала хозяину хвостом и юркнула в щель.

– Теперь с вами разберёмся, детки, – колдун направил руку с перстнем на огненную реку.

Лица, объятые пламенем, умолкли.

– Я отобедал уже, – успокоил их старик. – Теперь ваш черёд трапезничать.

– У-у-у! – завопила толпа. – Загрязним всю розовую страну!

Трельяжный Князь размахнулся и раскроил лучом небо. В рану хлынула зелёная пыль.

– Вперёд, мои детки! Вперёд, моя армия! – крикнул колдун, гарцуя верхом на таракане.

Чернота заполнила глаза старика и чёрными слезами, капля за каплей, стекала по его дряблым щекам.

Призраки вырвались из волшебного пламени, которое сдерживало их до сих пор, и ринулись в открытый портал.

Взяв в руки поводья (усы Шуршунчика), Князь бросил через плечо Ночи:

– Залатаешь дырку?

Ночь утвердительно молчала.

Таракан расправил крылья и приглушённо затрещал, предчувствуя дальний полёт.

– Поехали! – пришпорил пятками трескуна Сморчок.

Описав круг для разгона, Шуршунчик помчал хозяина в зелёный космос.

Густая Ночь, устало привалившись к небу, молча накладывала на рану швы. Это получалось у неё исправно. Портал постепенно затягивался. Наложив последний стежок, Стражница-Ночь откусила чёрную нитку, натянула небесное покрывало, проверяя, не трещит ли, и, удовлетворённо вздохнув, отправилась по делам – кормить панов Сонек.

Глава 39

Битва в «прихожей» Сумеречного Мира

– Юшка вас возьми! Докладывай! – силясь перекричать ветер, командовал воевода.

Сейчас, весь заляпанный краской, льющейся с неба, Юшка Юговой не казался таким грозным, как обычно. На его лице были написаны усталость и растерянность. Длинную бороду воеводы, окрасившуюся в фиолетовый цвет, нещадно трепал ветер, будто хотел её вырвать. Но Юшка и не думал прятаться, да и, впрочем, негде было – деревня разрушена... Злой ураган прошёлся по тыквам кувалдой и всего лишь за несколько минут сравнял их с землёй.

– Население таможенной деревни успели эвакуировать. Обошлось без жертв. Только вот... утеряны все пушки. Пауки не сумели закрыть двери. Чёрнь идёт. Нам нечем отбить атаку... – докладывал Мякиш, приложив правую руку к шлему.

– Что?!! – возмутился воевода.

Он мотал головой, будто мокрый бульдог, стряхивая с себя оцепенение, отчего во все стороны неуклюже полетели фиолетовые брызги. Успокоившись, воевода вскинул голову, грозно нахмурил густые, припорощенные сединой брови. Расставив ноги, оперевшись о копьё и выставив вперёд щит, Юшка Юговой стоял посреди развалин, словно истукан, и гордо смотрел в небо. По обе стороны буквы «Ю» уже заняли свои позиции его верные помощники – Твердолоб и Мякиш.

– А руки нам на что, богатыри?! – крикнул воевода и лихо ударил копьём о щит, выбив искры. Подняв вверх правую руку с копьём и наставив острие в небо, Юшка отдал приказ: – Копья, щиты готово-о-вь! Стоять будем до последнего! Назад ни шагу!

– Есть ни шагу! – в один голос ответили стражники.

Истерзанное небо разинуло тысячи дверей-ртов и выдуло черноту. Сначала в фиолетовую атмосферу ворвался дым, покружил немного, присмотрелся. Затем вспыхнуло пламя, раздались раскаты грома. Дым начал сгущаться и приобретать формы ЧЕРНИ – армии Трельяжного Князя. Черноликие воины в чёрных доспехах верхом на

чёрных жеребцах. Вместо глаз – горящие угли. В руках мечи-молнии, искрящиеся тёмной магией. Над чёрной армией развеивается знамя – играющие на ветру языки пламени, которые растут и раздаиваются, превращаясь в головы огненного дракона. Ведут тёмную армию в бой семеро генералов: демоны Гнева, Злости, Зависти, Страха, Ужаса, Мести и Жадности.

С визгом и улюлюканьем чёрные всадники помчались по небу. Опалённый жаром Гнева и Злобы небосклон перестал плакать. Фиолетовые лужи высохли. Запахло серой и гарью.

– Грязью... Грязью заляпаем! Огнём выжжем! Вытопчем! – раздавалось отовсюду.

На трёх богатырей, изумлённо взирающих на небо, надвигалась лавина черни. За спинами воинов во главе с гостеписцем выстроились в линию пауки. Они лишились пушек и снарядов, но в их распоряжении всё ещё оставалось самое грозное оружие пауков-таможенников – волшебная паутина.

Обернувшись к паукам, воевода гаркнул:

– Вяжите их, братцы! Рубите на куски!

Пауки выпели серебристые нити и, подобно лассо, забросили их в небо. Нити легко вошли в темноту, будто раскалённый нож в кусок сливочного масла, и разрубили чёрное покрывало, застелившее небо, на лоскуты.

– Ничего! Постоим! – довольно крякнул в бороду воевода и выстрелил из копья белым лучом прямо в пасть огненному дракону.

Твердолоб алебардой рубил чернь. Мякиш дубиной выбивал черноту, словно пыльный коврик, и колол её копьём.

Темноволосая демоница подлетела к Юшке, оплела его хвостом, присосалась к уху.

– Юшка через коромысло... – крикнул воевода, уронив копьё. – Снимите с меня эту пиявку!

Ноги Югового подкосились, и он грузно опустился на колени. Мякиш пытался ухватить за хвост присосавшуюся к начальнику пиявку-деву, но его руки проходили сквозь фигуру призрака.

Разрубить демоницу алебардой, уколоть копьём или ударить дубиной стражники не решались, так как могли при этом поранить воеводу.

Юшка уже начал бледнеть, его глаза закатились. Покачавшись немного, будто подрубленная былинка, воевода упал животом на землю. Демоница оторвала, наконец, свой чёрный рот от уха жертвы, но не спешила улетать. Прикоснувшись щекой к щеке воеводы, призрачная дева прошипела:

– Завистью... Завистью изведу... Душу высосу... Иссушу...

– Отцепись от него, демоница! – закричал Мякиш и умудрился-таки ткнуть копьём пиявку в глаз.

Завизжав от боли, одноглазая дева взметнулась в небо столбом чёрного дыма.

Ей на смену пришли новые призраки. Тысячи. Миллионы. Легион тёмных лиц! Их пауки рубили на части, разрывали, разрезали, раздирали. Но изодранная в клочья чернота сгущалась вновь и вновь. Тёмные желания были слишком сильны. Слишком долго они ждали своего часа, чтобы мстить розовым мечтам и грязнить сказки, рождённые чистыми сердцами.

Широкоскулый демон Гнева соскочил с коня, из ноздрей которого валил клубами дым. Размахнувшись мечом-молнией, Гнев пошёл на Твердолоба. Меч и алебарда склестнулись. Во все стороны посыпались искры, от которых загорелась солома. Твердолоб скрежетал зубами. Демон смеялся.

– Ты уже поддался мне, несчастный, – насмехался он над стражником. – Давай пожелай мне что-нибудь! Ну же, давай!

– Чтоб тебя... – шептал побелевшими губами Твердолоб. – Чтоб тебя молнией ударило...

Раздался раскат грома. Огненный дракон изрыгнул пламя на голову «твёрдого знака». Шлем Твердолоба раскалился докрасна. Волосы, собранные в хвост, вспыхнули.

– Ха-ха-ха! – хотел демон Гнева. – Желания, порождённые гневом, подпитывают меня, дуралей! Они делают меня сильнее! Действительно, твёрдая ты башка!

Твердолоб рухнул на землю. Шлем откатился. Чтобы потушить огонь, стражник присыпал волосы землёй и при этом глухо стонал.

Ослеплённый желанием отомстить за друга Мякиш метнул в демона копьё, но промахнулся.

– А ты его дубиной... Дубиной... – науськивала уродливая фурия – демоница Мести, которая сидела уже на плечах Мякиша и чёрными ладонями закрывала ему глаза.

«Мягкий знак» размахнулся и запустил в голову Гнева дубиной, а заодно щё и щит свой пульнул. И оба раза мимо.

Демоница Злости в крылатой колеснице зависла над Мякишем. Месть отпустила жертву, уступив место сестре. Злость хлестала

плёткой по спине стражника. К ней присоединились братья Ужас и Страх. Они подхватили Мякиша под руки, подняли в небо, закружили и бросили на землю. К счастью, солома, на которую плюхнулся бедолага, смягчила падение. Разгорячённый боем Мякиш пытался встать, но поскользнулся на мякоти раздавленной тыквы, снова упал, лишившись на этот раз чувств.

– Три в поле – не воины! – смеялась Жадность.

Пауки набросили на неё сеть и начали тянуть вниз.

– Глупцы! – кричала демоница. – Кому вы помогаете? Сказкам? Но что вы с того имеете? Вам навязали роль сторожевых псов, вытеснили до самой границы, в вечный сумрак, в то время как вы могли бы жить под розовым небом... Но верхний мир, Антресолия, для избранных... Не для вас. Вы такие же, как и мы, изгои. Присоединяйтесь к нам! Ведь в каждом из вас живёт и тёмная магия. Вы чувствуете её вкус? Хватит служить другим! Заставьте служить вам! Вы можете иметь больше!

Заслушавшись, пауки не заметили огненного дракона, который в два счёта сжёг сеть. Демоны окружили пограничников. Обессиленные пауки жались друг к другу, сбивались в кучу. Их магия иссякла. Генералы тёмной армии выпили её до дна.

Подняв головы к небу, залитому чернотой, семь демонов хором рапортовали:

– Таможня взята, повелитель!

– Отлично, – похвалил своих рабов Трельяжный Князь. – Прихожая Сумеречного Мира моя!

Паря верхом на таракане в поднебесье, он наблюдал за битвой в подзорную трубу.

– Установите всюду наше знамя, – приказал Сморчок. – Потом можете отдохнуть. Когда я приведу пополнение, выступим на столицу. После Куапы я выбью двери в Антресолию. И тогда все сказки падут ниц перед теми, кого смели называть ЧЕРНЫЮ. Правильно я говорю, детки? Ура!!!

– Ура! Ура! Ура! – ликовала тёмная армия. – Славься, Трельяжный Князь! Славься!

Огненный дракон махнул хвостом и подпалил поля, дунул – высушил озёра, плюнул – и пламя перекинулось на леса. Жестокое знамя черни плясало огненными язычками, едким дымом и выжженной пустыней, которые оставляло за собой, оно прославляло победителя.

– Всё правильно, – довольно кивнул огромной головой Сморчок. На радостях ему захотелось пошалить. Достав из-за пояса плётку, старик от души хлестнул ею таракана. Шуршунчик взвился и пулей вылетел в ближайшую открытую дверь.

Глава 40

Сонный порошок в руках злодея становится чёрным

Зелёный туман нехотя расступился, пропуская коричневого таракана, на спине которого гордо восседал, словно король на троне, уродливый старик. Колдун всё время кивал головой и беззвучно шевелил губами, как будто разговаривал с кем-то без слов. Окинув оком, залепленным чернотой, Междверное Пространство, которое выглядело пустым, без души, Трельяжный Князь усмехнулся. Он чувствовал превосходство даже над самим Хранителем, который сейчас, вот сию минуту, не решался показаться.

— До сих пор зализываешь свои раны, Ключник? — спросил колдун очень тихо. Хотя нет! Не спросил, поскольку ему не требовалось ответа. На этот вопрос ответ он знал сам.

Трельяжный Князь потянул носом пыль, а затем дунул. Наблюдая, как зелёные пылинки испуганно закружили вокруг, старик презрительно фыркнул. Он физически ощущал, как внутри него бурлит тёмная магия, как бьёт ключом сила, истинные масштабы которой даже ему, великому магу Сморчку, не известны. И сила эта ищет выхода...

Почувствовав боль в правой руке, Сморчок согнул её в локте. Кружевной манжет изящно откинулся, оголив часть руки с чёрными взбухшими венами. Пульс участился, будто в тщедушном старческом теле билось не одно, а сразу несколько опьянённых злобой сердец.

— Ничего... Потерпите... Скоро уже... — шептал Сморчок.

Прерывисто дыша, он рассматривал свою почерневшую руку. Тяжёлый перстень светился синим светом, подпитываясь силой, исходящей от старика.

Разноликие двери, дрейфующие в космическом пространстве, слабо поскрипывали, когда луч от перстня, словно рентген, пронизывал их, проверяя, достойны ли они внимания хозяина. Перстень оказался привередливым. Он тщательно исследовал дверь за дверью, прощупывал миры, притаившиеся за этими волшебными перегородками, но никак не мог сделать выбор.

У повелителя особенная диета – слабовольный человек, таящий в закоулках своей души много тёмных желаний. Нужно только чуток надавить, чтобы вскрыть оболочку добропорядочности, и чернота польётся рекой. Человеки – идеальные злопроизводители. И доить их толком не надо. Сами дадут! Бери и пей.

«Эх, людишки... Человеки... Человечки... Сколько душ мне пришлось вскрыть, сколько испить черноты?! Знали бы вы, какие мерзкие копошатся внутри вас грешки-червячки! Если б знали вы...» – думал старик, закрыв глаза, которые устали от постоянного мелькания дверей, сверкающих впереди и уже исчезающих далеко позади, сверкающих и исчезающих бесчисленное множество раз.

Да, нелегко путешествовать в грандиозном дверном потоке, ни на секунду не замедляющем свой космический бег. Но Сморчок имел немалый опыт в деле волшебных перелётов и даже с закрытыми глазами ловко управлял Шуршунчиком, приказывая ему при помощи усов-поворотников повернуть налево или направо, подняться вверх или, наоборот, нырнуть под очередную мчащуюся навстречу, подобно стремительному метеору, волшебную дверь.

Когда необычный всадник, гарцуяший верхом на таракане, поравнялся с квадратной дверью цвета спелого баклажана, перстень «взорвался» синим светом. Ноющая боль в руке заставила Сморчка открыть глаза и обратить внимание на знаки, подаваемые перстнем.

– Стоп! – крикнул колдун Шуршунчику. – Жертва найдена.

Под «дождём» магических лучей, испускаемых перстнем, дверь начала плавиться. Сгустки разжиженной дверной массы с глухим чавканьем срывались в космическую пропасть. Несчастная, тающая, будто мороженое в летнюю жару, дверь поддалась панике, разинула рот и тут же поперхнулась нахлынувшей зелёной пылью.

Старик ударил Шуршунчика плёткой, чтобы тот не зевал. Таракан вздрогнул и хотел обиженно затрещать, но промолчал, поскольку на обиду времени не было. Нужно было спешить, пока дверь не опомнилась и не покрылась свежим панцирем.

– Ну же? – стиснул зубы Сморчок и с небывалой для хилого старика силой сдавил коленями спину Шуршунчика. Раздался хруст.

Не дожидаясь, пока его снова ударят плёткой, таракан прошмыгнулся в зияющую в зелёном космосе дырку.

По ту сторону двери оказалась маленькая комната. Детская, судя по сопящему малышу в кроватке у противоположной от окна стены. В комнате не было темно, хотя ночь уже давно зашторила небо фиолетовыми занавесками. Об этом позабочилась матушка Луна, перебросившая от окна к центру комнаты сотканную из матовых лучей дорожку. Подобно прожектору на цирковой арене, лунные лучики с любопытством освещали убранство детской комнаты – такое милое, хотя и скромное. Крохотная кроватка, шкаф в углу, стул у окна и по центру круглый стол. Над ним важно свесилась, изображая букет стеклянных цветов, красивая люстра. Несколько бумажных журавликов, подвешенных к люстре на белых нитках, трепыхали крыльями. Их ласкал тёплый ветерок. Прислонясь к окну, он нежно дул в щёлку приоткрытой форточки.

Таракан тучей завис над кроваткой. Наклонив голову набок, колдун рассматривал ребёнка. Уголки его губ невольно растянулись в улыбку. Однако, опомнившись, Сморчок стёр с лица своего умиление, резким движением вынул из кармана мешочек, зачерпнул полную ладонь чёрного порошка исыпал его на голову малыша.

— Сыплю, посыпаю, кошмары нагоняю, — приговаривал Трельяжный Князь, наблюдая, как ребёнок беспокойно заворочался, скривил лицо и заплакал.

За стеной что-то скрипнуло. Раздались лёгкие шаги. В комнату вошла растрёпанная женщина — в голубой ночной рубашке и босая.

— Разбуженная самка спешит на зов своего зверёныша, — прошептал старик, всё ещё паривший над детской кроваткой.

Мать бросилась к ребёнку, положила руку ему на лоб, сказала что-то ласковое, поправила одеяльце. Глаза обычновенной земной женщины не были в состоянии увидеть нависшую в буквальном смысле над её головой угрозу, уши не могли услышать злобный шёпот. Но сердце... Сердце матери подсказывало ей, что в комнате творится что-то неладное. Женщина обернулась и махнула рукой,

будто отгоняла кого-то, притаившегося в темноте. Сморчок хихикнул и обильно присыпал её нечёсаные волосы волшебным порошком.

Ребёнок заплакал громче, но на этот раз мать не спешила его утешать. Раскачиваясь, она стояла возле стола, посреди лунной дорожки, и смотрела в одну точку – на детский рисунок, скотчем прилепленный к стене. На этом рисунке были изображены две лошади, пасущиеся на зелёной лужайке. Одна – большая, оранжевая, другая – маленькая, розовая. И ещё в углу белого листочка было пририсовано детской ручонкой стройное деревце.

Женщина потянулась к рисунку рукой. Словно маяк, он не давал ей забыться, поддаться застилающей разум черноте.

– Маленький мой... Маленький мой... – встрепенулась мать, стала на колени перед кроватью сына, нежно обняла его.

– Спи, несчастная, – приказал ей колдун. – И пусть приснятся тебе кошмары.

Для закрепления эффекта Сморчок посыпал головы обоих дополнительной порцией чёрного солнного порошка.

Малыш стонал. Мать спала, стоя на коленях и уткнувшись головой в одеяло. Плечи женщины подёргивались, будто её кто-то истязал. Обоим снились злые сны, отравляющие разум и очерняющие душу. Оба плакали.

– Как сладко пахнет страхом! – довольно сказал старик, громко втянув носом воздух. – Семена брошены. Из этих двоих уже завтра выйдет хорошая ЧЕРНЬ. И почему только люди такие слабые?

Потеряв интерес к спящим, Трельяжный Князь повернул таракана к окну. Сколько ещё таких маленьких комнаток с малышами и их родителями ждало его там, за окном? Сколько новых жертв?

Прежде чем вылететь в фиолетовую ночь, старик хлестнул плёткой по рисунку с лошадьми, разрезав его на две части.

– Это вам на память, – процедил он сквозь зубы.

Стекло в окне размякло, пропуская всадника, скачущего верхом на таракане. Испуганный ветерок бросился наутёк, наспех рассказывая встречающимся на пути деревьям, что идёт ОН – Всемогущий Трельяжный Князь. Охотник за людскими мозгами...

Глава 41

Голубая тапка в небе

На вершине одинокого холма, покрытого серым пеплом, от которого валил ещё в небо смрадный дым, лежали трое поверженных богатырей: Юшка, Мякиш и Твердолоб. Над ними хлопотал, пытаясь привести в чувство раненых воинов, паук-гостеписец.

– Ляля, – тихонько позвал он свою помощницу, – принеси воды. Вон шлемом зачерпни.

Тучная паучиха подхватила обугленный шлем, валявшийся рядом с головой Твердолоба, который в стычке с чернью лишился своего шикарного хвоста, и неуклюже поплелась к исходившей паром бледной лужице – той единственной, что осталась от голубого озера. Вода потемнела и плохо пахла. Над ней кружили хоровод серые снежинки, слепленные из пепла.

– Пепел на ваши головы… – буркнула Ляля, угрюмо поглядывая на кострище у подножия холма, вокруг которого собралась, празднуя победу, разномастная чернь.

Те, кто ниже рангом, разбивали лагерь, рубили для костра чудом уцелевшие во время пожара стебли растений, жарили на вертеле выкопанные из-под пепла кусочки тыквы, кормили палёным сеном чёрных лошадей. Генералы и генеральши под сотканным из дыма шатром чокались стальными кубками, в которых плескался огненный пунш. В их руках кубки плавились, и это веселило демонов, жадно слизывающих расплавленный металл со своих пальцев.

Демоница Злость заметила синюю паучиху, которая набрала уже в шлем воды и теперь осторожно, чтобы не расплескать драгоценную жидкость, поднималась на холм, где её ждал, подавая знаки поспешить, гостеписец.

– У-у, зачем же болотной жижей потчевать уставших воинов? – насмешливо бросила вслед паучихе Злость. – Пусть попробуют наше угощенье, сваренное из огня и пламени.

Двое чёрных бесенят налетели на Лялю, выбив из её лап шлем. Вода пролилась. Шлем покатился вниз. Потревоженный пепел, взвившись в небо, нехотя падал, изображая грустный серпантин.

— Красиво, однако, — засмеялся Гнев, остановив шлем ногой. — Люблю пепелище.

— Дай его мне! — крикнула Жадность, которая стояла возле котла и огромной ложкой помешивала кипящий в нём напиток.

— Лови, сестрица! — Гнев ударил по шлему, будто по мячу.

Распустив хвост, Жадность подцепила шлем, зачерпнула им огненный пунш и поднесла ко рту снять пробу. Её остановила Зависть:

— Эта огненная водица, моя милая сестрица, для поверженных!

— Конечно, — прошипела Жадность и метнула шлем с бурлящей жидкостью на вершину холма.

Паук-гостеписец испуганно пятился. Огненный пунш, смешавшись с расплавленным металлом, прожёг на холме чёрную проплешину. Земля, угощённая огнём, осыпалась, образовав яму. Остатки пунша, шипя, разъедали её дно, делали яму всё глубже и глубже. Это уже была не просто яма. Это был настоящий колодец! Паук всё пятится и изумлённо смотрел, как из-под его ног осыпается струйками выжженный песок, как внизу растёт, словно опухоль, холодная бездна.

Чернь вокруг смеялась. Пунш пошёл по кругу: от генералов до конюхов. На пепелище разгорался нешуточный пир. О пленниках на холме забыли. Впрочем, что с ними станется? Куда ни глянь — сплошная чернота. Сделай один шаг, она тебя проглотит и не подавится.

Паук-гостеписец стоял на краю ямы и плакал. Слёзы из-за сажи окрасились в чёрный цвет. Стёкла очков покрылись пятнами. Паук полез в рюкзак, набитый ставшими ненужными свитками. В самом деле, кому теперь какое дело до таможенных записей, когда нет самой таможни? Покопавшись немного в шуршащих свитках, гостеписец вытащил платок и начал тщательно протирать им очки.

За его спиной послышалось пыхтение карабкающейся на холм толстой Ляли. Потупив голову, паучиха прошла мимо босса и уселась на землю рядом с прочими пауками, которых чернь загнала на холм, предварительно отобрав у них магические силы. Пограничники

прижимались друг к другу, пытаясь согреться, и с тоской смотрели в небо, застеленное дымовой завесой.

Юшка, Мякиш и Твердолоб потихоньку приходили в себя и просили пить. Паук-гостеписец виновато моргал. Чтобы успокоить раненых, он ласково приговаривал:

– Надоть потерпеть, родненькие... Надоть...

– Летит! – перебила его Ляля, указав мохнатой лапой куда-то в дым.

Пауки удивлённо переглянулись. Гостеписец хотел было шикнуть на свою помощницу, чтобы не привлекала внимание черни, однако молоденький паучок с крестом на спине подтвердил слова Ляли:

– Действительно, что-то летит. Птица, что ли?

– Какая птица, болван? – засомневался старый коричневый паук, лишившийся в бою одного глаза, и теперь у него на «лице» вместо восьми грозно блестели семь чёрных «бусинок».

– Но как же? – настаивал на своём паучок. – Крыльями машет! Видите?

– Голубые крылья! – крикнула, забыв об осторожности, Ляля, но под шиканье товарищей сразу же закрыла рот лапой.

– Да это же тапочка! – сделал вывод семиглазый паук. – Потерянная тапка фея!

– Бедненькая... – заскулила Ляля. – Ищет своего хозяина, а тут такое...

– Они же её соблюют, – испугался гостеписец. – Заметят и, как пить дать, соблюют.

И точно, чёрный дозорный протрубил в скрученный кренделем рог, после чего в небо полетели, со свистом рассекая воздух, сотни огненных стрел. Одна из них подбила тапку, выплюнув на неё огонь. Визжа и ругаясь, тапочка полетела вниз, оставляя за собой, подобно комете, огненный след. Пауки засуетились: бегали по холму, пытаясь поймать несчастную. Ради забавы чёрные лучники выпустили по ним несколько стрел. К счастью, будучи под влиянием пунша, они никого

не зацепили. Настрелявшись, чернь успокоилась и продолжила пирорвать.

Пылающим метеором тапка пролетела над головой гостеписца и с громким «ох-хохонюшки!» нырнула в колодец. Пауки, словно по команде, подползли к яме. Осторожно, чтобы не сорваться в пропасть, они заглядывали вниз. Но, несмотря на множество глаз, разглядеть что-либо сквозь темноту пограничники не смогли — колодец был слишком глубокий.

— Юшка через коромысло... Что там происходит, членистоногие? — слабым голосом спросил воевода. Он пришёл в себя, но ещё был очень слаб, чтобы самому проверить, что так заинтересовало пауков.

— Яма, надоть полагать. Невероятно глубокая! Дна не видать... — сообщил гостеписец, который лежал сейчас на брюшке на краю колодца и жадно всматривался в темноту.

— Юшкин кот, откуда взялась она, эта яма?

— Надоть думать, это есть результат смешения тёмной магии со светлой: огненного пунша с заговорённым добрыми волшебниками металлом, из которого был выкован шлем, — неуверенно сказал паук. — Только вот... Только кажется мне, что черноликие сами не знают, что натворили.

— Юшк... Как это? — заинтересовался воевода и даже привстал. Мякиш и Твердолоб держали его под руки.

— Тише! Не надоть шуметь! — попросил паук и прильнул ухом к земле. — Я что-то слышу. Там, внизу.

Ляля последовала примеру босса и тоже улеглась на брюшко, чтобы удобнее было слушать.

— Слышишь? — шёпотом спросил её гостеписец. — Это смешное «чух-чих-чах»?

— Слышу! — радостно ответила Ляля. — Это звуки подземного метро! Червякового!!!

— И? Юшку вам в печёнку... Что это значит? — недоумевал воевода, который после схватки с демоницей Завистью всё ещё тупо соображал.

— Мы спасены! Мы спасены! — заволновались пауки. — Это путь в подземелье! Там НАШИ!

— Тише, — урезонивал товарищей гостеписец. — Пока черноликие пируют, нам нужно сплести лестницу, по которой мы сможем спуститься вниз. Надеюсь, мы наскребём немного магии, чтобы выткать волшебную паутину?

Пауки молчали. Переминаясь с ноги на ногу, они растерянно поглядывали друг на друга, но никто не осмеливался дать ответ. Наконец подал голос самый старший из них — коричневый, семиглазый:

— Чернь высосала всё до последней капли. Боюсь, ничего не получится...

— Юшкины вы дети... — махнул рукой воевода и чуть было не упал. Спасибо Мякишу и Твердолобу, которые с двух сторон крепко держали начальника, хотя сами, бедолаги, еле стояли на ногах.

— Как же так? Как же так? — усиленно моргал, чтобы не расплакаться, гостеписец. — Давайте поднатужимся, братья, ведь мы же таможенники!

Первой опомнилась Ляля. Собрав последние силы, отчего её синюю шёрстку покрыл липкий пот, а ножки подкосились, паучиха выплюнула серебристую нить. Пристыженные смелым поступком Ляли пауки-воины и себе начали плеваться, выплетая из волшебных нитей лестницу.

— Ах, юшечки мои, молодцы! Молодцы! Признаю, вы — настоящие пограничники! — подбадривал ткачей Юговой. — Только прошу вас, поспешите!

Приобрёенные добрым словом пауки мастерски скрепляли ниточку с ниткой, одну ступеньку лесенки со следующей ступенькой. Трое богатырей старались прикрыть своими широкими спинами слабо светящуюся добром магией паучью паутину.

— Фух, не могу больше, — пожаловался паучок, клеймённый крестом.

— Я тоже, я тоже... — застонали его собратья.

Даже Ляля устало откинулась на спину, выставив кверху ножки.

– Ну что ж, – подытожил гостеписец. – Надеюсь, этой лестницы нам хватит, чтобы достать дна магической шахты. В противном случае мы разобьёмся.

– Постойте, а что делать с Чернью? – спросил старый коричневый паук. – Когда они хватятся нас, пойдут по нашему следу. Получается, что мы сами приведём врага в подземелье?

– Юшка не допустит этого! – заявил воевода и ударил себя в грудь. – Сынки, где мой заговорённый щит?

Мякиш и Твердолоб недоумённо оглянулись. Вместо них ответил коричневый паук:

– Чернь забрала всё ваше оружие.

– Юшкин кот! – выдал своё коронное ругательство воевода.

– Но только не щит, – паук хитро сощурился. – Его красноглазые, как ни старались, поднять не смогли.

– Естественно! – гордо выпятив грудь, сказал Юшка. – Щит заколдованный сильнейшими магами Антресолии. Никто, кроме меня, не в силах справиться с ним. Показывайте, где он, родимый мой, лежит. Я прикрою щитом яму. Из него выйдет отличный волшебный люк. Чернь зубы обломает, но не сдвинет его с места.

Пауки расступились, пропуская Юшку к его щиту, который лежал на краю холма. С замиранием сердца, не скрывая восхищения, пограничники смотрели, как легко, будто пушинку, воевода поднял свой стопудовый щит и несколько раз подбросил его вверх. И это, несмотря на серьёзные раны, полученные в бою!

– Ну что, друзья мои, спускайтесь, – радостно приказал Юговой. – Я пойду последним. Прикрою вас.

– Хоть бы лестницы хватило. Хоть бы хватило... – повторял одно и то же паук-гостеписец, первым спускаясь в шахту.

Его рюкзак застрял в проёме. Испуганно ахнув, паук подумал было, что уже всё – конец ему. Но на помошь, как всегда, пришла Ляля, пихнувшая рюкзак ногой. Правда, самой паучихе из-за её тучности пришлось гораздо тяжелее, нежели шефу. Лялю пинали, помогая таким образом притиснуться в колодец, сразу несколько пауков.

Последним в шахту, как и обещал, полез Юшка. Его роскошный щит с выгравированным символом буквы «Ю» прекрасно лёг, прикрыв собой яму. Упившаяся пуншем чернь не заметила побега пленных. Пока не вернулся Князь, пока не настало сумеречное утро, беглецам не угрожает погоня. А значит, у них есть ещё шанс предупредить своих о наступающей черни, об опасности, нависшей над столицей паучьего царства – Куапой.

Глава 42

Утро настало, или Привет, Чух, Чих, Чах!

– Вставайте, Петенька. Апчхи! Пора идти. Апчхи-чхи! Ах, эта аллергия на пыльцу... А то опоздаем на поезд! – профессор постучал по лепесткам пещерного цветочка с внешней стороны. Потоптавшись немного, он сладко зевнул: – А-а-ах-х... Как спать-то хочется... Но надо вставать. Слышите?

Петюнька нехотя открыл сначала один глаз, потом второй, перевернулся на спину, потянулся, упёрся ножками в стенку цветка, немного полюбовался новыми носками, подаренными доброй буковкой «Ё».

– Спасибо вам, что согрели, – искренне поблагодарили малыш новых волшебных друзей.

– Ножкам тепло – нам хорошо, – скромничали носочки.

Проснувшаяся тапка фыркнула, ревнуя мальчика к носкам, но промолчала.

Бутончик неожиданно накренился влево, лепестки раскрылись, и Петюня упал на подстилку из опилок. К счастью, с потолка больше не капало, и лужи успели подсохнуть. Теперь уже бывшая цветочная спаленка обмякла. Её лепестки, словно крылья уставшей птицы, опустились, оголив махровую серединку. В Петюнькиных ушах зазвенело – так прощался с ним пещерный бутончик. Объятый волшебным пламенем, он постепенно превращался в прах. Но цветок не исчез безвозвратно. Посреди горки синеватого пепла беспомощно лежало, агукая, новое младенческое семя.

– Не стоит расстраиваться, – успокаивала Петюньку цветочница Цыпочка, заметившая, как насупилось его лицо. – Таков жизненный цикл пещерных цветов. Они цветут только несколько часов, предоставляя приют странникам, а потом возвращаются в землю, оставляя по себе семя. И так по кругу. Цени жизнь, мальчик. Это её закон. Кстати, семя твоего бутончика принадлежит тебе. Можешь забрать его с собой. Оно послужит тебе прекрасной походной палаткой, укроет и в зной, и в холод, защитит от дождя и ветра. За

твою заботу цветок отблагодарит тебя многократно, вновь и вновь отдавая свою жизнь. Цени его дар, детёныш, ведь жизнь бесцenna!

— Так-так-так, нам надо спешить, — тарахтел Типунчик, выбирайся из розового цветочка, который сразу же за его спиной рассыпался, превратившись в розовую муку.

Уважаемый Медок, кряхтя и охая, стоял возле кучки малинового пепла. Возле такой же кучки, только сиреневого цвета, сидел Йк и покуривал свою огромную трубку.

— Пойдём умываться, — весело подмигнув, позвала Петюня Ёлочка. В руках она держала охапку цветных, приятно пахнущих полотенец. Одно из них не замедлило перекочевать на плечи мальчика.

— А как же! Пойдём! Тру-ру-ру! — забавно протрубил в сложенные трубочкой ладошки профессор, пристроившийся рядом с Петюнькой.

Умывальня, как и все сооружения паучьего подземелья, была построена из корней растений. Состояла она из нескольких десятков одинаковых умывальных кабинок, выстроившихся в шеренгу. Над каждой кабинкой висел бак, изготовленный из половинок кокоса. К баку по тоненьким соломинкам поступала вода из главной цистерны — бутылочной тыквы, напомнившей мальчику вымя коровы с множеством присосок.

— Росяной душ лечит тело и душу! — пела в одной из кабинок Розочка.

— Ах, какие всё-таки пауки молодцы! Какие запасливые! Вон какую цистерну росы насобирали! Даже представить сложно — росинку за росинкой! — восхищался Абра-ар.

Петюнька не очень любил умываться по утрам, но тёплый душ под леечкой в виде маленького цветочка, из каждого лепестка которого струилась вода, ему понравился. Как понравились и голубое мыльце с запахом лесных ягод, красный шампунь, пахнущий малиной, и особенно зубная паста — по вкусу и сладкому аромату настоящий клубничный джем.

«Такой пастой зубы чистить приятно, – думал малыш, в шутку размазывая по лицу пену. – Не сравнить с той, что дома, которая язык щиплет».

Переодевшись в чистую одежду, за ночь выстиранную, починенную и выглаженную паучихами, а затем наспех перекусив приготовленными бабушками-трактирщицами лепёшками, друзья отправились на станцию. Каждый нёс на плечах связанный Ёлочкой рюкзак, а в рюкзаке – цветочные семена и провизию на дорожку.

Группа путешественников увеличилась, поскольку к ней присоединились три новые буквы: «Ы», «Ц» и «Ё». Розочка, а также бабушки Чинита, Шань и Щень наотрез отказались покинуть свой трактир.

– Кто тогда будет кормить голодных паучков? – оправдывалась милосердная буква «Ч».

Пришлось оставить на попечение бабушек министерских кузнечиков. По этому поводу Типун очень переживал и время от времени грустно вздыхал. Но ничего не поделаешь. В экспресс-поезде, как выяснилось, места для кузнечиков не предусмотрены.

Дорога на станцию вела через знакомые подземные тоннели, по которым друзья пробирались давеча в поисках трактира. Везде, куда бы ни бросил взгляд Петюнька, копошились метрополитеновские паучки в оранжевых жилетках: заменяли испачканную чернилами подстилку свежей. Паучихи в платках соскрёбывали краску, налившую на осветительных камнях и заметно приглушавшую излучаемый ими свет.

На перроне станционный смотритель в фуражке яростно дул в свисток и размахивал зелёным флагком, подавая кому-то знаки. Однако, как понял малыш, знаки эти остались незамеченными теми, кому они предназначались. Поэтому паук выплюнул свисток и приложил ко рту лежавший на соседней лавке громкоговоритель.

– Неблагодарные! – заорал смотритель. – Бегом сюда! Через пятнадцать минут поезд отходит по расписанию, а вагонов до сих пор нет! Уволю вас, так и знайте! Пойдёте копачами на шахту!

— Чух-чих-чах, — донеслось из тоннеля. — Чего раскричался? Мы уже здесь.

Станционный смотритель облегчённо вздохнул, снял фуражку, протёр платком лоб, снова надел её и уже спокойным голосом объявил в громкоговоритель:

— Дамы и господа, на первый путь прибывает экспресс-поезд «Чух-Чих-Чах», следующий на Куапу.

— Тум-тури-рам-пампам-тум-тури-рам... — грянул марш, и хрипловатый голос запел: — Сегодня тут, а завтра там. Удобный маршрут. Там-там-ри-рари-рам!

Петюнька оглянулся в поисках паучьего оркестра, который вчера целый вечер развлекал публику в трактире «Три бабушки», но музыкантов на перроне не оказалось. Музыка транслировалась по радио.

Наконец, показался червяковый состав. Три гигантских розовых червяка (а по Петюнькиным ощущениям — три упитанных слона) в красных бейсболках вырулили из тоннеля к перрону. К спине каждого червя на ремнях были прикреплены фиолетовые вагоны — свёрнутые в трубочку листья. Круглые оконца вагончиков были зашторены синими занавесками в жёлтый горошек. Сразу за хвостом первого червяка следовала голова второго, за хвостом второго — голова третьего. Чтобы поспевать друг за другом и не сбиваться с ритма, червяки крепились в один состав при помощи тех же ремней, что и вагончики к их спинам.

Поравнявшись с перроном, состав притормозил. Червяки положили головы на специальные подставки, вмонтированные в перрон, и высунули языки, требуя дозаправки.

— Ишь ты, ненасытные! — заругался станционный смотритель, при этом не забыв моргнуть рабочим, чтобы те принесли заранее приготовленную для червяков пищу.

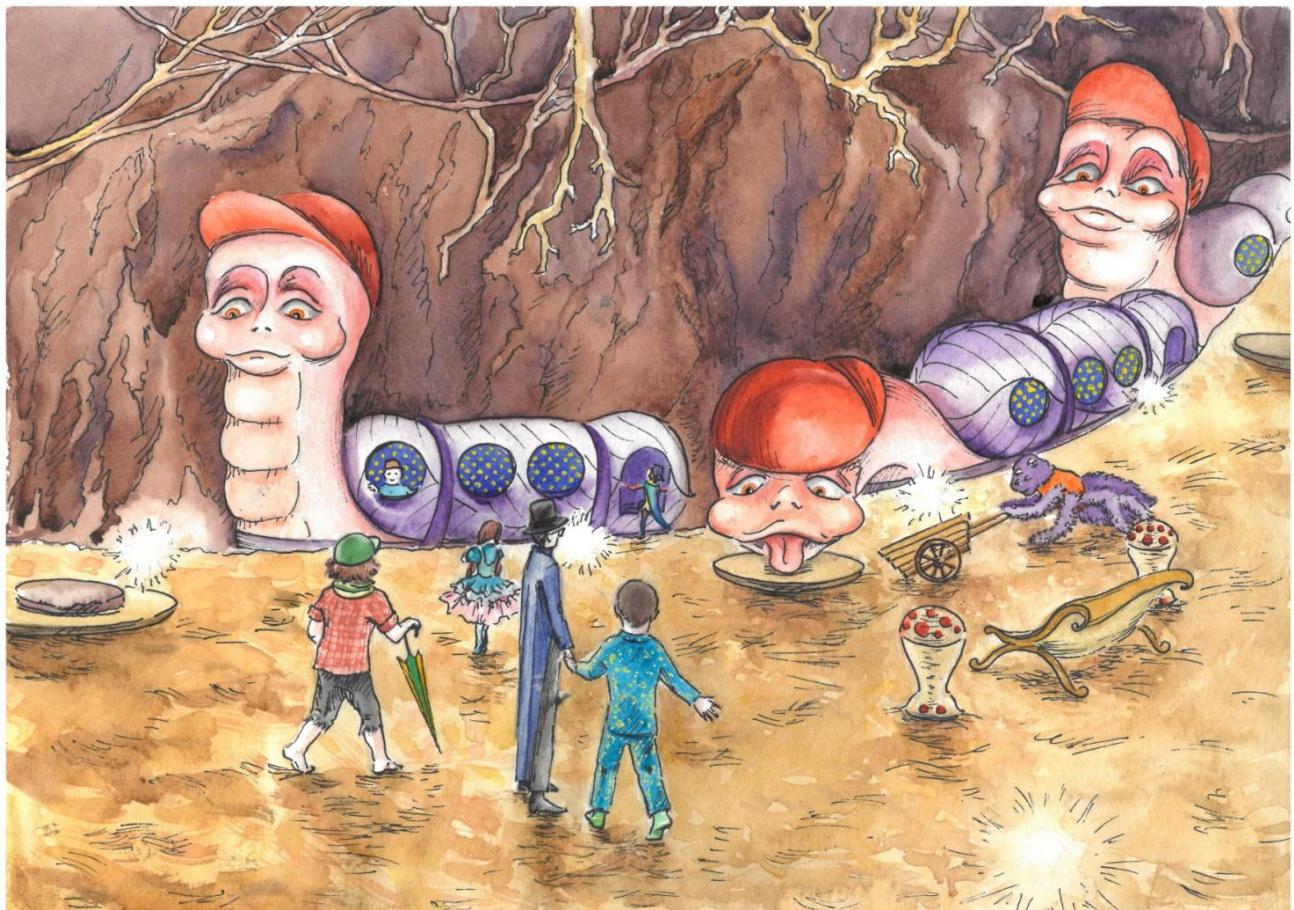
Затолкнув в червей три тачки землистого цвета лепёшек, пауки удалились восвояси. Червяки, пережёвывая пищу, довольно переговаривались:

— Чух!

– Чих!

– Чах!

– Это они здороваются с вами, – пояснил собравшимся на перроне пассажирам смотритель. – Наши лучшие червяки: Чух, Чих и Чах. В прошлом году на Улиточном марафоне они выиграли Чемпионский Приз!

– Вай-вай, – недоверчиво выдал Вьюга-вьюн. – С улитками соревноваться – не много чести.

– Так-то оно так, но... – возразил Типунчик, который, будучи кучером, знал толк в гонках. – Но только не с теми улитками, у которых под раковиной спрятан реактивный двигатель. Такими снабжает улиток наш Фло-мастер.

Станционный смотритель махнул зелёным флагом, на этот раз подавая знаки пассажирам, и торжественно объявил:

— Внимание! Экспресс-поезд «Чух-Чих-Чах» прибыл. Объявляется посадка. В вашем распоряжении десять минут. Прошу пассажиров поторопиться и занять свои места.

В первом оконце переднего вагончика распахнулась шторка, и высунулась смешная круглая голова. Тоже, как и смотритель, в фуражке. Только другого фасона – милицейского.

— Да-да! Ура! – обрадовалась Дзинь-да-да. – Нас будет сопровождать Опанас Оперенко – лучший оперуполномоченный во всей Антресолии!

— Буква «О», – шепнул на ухо Петюне Абра-ар.

— Опаньки! – хвастался милиционер, выпячивая то одно, то другое плечо, чтобы лучше видно было его свеженькие яркие погоны с тремя жёлтыми пуговицами, образующими равносторонний треугольник. – Я с недавних пор охранник по высшему разряду! Не младший, а старший лейтенант!

— Да! Да! – восторженно хлопала в ладоши Дзинь-да-да, искренне радуясь повышению буквы «О». Заметно было, что бравый антресолевский милиционер девочке был очень симпатичен. Петюнька даже немножко приревновал.

Опанаса Оперенко сзади кто-то толкнул. От неожиданности милиционер стукнулся головой о раму оконца. Его фуражка упала на перрон.

— Опаньки, чего толкаешься? Больно же! – возмутилась буква «О».

Круглое румяное лицо милиционера исчезло. На его месте появилось другое – усатое. Таких больших, густых и аккуратно завитых на концах усищ, а также длиннющих бакенбард Петюнька ещё никогда не видел. Разве что на картинках.

— Каратэ, – представился незнакомец, сняв красную, как у червяков, кепку и обнажив пышную копну жгуче-чёрных волос.

— Тра-та-та, ты что же? Теперь водишь поезда? А как же космический ромашколёт? – удивился Типун, позабыв от удивления поздороваться с прибывшими.

— И тебе здрасте... – насупился Каратэ.

Похлопав по многочисленным карманам кожаной красной куртки, он вытащил двумя пальцами длинный, весь в масляных пятнах платок и демонстративно громко высморкался, показывая, что обиделся.

– Та-та-та, ты что же, дружище? Ты что? – расстроился Типун. – Я не хотел!

– Я, понимаете, – отвёл от тонкого с горбинкой носа платок Каратэ, – спешу к вам на всех парах. Спешу на помощь, между прочим! От самой Куапы! Столько пришлось перерыть земли... По небу-то к границе не подступиться. А для такого опытного водителя, как я, раз плонуть, что космической ромашкой, что червяковым метро управлять. Каратэ всё может! Каратэ на все руки мастер!

Станционный смотритель дунул в свисток. Пронзительным свистом паук давал понять пассажирам, что следует поторопиться.

В целях безопасности маркиз Медок со своей свитой – отшельником Ыком, Типуном и пчёлами – занял второй вагон, который посерединке. В первый вагончик шумной толпой, толкаясь и хохоча, ввалились Выон, Гагатун, Бурундин, Петюнька и Абра-ар. В третьем вагоне, замыкавшем маленький червяковый поезд, разместились дамы: буковки «Д», «Ё» и «Ц». Девочки были очень рады, что им предоставляется возможность поболтать о своём, девчачьем, вдали от мужских ушей.

По радио снова начали крутить марш. На перроне собирались рабочие. Расчувствовавшиеся паучихи кончиками головных платочек утирали глаза. Пауки размахивали мётлами и вёдрами, торжественно провожая в путь самый быстрый червяковый поезд «Чух-Чих-Чах».

– Сегодня тут, а завтра там! Там-там-ри-рари-рам. В добрый путь всем вам! Там-там! – надрывался голос по радио. – В добрый путь! Там-там-ра-там!!!

Глава 43

Вагончик тронулся, или Наваждение

Изнутри рассматривать вагончик оказалось гораздо интереснее, нежели снаружи. Он был изготовлен из цельного, невероятно огромного фиолетового листа, на поверхности которого чётко просматривались розоватые жилки. Лист был свёрнут в аккуратный цилиндр и прошит по швам знаменитыми своей суперпрочностью паучьими нитями.

— Ах, любопытно! Весьма любопытно! — не скрывал восхищения профессор. — Пауки — признанные мастера во многих областях. Но производство волшебной «листовой стали» — это их конёк! Как бы я хотел побывать в листовом цехе, чтобы своими глазами посмотреть, как пауки закручивают листья в такие вот цилиндры. Слышал я, что сначала они вымачивают их в специальном растворе, который делает листья крепкими, твёрдыми, но при этом не позволяет по мере высыхания утратить гибкость и раскрошиться. А затем обработанные листья накручивают на «бигуди»! Хотел бы я это увидеть... Апчхи!

Абра-ар нежно поглаживал слегка ребристую стену вагона, ощупывал её выпуклости и впадинки, будто пытался разгадать, в чём заключается секрет волшебного мастерства пауков.

Петюня разделял восхищение профессора пауками, но его внимание привлекли вовсе не стены вагона, а вагонная «начинка».

«Интересный получился голубец», — подумал малыш, сравнив листовой вагон с его любимыми голубцами, которые так хорошо умеет готовить тётя Зоя. Сам капустный лист, завёрнутый в трубочку, мальчик кушать не очень-то любил. Другое дело — вкусная начинка. Её Петюня обычно выковыривал ложкой, оставляя противную капусту на закуску всеядному папе.

На первый взгляд, фиолетовый лист был «начинён» теми же предметами, что и обычные вагоны обычных поездов, в которых мальчик не раз ездил с родителями на дачу. Только, как водится в сказке, все предметы были изготовлены из необычного материала. Кресла, расставленные напротив друг друга, небольшие столики между ними, поручни и полки были сплетены из пожелтевших

корней растений. Сидения и спинки кресел, к величайшему удовольствию Петюньки, уже умостившегося в одном из них, были мягкими и приятно пружинили.

— Что там? — спросил малыш Абра-ара, тыча пальцем в паутинистую обивку кресла.

— Ах... Апчхи! Осмелюсь предположить, что пушинки одуванчиков. Апчхи! У меня на них аллергия. Апчхи-чхи!

— Кхе-кхе, — кашлянул в микрофон Каратэ. Над местом водителя, отгороженного от салона плетёной ширмой, засветилась красная кнопка, помеченная надписью печатными буквами: «ВНУТРЕННЯЯ СВЯЗЬ». Покашляв немного для приличия и подув на микрофон, сдувая с него несуществующую пыль, водитель обратился к пассажирам: — Пристегните, пожалуйста, ремни.

Буква «О» вырвала микрофон из рук Каратэ и от себя добавила:

— Опять же, не забудьте задраить люки.

— Ах, конечно, — спохватился Абра-ар и потянулся к окошку, чтобы опустить раму.

В окошке что-то щёлкнуло, тяжёлая рама опустилась. На глазах Петюньки несколько круглых гаек сами по себе закрутились вокруг болтов, надёжно задраивая метрополитеновский люк.

— А это зачем? — удивился малыш.

— Вай, — подал голос Вьюн, который вместе с Гагатуном забрался на верхнюю полку. — Это для того, чтобы комья земли не попадали в салон. Червяки, понимаете ли, часто меняют маршрут и на ходу прорывают новые ходы. Они те ещё копачи!

Первый червяк по имени Чух нетерпеливо дёрнулся, натянув ремни. Под протяжное «чу-у-ух!» собравшиеся на перроне пауки и паучихи дружно замахали лапками.

— Внимание! Будьте готовы! — предупредил пассажиров Каратэ.

— Б-б-батюшки, сейчас начнётся... — бубнил, вжалвшись в кресло, Бурундун.

Чух сделал рывок. За ним последовали его товарищи. Быстро набирая скорость, червяковый состав миновал перрон и погрузился в темноту тоннеля. В салоне зажглись голубоватые лампочки.

Великаны-червяки легко несли свою ношу. Темнота подземелья не была им помехой.

— Чух-чих-чах! Чух-чих-чах! Чух-чих-чах-чах-чах! — весело пели червячки, мчась по бесконечным земляным коридорам.

Вагоны порядком тряслось. Правда, не настолько сильно, как карету, которую везут кузнецы, но всё же достаточно, чтобы у Петюньки закружилась голова.

— Ничего, — успокаивал его профессор. — Это пройдёт. Это поначалу так. Потом привыкнете, милейший.

— Б-б-б-бе-бе-бе, — доносилось со стороны Бурундуна, который, видимо, тоже тяжело переносил тряску.

А вот Вьюга-вьюн и Гагатун совсем не боялись. Свесив ноги, они смеялись и хлопали друг друга подушками, отчего во все стороны полетел белый пух.

Поймав одну пушинку, Абра-ар сморщился.

— Тополиный пух... — как-то обречённо сказал он. — На него у меня тоже аллергия. Апчхи!

— Чи-и-их! Чи-и-их! — зазывал червячок Чих.

— Чах-чах-чах! Чах-чах-чах! — отвечал ему третий червяк — Чах.

Поезд ракетой мчался вперёд. Как обещал Абра-ар, мальчик свыкся-таки с тряской. Но теперь его волновало другое — скука. Из-за сплошной темноты подземелья смотреть в окошко, как это любил делать Петюня, путешествуя в поезде, смысла не было. Поэтому малыш откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Под мерное покачивание да под весёлую песню червяков он вскоре уснул.

Во сне мальчик видел самого себя. В том же поезде. В том же вагоне. Только во сне Петюнька не спал, а сидел и смотрел в окно, в темноту. Всё сидел и смотрел, сидел и смотрел. Чего не скажешь о его спутниках. Абра-ар в соседнем кресле, запрокинув голову и накрыв лицо шляпой, крепко спал. За Петюнькиной спиной, развалившись в кресле, смешно сопел Бурундин. Вьюн и Гагатун спали на верхних полках. Клевал носом уснувший милиционер. Спал даже Каратэ, свесившись с водительского кресла. Поездом управлял компьютер, светящийся разноцветными огоньками. В сонном царстве

спали все, кроме мальчика. Как ни старался, он не мог уснуть. Раскачиваясь, малыш продолжал смотреть в окно, хотя ничего, кроме темноты и на её фоне собственного отражения, увидеть там не мог.

Отражение в окне неожиданно подмигнуло Петюньке. Сначала левым, а затем правым глазом. Мальчик испугался, отстегнул ремень, выбрался из кресла, переступил через вытянутые ноги Абра-ара и побежал по вагону. При этом он заглядывал зачем-то в каждое окно. Если какое из них оказывалось зашторенным, малыш раздвигал занавески и вновь и вновь рассматривал самого себя, подмигивающего то левым, то правым глазом.

Вагон, наконец, закончился. Рывком открыв дверь, ведущую в тамбур, Петюня шагнул и... очутился в детском садике. Над ним стоит, подбоченясь, противный Вовка. Вытянув правую руку вперёд и приставив толстый указательный палец к Петюнькиному носу, хулиган громко, чтобы слышали все, сказал грубым, изменённым голосом:

– Со-о-пля! Очка-а-рик!

– Сопля, сопля, сопля! Очкарик, очкарик, очкарик! – выкрикивали ребята, взявшись за руки и водившие хоровод вокруг Петюни. Среди них была и воспитательница Галина Сидоровна, кричавшая отчего-то басом.

В комнату вошла Машенька. За ней следовал Яшка. На голове Машеньки Петюнька заметил веночек из разукрашенных акварельными красками листьев. На шее – ожерелье из нанизанных на верёвочку блестящих «висюлек», которые раньше были подвесками на Петюнькиной люстре. Петюнькиной ведь! Это он, Петя Ложкин, придумал снять с люстры «висюльки» и разукрасить листья! Это он, Петюнька, любит Машеньку! Это подарки для ЕГО, Петиного, Солнечного Зайчика! А выходит, что подарил их девочке Яшка... Сам... Без Пети... И Машенька ласково смотрит не на Петюню, а на Ермолаева... Улыбается ему... Только ему... Петюньку же не замечает, проходит мимо. С ней уходит Яшка. Вот какой он, оказывается, друг...

Петюня хотел догнать Машеньку, открыл новую дверь и шагнул. Теперь он очутился на детской площадке во дворе своего дома. Рядом с песочницей стоит мама.

– Что-то сынок ваш слишком бледный, – говорит ей соседка. – Не заразный ли? Вы бы его держали дома... Нечего разносить инфекцию. Леночка, не подходи к мальчику! Он плохой...

Пухлая Леночка, грызя яблоко, толкнула Петюню:

– Ты здесь чужой. Это наш песок. Уходи к мамочке!

Мама закрыла лицо руками. Она не хочет смотреть на сына. Ей стыдно за него.

– И почему ты у меня такой? – не отнимая ладоней от лица, спрашивает мама.

Петюнькино терпение лопнуло.

– Какой такой? – крикнул он, сжав кулаки. – Какой? Какой? Какой?

– Не такой, как все, – отвечала мама. – У всех дети, как дети, а ты не такой...

– Какой не такой? Какой? Какой? – не унимался Петюня. Много Петюнь, отражённых в окнах вагончика.

– А ты покажи им, какой ты... А ты докажи... А ты накажи их... – шептал чужой голос в голове мальчика, и слушать этот голос ему было очень приятно.

Глаза многочисленных Петюнек, сидевших в окнах, будто в телевизорах, заполнила чернота.

– Ахуратс чует тебя... Ахуратс идёт по следу... – шептала Тень, заглядывая в окна вагона, где спал, прислонившись к плечу Абра-ара, наш мальчик.

Глава 44

Тупик

– Друзья мои, с мальчиком что-то не так! Он не может проснуться. Петенька! Петенька, очнитесь! – беспокоилась за малыша склонившаяся над ним буковка «Д».

– Ах, надо что-то делать. Растромошить его как-то? – предложил Абра-ар.

– Б-б-батюшки, что б-б-будет? Что б-б-будет? – паниковал Бурундун.

– Вай, ущипните. Вот так! Вот так! – принял щипать Петюнькину руку Вyon.

– Громко хлопнуть в ладоши над самым ухом надо. Хлоп! Хлоп! – показывал, как правильно хлопать, Гагатун.

– Цыц! Расхлопался… Нежнее надо. Это же ребёнок! – приструнила Гагатуна буква «Ц». Присев на цыпочки, она ласково провела рукой по волосам Петюньки, а затем поцеловала его в лоб, но… никакой реакции.

– Опаньки, а что вы здесь все собирались? – поднял домиком брови Опанас Оперенко, только что поднявшийся в вагон.

– М-м-м, мальчик не просыпается, – объяснил ему маркиз Медок.

– Йк, может, это… Дать ему мою трубку? – поступило предложение от буквы «Й».

– Ёлки зелёные, ну что вы предлагаете? – махнула на него рукой буква «Ё».

– Конечно! Никакой трубки! Я как водитель вам заявляю: курить в салоне запрещено! – крикнул Каратэ из своей кабинки.

– Та-та-та… Так мы далеко не уедем… Что делать-то? – развёл руками Типун.

– Да, может, тогда возьмёте мою палку? – не унимался Йк. – Волшебная пыльца вишнёвых цветов имеет силу снимать наваждение, навеянное тёмной магией. По всему видно, что мальца одурманили.

– Опаньки! Отшельник Йк дело говорит. Давайте попробуем! – поддержал старика милиционер.

Буква «Ы» выставила вперёд палку и хорошенъко тряхнула ею, осыпав голову малыша розовой цветочной пыльцой. Петюнька вздрогнул. Привидевшиеся ему его же собственные отражения начали рассеиваться одно за другим. Темнота отступила, позволив мальчику проснуться.

– Что происходит? Почему вы все смотрите на меня? И почему мы стоим? – слабым голосом спросил Петюня, недоумевая, поскольку не было слышно ставшего уже привычным «чух-чих-чах». – Вы что? Из-за меня остановили поезд?

– Ах, милейший, вы нас очень напугали. Но поезд остановили по другой причине... – растерянно отвечал профессор. Его очки запотели, и он протирал их платком, бросая обеспокоенные взгляды на милиционера и водителя. Абра-ар ждал, что они ответят на Петюнькин вопрос, но буквы «О» и «К» молчали. Не выдержав,

профессор спросил их напрямик: – Ну, что вы там увидели? Действительно, почему мы стоим?

– Кто его знает?.. – неосторожно вырвалось у Каратэ. Заметив, как заволновались пассажиры, а рука дежурного милиционера потянулась к кобуре с пистолетом, водитель счёл нужным всех заверить: – Но мы во всём обязательно разберёмся. Компьютер исправен... Червяки остановились сами. Без моего вмешательства.

– О! – поднял вверх указательный палец Опанас Оперенко. – Впереди тупик. Может, поэтому они стоят?

Каратэ отрицательно помотал головой:

– Кто думает, что червяки – примитивные создания, глубоко ошибается. Таким первоклассным копачам, как они, ничего не стоит прорыть новый ход. Завал для них – не преграда. Червяки копают на ходу, ни на секунду не останавливаясь. Мы бы этого даже не почувствовали. Кажется мне, друзья, они что-то учゅяли... Там, за завалом.

– Ах, почему тогда не спросить у самих червяков? – сказав это, профессор решительно направился к выходу.

Остальные молча последовали за ним. В том числе и Петюнька. Хотя мальчик вовсе не жаждал очутиться посреди тёмного узкого тоннеля, оставаться в одиночестве в вагоне после таких жутких видений он не мог.

«Нам надо держаться вместе», – думал Петюня, едва поспевая за друзьями.

Каратэ обогнал Абра-ара и включил фонарик, чтобы лучше было видно дорогу. Червяки, вытянув шеи по направлению к земляной куче, закупорившей тоннель, напряжённо прислушивались.

– Чух, чух, чух, – осторожно тыкался носом в завал червяк Чух.

– Что такое? – шёпотом спросил его водитель и ласково похлопал по шее, успокаивая. – Что ты чувствуешь? Что там?

– Чух, чух... Пахнет странно, однако... – пояснил червяк. – Чую что-то знакомое... Но там опасно...

– Б-б-батюшки, давайте об-б-бъедем завал. Ну его! – плаксиво попросил Бурундун.

– Оп! – щёлкнул его по носу Опанас Оперенко. – А вдруг кому-то нужна наша помощь? Мы не можем просто взять и объехать. Надо выяснить, что там, откуда взялся завал.

– Конечно, – согласился с буквой «О» Каратэ. – Ну-ка, копни маленько, Чух. Только аккуратно!

Червяк подполз к стене, легко пробуравил её, наполовину погрузившись в землю. С этой стороны было видно только заднюю часть вагона, а под ним розовый хвост, которым Чух приветливо вилял. Друзья, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. По ту сторону завала послышался шум. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то смеялся. Чух затих, перестал размахивать хвостом. Гул за стеной нарастал, но слов пока что различить было невозможно.

Опанас Оперенко на всякий случай выхватил из кобуры пистолет и направил его на стену.

– Отойдите, – шёпотом велел он спутникам.

– Ах, пусть дамы с мальчиком укроются в последнем вагоне. Мы же тебя не оставим здесь одного, друг! – с чувством возразил Абра-ар и подал знак Дзинь-да-да увести Петюню.

Буква «Д» послушно взяла малыша за руку. Следом за Ёлочкой и Цыпичкой они поднялись по лестнице в третий вагон. Но девичье любопытство всё-таки оказалось сильнее пугливости, и вскоре три симпатичные головки высунулись из вагонных иллюминаторов. Петюнька выглядел из-за приоткрытой двери. Он видел, как Вьюга-вьюн и Каратэ, знавшие толк в боевом искусстве, приняли бойцовскую позу: расставили ноги и смешно размахивали ладонями. Бурундун выставил вперёд, будто шпагу, свой длинный зонт. Министерские пчёлы, окружив маркиза Медка, оголили сабли. Даже старик Йк приготовился к бою: отставил в сторону трубку, чтобы удобнее было орудовать палкой. Абра-ар, Типун и Гагатун, хотя и были безоружны, тоже выглядели достойно. Каждый из них готов был в случае опасности прийти на помощь друг другу.

«Один за всех, и все за одного, – вспомнил Петюня книжку про мушкетёров, отрывки из которой как-то читала ему тётя Зоя. – Здорово!»

Хвост Чуха ожил. Червяк активно размахивал им, выползая из пробуравленной в земляной стене шахты. Во все стороны посыпались комья земли. Запахло гарью. Кто-то осипшим голосом ругался:

– Юшкин кот... Юшку в печёнку... Юшкины пироги...

– Ах, буква «Ю»! Наш доблестный воевода! – обрадовался профессор.

Чих и Чах подали назад, чтобы Чуху легче было выбираться из стены. Червяк выскользнул из дырки. Во рту он держал верёвку.

– Тяните! Тяните! – попросил Чиха и Чаха Типун. – Там наши друзья!

Натянутая верёвкаibriровала. Опанас Оперенко и Каратэ стали по обе стороны дырки. Водитель светил фонариком, пытаясь разглядеть что-либо в темноте.

– Юшка на сковородке! Не свети в глаза! – вылетело из тоннеля.

Показалась растрёпанная голова Югового. Воевода был без шлема, без оружия, а доспехи его были сплошь покрыты вмятинами. Твердолоб и Мякиш поддерживали Юшку под руки. Вид они имели такой же потрёпанный, как и у командира. Следом за буквами из тоннеля бесшумно выползали, цепляясь за верёвку, пауки.

– Юшечки мои! Ребятушечки! – не скрывал радости обычно строгий воевода. – Как я рад, что мы нашли вас! Как я рад!

– М-м-м,уважаемый воевода, это скорее мы вас нашли. Вернее, вас вынюхали червяки. М-м-м... – Медок приветствовал богатырей крепким рукопожатием. – Но что случилось? Это какой силы должны быть удары, чтобы настолько искорёжить кованые доспехи? Рассказывайте, что там?!

Юшка отвёл глаза. Гордому воеводе сложно было признаться в позорном поражении. Вместо него решил ответить гостеписец, ведь и на нём лежала ответственность за утрату таможни. Он с грустью обвёл взглядом своих товарищे�й, столпившихся у вагона, и, наконец, собравшись с духом, сообщил:

– Трельяжный Князь пошёл в наступление. Таможня пала. Скоро армия черни выступит, если уже не выступила, на столицу. Куапа в опасности! Нам надоить предупредить короля. Если падёт и

столица, путь в Антресолио будет свободен. Тогда всем нам настанет конец.

— Ах! — схватился за сердце от такой новости профессор.

— Вай, не может быть! Не может быть! — отказывался верить в услышанное Вьюн.

Бледный Бурундун, поддавшись панике, открывал и закрывал зонтик, открывал и закрывал, пока Гагатун, не выдержав, не вырвал зонт из его дрожащих рук.

— Держите себя в руках! — крикнула Дзинь-да-да, наполовину высунувшаяся из окна вагона. Чтобы боковка «Д» не вывалилась, подружки держали её за талию.

Первым опомнился министр Медок, которому высокая должность не позволяла терять самообладание.

— Э-м-м-м... Друзья! Нам действительно нужно спешить. Дело не терпит отлагательства. Все по вагонам! Только... — маркиз обернулся к водителю. — Только не мешало бы для начала завал снова сделать завалом. М-м-м... Надо заделать дырку. Да!

— Сделаем! — приложил ладонь к козырьку кепки Каратэ и направился к червякам пошептаться насчёт дырки.

Пассажиры вернулись на свои места. Уставшие пауки небольшими группами рассредоточились по вагонам. Богатырей определили к девочкам, которые незамедлительно принялись оказывать раненым первую помощь.

— Кх-кх... Внимание! — объявил в микрофон Каратэ. — Всем пристегнуться и крепче ухватиться за поручни кресел! Червяки будут выполнять сейчас спецманёвр!

С громким «чу-у-ух!» первый червяк встал на дыбы, словно взбесившийся слон, и грузно упал, подняв тонну пыли. Точно такую же операцию проделали Чих и Чах. От мощной ударной волны посыпался земляной дождь. Под жуткий скрежет стены вагонов начало плющить. Петюнька испуганно прижался к плечу Абра-ара.

— Не стоит бояться, — успокаивал его профессор. — Вагоны выдержат. Нам обвал не страшен.

Постепенно затихая, земледад прекратился. На несколько тягостных минут поездом овладела тишина. Экран водительского компьютера погас.

У Петюньки запершило в горле, но малыш старался сдерживаться и не кашлять. Ему почему-то казалось, кашляни сейчас – и он, и его друзья вместе с поездом улетят в тартарары. Да, правду говорят, что у страха глаза велики. Но кошки, о которых вспоминают, когда болит горло, чихать хотели на Петюнькины страхи и всё усерднее скребли в горле мальчика коготками, вынуждая-таки его сдаться. И малыш сдался – громким кашлем разбудил тишину. Профессор поддержал его своим смешным «апчхи-чхи!».

– Чи-и-их! Ча-а-ах! Чух-чух-чух! – откликнулись червяки.

Водительский компьютер включился, заиграл цветными огоньками. Заработала видеокамера. На экране проявился червяк в кепке. Обернувшись, Чух подмигнул машинисту.

– Всё в порядке! Всё в порядке! – передал по внутренней радиосвязи Каратэ. – Мы продолжаем наше путешествие. Следующая остановка – Куапа.

Вагоны покачнулись. Это червяки разминались, стряхивая с себя землю.

– Чу-ух! Чу-у-ух! – зазывно крикнул первый червяк, и поезд тронулся.

Глава 45

Конечная остановка. Свет!

Под весёлое «чух-чих-чах» червяковый состав описал дугу и повернул направо. На огромной скорости экспресс-поезд мчался по подземной колее. Комья земли и спутанные корни растений, местами сформировавшие целые джунгли, стучали в наглухо задраенные вагонные иллюминаторы и царапали листовую обшивку, но не в состоянии были притормозить бег червяков-чемпионов.

Петюнька уже привык к тому, что вагончик постоянно подбрасывает и трясёт, и его больше не тошнило. Даже наоборот – проснулся аппетит. На этот счёт переживать не пришлось, поскольку бабушки-трактирщицы щедро снабдили путешественников провизией. Не были обижены и пауки.

Оставшаяся часть пути, до самой Куапы, обошлась без происшествий. Гагатун и Вьюга-вьюн всю дорогу дурачились, шутили и играли в карты. Проигравший получал щелчок по лбу. Бурундун с нескрываемым удовольствием выступал в качестве судьи и громко подсчитывал щелчки, загибая пальцы. Абра-ар читал книгу, которую, оказывается, всё время носил с собой – под плащом, в специальном кожаном футляре, крепившемся к поясу. Дежурный милиционер Опанас Оперенко нёс службу – периодически прохаживался по вагонам, проверяя, всё ли в порядке.

Интереснее всего Петюньке было наблюдать за Каратэ. Сидя в кресле на вращающейся ножке, водитель нажимал на какие-то кнопки, переговаривался с червяками по радио и смотрел кино: прямую трансляцию с камер ночного видения, фиксирующих всё, что попадалось на пути червяковому поезду. Малыш видел, как мелькали на экране толстые корни растений, как сыпался на голову Чуха, ведущего червяка, песок. Время от времени попадались камни, но экспресс-составу каждый раз удавалось вовремя повернуть и тем самым избежать рокового столкновения с ними. А всё благодаря системе навигации, которая зондировала подземное пространство на несколько миль вперёд и выдавала машинисту необходимую информацию о возможных препятствиях. Опираясь на полученные

данные, Каратэ предупреждал червяков об опасности. Бегуны благодарили букву «К» протяжным «чух-чих-чах».

В конце тёмного подземного коридора, наконец, замаячил свет. На экране компьютера вспыхнул огонёк, сначала маленький, колеблющийся, едва уловимый. Но с каждой секундой огонёк рос, и вскоре экрана стало мало, чтобы охватить льющийся золотистым потоком свет. Ещё пара метров, и свет хлынул в окна вагонов, ослепив привыкших к полумраку пассажиров.

Чистые слёзы омыли стёкла Петюнькиных очков. Пришлось воспользоваться платком, любезно предложенным Абра-аром.

– Ох-ох! Зашторьтесь! – посоветовал Опанас Оперенко, прикрывавший своё полное лицо фуражкой.

Профессор поспешил задёрнуть занавески. То же самое проделали и прочие пассажиры. В вагоне воцарился мягкий голубоватый свет от прикреплённых к потолку овальных ламп, и глазам теперь было смотреть не так больно.

– Абра-арушка? – хотел что-то спросить Петюнька и вдруг смущился.

– Ну? Что? – улыбнулся профессор, явно польщённый таким ласковым обращением к нему.

– Откуда яркий свет? – недоумевал малыш. – Мы ведь всё ещё находимся в Сумеречной Долине? Да? Я привык, что в этой стране всегда потёмки.

– Ах, Долина – Сумеречная. Это да. Но! – охотно принял объяснение Абра-ар, подняв вверх палец. – Но столица – это исключение. Пауки возвели над Куапой волшебный купол, внутри которого светит искусственно наколдованное солнышко. Дожди идут строго по расписанию из специальных волшебных туч. Здесь всегда тепло. А цветов – море! Недаром Куапу называют цветочной столицей. Из живых цветов в городе построены настоящие дворцы!

– Вай! – вылетело с верхней полки, где отдыхал Вьюн. Профессор насупился, ведь это было неслыханной наглостью прерывать его в то время, когда он занимается своим любимейшим занятием – рассказывает. Не обращая внимания на недовольство

Абра-ара и даже специально, чтобы позлить его, свесив над головой буквы «А» свои ноги, Вьюга-вьюн продолжал: – Вай! Всё это заслуга нашей Цыпочки!

– Ах, я мог бы это и сам сказать, – заметил Абра-ар, исподлобья поглядывая на раскачивающиеся в ритме какого-то весёлого танца ноги Вьюна.

– Вай! – не унималась буква «В», вызвав хохот Гагатуна. – Цыпочка вырастила для пауков необыкновенные архитектурные цветы. За основу взяла пещерные бутоны Іка, только усовершенствовала их, наделив долголетием. Говорят, что сам король Лут за особые заслуги перед паучьим государством приказал поставить Цыпе памятник – изображение буквы «Ц», высеченное из гигантского циркония. Это камень такой. Похож на бриллианты. Без солнцезащитных очков смотреть на памятник нельзя. Он так сверкает, прославляя антресолевскую цветочницу! Так сверкает!

– Как мне хочется на это всё посмотреть своими глазами! – вздохнул Петюня. – Только чтоб глазкам не так больно было...

Профессор открыл рот, чтобы что-то сказать, но его опять опередил Вьюн:

– Вай, а ты моргай чаще. Тогда быстрее привыкнешь.

Поезд тем временем замедлил ход. С громким «чух-чух» червяки тормозили. Каратэ отключил компьютер, встал с кресла, потянулся и не спеша вышел в салон к пассажирам. На улице заиграла музыка.

– Да здравствует мальчик, пришедший с Земли! Да здравствует наш спаситель! – кричала многоголосая толпа. – Виват! Виват, человеческий детёныш!

Признаться, Петюнька застеснялся, слыша такую хвалу, и поначалу, как ни уговаривал его профессор, отказывался покидать вагон. Но любопытство оказалось сильнее застенчивости, и малыш, вложив свою маленькую ручку в широкую ладонь Абра-ара, соизволил-таки выйти на перрон.

Первое, что увидел Петюня, едва свыквшись с ярким светом, – это летящую прямо на него голубую тапку. Левую, потерянную!

— Приём! Приём, сестрица! — писклявым голосом кричала левая тапка.

Правая тапочка в кармане Петюнькиной пижамы, который умелые паучихи-ткачики починили при помощи волшебных ниток, встрепенулась:

— Ах! Ох! Ой-ой-онюшки! Сестрёнка! Рули на меня! Я здесь!
Вот я! Вот я!

Малыш оттопырил карман, и правая тапка выпорхнула навстречу левой сестричке. Обе на радостях махали крыльями, выбивая голубой пух, который, кружась, падал на перрон и на головы любопытных пауков, клащающих фотоаппаратами.

— Ух, намусорили... Им потеха, а мне убирай. Ух! — сказал сердито, проходя мимо Петюни, уборщик с веником и совком — курносая буква «У» в засаленной жёлтой майке, неряшливо выпущенной поверх таких же засаленных жёлтых штанов. Невероятно длинные ботинки с закрученными вверх носками смешно чавкали.

— Эх, Ухо, не бубни. Молча давай мети! — пристыдил букву «У» его товарищ — буква «Э». Тоже уборщик, судя по одежде — зелёному переднику, из-под которого выглядывали оранжевая рубашка с закатанными рукавами и рабочие коричневые штаны. Туфли — такие же огромные и с такими же закрученными носками, как у первого уборщика по имени Ухо.

— Ух, Эхो, ты не начальник, чтобы мне приказывать, — огрызнулась буква «У».

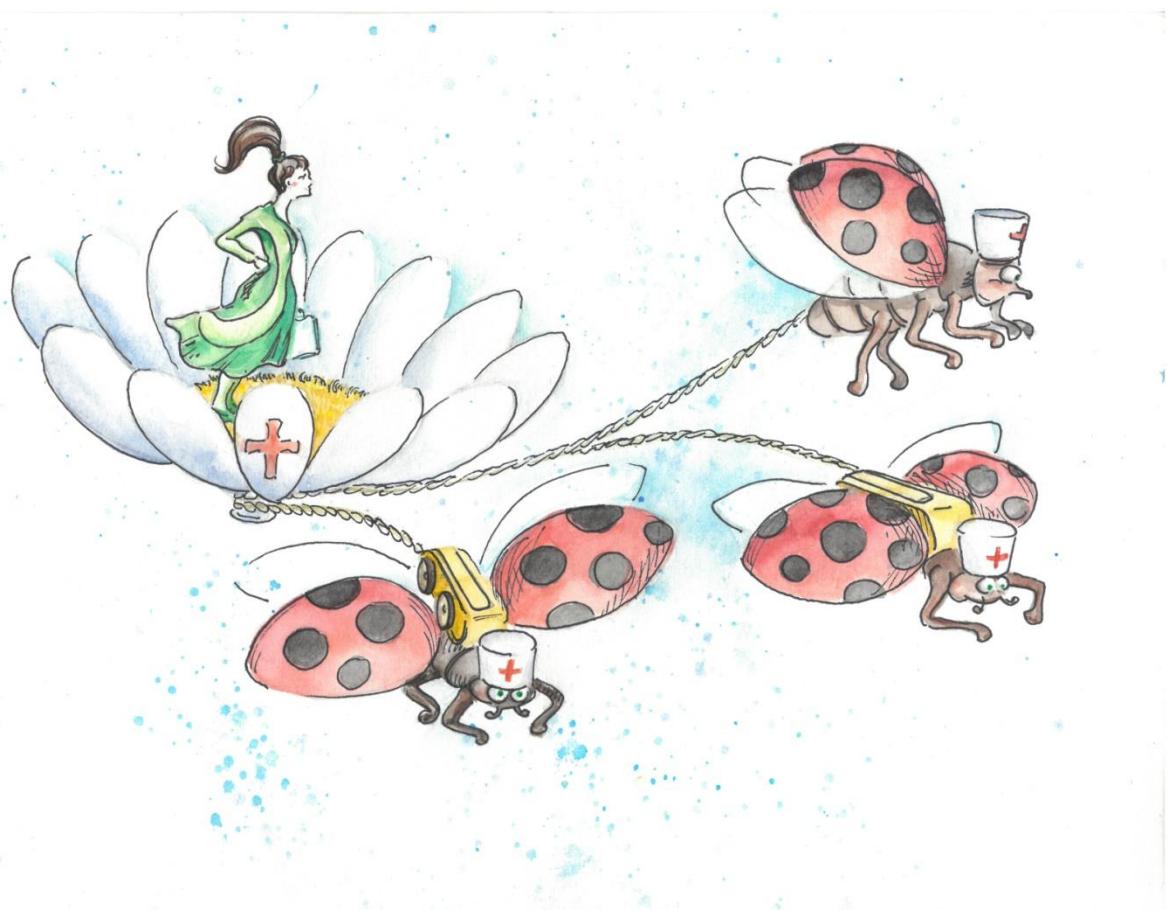
— Вай, Ухо и Эхо? Вы подрабатываете теперь на паучьем вокзале? — поинтересовался Вьюн, которому всегда нужно было всё знать.

— Э-э-эх! Где наша не пропадала?! Любой труд благороден! Мы помогаем паукам готовиться к обороне. Фло-мастер «набивает» червяковые поезда новейшей компьютерной «требухой». А мы с Ухо — подмастерья. Наше дело маленькое. Принеси, подай, подмети... — рассказывал кучерявый Эхо, ничуть не смущившись и не отрываясь от работы: сначала он проверил на крепость ремни,

опоясывающие червяков, затем постучал маленьким молоточком по сплющенной листовой обшивке, после чего, покачав головой и покрутив веснушчатым носом, поставил перед взмыленными чемпионами половинки грецких орехов, доверху наполненные чистейшей водой.

— Конечно, конечно, — заметил Каратэ. — Небо сейчас занято врагом. Пауки мудро поступают, подготавливая подземную армию.

Буква «К» говорила ещё что-то умное и непременно важное, но Петюнька не стал дальше слушать, поскольку его внимание привлекло нечто другое.

— Búa! Búa! Búa! — пела сирена летающей кареты скорой помощи — большущей ромашки, на белых лепестках которой был нарисован красный крест. Ромашка парила над головами собравшихся на платформе зевак. Её тянули на верёвках три божьи коровки в белых шапочках с красными крестами. Правила крылатыми санитарами буква «З», облачённая в медицинский халат

непривычного для медиков салатового цвета. Её каштановые волосы, собранные на макушке в «лошадиный» хвостик, разевались на ветру, будто флагок, сигнализирующий: дорогу карете скорой помощи!

«Медсестра Зелёнка!» – догадался Петюня, вспомнив, что Яшка ему рассказывал о букве «З» как о большой мастерице делать уколы.

Когда ромашка опустилась на перрон, божьи коровки отцепились от неё, разложили три раскладушки на колёсиках, которые принесли на своих спинках, и покатили причудливые носилки к последнему вагону. Буква «З», съехав вниз по лепестку на оранжевой роликовой доске, поспешила за санитарами, неся в руках квадратный чемоданчик. На носилки уложили трёх раненых богатырей: Юшку, Мякиша и Твердолоба. Медсестра Зелёнка раскрыла свой чемоданчик и достала оттуда «дудочку». По очереди прикладывая «дудку» к груди каждого воина, она слушала, как они дышат. Её симпатичное лицо нахмурилось, что означало что-то неладное.

– Здесь, в таких условиях, я помочь им не могу, – звонким голосом сказала Зелёнка и, обернувшись к санитарам, коротко приказала: – Необходима госпитализация. Грузите больных в карету.

Божьи коровки привязали богатырей к носилкам, чтобы те не выпали во время дороги, и покатили раскладушки к ромашке. Медсестра вскарабкалась по лепестку в карету и уже взяла в руки вожжи. Дождавшись, когда санитары закатили носилки внутрь цветочка и снова нацепили на шеи верёвки, она крикнула:

– Ну, залётные мои! Ну, родные! Вперёд на Целебное озеро!

– Сильно же их прихватило, коль на озеро повезли, – перешёптывались в толпе любопытные пауки, провожая взглядами ромашку скорой помощи, которую уносили в небо три божьи коровки.

Петюнька расстроился. Ему было жаль раненых богатырей. Но долго переживать по этому поводу малышу не позволили новые обстоятельства.

– Ура! Ура! – заволновались пауки, задрав кверху голову. – Ласточки! Ласточки! Стражницы поднебесья!

Толпу накрыло крылатой тенью, отбрасываемой зависшей над перроном гигантской ласточкой. Ещё с десяток таких же крикливых птичек парили в поднебесье, под самым куполом, составленным из нескольких скрещённых радуг.

«Ну и ласточки! – открыв рот, думал малыш. – Настоящие самолёты! Ту-104! Нет! Ласту-104! Ха-ха!»

Ласточка опустилась ниже, но сесть из-за отсутствия свободного места на перроне не смогла. Петюнька разглядел на шее птицы миниатюрную наездницу в лиловом комбинезоне и шлеме, из которого выглядывали, словно рожки, собранные в два задорных хвостика волосы. Сзади, почти у самого раздвоенного хвоста ласточки, мальчик заметил ещё одну фигуру в комбинезоне и шлеме, только голубого цвета. Из дырочек в головном уборе лётчицы-наездницы (Петюня точно не знал, как правильнее будет назвать этих храбрых дам) вместо хвостиков торчали две толстенькие косички, завязанные крендельком.

– Но-ри! Но-ри! Но-ри! Но-ри! – скандировала толпа.

– Ах, это антресолевская воздушная кавалерия, – с удовольствием объяснял профессор. – Ласточек ведут лучшие командирши – буквы «Л» и «Н». Пауки стражниц поднебесья очень любят и уважают!

– Га-га-га! – смеялся и хлопал в ладоши Гагатун. Дружески толкнув Петюньку в бок, он тоже счёл нужным пояснить: – Лори – та, что впереди. Нори – позади, у хвоста.

Лётчица Лори, отчаявшись посадить ласточку, махнула рукой своей напарнице. Нори согласно кивнула и спустила вниз верёвочную лестницу.

– Б-б-батюшки… Б-б-боюсь… Не б-б-буду… Сколько можно! – испугался Бурундун.

– Вай, трус. Летать – это же так интересно! – насмехался над буквой «Б» Вьюга-вьюн.

Петюнька подпрыгивал от нетерпения. Ему хотелось скорее забраться на спину ласточки, чтобы с высоты птичьего полёта взглянуть на раскинувшийся под радугами волшебный город – Куапу.

Глава 46

Город под радужным куполом

У Петюньки теперь были обе летающие тапочки! Это означает, что ему нет нужды лезть по лесенке. Нужно только обуться и взлететь. Так ведь вроде бы удобнее? Тем более что опыт полётов в феевских тапках у малыша есть.

Петюня с радостью обулся. Ему надоело ходить босиком, пусть и в волшебных носках. Тапочки тоже были рады ему.

– Ну чё, детёныш? Я вернулась! Теперича у тебя есть две тапки. Можешь танцевать! – подмигнула мальчику дыркой-глазом левая тапка, однако, встретившись взглядом с волшебным носком, скривилась. – Тю, а это чё такое? Откуда взялся этот заморыш?

– Я не заморыш, – обиделся носочек. – В отличие от некоторых, дырявых и поношенных, меня только вчера связали.

– Чего это он? Ась? Это он мне? – гневно захлопала крыльями левая тапка.

– А кому ещё? Тебе! Тебе! Бе-бе! – дразнил тапку носок. – Хочешь, я посчитаю, сколько у тебя дырок? Раз, два...

– Ну, погоди! Ну, я тебе дам? Все нитки повыдёргиваю! – грозилась левая тапка.

– Не кипятитесь, – пыталась успокоить обоих спорщиков её правая сестра, уже свыкшаяся с вязаными из шерстяных ниток соседями. – Остынте...

– Ага, счас!.. Лучше сама помолчи! – хором выкрикнули и носок, и левая тапка.

Крик поднялся невыносимый. Вокруг летали синие перья. Малыша никто не слушался: ни носки, ни тапки. Как ни старался Петюня, он не мог даже шагу ступить. В конце концов, мальчику надоело ждать, когда тапки выяснят отношения с носками, и он решил вмешаться.

– Топтыши мои родные, любимые, – ласково обратился малыш к спорщикам, а про себя подумал, что, если бы его сейчас услышали дома, то решили бы, что он сошёл с ума, коль разговаривает с тапками и носками. – Вы все мне очень нужны. Вы мне ножки

согреваете, от грязи защищаете. Хватит спорить и ругаться. Нам пора в путь.

Пристыженные носочки и тапочки умолкли. После того, как Петюне удалось обуться, он побежал к верёвочной лесенке, по которой уже поднимались на ласточку-самолёт его друзья. Впереди всех, как и следовало ожидать, лез храбрый Вьюн, за ним – Гагатун, далее Абра-ар, Бурундун и все остальные. За исключением, правда, маркиза Медка. Его Сладчайшее Высокородие подняли на борт «Ласту-104», как мысленно окрестил ласточку Петюнька, пчёлы-охранники.

Феевские тапочки, чувствуя за собой вину, несли хозяина особенно бережно, поэтому Петюнькин подъём на ласточку обошёлся без происшествий. Приблизившись к живому самолёту, малыш разглядел незаметный снизу прозрачный корпус, внутри которого расположились в два ряда коричневые кресла. Они крепились к спине ласточки ремнями. Наверное, такими же, которые использовались при крепеже вагонов к гигантским подземным червям. В том месте, откуда была сброшена лесенка, зиял едва различимый глазом проём. В него по очереди заползали Петюнькины друзья. Взбираться на спину ласточки им помогала буковка «Н» – Нори. Её подружка Лори была занята управлением «самолётом».

Рассевшись по креслам и обязательно пристегнувшись ремнями, путешественники вздохнули – сначала с облегчением, а затем с восхищением, поскольку их глазам открылась прекраснейшая панорама. Волшебный город Куапа показывал гостям своё «лицо».

Три радуги скрестились, образовав магический купол. Между радугами сверкали белые молнии. В центре купола, подобно люстре, висело искусственное солнышко – прозрачный многогранный кристалл, излучавший ослепительно яркий свет. Белое небо, расплывшееся над городом, напомнило Петюньке молоко, которое местами вспенилось, сформировав лёгкие пушистые облака.

Наколдованное паучьими магами «молоко» нежно укрывало спрятавшуюся под куполом Куапу, создавая идеальные парниковые условия для выращивания всевозможных волшебных цветов. Паучья

столица в буквальном смысле была цветочным городом – огромной, пышной, роскошной клумбой, где абсолютно все строения были созданы из живых растений.

Ещё одно сравнение пришло на ум малыша, когда он любовался городом. Отсюда, с высоты птичьего полёта, Куапа была похожа на круглую пиццу, разрезанную неким поваром-садовником на несколько цветочных районов. Каждый из них имел индивидуальный дизайн и свой ассортимент растений: высокие прямостоячие кустики-пирамиды на юге, компактные густые «подушки» на востоке, плетущиеся вверх по специальной опоре или свисающие вниз живописными плетями лианы-небоскрёбы на западе и вальяжно дрейфующие по водной глади изумрудно-зелёного озера кувшинки на северной окраине. По центру распустился величественными горными цветами альпийский садик – мощная, укреплённая камнями крепость с четырьмя цветочными башнями по бокам оборонительной стены и главной, самой большой башней посерединке. У подножия горы, за

пределами рва, наполненного журчащей по камням водой, рассыпалась мелкими цветочками-домишками деревушка. Такой себе городок внутри большого города.

— Кфасиво, пфавда? — прервал Петюнькины размышления о красоте и величии паучьей столицы лысый незнакомец в оранжевом комбинезоне и причудливых фиолетовых очках в форме буквы «Ф». Незнакомец летел верхом на реактивном огурце-переростке, из «попки» которого вырывался клубами голубоватый дым вперемешку с огуречными семенами.

— Ух ты! Вот это здорово! — крикнул, несмотря на подаваемые Абра-аром знаки помолчать, Петюнька. — Это что? Это кто?

Как и полагается профессору, Абра-ар одёрнул мальчика:

— Тише! Так кричать невежливо.

Ничуть не смущившись, малыш спросил шёпотом:

— Это буква «Ф»? Я прав?

— Ах, да. Буква «Ф». Наш великолепный и непревзойдённый гений — мастер фантазийных дел Фло! — объяснил мальчику профессор и помахал букве «Ф» рукой.

— А на чём это он разъезжает? — не переставал донимать вопросами Петюнька.

Абра-ар пожал плечами. В конце концов, то, что он профессор, самая первая буква алфавита, ещё не означает, что он должен знать всё-всё.

— Мне кажется, это мотоцикл такой... Огуречный... — не дождавшись ответа, предположил малыш. — Правда?

— Чистейшая пфавда! — подтвердил, смешно картавя, Фломастер. Он поддал газу, чтобы поближе подлететь к ласточке.

Дур, дур, дур, — зарычал огурец-мотоцикл и выдул несколько дополнительных порций семечек. Он был оборудован удобным сидением с низкой спинкой, двумя ручками спереди, педалями снизу и прочими детальками и штучками, которыми должны обладать, по мнению Петюньки, все настоящие мотоциклы.

— Летим легко! — крикнула лётчица Лори, свернув ладошки трубочкой.

– Нормальный полёт! Нормальный! – согласилась с ней Нори – по всему выходило, второй пилот.

– Фа-фа-фа, а можно мне к вам присоединиться? – вежливо спросил мастер Фло, хотя его вопрос не имел смысла, поскольку он давно уже присоседился к ласточке.

– Любезно просим вас об этом, – так же вежливо ответила Лори и улыбнулась.

– Надеемся, вы поможете нам провести обзорную экскурсию для гостей? – решила поупражняться в вежливости и буковка «Н». – Мы знаем, что Куапа стала для вас чуть ли не родным городом. Здесь каждый цветок нашпигован вашим компьютером.

– С превеликим удовольствием, – расплылось в улыбке лицо мастера Фло. – Но есть одно условие! Мадмуазель Цыпочка мне поможет, ведь каждый цветочек в Куапе посажен ею.

– Вай, просим, га-га! Вай, просим, га-га! – хором кричали Вьюн и Гагатун.

Даже Бурундун не удержался и попросил:

– Б-б-будьте так доб-б-бры... Пожалуйста!

Покрывшись от смущения румянцем, Цыпочка кивнула и огляделась по сторонам, чтобы понять, с чего начать рассказ. Но первым примерил на себя роль экскурсовода Фло-мастер, которому, видимо, не терпелось пообщаться:

– Крепость на скале, котофую вы видите, – начал он, – является официальной фезиденцией паучьего кофоля Лута. Она состоит из тфёхсот покоев, котофые обслуживают не менее тысячи слуг. К числу самых пышных, богато убанных относятся бальный зал, гостиная и личный кабинет кофоля.

– Полное имя короля – Лут Нарат, – продолжила рассказывать Цыпочка. – Если имя прочесть задом наперёд, получится слово «тарантул». Король относится к древней династии пауков-волков. Но для тарантула, говорят, Лут слишком скромен, вовсе не отличается воинственностью, свойственной его сородичам. Лут любит уединение и искусство, особенно театр. Сам ставит пьесы и играет в них. И это у него здорово получается! Свои же роскошные апартаменты король

недолюбливает и с гораздо большим удовольствием проводит время в летней резиденции – белом кувшинчатом дворце на Целебном озере, где также оборудована лечебница.

– На юге Куапы находится жилой файон – стандафтные высотки. На западе, в небоскфёбах, базифуются офисы. Это деловой файон. Там же находятся учебные заведения, музеи, театры. На востоке же, в почвопокф... почвопокф... – запнулся на сложном слове бедный Фло.

– Почвопокровники, – поправила его Цыпочка. – Это низкорослые, плетущиеся по земле растения. Например, портулак. В этом районе размещаются мастерские, цехи, гаражи и прочие производственные помещения.

– А ещё в Куапе есть фозафий! – восторженно заявил Фло.

– Что? – не понял Петюня.

– Розарий, – засмеялась Цыпа. – Это один из красивейших районов города. Там в роскошных виллах, построенных из роз, живёт паучья элита.

– Ой! Ла-ла! В розах остановитесь и вы! – обрадовала пассажиров Лори. – Для важных гостей зарезервированы номера в пятилепестковой гостинице «Розовый рай».

– Фи, – скривился Фло-мастер. – А я больше люблю фомашки.

Петюнька смеялся и во все глаза рассматривал такие разные и такие красивые цветы, дружно поднявшие головки к искусственному солнышку. Благодаря его лучикам, нежным и ласковым, листва большинства растений под куполом была зелёной, а не фиолетово-синей, что характерно для Сумеречной Долины. Некоторые растения, правда, красовались жёлтой, бордовой, салатовой, пепельно-серебристой, голубоватой и даже почти чёрной окраской, были покрыты пятнами, штрихами, полосками или окантованы цветной бахромой.

Благодаря тёте Зое, страстно увлекающейся декоративным цветоводством, Петюнька знал «в лицо» многие растения. И сейчас, паря над самой большой, которую он когда-либо видел, клумбой, малыш с огромным удовольствием, будто делал чрезвычайно важное

открытие, угадывал цветочки. Вот ласточка, окружённая стайкой таких же, как и она, птичек-двухвосток, пролетела над подсолнухами, чьи крупные, желтые, солнцеподобные головки, насаженные на высокие стебли, неотрывно следят за сверкающим солнышком. А вот расцвели пурпурно-сиреневые наперстянки, цветки которых напоминают напёрстки. Чуть дальше львиный зев раскрыл цветочек, словно голодный лев свою пасть. Бархатными оранжево-жёлтыми лепестками машут путешественникам бархатцы. Вьётся в небо декоративная фасоль, с плетей которой свисают, подобно серёжкам, сиреневые цветы и пузатые тёмно-фиолетовые стручки. За фасолью устремилась ввысь, распустив оранжевые цветы-капюшоны, настурция. Белые нарциссы с жёлтой серединкой, махровые георгины разных расцветок, гладиолусы с листьями в виде остро отточенных мечей, милые колокольчики, ромашки, анютины глазки, петунии, герань... Всё не перечислить, всё не объять!

И всё же не в обилии цветов заключалось самое интересное. Насколько помнил Петюня, разные растения цветут в разный период года. Одни весной, другие летом, третьи – осенью. Здесь же, под куполом, всё цвело и плодоносило одновременно! Рядом с весенними тюльпанами цвели осенние астры, подснежники распустились возле хризантем, а между ними расположился скромный кустик, усыпанный красными помидорами.

«Вот это чудеса! Вот бы тёту Зою сюда! – подумалось вдруг малышу. – Ей бы точно понравилось! Она бы оценила!»

Глава 47

Гостиница «Розовый рай» и музыкальная лестница

Ласточка, несущая на своей спине Петюньку и его друзей, приземлилась на круглой, мощёной жёлто-зелёными леденцами площади, к которой примыкали шикарные кусты разноцветных роз. Петюня за время своего путешествия по сказочному миру настолько вжился в роль мальчика-с-пальчиком, что стал потихоньку забывать о своих настоящих размерах, и сейчас вот розовые кусты, возвышающиеся над ним пяти- или семиэтажными громадами воспринимались им как должное.

Примечательно то, что все розы стояли на ножке-штамбе и больше напоминали не куст, а деревце с пышной кроной, густо облепленной благоухающими цветами. Вокруг стволов «деревцев» вились лестницы с очень красивыми, украшенными завитушками перилами. Отдельные бутоны соединялись между собой изящными мостиками, на первый взгляд построеными из досок, но на самом деле собранными из миниатюрных щепок.

В некоторых местах переходы из одного цветочного помещения в другое представляли собой крытые коридоры, усеянные узкими оконцами с разноцветными витражами и ставенками, покрытыми замысловатой резьбой. Красивые арки с богатой лепниной, стройные колонны, подпирающие слегка накренившиеся под тяжестью бутонов ветви, изысканные скульптуры на плоских крышах переходов, изображающие буквы и числа, расписные вазы на ступеньках и площадках перед бутонами – всё это и многое другое было частью гостиничного комплекса под названием «Розовый рай».

Лётчица Лори опустила вожжи – лиловые ленточки, прикреплённые к клюву ласточки посредством двух медных колец. Эти ленты и кольца напоминали удила, которые надеваются на головы лошадям. Обернувшись к пассажирам, буква «Л» подняла забрало своего пилотского шлема, под которым скрывалось задорное девичье лицо с голубыми глазами, и махнула в сторону штамбовой розы с алыми цветами.

– Вас уже ждут, – сказала Лори.

– Немного отдохнёте с дороги, – добавила от себя Нори, которая спустилась со спины ласточки на мостовую и теперь стояла, облокотившись о когтистую птичью лапку. – А вечером добро пожаловать к королю! Лут устраивает в вашу честь приём. В королевском замке соберутся все царствующие особы Андресолии, и, конечно же, прибудут великий Барсениус, королева Жужа, принцесса Яхтар.

– М-м-м, – очнулся маркиз Медок, которого во время экскурсии сморил сон. – Дум-м-маю, что с госпожой Жужей вы познакомитесь ещё до приёма у короля. Её Величество тоже соизволила

остановиться в гостинице «Розовый рай» – лучшей в Куапе. Вон видите, сколько бутонов на кусте закрылось? Это означает, что номера заняты постояльцами.

Петюнька ещё раз окинул взглядом роскошную гостиницу на штамбе и действительно отметил, что большая часть бархатно-махровых цветов свёрнута в аккуратные бутончики. Малыш представил себя внутри одного из таких бутонов, и у него сладко защемило сердце от предвкушения предстоящего удовольствия. Он хорошо помнил те прекрасные ощущения, которые испытывал во время отдыха в пещерном цветке. В розе, надо полагать, отдыхать будет гораздо приятнее!..

Мастер Фло припарковал огуречный мотоцикл рядом с восьмиугольным фонтаном, расположенным по центру площади. Тонкие струи воды, бьющие из маленьких краников с квадратными вентилями по бокам, образовывали фигуру плывущего карпа. Брызги, попадая на зелёную кожицу мотоцикла, с громким шипением испарялись. Множество струек белого пара, пахнувшего свежим огурцом, устремились в небо, где, весело смеясь и кувыркаясь, они группировались в пушистые облака. Озадаченная буква «Ф» бегала вокруг огурца и размахивала руками, разгоняя пар, чтобы перегревшийся во время полёта мотоцикл остыл как можно быстрее. А то, не ровён час, кожица огурца лопнет!..

– Безобфазие какое... – всплеснул руками мастер Фло, а затем этими же руками, облачёнными в огромные гоночные перчатки, стукнул себя по лбу. – Как я не доглядел? Как не досмотфел? Ошибся, что ли, в фасчётах? Пфидётся огуфец фазобфать, посмотфеть, что не так... Заменить мотоф? Усовеф... Усовефшенствовать систему охлаждения? Да, надо... Надо фазобфаться!

– Фых, фых, фых, – соглашался с хозяином огуречный мотоцикл, постепенно отходя от гоночной горячки.

Ласточка принялась чистить перья. Вытянув левое крыло, она засунула под него головку и стала пощипывать там клювом. Прозрачный корпус «ластолёта» рассосался, словно утренний туман.

– Любезные мои, трап опущен. Можете спускаться! – вежливо сказала Лори.

Пассажиры отстегнулись, прошли к левому выходу и друг за другом спустились по слегка вздрагивающему ласточкиному крылу. За спуском последовал новый подъём, на сей раз – по винтовой лестнице, обнимающей ствол розового деревца. Этот подъём Петюньке особенно понравился, поскольку сказочная лестница, как и полагается ей, оказалась волшебной.

«Третьей степени волшебства», – решил для себя малыш, насчитав три признака волшебности, отличающие гостиничную лестницу, по которой он сейчас бодро вышагивал, от обычных лестничных проёмов из скучного серого бетона в его, земном, мире. Во-первых, все ступеньки выкрашены в разные цвета, что уже необычно. Во-вторых, каждая из них помечена словом, выложенным из кусочеков леденцов. Слова обозначали непременно хорошие и добрые понятия, явления и вещи. И, в-третьих, ступеньки, когда наступали на них чьи-то ноги, немного прогибались, подобно клавишам пианино, и издавали красивые звуки.

Например, красная ступенька со словом «ВКУСНО» пела басом:
– До-до-до-о-о!

Оранжевая ступенька с леденцовой мозаикой в виде слова «РАССВЕТ» пела бодро:

– Ре-е-е!

– Ми-ми-ми! – весело повторяла одну и ту же ноту Ми синяя ступенька, на которой написано слово «РАДОСТЬ».

– Фа-соль! Фа-соль! Фа-соль! – вели диалог зелёная ступень с жёлтой со словами «ПРИЯТНОГО» – «АППЕТИТА».

– Ля-ля-ля! – нежно тянула розовая ступенька. На ней Петюня прочёл слово «ПРАЗДНИК».

– Си-и-и! – надрывалась тоненьким голоском ступень фиолетовая со словом «СЮРПРИЗ».

Одни ступеньки смеялись на разный лад, другие звенели колокольчиками, третьи гудели ветром, некоторые шуршали травой, журчали ручейком или разговаривали на языках всевозможных

животных и птиц: мяукали, квакали, пищали, мекали, кукарекали, лаяли...

Самой смешной Петюньке показалась ступенька, выкрашенная в брусничный цвет и отмеченная словом «БАБУШКА», которая пела по-птичьи:

– Цвириньк-цивириньк!

За музыкальной лестницей последовал коридор. Местами прямой, как стрела, местами изогнутый мостом, похожим на лебединую шею, местами скомканный лестничной гармошкой, коридор тянулся от бутона к бутону, вширь и в высоту, объединяя цветы в единую сеть гостиничных номеров.

По коридору сновали туда-сюда услужливые паучки в красных носочках: портье, носильщики, горничные, официанты. Кто-то катил тележку с чьим-то обедом, кто-то нёс поднос, чемодан или стопку чистого белья. Одна горничная тащила пылесос – недовольно фыркающий носатый пень. Эти носатые пни, как понял Петюнька, отличаются строптивым нравом и не очень-то любят, когда их используют как пылесосы.

К каждому бутону липучками был прикреплён номерок. Мальчику достался цветок под номером «39». Он оказался гораздо просторнее пещерного цветка. Из многочисленных алых лепестков складывался мебельный гарнитур: шкаф, стол, стул, кресло и кровать. Из лепестков, причудливым образом закручивающихся, складывалась также маленькая ванная комната с душевой кабинкой.

Окон цветочная комната, на первый взгляд, не имела. Вроде бы всюду преобладали сплошные лепестковые стены равномерного алого цвета... Однако, осмотревшись внимательнее, Петюня обнаружил в стене, к которой был придинут стол, непосредственно рядом с ним, рычажок, имевший форму вытянутой для рукопожатия руки. Вложив свою ладонь в искусственную руку, на ощупь напоминавшую резиновую, малыш повернул рычаг влево. Лепестки перед ним вывернулись наружу, и появилось окно. Когда Петюнька нажал на рычаг сильнее, до упора, окно трансформировалось в балкон.

Отсюда, примерно с высоты третьего этажа, открывался очаровательный вид на окрестности. Но то, что увидел мальчик, точно не было площадью, мощённой леденцами. Вдоль тыльной, как предположил малыш, стороны гостиницы «Розовый рай» простиралась узкая прямая улочка, застроенная домами-пионами с золотисто-кремовыми цветочными башенками.

«Пионы – это тоже хорошо. Пионы – это красиво!» – подумал Петюня и зевнул, поскольку ему нестерпимо захотелось спать. Как-то вот сразу, вдруг... Ощущения были точно такие же, как тогда, в вагоне, перед тем, как малыш уснул и увидел кошмарные сны с собственными отражениями в окнах.

Петюня чувствовал, что что-то не так, неправильно, но не мог сопротивляться внезапно нахлынувшей сонливости. Он вернулся в комнату, оставив балкон открытым. Едва дошлёпав до широкой кровати, застеленной алым одеялом, упал на мягкие подушки, забыв даже разуться, чего раньше с ним никогда не случалось. Отяжелевшие веки сомкнулись. Малыш, сопротивляясь сну, попробовал разлепить их, но не смог. Казалось, кто-то прикрыл ему глаза ладонями и давит, давит... Обессилев, Петюня уснул. Ему снилось, что он падает, размахивая руками и ногами, в пропасть, на дне которой притаилась чернота.

Глава 48

Сон

Перемещаться по узким подземным тоннелям для Ахуратс не составляло труда. Учуяv мальчика, Тень преследовала его, шла по пятам. Ей удалось даже нанести малышу первый укус, войти в его сон, впрыснуть яду в чистую детскую душу. Всё складывалось более чем удачно, но вот незадача – хлынул яркий магический свет подкупольного паучьего мира. Как Тени проскользнуть незамеченной сквозь многочисленные сенсоры пауков? Как не растаять под слепящими лучами волшебного кристалла?

Но Ахуратс хитрая! Ахуратс находчивая! Она помнила правило: чем ярче свет, тем гуще тень. Прячась у своих младших сестёр – теней и полутеней, отбрасываемых растениями, Ахуратс двигалась, когда перескоками, когда ползком, навстречу своей жертве. Там, где залитые солнцем покрывала ажурных теней вдруг обрывались, она просачивалась сквозь землю, сливалась с песчинками и камнями, ища у них укрытия.

Вытянувшись змеёй, Тень мягко огибала попадавшиеся ей на пути стволы, шишки, ветки, травы, колосья, листья и сучки, проскальзывала сквозь щели в живых стенах волшебного города. Устав, Ахуратс сворачивалась клубочком под сенью какого-нибудь цветочного дворца. И так, незамеченной, ей удалось добраться до розария, где нашёл пристанище земной мальчишка.

Глупый детёныш, сам не зная того, облегчил поиски уставшей Тени – вышел на балкон.

– Блюдо само подало себя, – облизнувшись, прошептала Ахуратс.

Притворившись лианой, она обвилась вокруг ствола алой розы, протянула щупальце к балкону-лепестку, накинула петельку на Петюнькину ножку, нырнула под пижаму, поднялась к шее, от шеи к лицу, чёрными ладонями надавила на глаза и, повиснув на мальчике грузом, потянула его в бездну бесконечно тёмного сна.

Темнота укутала Петюню. Темнота его собственных желаний, порождённых гневом, жадностью, завистью, ревностью, ленью и

страхом. Сначала Петюнька падал и кричал, падал и кричал. Затем, как и в прошлом своём сне, он оказался в детском садике. На него нёсся громадный Вовка с дырявым ведром в руках. Он собирался надеть это самое ведро на его, Петюнькину, голову, чтобы потом барабанить сверху кулаками и, брызжа слюной, дразниться:

– Сопля, сопля! Тра-ля-ля! Коз-зявка!

Глаза Петюньки ослепила вспышка, будто кто-то щёлкнул перед его лицом пальцами и высек искры.

– Не хочу! – крикнул малыш. – Не хочу и не дамся!

Всё вокруг закружилось, завертелось. Вовка споткнулся и упал. Ведро выпало из его рук и с громким звяканьем покатилось к Петюньке. Не раздумывая, мальчик схватил его и, подбежав к поверженному хулигану, нахлобучил ведро на его коротко стриженную, почти лысую голову. Ведро оказалось маловатым для

Вовкиной головы, и она, естественно, застряла. Изнутри послышались всхлипы и бессвязное мычание. Вовка с ведром на голове стоял на четвереньках и выглядел смешно... На взгляд Петюньки... А чтобы ещё было смешнее, малыш сел на Вовкину спину и ударил кулаком по ведру. Металлическое «дзэнь-дзэнь-дзэнь!» и жалкое хныканье казались ему самой приятной музыкой. Петюнька вошёл во вкус и всё тарабанил и тарабанил по ведру, пока руки не заболели.

«Надоело», — подумал он и поднял голову. Вокруг парили крупные зеркальные осколки. В них малыш видел своё отражение, и его не смущало, что с отражением этим что-то не так. Вместо бледного, худенького, с острым подбородком и в огромных очках личика в зеркальных осколках корчило гримасы белобрысое полное лицо — точная копия Вовки. Но это не был Вовка. Это был Петюнька в образе хулигана.

— Хы-хы-хы, — оскалилось лицо. — Лучше быть сверху, а не снизу, правда? Как сладко это ощущение! Как вкусна месть!

Разохотившись, Петюнька побежал во двор. Будучи заточённым в Вовкином теле, который был на порядок выше и тяжелее Петюни, он громко топал и подымал пыль. В песочнице копошилась та противная девчонка, которая однажды прогнала его, будто беспомощного щенка. Имени её мальчик не помнил, но это не имело никакого значения. Ввалившись в песочницу, Петюнька-великан зачерпнул горсть песка и швырнул его в лицо обидчице. Однако на месте девчонки оказался вдруг Яшка. Он потирал кулачками покрасневшие глаза и плакал.

— Ничего, — не растерялся Петюня. — Ермолаев тоже заслуживает. Они все заслуживают, чтобы их наказали! Всех поставлю на колени! Пусть враги мои трепещут! Хы-хы-хы!

Вокруг опять кружили каруселью кусочки зеркал. То, что смотрелось в них, уже не было человеком, поскольку утратило человеческие черты. Вместо лица расплылось кляксой чёрное пятно. Малыш поймал один осколок, который в его ладонях превратился в

маленькое круглое зеркальце. Такое же он однажды выковырял из маминой сумочки, чтобы подарить его Машеньке.

— Ах, Машенька! — вздохнул мальчик.

— Я здесь! — раздался голосок Солнечного Зайчика за Петюнькиной спиной.

Малыш обернулся. Перед ним стояла Машенька в нарядном алом платьице. На голове у девочки венок из разноцветных листьев. Солнечный Зайчик кивала и улыбалась Петюне. Так улыбалась и кивала, как улыбаются и кивают победителю. Только вот... Только вот глаза у Машеньки совсем другие. Чужие, холодные, чёрные...

«Да это же и не Машенька вовсе?!» — мелькнуло в голове Петюньки.

— Хы-хы-хы! — засмеялась девочка грубоватым Вовкиным голосом.

«И не я это... Не я!» — мотал головой малыш, осознав вдруг, что потерял лицо.

— Хы-хы! Ты! Ты! — тыкала в него пальцем чужая Машенька.

Листья на голове девочки пожухли, раскрошились и осипались трухой на алое платьице. Веночек исчез, как исчезла и сама Машенька. Осталось только платье, которое само по себе танцевало вальс.

— Ля́ля-ля́ля-ля́ля-ля́ля! Ля́-ля́ля! — играла красивая музыка и настойчиво будила Петюньку. — Ля́ля-ля́ля-ля́ля-ля́ля! Ля́-ля́ля...

Глава 49

Урок танцев от Жужи

В соседнем номере, за стенкой справа, похрипывая и поскрипывая, горланил патефон. Слышно было шарканье множества танцующих ног: шáр-шаршáр-шáр, шáр-шаршáр-шáр. В номере сверху или снизу (Петюнька спросонья не разобрал, откуда именно) стучали по стенке, требуя тишины:

— Б-б-балаган! Б-б-беспредел! Б-б-беспорядок! Б-б-бардак! — возмущался, ужасно заикаясь, Бурундин.

«Бурундинчик в своём репертуаре», — узнал друга Петюня. Повернувшись набок, он невольно застонал. Всё тело болело. Мальчик чувствовал себя уставшим, хотя только что проснулся. Страшный сон совсем его измотал.

Шарканье за стеной не прекращалось. Напротив, танцовщицы увеличили темп и с удвоенным рвением подпрыгивали и притоптывали. Властный женский голос отдавал приказы:

— Жесты изящнее, изящнее, милочки. Ой, солнца вы мои неуклюжие! Опозорите вы меня... Ну да ладно, повторим ещё раз. Повторение, милочки, есть мать учения! Итак, раз, два, три. Шаг влево и назад, влево и назад. Пам-пам-пам-пам! Поворот вокруг своей оси и реверанс. Головки набок, взгляд в пол, крыльшки нежно трепещут, будто кто-то щекочет вам спинки. Да нет же! Не так! Повторим ещё раз. Да-да, солнца мои! С вами и железные нервы зарожавают.

— Жу-жу-жу, — обиженно гудели «солнца неуклюжие» за стенкой.

Петюньке стало интересно, кто это там танцует и жужжит? Сон как рукой сняло. Вернулись силы. Малыш встал и, почёсывая затылок, вышел на балкон. Кристалл в небе сверкал уже не так ярко, как несколько часов назад, что означало — близится вечер.

«Любопытно, — подумал Петюня, — как пауки кристалл гасят? Наверное, где-то спрятан выключатель?»

Чтобы лучше было слышно, мальчик перегнулся через перила. Ему повезло — лепестки соседнего цветка-номера были тоже

раскрыты в виде балкона. Только вход с балкона в комнату прикрывала колышущаяся на ветру алая занавеска. Перила под весом Петюньки прогнулись. Малыш, ничуть не испугавшись, надавил сильнее. Свёрнутый рулоном лепесток развернулся и мостиком соединил балкон с балконом. Быстро, пока не закружилась голова, мальчик пробежался по мостику. Он совсем забыл о крылатых тапочках, которые могли за одну секунду перенести его на соседский балкон. Сами же тапки, ещё не отошедшие, видимо, ото сна, не соизволили подсказать Петюньке воспользоваться их услугами. А может, им просто было лень лишний раз помахать крыльями?..

– Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два... Тьфу. Жуть! Уж-жас! Ну почему ты, милочка, всё время сутулишься? А ты, солнце, не топчись, как бегемот, на одном месте. Изящнее надо! Вы же не кто-нибудь, а королевские фрейлины! – отчитывала танцующих пчёлок строгая элегантная дама в роскошном бальном платье цвета топлёного молока, разбавленного мёдом.

Слегка отдернув занавеску, чтобы можно было подглядывать в образовавшуюся щёлку одним глазом, Петюнька наблюдал за незнакомкой. Он видел, что из её спины, чуть ниже лопаток, растут, как и у пчёл, крылья. Но дама точно не была пчелой или каким-либо другим известным малышу крылатым насекомым. Не была она и простолюдинкой, о чём свидетельствовали невероятно сложное по крою многослойное пышное платье, расшитое драгоценными камнями, и трёхзубчатая диадема на красивой головке с идеально уложенными короткими чёрными волосами. Тонкая шея незнакомки была обтянута тёмной бархатной ленточкой с золотым кулоном, изображающим букву «Ж».

«Так это же буква «Ж»! – догадался Петюня. – Одна из любимых Яшкиных букв. Недаром он часто жужжит себе под нос, вспоминая её имя. Да-да! Пчелиная королева Жужа! Вон даже волшебный жезл она в руках держит, с голубыми и жёлтыми камнями. Если верить Яшке, жезл этот может увеличить или уменьшить в размерах всё, к чему прикоснётся. Важно только

прикоснуться правильным, острым, концом, иначе нужного эффекта не будет».

– Тук-тук-тук, тук-тук-тук, – отстукивали каблучками красных туфелек пчёлки-фрейлины в длинных, до пола, прозрачно-дымчатых юбках. На Петюнькин взгляд, танцевали они отменно. Изящный взмах крылом, поворот налево, реверанс. Дзын-дзын – звенят многочисленные браслеты на тонких пчелиных лапках. Все движения точны и синхронны, ни одной ошибки.

Но королева, коль она королева, а значит, право имеет раздавать приказы, всё равно была недовольна. Размахивая жезлом, будто дирижируя, буква «Ж» покрикивала на своих фрейлин.

— Смотришь, милая, не туда! — упрекала она пчелу, на лбу которой позякивали нанизанные на красную ленту монеты. Пчела надула накрашенные губки.

— Кхр-кхр-кхр... — закашлялся патефон, устав выдувать музыку. Эта музыкальная машинка была составлена из белого цветка, известного Петюньке как выонок или, по-народному, граммофончик, и коробки, на которой крутилась тарелка. Некое приспособление в форме руки, похожее на руку-рычаг в Петюнькином номере, водило пальцем по тарелке, будто стирало с неё вкусный крем.

— И этот, как на зло, барахлит, — разозлилась королева и стукнула патефон жезлом. Коробка с граммофончиком уменьшилась в размерах и теперь не музыку играла, а издавала смешной писк.

Из-под кровати вылез и, не спеша, сладко потягиваясь, направился к пищащему патефону миниатюрный медведь, больше похожий на кошку. На тех, конечно, кошек, к которым Петюнька привык в своём мире.

«Ах, в этой сказке с размерами всё как-то шиворот-навыворот получается. Червяки — гиганты, медведи — карлики... — размышил малыш, притаившийся за портьерой. — А, понял! Наверное, Жужа заколдовала своего медведя при помощи волшебного жезла».

Бурый мишка до патефона не дошёл. Повернув мохнатую голову в сторону занавесок, он усиленно работал ноздрями и пыхтел, как старый паровоз, вынюхивая что-то.

«Ой, мамочки, это же он меня вынюхивает!» — испугался Петюня и шагнул назад. Он хотел вернуться в свой номер, но оступился. Падая, малыш ухватился за балконную занавеску, которая тут же с треском оторвалась. Фиу-фиу — заработали крыльями проснувшиеся тапочки. И как раз вовремя, иначе Петюньке грозило бы падение с третьего этажа.

Крылатые тапочки подняли мальчика вверх, но, то ли из вредности, то ли действительно они не осознавали пикантности

сложившейся ситуации, вернули хозяина на балкон чужого номера. Там наглеца, посмевшего подглядывать за самой королевой, уже поджидали вооружённые кривыми саблями пчёлы-стражники. Они грозно скрестили свои усики и направили острия сабель на мальчика. Испуганные фрейлины за спинами охранников хором ахнули и, подобно восточным красавицам, прикрыли лица... юбками.

– Ж-ж-жути! Ж-ж-жути! – возмущались пчёлки, трепеща крыльями.

Растерянный Петюнька не знал, что делать, поэтому просто поднял руки вверх, давая понять, что он безоружен, что сдаётся.

– Так, что здесь происходит? – строго спросила Жужа, растолкав стражников. Её красивые синие глаза, опущенные длинными ресницами, недоумённо уставились на мальчика.

– Какая неслыханная наглость! – сказала пчела с монетами на лбу другой фрейлине, опоясанной голубым пояском с бубенчиками на концах.

– Какое вопиющее нарушение этикета! – осуждающе покачала головой третья пчёлка в ножных браслетах.

– Тихо! – приказала расшумевшимся фрейлинам королева Жужа и неожиданно подмигнула Петюньке.

Медведь урчал, точно кошка, тёрся о ноги мальчика и нюхал крылья тапок, явно проявляя намерение попробовать их на зуб.

– Не-не, пыхтун, не лезь сюда! Сюда нез-зя! – причитала правая тапочка.

– Ой-ой, он меня облизал!.. – вопила её левая сестра.

Жужа подала знак стражникам удалиться. Пятясь, не пряча сабли в ножны, полосатые исполины покинули королевские покои. Фрейлины, жеманясь, топтались на одном месте, прекратив танцевать. Они изо всех сил делали вид, что им балконный гость вовсе не интересен, хотя на самом деле милых дам распирало страшное любопытство.

Буква «Ж» сложила руки на груди. Тонкие пальцы с длинными отточенными ноготками барабанили в такт приглушённой мелодии, всё ещё лившейся из бедного маленького патефона.

— Да, — задумчиво сказала королева, — не так я представляла нашу встречу, детёныш. Друг Чистого Сердца... Надо же, какой худенький?! Надеюсь, Хранитель знает, кого впускать в сказочные миры?.. Ну что стал? Заходи... И опусти, наконец, руки. Расстрел отменяется. Хо-хо!

Фрейлины прыснули со смеху. Жужа гневно обернулась. Пышные юбки, под которыми прятался обруч (так, по крайней мере, предположил малыш), покачивались, напоминая воздушный пудинг, в который тыкнули пальцем.

— А вы чего стали?!! — королева хотела ввернуть грубое словцо, однако, бросив быстрый взгляд на Петюньку, смягчилась. — Милочки, урок не закончен. А ну-ка, танцевать! Я не хочу, чтобы вы опозорили меня на балу у Лута.

— Ваше Величество, — захныкали фрейлины. — Мы устали. Без кавалеров репетировать сложно.

— Хо-хо! — засмеялась буква «Ж». — Как вовремя к нам пожаловал молодой человек! Чем не кавалер?

Жужа подошла к патефону, стукнула его жезлом, отчего музыкальная машинка увеличилась, и музыка заиграла громче. В номере снизу опять послышались жалобы Бурундуна:

— Б-б-больше не могу! Ну сколько можно?!

Петюнька нерешительно стал на пороге комнаты. Чтобы подбодрить его, фрейлины захлопали в ладоши:

— Просим! Просим!

Медведь обхватил лапами правую Петюнькину ногу и ни за что не хотел её отпускать. Мальчику ничего не оставалось, как, прихрамывая, вместе с медведем, пуститься в пляс. Правда, танцевать он совсем не умел. Тем более вальс. Неуклюже и, как бы это смешно ни звучало, по-медвежьи малыш переваливался с ноги на ногу, будто изображал популярную игрушку «ванька-встанька»: качнулся влево, качнулся вправо, прямо стал и дальше по той же схеме.

Медведь урчал:

— Ур-ур-ур!

Жужа, закрыв рот рукой, тихонько посмеивалась:

– Хо-хо! Хо-хо-хо!

Под командованием мадам Жужи фрейлины стайкой окружили гостя и принялись грациозно выгибать спинки, театрально махать крыльями, с улыбками кланяться Петюньке, отрабатывая технику реверансов. Присутствие мальчика крылатых танцовщиц точно вдохновляло и настраивало на нужный лад. К такому выводу пришёл Петюнька, обратив внимание на то, что Её Величество всё реже делает замечания пчёлкам, всё реже указывает на их ошибки.

В дверь постучали. Жужа, не обращая внимания на стук, продолжала дирижировать жезлом. Подождав для приличия несколько секунд, кто-то за дверью постучал ещё раз, но, и на этот раз не получив ответа, толкнул дверь. Показалась круглая голова маркиза Медка. Оценив ситуацию и, видимо, посчитав её безобидной, министр осмелел и на цыпочках тихонько вошёл в королевские покой. Свой невероятно большой живот он бережно придерживал обеими руками, чтобы не булькал.

Жужа нахмурилась и махнула рукой:

– Не мешай, хитрый ж-жук. Я занята.

– М-м-м, осмелюсь всё-таки помешать, Ваше Величество, – Медок боком, семеня, приближался к королеве, косо поглядывал на жезл, которым она продолжала размахивать с завидным энтузиазмом. – Вы же сами изъявили желание до приёма у короля Лута навестить раненых героев на Целебном озере? Вот я вам и напоминаю. Времени осталось мало. Если всё ещё желаете, пора отправляться.

– Уж-жас! Что с памятью моей стало? – Жужа схватилась за голову руками, едва не коснувшись её острым концом жезла.

Пчёлы-фрейлины замерли, испуганно округлив рты. Маркиз Медок нервно сглотнул и на всякий случай отошёл в сторонку.

– Вы бы, Ваше Величество, положили жезл в футляр, – как бы между прочим предложил он, постукивая пальцами по длинной, золочёной, украшенной резьбой коробочке, которая лежала на столе. – А то, не ровён час, заколдуете сами себя...

– Жуть как вы мне надоели своими советами! – буква «Ж» нарочито размашисто провела жезлом по воздуху, пугая пятившихся фрейлин и Медка. Решив, что с них достаточно, Её Величество повернулась к мальчику. Медведь поспешил скрыться под кроватью. Петюнька икнул, но с места не сдвинулся, только зажмурился. Снисходительно улыбнувшись и положив-таки жезл в любезно протянутую министром коробку, Жужа спросила: – А молодой человек составит нам компанию?

Петюнька молчал, да и, честно говоря, он не понял, что это к нему обратилась королева с вопросом.

– М-м-м, – шепнул на ухо мальчику Медок. – Королеве нельзя отказывать.

– Да? Ах, да... – запинаясь, ответил Петюнька. – Конечно... Да-да.

– Тогда приготовьте для нас транспорт. Чтобы быстро и не тряслось! – приказала Жужа.

– Моя королева, всё уже готово! Прошу выйти на балкон! – торжественно, будто ведущий концерта, объявил Медок. Он протянул руку, чтобы отодвинуть занавеску, но не обнаружил её на месте и просто жестом указал на балкон.

Глава 50

Держим курс на Целебное озеро

От балкона до зелёной точки на горизонте (Целебного озера, как понял Петюнька) протянулась дугой радужная дорожка. На ней, непосредственно за балконными перилами, разместилась кабинка с четырьмя сиденьями, собранная из капустных листьев, слегка гофрированных на концах. Охраняли кабинку два полосатых стражника.

– М-м-м, специально для вас пауки наколдовали скоростной спуск. В мгновение ока окажетесь по ту сторону города! – гордо доложил министр.

– Хо-хо?! – удивилась королева. – Юркие же эти пауки! Ещё совсем недавно здесь никакой радуги не было.

Любопытный Петюнька, пока Медок объяснял что-то Жуже, решил пощупать волшебную радугу, чтобы выяснить, какая она – твёрдая, мягкая или вообще газообразная. Дорожка складывалась из семи разноцветных полос: красной, оранжевой, жёлтой, зелёной, голубой, синей и фиолетовой. Петюнька дотронулся пальцем до ближайшей к нему (красной) полоски, и его сразу же ударило током. Белые, серповидные молнии расползлись по радуге, сердито потрескивая. Испуганно вскрикнув, малыш отпрянул от балконных перил. Электрический заряд, полученный им от волшебной молнии, оказался слабым, чтобы нанести вред здоровью мальчика, но достаточно сильным, чтобы вызвать у Петюни слёзы. Всё происходило слишком быстро и неожиданно. Малыш не мог себя контролировать, и предательские слезинки, не спрашивая разрешения, потекли по его щекам.

«Какой позор, – думал Петюня, всхлипывая и икая, как это часто случалось с ним, когда он плакал, – разнюниться в присутствии самой королевы. Какой позор!..»

– Эм-м-м, малыш, это будет тебе хорошей наукой! С магией шутить нельзя! Нельзя совать руки куда ни попадя! – поучал Петюньку маркиз Медок. Высунув из кармана широких панталонистых штанов платок с вышитым красными нитками

символом буквы «М», он перевязал им уже вспухший и покрасневший Петюнькин палец.

– Но я же не знал... Я же не знал, что паучья радуга молниями кусается... – оправдывался малыш.

– Уж-жас какой! Уж-жас! – всплеснула руками королева Жужа. – Бегом в кабинку! На Целебном озере мальчику помогут. У него, видать, аллергия на удары магических молний. Вон как руку разнесло!..

Действительно, теперь не только палец Петюни, но вся его правая ладонь была красной, будто её приложили к раскалённой сковородке. По размерам детская ладошка напоминала огромную боксёрскую грушу. Но и это был не предел. Рука продолжала расти как на дрожжах. От страха Петюньке расхотелось икать.

– Это не рука уже, а клешня, – плаксиво вырвалось у него.

– Эм-м-м, – хотел что-то сказать Медок, чтобы успокоить мальчика, но не нашёл нужных слов и лишь бессвязно промычал. – М-м-мым-м-м...

– Я ж-же сказала, быстрее в кабинку! – повторила свой приказ буква «Ж», уже сидя в капустном вагончике.

Пчёлы-охранники подхватили Петюньку и перебросили через перила. Кувыркнувшись в воздухе, малыш упал в мягкое кресло напротив Жужи. Чтобы маркиз Медок смог забраться в кабинку, пчёлы подставили свои спины, которые выступили в качестве ступенек. Каждый раз, когда толстенький министр перешагивал с одной спины-ступеньки на другую, раздавались хруст и жалобное жужжение. Приняв маркиза, кабинка покачнулась. Жужа и Петюня поспешили пристегнуться ремнями и ухватиться руками за поручни кресел. Вернее, малыш мог орудовать только одной рукой – левой. Правую же, которая продолжала расти, пришлось уложить на свободное, рядом с королевой, кресло.

Подобно тому, как самолёт выпускает шасси, кабинка выпустила колёса и покатила по радужному мосту, на ходу набирая скорость. Жужу вжало в кресло. Петюньку, который сидел напротив неё, согнуло пополам. Его голова уткнулась в Жужины колени.

Только маркизу удавалось сохранять прямое положение благодаря его огромному животу, который он выставил вперёд и придерживал обеими руками. Пчёлы-охранники летели следом за кабинкой, но не поспевали за ней. Равняться силой с паучьей скоростной магией, приправленной фантазийной техникой от Фло-мастера, им было не по зубам.

Капустная кабинка покатила вниз. Охранники безнадёжно отстали, превратившись в две приглушённо гудящие точки, которые беспорядочно маячили где-то там, высоко в небе. Зелёное пятно впереди по мере приближения к нему расплывалось в широкое озеро. Оно слегка волновалось — пенилось и плескалось волнами. Яркий изумрудный цвет озеру придавали роскошные водоросли, образовавшие густой подводный лес. На поверхности водоёма, мерно покачиваясь, плавали белоснежные кувшинки.

Радуга нависла над озером. Лишь пара метров отделяла мост от воды. Опасаясь молний, искрящихся белой магией, волны под радугой старались вести себя тише и меньше плескаться. Кабинку, словно пулю, выпущенную из пистолета, несло прямиком в притихшую водную гладь. Радуга-мост, которая уже была не нужна, свернулась клубочком и, сверкнув, исчезла.

— М-м-м, — замурлыкал невозмутимый Медок. — Смею вас предупредить, моя королева, что сейчас будет немножко мокро.

Жужа открыла рот, чтобы сказать что-то, но не успела. Кабинка с шумом упала в озеро, погрузилась в него наполовину, но почти сразу же вынырнула, гребя ластами, которые появились вместо спрятавшихся колёс. Пассажиров щедро окатило водой. От идеальной, волосок к волоску, укладки королевы не осталось и следа. Выплюнув воду и побольше набрав воздуха в лёгкие, мокрая и злая Жужка истерично закричала:

— Уж-жас! Уж-жас! Как в таком виде я покаж-жуясь на балу?! Что скаж-жут обо мне? Уж-жас!!

— М-м-м, моя королева, не стоит так волноваться, — успокаивал Её Величество сладчайший Медок. — Вы же сами просили, чтобы

быстро. А волосы высохнут и станут ещё пышнее, чем прежде. Говорят, вода в озере целебная!

– Не хочу... Не хочу слушать вас!.. – мотала головой королева, отчего диадема накренилась набок. – Вот возьму и смещу вас с поста министра! Будете знать!

– Уй-уй, – застонал Петюнька, который не в силах был даже поднять свою опухшую руку.

Стоны мальчика заставили королеву замолчать. Сжав побелевшие от гнева губы, она заправила за уши, чтобы не мешали, мокрые волосы, вернула на место диадему. Маркиз Медок одобрительно улыбался, но его улыбка мало трогала Жужу, которая всем своим видом показывала, что обиделась.

– Ну, где же эти пауки? – спросила буква «Ж», оглядываясь по сторонам. – Так-то они встречают королеву?

– А вон, по левому борту плывут, – кивнул влево министр. – Вон пузырятся паучки-серебрянки.

Целебное озеро, будто вскипев, покрылось пузырями, внутри которых перебирали лапками водяные пауки. Их задние ножки покрывали длинные плавательные щетинки. Буровато-чёрные шубки пауков-водолазов были смазаны каким-то жирным кремом, за счёт чего между отдельными волосинками задерживался воздух. Многочисленные маленькие воздушные пузырьки, серебрившиеся на свету кристаллосолнца, складывались в один большущий прозрачный пузырь – что-то вроде пузырчатого акваланга.

Пауки-серебрянки окружили капустную кабинку, покачивающуюся на волнах. Смешно шаркая щетинистыми ножками, они приветствовали королеву. Жужа отвечала им натренированной улыбкой и привычным жестом махала рукой.

Тroe водяных пауков отделились от группы и начали лепить из воздушных пузырьков новые шары-акваланги для гостей. Королева, внимательно наблюдавшая за их работой, вопросительно подняла бровь.

– М-м-м, – спохватился Медок, – я забыл вас предупредить об одной, м-м-м, мелочи...

– Ну ж-ж-же? Удиви меня! – зло прожужукала Жужа.

– Видите ли, Ваше Величество, эм-м-м, – мурлыкая, как ни в чём не бывало, продолжал рассказывать министр. – Лечебница Целебного озера находится под водой, и нам с вами, м-м-м, придётся погрузиться.

– Куда? – опешила Жужа. – Мне? Королеве? Нырять? Никогда!

Один из новослепленных аквалангов мягко коснулся борта капустной кабинки, но не лопнул. Маленькие пузырьки ярко переливались радужными зайчиками, будто моргали, подбадривая капризную королеву.

– Не бойтесь, Ваше Величество, – толстенький Медок с трудом выбрался из кресла, изрядно расшатав кабинку, и протянул руку Жуже. – Ваш наряд не намокнет. Волшебные пузырьки этого не допустят. Ну же, моя смелая королева! Нужно только шагнуть внутрь воздушного шара, а потом он сам вас понесёт.

Буква «Ж» вняла доводам министра. Опираясь на его руку, она перешагнула через борт кабинки. Пузырьки, радостно шипя, облепили фигуру королевы, не дав ей намокнуть. Вторым пошёл Петюнька. С помощью Медка малыш спустился в пузырь. Третий акваланг, самый большой, достался министру.

Внутри воздушно-пузырчатого кокона Петюне полегчало. Опухшая рука больше не тянула гирей вниз, не чесалась, не болела. Волшебные пузырьки Целебного озера действовали успокаивающе, но не усыпляли. Напротив, мальчик почувствовал небывалый прилив сил. И хотя Петюнька не умел плавать, он совсем не боялся. Ему было безумно интересно познакомиться с таким красивым и таинственным подводным миром, который открылся ему.

Глава 51

Под водой. Ракушечная лечебница

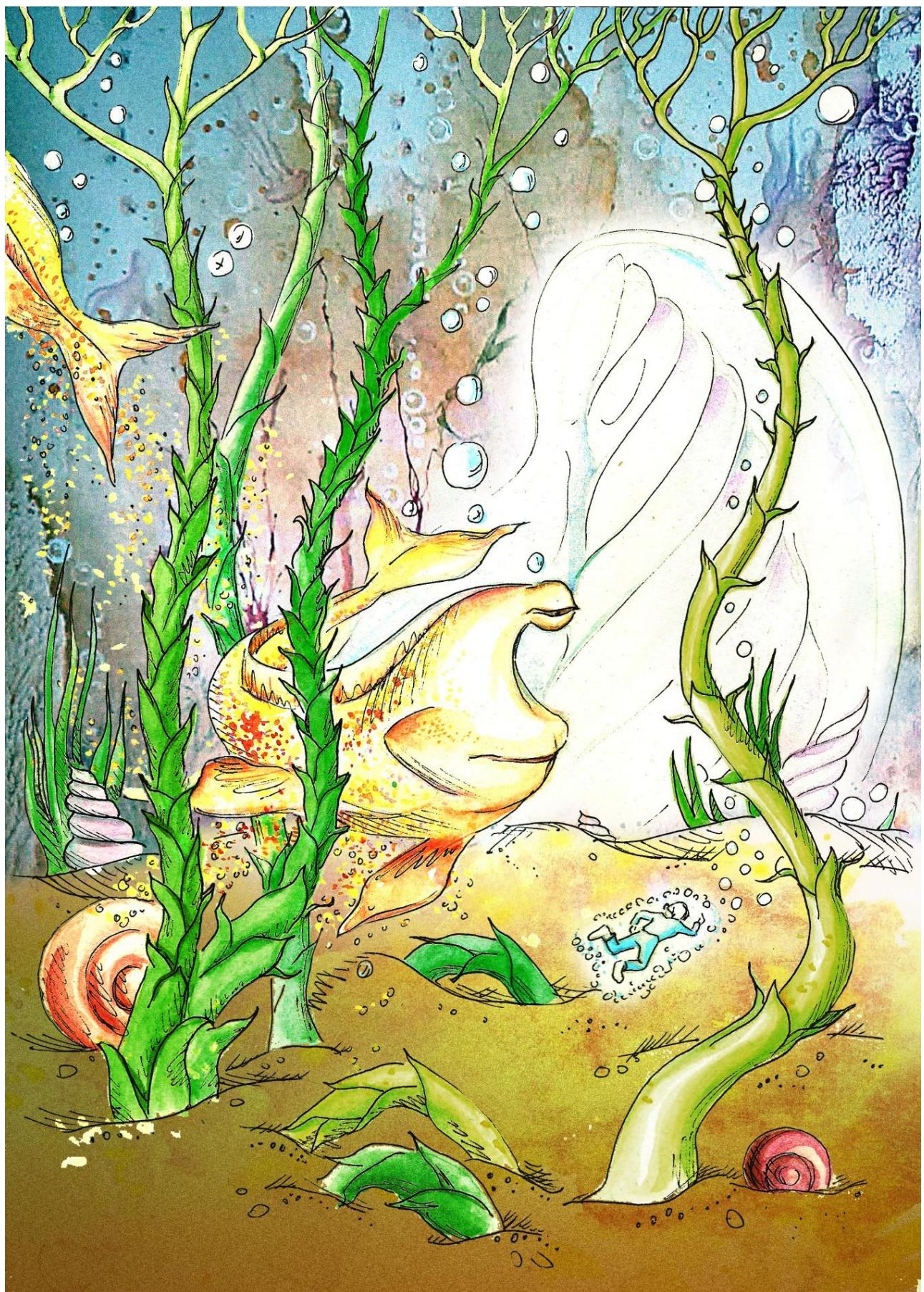
Бесчисленное множество невероятно длинных тонких тёмно-зелёных водорослей-нитей, облепленных короткими широкими листьями, больше похожими на шелуху, заполонило озеро. Водоросли начинали свой рост на тёмном илистом дне, куда почти не проникали лучи волшебного кристалла. Проклёвываясь из мелких семян, питаясь илом, «нити» крепли и росли, чтобы насквозь «прошить» озеро, достичь тёплой, обласканной искусственным солнцем поверхности и сплести из мясистых на верхушках листьев нежное зелёное кружево. При малейшем колебании воды нити водорослей по-змеиному извивались. Их плавные, несколько ленивые движения завораживали Петюньку и чуть-чуть пугали. Ему вдруг представилось, что озеро – живой организм, а водоросли – это его руки, которые прощупывают каждого, кто посмел нарушить их покой.

Огромные горбатые рыбы с блестящей чешуёй в красно-жёлтых разводах тёрлись о зелёные шероховатые нити, счёсывая старые чешуйки. Пылающими звёздами чешуя опускалась на дно, тревожа ил, который взвивался ввысь чёрно-синей тучей.

«Ого, сколько же должны весить чешуйки рыбых монстров?» – подумал малыш и невольно поёжился, как раз проплывая мимо одного такого чешущегося существа. От удовольствия оно закрыло свой единственный глаз, растущий на конце рогообразного отростка прямо посреди лба.

Рыбы, занятые линькой, не обращали внимания на пузыри, внутри которых смешно болтались путешественники. Забавнее всех выглядел толстый Медок. Его большой живот, старательно массажируемый воздушными пузырьками, всё время подпрыгивал, будто делал зарядку.

«Только бы рыбы не приняли нас за корм, – испугался Петюня. – Вон один Медок чего стоит?! Такой лакомый кусок пропустить трудно».

Заметив, что малыш наблюдает за ним, министр улыбнулся.

— М-м-м, мальчику не стоит волноваться, — приглушённо донеслось из Медкового пузыря. — Жители Целебного озера абсолютно миролюбивы и питаются исключительно водорослями.

— Какое облегчение, — вздохнул Петюнька, однако, встретившись взглядом с одноглазой чудо-рыбой, всё-таки вздрогнул. — Да, тяжело держать себя в руках, когда рядом чешутся такие великаны. Настоящие динозавры! Только, разве что, с жабрами. А вдруг мутноглазая ударит хвостом, и пузырь лопнет? Что тогда? Нет, лучше держаться от чесунчиков как можно дальше. Ах, жаль, что в пузыре нет руля... Так хотя бы им можно было управлять. А то пузырь плывёт сам по себе куда-то. Интересно, куда?

Воздушные акваланги друг за другом, вереницей пробирались сквозь заросли водорослей. Пауки-серебрянки периодически перебирали ножками, направляя пузырь в ту или другую сторону. У Петюньки так не получалось. Его пузырь, казалось, был запрограммирован на определённый маршрут, и, как бы ни старался малыш повлиять на ход пузырчатого акваланга, взмахивая рукой или дрыгая ногой, он продолжал двигаться в заданном направлении.

Лес из водорослей неожиданно закончился. За ним на многие километры развернулась подводная долина. Её покрывали волнистые дюны, сформированные из песка вперемешку с ракушками. Петюнька не мог поверить своим глазам, не мог понять, как необъятная долина, открывшаяся его глазам, уместилась под водами Целебного озера, которое сверху казалось совсем небольшим?

«Правду говорят, что пауки — величайшие маги, — восхищался мальчик. — Вон какое дно наколдовали. Мне бы так уметь. Увеличил бы нашу квартиру. Пусть для всех она была бы трёхкомнатной, а для нас — настоящим дворцом... Как у короля Лута!»

Пузыри, выбравшись из зарослей на ровную поверхность, увеличили скорость. В глазах Петюньки, уже не раз совершившего по сказке высокоскоростные путешествия, по-привычному замелькало. Создавалось впечатление, что кто-то перематывает плёнку. Только кадры всё какие-то одинаковые: песок и ракушки, ракушки и песок.

Кое-где встречались пучки низкорослых водорослей, похожих на ажурно изрезанные папоротники или обыкновенный зелёный лук.

Толща воды, укрывшей долину, становилась чище, светлее, прозрачнее. Это очень удивило мальчика, поскольку он помнил, что в подкупольном городе уже должен был наступить вечер. Вечером же, как всем известно, солнце, даже если оно искусственное, потихоньку гаснет. Однако под водой, наоборот, рассветало.

«Ну и ну, – думал Петюня, – у нас дома всё проще. Вечер – это вечер, день – это день. У пауков же всё перепуталось. Ничего не разберёшь».

– М-м-м, посмотрите! – не дал додумать Петюньке Медок. – Подводная станция. Здесь расположены лечебница и экспериментальная лаборатория.

Впереди показалось солнце. Так решил поначалу малыш, но то, что он увидел, на самом деле солнцем не было. Это был ещё один пузырь. Такой же, в котором парил сейчас Петюнька, но только в миллионы раз больше. Гигантский пузырь нестерпимо ярко блестел, отражая лучи кристаллосолнца. Внутри него разместилось сложенное из нескольких крупных ракушек-корпусов здание подводной лечебницы, на которое указывал министр Медок.

Воздушные акваланги путешественников прилипли к большому пузырю, став его частью. Петюнька и его друзья оказались затянутыми внутрь пузыристого мегашара. Дальнейшее их передвижение осуществлялось следующим образом: многочисленные волшебные пузырьки, которыми был наполнен шар, навалились своей массой на гостей и начали толкать их по направлению розоватой ракушки в форме закрученного рога. Эта ракушка являлась входом на станцию. Внутри рога заработал насос. Поток пузырьков подхватил путешественников и вместе с ними хлынул в ракушечную трубу. Немного покружив по спиралевидным коридорам, пузырьки вынесли гостей на ровную площадку, после чего растворились, будто их и не было.

Друзья очутились в приёмном отсеке подводной станции, оснащённом большими и маленькими краниками, вентилями,

баллонами, трубами и прочими загадочными устройствами, которые непрерывно шипели, тикали, цокали или булькали. Пауки-серебрянки, с честью справившиеся с ролью провожатых, расположились по отсеку выполнять свои привычные обязанности: один из них достал гаечный ключ и подкрутил им гайку, второй паук принял заносить в журнал показания приборов с двигающимися стрелочками, третий отворил заслонку печи, внутри которой горел огонь, исыпал туда из ведёрка немногого какого-то вещества, отчего огонь запылал ярче.

Наблюдать за пауками Петюне было очень интересно, и он предпочёл бы остаться здесь, в приёмном отсеке, но маркиз Медок и мадам Жужа потянули его к двери. В следующем отсеке располагалась смотровая комната, как гласила надпись над дверью. Её простое обустройство: кушетка, застеленная белой простынёю, ширма, стеклянный шкаф, на полочках которого хранились всевозможные бутылочки, тюбики, баночки и коробочки с лекарствами, стол в углу, заваленный тетрадками и папками, умывальник, а рядом с ним, на тумбочке, поднос с простилизованными шприцами, — не особенно понравилось Петюньке. Как и любой малыш, он побаивался врачей.

За столом сидела медсестра Зелёнка и что-то записывала в тетрадь. Завидев гостей, буква «З» встала, оправила салатовый халатик, нечаянно задела при этом красный телефон, который стоял на краю стола. Телефон упал на пол и обиженно зазвенел: з-з-зынь-зынь!

— Алло! — раздалось в трубке, которую никто не снимал. Она сама снялась.

— Из-з-звините, — смущалась Зелёнка, — что потревожила вас, доктор, но у нас гости... Важные гости! Сама королева Жужа пожаловала.

— Кахы-кахы, — закашлялся телефон. — Пусть войдут.

Телефонная трубка легла на аппарат. Медсестра бережно подняла его и поставила на стол.

— Милочка, нельзя ли пошустрее? — выразила недовольство королева Жужа. — У нас мало времени, а вы всё с телефонами возитесь. Нечего было ронять.

— Эм-м-м, — счёл нужным вмешаться маркиз Медок, видя, что Её Величество несколько увлеклась нотациями, — мы просто хотим навестить раненых богатырей, а также показать доктору мальчика.

— Вам повезло! — хлопнула в ладоши Зелёнка. — Сегодня принимают сразу два доктора: Инсулин и Йод. Пройдёмте за мной.

Глава 52

Инсулин, Йод и пиявки

Буква «З» нажала на незаметную для посторонних глаз кнопку в стене, после чего стена раздвинулась, пропуская гостей в просторный зал. Почти всё помещение, в котором очутились друзья, было заставлено прозрачными пирамидками, заполненными желтоватой вязкой жидкостью. В трёх пирамидках, по центру зала, «парили» в вертикальном положении Юшка, Мякиш и Твердолоб. Вместо доспехов на них болтались полосатые больничные пижамы. Чтобы было, чем дышать, ко рту каждого богатыря крепилась специальная маска, к которой по тонкой гибкой трубке поступал воздух. Богатыри не открывали глаз – то ли спали, то ли были без сознания.

Возле пирамид стояли две буквы: «И» и «Й» – братья-близнецы. Оба лысые, с усами и короткими рыжеватыми бородками. Петюнька знал по Яшкиным рассказам, что «И» – это старший брат, академик Инсулин, директор столичной академии наук, и его о-о-очень уважают в Антресолии. Буква «Й» – младший брат, не менее уважаемый и знаменитый доктор Йод, служащий при дворе Жужи. О заслугах братьев перед сказочным королевством свидетельствовали ордена на широких атласных лентах, переброшенных через левое плечо к правому бедру.

Рассматривая костюмы букв, внимательный Петюня сделал вывод, что Инсулин в классическом, безупречно выглаженном синем костюме и очках в золотой оправе – гражданское лицо, привыкшее к вниманию публики, к почестям и славе, и потому тщательно ухаживающее за своим гардеробом. От буквы «И» даже пахло одеколоном с нотками... горчицы. Сильно пахло, отчего у Петюньки заслезились глаза.

Доктор Йод в красном мундире с золотыми погонами, прикинулся малышиком, должен быть военнослужащим. Или, по крайней мере, он был таковым в прошлом. Прямая, как доска, спина. Лёгкая хромота (наверняка следствие ранения), из-за которой Йод вынужден был опираться на изящную трость. Роскошный головной убор в форме полумесяца с золотистой бляхой, на которой изображён символ

буквы «Й». Высокие солдатские сапоги. Эти и многие другие детали костюма доктора давали основание полагать, что он имеет отношение к воинскому ремеслу.

«Военный доктор, значит», – решил Петюнька и сразу как-то зауважал Йода. Он всегда с особенным почтением относился к солдатам, поскольку и сам (втайне от мамы) мечтал стать военным. Лучше, конечно, пограничником и в чине генерала!

– И? И что вы скажете, коллега? – задумчиво спросил Инсулин Йода. Сощурившись, как это свойственно людям с плохим зрением, он смотрел на пациентов, заключённых в пирамидках.

– Й-ей! Й-ей-ей! – прихрамывая на правую ногу и постукивая тросточкой по ракушечному полу, Йод обошёл вокруг пирамиды с Мякишем. – Сила чёрной заразы велика, но лечебный «компот» на воде озера с добавлением мёда и полезных трав должен справиться. Й-ей-ей! Нужно ещё немного подождать.

– И-и-и, сколько можно ждать? – возразил академик. – Каждая секунда на счету. Мы должны этих великанов поставить на ноги как можно быстрее. Сейчас каждая рука, способная держать меч, ценится на вес золота. Нам надо спешить. Настоятельно рекомендую задействовать пиявок. Пусть заберут излишек отравленной чернью крови.

– Ить... Ить... Звали нас? Ить... Ить... – спросили три икающие пиявки в санитарских халатах, просунувшие головы в дверь с противоположной стороны зала, где находилась подсобка. От одного их вида у Петюньки пошли мурашки по коже.

Жирные пиявки лениво, нехотя подползли к пирамидкам и уставились на пациентов, которых им предстояло лечить. Петюнька, Жужа и даже обычно невозмутимый Медок замерли в ожидании, что будет дальше? Увлечённые диспутом врачи не замечали присутствия в зале посторонних, хотя медсестра Зелёнка усиленно подавала им знаки: кашляла, подмигивала, кивала и даже, что не совсем прилично, указывала пальцем на гостей.

Пиявки сбросили халаты, потянулись и ловко запрыгнули в пирамидки, расплескав на пол тягучее жёлтое вещество. Там, присосавшись к бесчувственным пациентам, санитары приступили к лечению. Постепенно наполнявшиеся чужой отравленной кровью их тела раздувались и покрывались свекольно-красными пятнами.

– Й-ей-ей, разве так должно быть? – обеспокоился доктор Йод относительно непривычного для кровососущих санитаров окраса. – Разве так должно быть? Как бы не пришлось откачивать потом уже пиявок...

– Им чернота нипочём, – настаивал на своём Инсулин. – Закапаются в песок. Озеро нейтрализует действие яда. И всё-таки я соглашусь, что достаточно. Пора заканчивать процедуру.

Поскрипывая новенькими, начищенными до блеска остроносыми ботинками, академик подошёл к центральной пирамидке с буквой «Ю» и постучал по стеклу, подавая знак пиявкам остановиться. Но что-то пошло не так. Санитары, одурманенные отравленной кровью, не могли оторваться и продолжали сосать.

– Й-ей-ей! – вскрикнул Йод. – Я же предупреждал! Я же говорил!

Инсулин занервничал. Он часто моргал и всё дёргал и дёргал холёную «козлиную» бородку.

– Отойди! – оттолкнул старшего брата Йод и что есть мочи ударил тростью по пирамидке.

Удар оказался мощным, что удивило Петюньку, поскольку буква «Й» не производила впечатления силача. С глухим треском по стеклу расползлась трещина. Йод размахнулся и ударил ещё раз, и ещё... Он бил до тех пор, пока стеклянная пирамидка не сдалась, выплюнув на пол осколки. Хлынуло жёлтое вещество, резко пахнущее лекарствами. Следом в обнимку с пиявкой вывалился Юшка. Инсулин бросился разнимать букву «Ю» и санитара. Ему помогал Медок. Доктор Йод тем временем продолжал орудовать тростью и наносить удары пирамидкам с Мякишем и Твердолобом.

– Ж-ж-жуть! Ж-ж-жуть! Уж-жас! – крикнула Жужа. Повернувшись к оцепеневшей Зелёнке, королева приказала: – Чего стала? Зови на помощь. Им втроём не справиться.

Медсестра кивнула. Подобрав подол халата, чтобы не мешал бежать, и оголив ножки в полосатых розово-голубых чулочках, буква «З» побежала к двери, ведущей в смотровую. Дверь оказалась заперта. Видимо, сработал механизм автоконтроля, или что-то

поломалось, заело какую-то деталь. Зелёнка не растерялась, набрала код на цифровой панели, висевшей над входом в зал, и, когда двери разъехались, с порога позвала пауков:

– Тревога! Сюда! Сюда!

Среди всей этой суматохи о мальчике забыли. Испуганный Петюнька решил спрятаться за пустой пирамидкой, сел на корточки, закрыл глаза.

– Пусть кусают их, кусают их... Не меня... Не меня... – шептал побледневший малыш.

Но он не учёл, что пирамидка стеклянная, а стекло прозрачное, и сквозь него видно. Пиявка, у которой отобрали Юшку, следила за мальчиком. Ей хотелось ещё яду, и она чуяла его в человеческом ребёнке. Сейчас, когда Петюню переполнял страх, запах тёмных желаний был особенно вкусным. Не в силах сопротивляться соблазну, пиявка обогнула пирамидку, за которой прятался малыш, и, пока он не опомнился, не позвал кого-нибудь на помощь, прыгнула на него, присосалась к шее. Под весом жирной пиявки Петюнька упал, начал задыхаться. И если бы не пауки, прибежавшие на зов Зелёнки, на этом моменте сказка для мальчика уже закончилась бы.

Глава 53

Два зверя в душе человека, или Мудрая Яхтар

Очнулся Петюня, лёжа в ракушечной ванной, до краёв наполненной жёлтым странным веществом – тем самым, которое плескалось в пирамидках. На лице кислородная маска. Повернуть голову малыш, как ни старался, не мог, поскольку её держали обитые мягкой тканью тиски. Над головой сверкают молнии, образовавшие мини-купол.

– Где я? – с трудом разлепив губы, спросил Петюнька.

Сквозь полупрозрачную купольную крышку, сплетённую из белых молний, проявилось лицо белокурого ангела, как показалось Петюньке, который подумал вдруг, что умер и попал на небеса. Ангел улыбнулся. На белых, будто фарфоровых, щёчках отпечатались две милые ямочки. Большие светло-голубые глаза радостно засияли.

– Я благодарю Мать-Праородительницу нашу за то, что мальчик очнулся. Хвала Матери! – вознёс молитву ангел нежным девичьим голосом.

Кружево из молний, укрывшее ванну с Петюнькой, начало постепенно распутываться. Молния за молнией выплелись из общего рисунка, словно их кто-то выдёргивал и сматывал в клубок. Собственно, так оно и было. В этом убедился малыш, когда купольная крышка стала прозрачнее, и стало лучше видно склонившуюся над ним прекрасную девушку с распущенными волосами цвета спелой пшеницы. Над широким белым лбом волосы красавицы были мастерски уложены в волнистую корону с символом буквы «Я» посередине. Корона из волос! Такой причёски Петюня ещё не видел. Но как же красиво!

Белокожая девушка в белом платье, украшенном жемчугами, аккуратно, не спеша сматывала шипящие молнии в клубок. И молнии, представьте себе, не кусались, а послушно позволяли себя сматывать, будто они не молнии вовсе, а обычновенные нитки.

За спиной красавицы, в которой Петюнька узнал букву «Я» и даже вспомнил, что Яшка в своих рассказах называл её принцессой

Яхтар, показалась изогнутая серпом шляпа доктора Йода. Рядом с ней замаячила лоснящаяся лысина Инсулина.

– Й-ей-ей, дружочек! Пришёл в себя! – обрадовался младший брат – буква «Й».

– И-и-их, как я рад, что не ошибся в диагнозе и вовремя прописал нужные процедуры, – гордо выставил указательный палец правой руки старший брат – буква «И».

– Й-ей-ей, брат?! – строго возразил Йод, выпрямив спину и расправив плечи. – Мы вдвоём назначили лечение. Мы вдвоём!

– И-и-и… – хотел что-то сказать, вспылив, Инсулин, наверняка обидное, но сдержал свой гнев, поскольку его мягко прервала принцесса Яхтар, похлопавшая академика по плечу.

– Я попрошу вас, господа, не спорить, – нежно улыбаясь, обратилась к докторам буква «Я». – Лучше поясните мне, пожалуйста, какой ваш диагноз? Что случилось с ребёнком, пришедшем из внешнего мира? Всё дело в аллергии на удар молнии? Да?

– И-и-и, я бы не был так уверен!.. – воскликнул Инсулин. Занервничав, он снял очки и прикусил правую дужку.

– Й-ей, подтверждаю, – согласился с братом Йод. – Здесь дело в другом. Не в аллергии. Пиявки Целебного озера – превосходные индикаторы. Они улавливают признаки черни в человеческой душе, даже если сам человек не подозревает, что является носителем этой страшной заразы. Мальчик заражён чернотой души. Й-ей-ей, это точно.

– И-и-и, ничего удивительного, – снова взял слово академик, который перестал кусать дужку и водрузил очки на нос. – Все люди являются носителями тёмной инфекции. Только до поры до времени она находится в спящем состоянии. У одних просыпается раньше, у других позднее. Это вопрос времени. Люди все одинаковые.

– Я прошу вас не делать поспешных выводов, – возразила нежная Яхтар. – В душе человека живут два зверя: чёрный и белый. Зло и Добро. И оба эти зверя ведут между собой непрерывную борьбу.

— И-и-и, ясно, кто всегда побеждает — чёрный, — махнул рукой Инсулин.

— Ясно только одно, — по-прежнему улыбаясь, продолжила буква «Я», — побеждает тот зверь, которого лучше кормят. А это уже право человека — выбрать, кого ему кормить и холить. Понимаете? Выбор! У каждого он свой. Чтобы сделать выбор, человек должен пройти путь, усыпанный соблазнами и испытаниями. Детёныш только ступил на свой путь и не сделал пока выбора. Ему ещё предстоит решить эту, возможно, самую важную для каждого человека задачу. И решать её он будет всю жизнь, ибо жизненный путь многократно разветвлён и не раз приводит на распутья, вынуждая человека выбирать между Злом и Добром. Снова и снова...

Яхтар закончила сматывать молнии в клубок. Картинка прояснилась. Петюнька видел над собой белый потолок, сложенный из цветочных бархатных лепестков.

«Значит, ещё один цветок-здание, — прикинул он в уме. — Наверное, одна из белоснежных кувшинок Целебного озера. Хорошо всё-таки, что я уже не под водой».

Принцесса бросила клубок молний на пол. Краем глаза Петюня видел, как клубок покатился к стене, ударился о лепесток, вынудив его раскрыться, и по белому мостику скатился в воду, где плескались бледноликие русалки. Завизжав, они принялись бить по клубку хвостами, перебрасывать его друг другу, словно мячик.

Академик Инсулин поморщился, зажал ладонями уши.

— И-и-и, сколько шума, — приидирчиво сказал он. — И-и-извините, принцесса... Но как вы их терпите?

— Й-ей-ей, брат! Тише! Не ровён час, защекочут до икоты и на дно уволокут, — то ли в шутку, то ли всерьёз предупредил букву «И» доктор Йод.

Инсулин пренебрежительно хмыкнул, засунул руки в карманы. Русалки, вдруг подозрительно притихшие, остались в покое клубок-мяч, уселись на белый лепесток, свесив в воду чешуйчатые хвосты, и принялись расчёсывать друг друга. Правда, расчёсок у них не было.

Хвостатые девы распутывали слипшиеся локоны руками, погружая в волосы тонкие пальцы с длинными посиневшими ногтями.

Из глубин озера поднялся пузырь с Жужей и Медком на борту. За ним – ещё один пузырь с Юшкой, Мякишем и Твердолобом. Они выглядели бодрыми и с румянцем на щеках, похожих на свежие сдобные булочки, смазанные малиновым вареньем! Богатыри успели сменить больничную одежду на доспехи. Только новое оружие взамен старого, потерянного в битве за «Прихожую», им не выдали. Наверное, пока окончательно не выздоровеют, не полагается. Или, может, не выковали ещё кузнечных дел мастера волшебные щиты, мечи и копья, достойные служить оружием трём сказочным богатырям?

Русалки нехотя подвинулись, пропуская новоприбывших внутрь кувшинки. Одна девица, бившая ради забавы зелёным хвостом по воде, хихикнула, заметив растрёпанные волосы Жужи. Вопреки своему обыкновению королева ничего не сказала своей обидчице, только стиснула зубы. Да и что говорить? Буква «Ж» была в отчаянии. Ей, пчелиной королеве, предстояло явиться на бал в таком неопрятном виде...

Девицы, обменявшись взглядами, дружно потянули за подол Жужиного платья. Всплеснув руками, королева упала обратно в пузырь, который, к счастью для неё, не успел лопнуть. Коварные русалки окружили Жужу и начали пятернями расчёсывать её волосы, используя для укладки отдельных локонов в причёску целебный озёрный песок. Королева жалобно поскрипывала, но терпела. Даже позволила на время снять диадему, чтобы та не мешала хвостатым парикмахершам делать ей причёску. Русалки как ни в чём не бывало затянули песню про рака-отшельника и золотую рыбку, а ещё про электрического ската.

Петюньку освободили, наконец, от тисков, державших его голову, вынули из лечебной ванны, обсушили, надели на него чистую пижаму. Его рука, пострадавшая от удара молнии, приобрела свои обычные размеры и цвет и больше не напоминала клешню. Всё, казалось бы, приходило в норму. Но Петюня, чувствуя на себе

пристальные взгляды докторов, покачивающих, как китайские болванчики, головами, не был уверен в этом. Он не понимал, о какой такой чёрной заразе говорили Инсулин с Йодом, не понимал также, почему медицинская пиявка, которой положено быть доброй, набросилась на него. И от этого непонимания его неуверенность только росла.

«Что-то не так... Что-то со мной не так... – мысленно повторял малыш, вспомнивший вдруг недавние кошмары, которые привиделись ему, когда он спал в поезде и затем в гостинице. – Наверное, сны эти не случайны? Точно со мной что-то не так».

Принцесса Яхтар с длинными, доходившими до пят кудрями обняла сзади Петюньку, поцеловала его в макушку.

– Я вижу, – сказала она на ушко малышу, – перед собой мальчика с чистым сердцем и светлым умом фантазёра. И мальчик этот сильный. Очень сильный! Он справится, он не испугается темноты. Я знаю! Но важнее, чтобы ты знал это. Запомни, малыш, ты носишь в себе свет. Темнота может одурманить твой разум, но никогда, слышишь, НИКОГДА она не погасит твой свет! Свет твоей души. Борись! Твой выбор за тобой.

Глава 54

Наводнение

Пора на бал! Он должен был начаться вечером, как только лучи волшебного кристалла, излив свет и теплоту на цветочный город Куапу, начнут меркнуть. Однако ввиду того, что важные гости – королева Жужа и земной мальчик, в честь которого организовывался бал, запаздывали, вечер решили оттянуть. Пауки просто перевели часы назад, заставив искусственное солнце поработать несколько дольше, нежели ему полагалось по графику, разработанному ещё тысячи лет назад сильнейшими магами.

– Уж-ж-жас! Какой стыд?! Какое вопиющее нарушение этикета! Опоздать на бал... Мне! Уж-ж-жас! – сокрушилась Жужа.

При помощи двух пчёл-охранников, нашедших, наконец, свою королеву (пока Её Величество путешествовала под водой, они в панике кружили над озером), буква «Ж» забралась в подогнанную к кувшинке лодку. Изящной, с закрученным носом лодочкой, изготовленной паучими мастерами из дубовых листьев, правил Еремей, он же буква «Е». Растрёпаные белокурые волосы соломенного оттенка, загорелая кожа и даже чуть-чуть подгоревший курносый нос, голубые задорные глаза, широкая, от уха до уха, улыбка, пёстрая молодецкая рубаха с грубо нашитой сверху аппликацией в виде буквы «Е», широкий зелёный пояс и такие же зелёные, закатанные до колен штаны – так выглядел лодочник Еремей. И точно так же описывал букву «Е» Яшка. Только в его сказке лодка была карамельной, а река молочной. И в реке той, между прочим, водились сырные рыбки, мечущие творожную икру! Яшка хвастался, что лизал карамель, и она ему показалась очень вкусной. А вот рыбок ему поймать не удалось – уж больно они шустрые.

«И почему Ермолаеву всегда достаётся лучшее? Ему карамель лизать, а мне жевать, что ли, листья? Тьфу! Я же не барашек...» – подумал Петюнька, закусив губу. Его сердце уколола зависть. Больно уколола. И уже не в первый раз.

Внутри маленькая и хрупкая на вид лодка Еремея оказалась невероятно просторной. В ней без труда разместились Жужа с

Медком, Юшка с Мякишем и Твердолобом, Инсулин с Йодом и Зелёнкой, ну и, конечно, Петюнька с принцессой Яхтар. Пчёлы, раз они с крыльями, летели за лодкой, стараясь не упустить из виду королеву, как это случилось в прошлый раз – с капустной высокоскоростной кабинкой.

– М-м-м, мы что? До самого дворца Лута прямо на лодке доберёмся? Целебное озеро... М-м-м... Что? Безразмерное? Растеклось? – спросил, озираясь по сторонам, Медок.

Его удивление было оправданным, поскольку озеро никак не желало заканчиваться. Куда ни глянь, всюду пенятся волны.

– Е-е! Пауки постарались. Наколдовали канал. Так Лут, говорят, пожелал. Это, мол, декорации для бала. Лут всегда придумывает что-нибудь этакое. Мне работы прибавилось. Туда переправь, сюда приплыви. Но я не жалуюсь. Е-е! Подзаработаю! – весело рассказывал Еремей. – Творожными ватрушками от самого Сыра Ивановича со мной расплатятся. Со сметанкой! Е-е!

Лодочник лихо свистнул, ударил веслом по воде, отгоняя надоедливых русалок, мешавших ему грести – баловницы цеплялись за весло и висли на нём, как на качелях. В ответ на грубость буквы «Е» русалки облепили лодку и начали её раскачивать. Принцесса Яхтар погрозила девицам пальцем. Её хвостатые послушались, отпустили лодку и, нырнув, исчезли в глубинах озера. Правда, отсутствовали они совсем недолго. Погоняв немного рыб, русалки вернулись с нитями-водорослями в руках. Одним концом они привязали их к корме, другим обвязали себя за талии. Дружно, смеясь, на счёт три выскакивая из воды, подобно дельфинам, хвостатые девицы потащили на себе лодку. Ход заметно ускорился. По щекам Петюньки бил свежий ветер, приводя его в чувство после недавно пережитого стресса. На сердце полегчало.

– Е-е-е! – подгонял русалок Еремей, размахивая в воздухе веслом, которое теперь ему было не нужно. Резвые девицы выполняли за него его работу. И отменно, надо признать, выполняли.

— Й-ей-ей, дружочек, — придерживая шляпу, чтобы не сдуло, крикнул Йод, — ватрушками, как я погляжу, придётся поделиться. Вон как стараются!

— Хе-хе! Поделюсь! — смеялся лодочник. Он стоял на корме, запрокинув назад голову и расставив руки в стороны, и напоминал птицу, которая, гордо расправив крылья, парит над озером. Изумрудные брызги озёрной воды блестели в его растрёпанных, выжженных солнцем волосах.

Разлившееся по каналу озеро вошло во вкус и с нескрываемым аппетитом лизало улочки цветочного города. Растения-здания, омываемые целебной водой, крепли и увеличивались, приобретая пару-тройку новых цветов-этажей. Со всех сторон к воде сползались пауки и паучихи и вёдрами черпали её про запас. Некоторые, самые сообразительные, при помощи пней-пылесосов, нестерпимо громко фыркающих, засасывали воду и по специальным гофрированным трубам перекачивали её в отдалённые уголки Куапы, куда озеро ещё не успело подступиться.

«Странное дело, — размышлял Петюнька, подперев рукой подбородок, — в моём мире, если случается наводнение, все паникуют, говорят, что стихийное бедствие. А здесь, наоборот, радуются? Для потехи короля наводнение устраивают. Ну и ну!»

Язык озера — канал, шипя и пенясь, достиг горы в центре столицы, обогнул её несколько раз, облизал, поплескался. Всё! Дальше хода нет. Дворец короля Лута расположен на самой вершине. Туда воде не подступиться.

Горный ручеёк, стекавший вниз с вершины, смеялся, сливаясь с озёрными водами:

— Жур-жур! Чур-чур, не поднимеш-ш-шься! Не осмелиш-ш-шься! Не осилиш-ш-шь! Ш-ш-ш!

Но вода Целебного озера (действительно разумное существо, в чём Петюнька уже не сомневался) поднялась в небо столбом, изобразив руку, на зелёной ладони которой качалась лодочонка. Рука из воды бережно опустила лодку на вершине, у крепостной стены, каменным ожерельем опоясывающей королевский замок, и,

справившись со своим заданием, отхлынула, унося с собой русалок. У подножия горы озёрные воды задержались, чтобы побегать наперегонки со своим родственником – ручейком.

Сверху по стене, выложенной из мощного камня, бежали пауки в шлемах и с луками. На их спинах болтались колчаны, набитые стрелами. Поравнявшись с гостями, пауки козырнули королеве и продолжили свой бег.

– Кто это? – поинтересовался Петюня.

– Е-е! Карапул совершает вечерний обход. Ведь вечер уже. И давно вечер... – сказал лодочник Еремей и зевнул.

Натрудившееся за день солнце-кристалл вспыхнуло ярче, залив гору оранжевым светом. Поиграв немного лучиками, солнце начало гаснуть и, наконец, совсем уснуло. Чтобы слаще ему спалось, ночь застелила небо синим шёлковым покрывалом и взбила облачные подушки. На смену солнцу выплыла луна. Через плечо она несла дырявый мешок. Из дырки выпадали звёзды. Ночь ловила их и лепила к покрывалу, предварительно смазывая каждую звёздочку kleem. Теперь небо под куполом имело множество сияющих глаз. Все они с любопытством смотрели на украшенный флагами, ленточками, воздушными шариками и фонарями дворец короля Лута.

– Бам-бам-бам-бам! Бам-бам-бам-бам! – неожиданно загремели барабаны где-то за стеной.

– Тум-тум-тум-ту-у-у! – торжественно запели трубы.

– Бал начинается! Бал начинается! – объявил глашатай.

Глава 55

Бал короля Лута

Тяжёлые скрипучие ворота с огромными железными кольцами вместо ручек распахнулись. Слишком резко, учитывая их большой вес. Хорошо, что умный Медок, знакомый уже с дверными фокусами (не раз приходилось бывать во дворце Лута), не позволил друзьям близко подойти к воротам, хотя Петюнька и порывался. Иначе ушибами и синяками все были бы точно обеспечены.

От ворот к главному входу замка протянулась, разветвляясь, усыпанная гравием дорожка. По обе стороны, выстроившись в два ряда, стояли длинноногие стрекозы в розовых чулочках и белых передниках. Они усердно кланялись гостям и предлагали на серебряных подносах разнообразные закуски и напитки.

– Молоко, сметана! Молоко, сметана! – протягивала Петюньке чашу с чем-то белым и вкусно пахнущим улыбчивая стрекоза.

– Творожок и йогурт! Сливки, простокваша! А ещё кефир! – зазывали её подружки.

Стрекозы рекламировали угожение красиво: кивали, приседали, кланялись. И получалось это у них так изящно, так ритмично, будто они танцевали, не сходя с места. Под «молоко, сметана!» крылатые красавицы, все разом, кивали, под «творожок и йогурт!» приседали, под «сливки, простокваша!» кланялись, протягивая подносы гостям, ну а под громкое «кефи-и-ир!» выпрямляли спинки. И так по кругу: кивок, реверанс, поклон, кивок, реверанс, поклон.

Всем этим интересным действием руководил, дирижируя половником, коренастый мужичок в белом, как у стрекоз, переднике. Только на его фартуке ещё был изображён в виде аппликации надкусенный кусочек сыра. На голове дирижёра важно нахлобучен поварской колпак. Из-под густой каштановой бороды, стриженной под лопату, выглядывал на цепочке кулон – символ буквы «С».

– Сыр Иванович и его помощницы! Е-е! Ватрушки! – похлопал себя по животу Еремей. – Сейчас угостимся!

При виде кушаний, приготовленных Сыром Ивановичем, у Петюньки потекли слюнки, но попробовать хотя бы одну ложечку

йогурта или сметанки ему не довелось. Жужа, видите ли, спешила... Игнорируя подносы, буква «Ж» прошествовала к главному входу во дворец, где её поджидали, нервничая и обмахиваясь веерами, принаряженные фрейлины. Сопровождающие королевы, в том числе и Петюнька, согласно этикету тоже вынуждены были спешить. Только лодочник позволил себе угоститься. Отстав от процессии, Еремей развязал пояс, чтобы не мешал кушать, и набросился на творожные ватрушки и жирную сметанку.

Зависть, похоже, не собиралась надолго отпускать мальчика и снова вонзила зубы в его сердце. Там, где орудует зависть, и гнев проказничает, а вслед за гневом всегда приходит злоба.

— Ишь ты, как наяривает!.. Чтоб ты подавился... — со злости пожелал малыш. Его глаза потемнели.

— Слушаюсь, — усмехнулась Ахуратс, беспрепятственно проскользнувшая в по-прежнему распахнутые ворота. Чем громче становился голос тёмной стороны Петюнькиной души, тем сильнее становилась и Тень. И магия пауков теперь её мало волновала.

Опоясав Еремея, Ахуратс стянула себя узелком. Лодочник закашлялся, согнулся пополам, выплюнул недожёванную ватрушку.

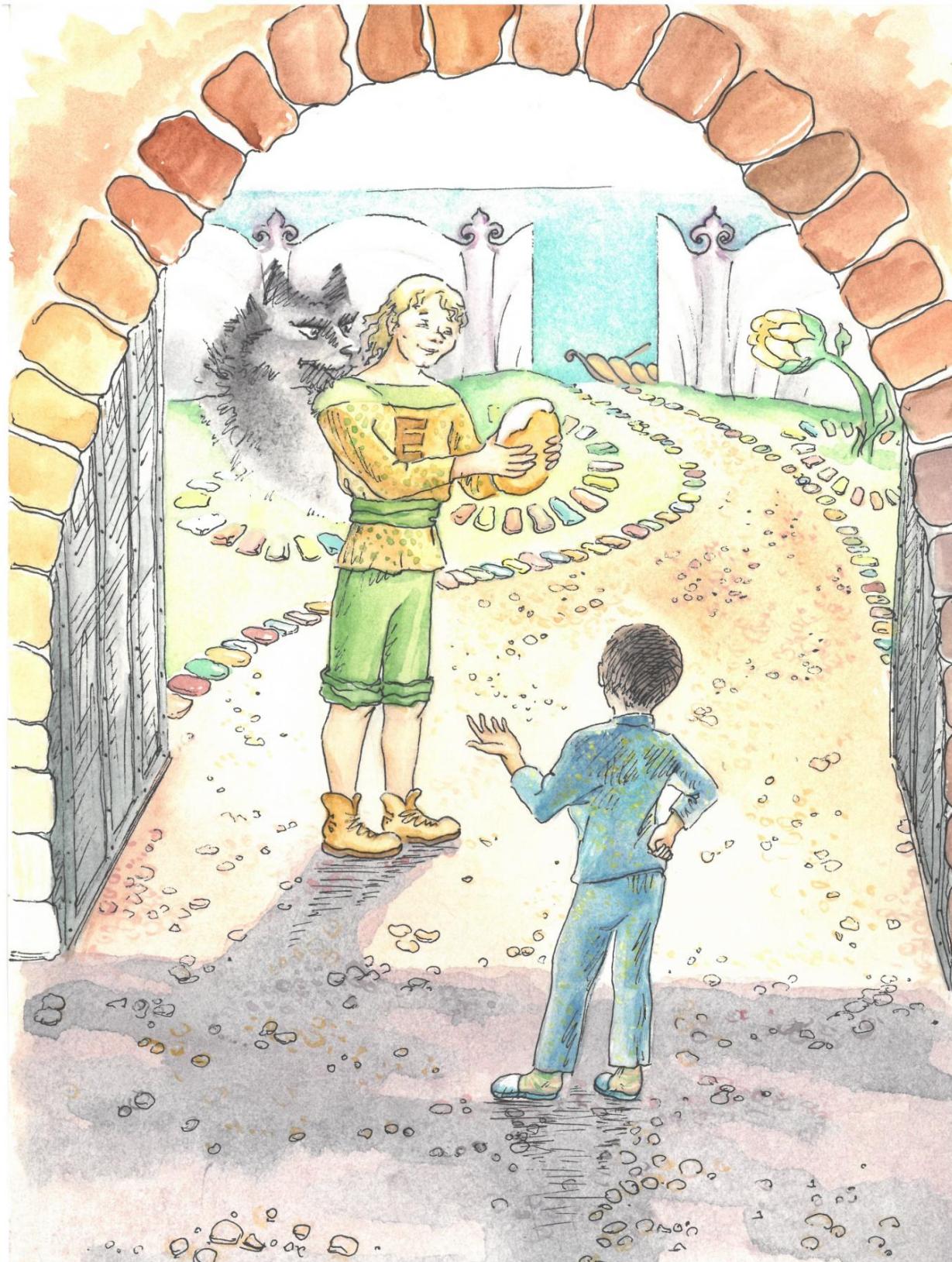
«Всё-таки подавился?» — удивился Петюня, но не тому, что осуществилось его желание, а тому, что ему было приятно осознавать, что оно осуществилось.

Тень ослабила хватку, похлопала Еремея по плечу и, потеряв к нему всякий интерес, юркнула за пазуху Петюньке. Свернувшись клубочком на его груди, Ахуратс притаилась. Она слушала, как по-новому стучит сердце мальчика, «переваривая» новые для него чувства. Слушала и крепла, слушала и росла.

С тяжёлым камнем на сердце малыш переступил порог Тронного зала. Он был недоволен собой, понимал, что в чём-то виноват, но разбираться в вихре нахлынувших на него мыслей и чувств, таких разных и противоречивых, ему сейчас не хотелось.

«Потом, — решил Петюня и улыбнулся такому лёгкому решению. — Как-нибудь потом».

Тень согласно кивнула и сильнее прильнула к груди мальчика, ближе к сердцу, которое постепенно, незаметно для своего хозяина, беспечно улыбающегося Петюньки, начало покрываться чёрной корочкой.

Тронный зал короля Лута Нарата представлял собой не один цветок-бутон, с чем сталкивался до сих пор Петюнька, а сотни собранных в густые кисти колокольчатых мелких цветков, играющих всеми оттенками розового цвета: от светло-розового, сиреневого, лилового, малинового до тёмно-пурпурного и свекольно-коричневого тонов. Каждый цветочек выступал в качестве миниатюрного кабинета, в котором размещались два кресла по бокам и круглый столик посередине. Кабинки соединялись друг с другом лестничными переходами, выложенными из мелких чешуевидных листочек. Все цветы, в совокупности своей образовывавшие розово-пурпурный купол, смотрели в центр тронного зала – начищенный до блеска мраморный пол.

– Юшка моя! – расправил усы Юговой. – Вересковый зал! Всегда мечтал здесь побывать, а особенно потанцевать. Какая роскошь! Какое великолепие! Какая отличная танцплощадка! И сколько здесь вмещается народу?!

Бал был в разгаре! Множество ног, в сапогах, ботинках, туфлях или вообще босых и мохнатых, притоптывали, скакали, шаркали, дрыгали и выписывали невероятные кренделя под весёлую польку в исполнении паучьего оркестра. Джентльмены-пауки в золотистых кудрявых париках и в малиновых сюртуках кланялись дамам – напудренным паучихам в голубых париках с более длинными, нежели у кавалеров, кудряшками. Широкие синие плащи с капюшонами и маски на лицах с восемью прорезями для глаз несколько скрывали уродливость паучьих аристократок. Этому Петюнька был очень рад, поскольку никак не мог привыкнуть к специфической, мягко говоря, внешности коренных жителей Сумеречной Долины.

Кроме пауков в вересковом тронном зале танцевали, важно прохаживались, сплетничали, закрывая рты веерами, отдыхали, уединившись в цветочных кабинках, попивали через трубочки коктейли и лакомились мороженым многочисленные гости короля Лута. Среди них было много знакомых Петюньке сказочных человечков – те же буквы, а также гномики, феи, эльфы, но ещё

больше незнакомых. Как вон тот, например, красный чудик с присоской вместо носа, который случайно во время танца присосался к полу и теперь торчал, словно столб, посреди зала, мешая танцевать другим. Его партнёрша по танцам (нечто вроде лиловой кляксы) расползлась, охая да ахая, вокруг столба, пытаясь отлепить присоску-нос от королевского пола.

В дальнем конце верескового зала на каменном троне, настолько высоком, что он почти касался слепленного из лилово-розовых цветов потолка, восседал король Лут Нарат. Длинная пурпурная мантия с золотым крючковатым узором спускалась, застелив тридцать три ступеньки, до самого пола. Никакой, даже малиусенькой, короны на голове короля не наблюдалось. Не было и парика, как у его подданных. Только взъерошенная чёрная шерсть.

– Ты смотри! Смотри! – шептала одна из Жужиных фрейлин на ушко другой. – Лут снова оригинальничает. Хи-хи...

– Фи-фи, – скривила губки вторая, – хотя бы ради приличия корону надел.

– Ж-ж-жуть! Цыц! – прикрикнула на шалуний Жужа. – Не болтайте лишнее, а то ещё услышат. Лучше покажите паукам, как пчёлы умеют танцевать. Зря, что ли, я вас учила?!

Фрейлины поклонились королеве и упорхнули в центр зала. Пауки при виде изящных пчёл расступились. Разудалую польку сменил нежный вальс.

– Раз, два, три! Раз, два, три! – приговаривала Жужа, раскачиваясь в такт мелодии и с нескрываемой гордостью любясь, как легко парят в танце её воспитанницы.

– Прелестно! Прелестно! – захлопал в ладоши суровый на вид темноокий господин в облепляющем чёрном комбинезоне, на груди которого вышит серебристыми нитками символ буквы «П».

Чёрные, как уголь, брови и волосы, смуглая кожа, взгляд с хитрым прищуром, небрежная полуулыбка на красивом лице, мощные широкие плечи, высокий рост – внешность сильного, умного, обаятельного и наделённого большой властью человека,

коим являлся пэр Плюнь-Чпок. Буква «П». Правая рука паучьего короля.

Петюнька сморщил лоб, вспоминая, что рассказывал ему Яшка о букве «П» с таким смешным именем – Плюнь-Чпок?

«Плюнь-Чпок, Плюнь-Чпок, – мысленно повторял мальчик, с интересом поглядывая на нового знакомого. – Ага! Вспомнил! Ермолаев говорил, что буква «П» плюётся серебряной нитью. И нить эта очень острыя! Может перерезать всё, что угодно. Лучше, наверное, держаться подальше от этого плюющегося Чпока...»

Придя к такому выводу, Петюня попятился, но скрыться за пышными юбками Жужи не успел – Плюнь-Чпок его заметил.

– Постойте, – окликнул он малыша. – Куда же вы?

– Я... – несмело проблеял Петюнька, подталкиваемый вперёд Жужей. – Это... Того...

– Ха-ха! И мне очень приятно! – блеснул белозубой улыбкой пэр и протянул для рукопожатия крепкую руку, судя по всему, отлично знакомую не только с пером и бумагой, как полагается чиновникам, но и с тяжёлым оружием. – Мы вас давно ждём. Прошу вас пройти со мной. Присядем где-нибудь, вы перекусите. Проголодались, пожалуй?

– Да, – честно признался Петюня. – Очень!

– Пойдёмте тогда. Вы не против, Ваше Величество? – спросил Плюнь-Чпок королеву. Впрочем, таким тоном спросил, что ясно было – ответ ему не нужен. Он и так всё решил.

– Пож-ж-жалуйста, – процедила сквозь зубы Жужа. – Как я могу вам отказать?

Петюнька вжал голову в плечи, когда Плюнь-Чпок взял его под локоть и повёл, словно арестованного, к ближайшей свободной кабинке. Тень на груди мальчика навострила уши. Близость такого сильного соперника её беспокоила.

Музыка тем временем стихла. Раздались аплодисменты. Это пауки благодарили пчёлок за их танец.

– Браво! Браво! – кричали, высовываясь из кабинок, гости.

«Жаль, что пропустил выступление», — с досадой подумал малыш, усаживаясь в кресло цветочной кабинки, в которую его привёл Плюнь-Чпок. Отсюда зал просматривался как сцена театра, а снующие туда-сюда фигурки напоминали актёров, играющих в какой-то весёлой комедии.

В соседней кабинке, той, что справа, сидел чубастый эльф и серебряной ложечкой кушал пирожное. С другой стороны, в кабинке слева, разместились толстая фея в причудливой зелёной шляпке и носатый краснощёкий гном. Фее было жарко, и она всё время обмахивалась красивым веером, изготовленным из цветочных пушинок. Гном смешно надул щёки, затем двумя указательными пальцами хлопнул по ним, выдув на свою знайную собеседницу струю воздуха. Фея довольно захихикала.

— Внимание! Внимание! — объявил паук в оранжевом сюртуке и с красной бабочкой на шее. — Встречайте! Художник Холст Хмелевич! Сейчас он покажет нам фокус с волшебной кисточкой!

В центр зала вышла буква «Х» — тощий, бледный субъект в узких, до колен сапогах и чудном плаще цвета хаки, стянутом на слишком тонкой талии красным пояском. Казалось, дунь на него, и переломится... Да, ещё бросалась в глаза модная прическа в стиле ирокез!

— Хи-хи, сразу видно, что творческая личность, — ехидно прокомментировала необычную внешность художника фея.

Перед Холстом Хмелевичем пауки натянули белый экран. Художник вынул из-под полы широкого плаща свою знаменитую кисточку. Ту самую, рисунки которой, как уверял Петюньку Яшка, ожидают.

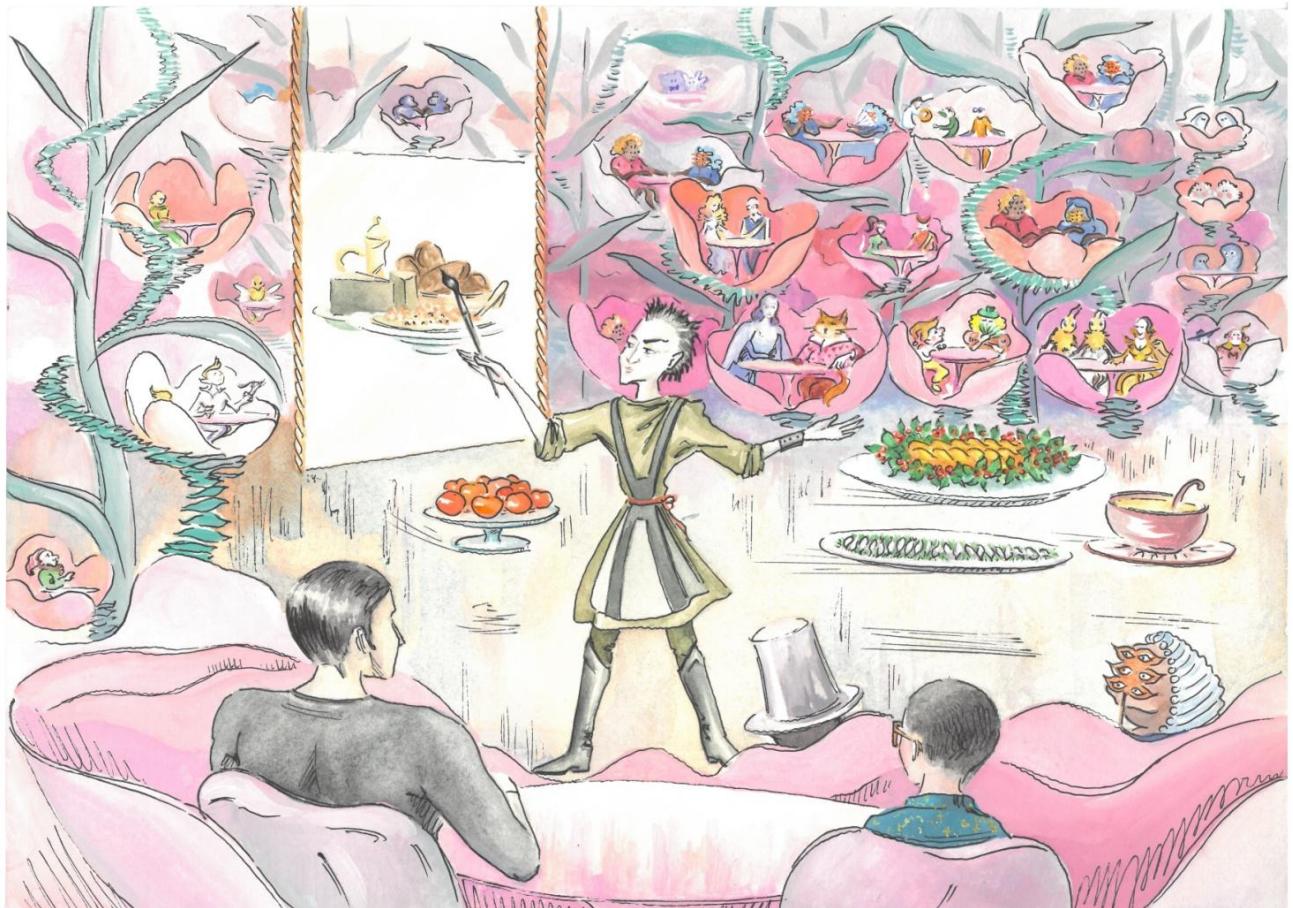
— Ну, господа? — ужасно писклявым голосом обратился к публике Хмелевич. — Что прикажете мне нарисовать?

— Хлеб с солью, харчо, хурму, хамсу! — кричали из разных кабинок.

Петюнька приосанился. Подумав немного, он решил и себе заказать что-нибудь вкусное.

– Халву! Халву! Халву! – крикнул малыш, приложив ладони ко рту. – Халву с изюмом! Халву с арахисом! И... И просто халву! А ещё хрустящее овсяное печенье! Хлопья кукурузные с мёдом и молоком!

– Хорошо, – поклонился художник, – сделаем.

Всего пара взмахов рукой, и на экране проявились блюда с халвой, печеньем, хлопьями. По центру нарисованного стола разместился румяный каравай, украшенный венком из гроздей красной калины. В глубокой супнице дымится суп харчо. Его остропряный аромат даже Петюнька учゅял, со своего места в третьем ряду. Компанию супнице составила продолговатая селёдочница с выложенными рядами и присыпанной зелёным лучком мелкой рыбёшкой – хамсой. А вот появились сочные, спелые плоды хурмы – оранжевые сгустки южного солнца!

Всё это вкусное великолепие на расписных блюдах приобрело объём, отделилось от экрана, повисло на секунду в воздухе и

разлетелось по залу. Каждый получил то, что заказывал. Петюнька – свою халву с тремя разными вкусами, горячее, только из духовки печенье и залитые молоком медовые хлопья.

– Прошу вас, угощайтесь, – обвёл рукой столик, заставленный кушаньями, Плюнь-Чпок. Заметив, что мальчик вдруг смущился, он счёл нужным добавить: – Не бойтесь. Угощенье настоящее.

Петюня, всё ещё сомневаясь, ковырялся ложкой в тарелке с хлопьями. Их медовый аромат щекотал ему ноздри.

«Будь что будет», – решил малыш, уже жуя печенье с хлопьями. Тёплое сладкое молочко потекло по его подбородку. Петюнька не умел кушать аккуратно и почти всегда пачкался, за что не раз был наказан мамой. Но сейчас мамы рядом не было, а значит, ругаться некому. Плюнь-Чпок, небрежно развалившийся в кресле напротив, снисходительно улыбался, наблюдая за трапезой «поросёнка», однако, когда мальчик поднёс руку к лицу, чтобы вытереть молоко рукавом, не вытерpel – резким движением поймал Петюнькину руку на лету. От неожиданности малыш выронил ложку, которая, ударившись о край стола, упала на пол. Да с таким звоном, будто это не ложка была, а большой церковный колокол! Взгляды всех присутствующих на балу гостей устремились на кабинку с Петюнькой.

– Петя Ложкин уронил ложку! – насмешливо сказал король Лут Нарат со своего трона. – Как вы думаете, господа, это хорошая примета?

Глава 56

Тайный совет

Свет погас. Цветок сомкнул лепестки. Петюнька почувствовал, что кабинка движется, и сразу же забыл о злополучной ложке. Шум тронного зала, приглушённый цветочными стенами, становился слабее, пока совсем не утих. Больше не пахло супом харчо и свежим караваем. Повеяло прохладой. Мальчик определённо находился уже в другом помещении.

– Прошу вас, не бойтесь, – успокоил Петюню Плюнь-Чпок. – Причин бояться нет. Мы с вами перемещаемся на другой уровень дворца. Как в лифте. Понимаете? Ничего особенного. Простая процедура.

– А я и не боюсь, – заявил малыш, хотя на самом деле ему было жутко не по себе оставаться наедине с буквой «П», способной плеваться острой нитью.

Кабинка остановилась. Лепестки не соизволили распахнуться сразу, и Петюньке пришлось ещё несколько минут скротать в компании Плюнь-Чпока. В темноте! Когда сработал, наконец, нужный механизм, и в раскрывшийся бутон хлынул розовый свет, мальчик вздохнул с облегчением.

– Мяу-у, все в сборе? – строго спросил огромный полосатый кот, подозрительно похожий на Яшкиного Барсика.

Кот сидел, перекинув лапу на лапу, в стандартной розово-лиловой кабинке, расположившейся напротив Петюнькиного цветка. На коленях он держал раскрытую книгу, которая перелистывала сама себя. Рядом с котом, в соседнем кресле, ёрзала птица. Говоря по правде, птицей она была лишь наполовину. Нижнюю. Сверху же – обыкновенный человек. Разве что, сиреневый и с крыльями, как у ангела. Он это был или она была, Петюня, как ни всматривался в лицо сказочной птицы, не мог определить.

Сидеть в кресле птицеловеку было некомфортно, поэтому он крутился, размахивал крыльями, топтался, отчего во все стороны летели сиреневые перья. Устав ёрзать, крылатый незнакомец (или всё же незнакомка?) взгромоздился на стол, на ровной поверхности

которого когтистым птичьим лапкам было гораздо удобнее удерживаться.

— Ах, Ваша Усатость, не все, — ахнул профессор Абра-ар из кабинки сверху.

«Пятый ряд, — прикинул Петюнька, — седьмое место, если считать слева направо».

Птицеловец, который успокоился уже и сидел на столе, подобрав под себя лапы и сложив крылья на спине, подтвердил:

— Отсутствуют буквы «Ч», «Ш», «Щ» и «Р». Отказались покинуть подземелье. Сейчас они, получается, в тылу врага.

— У-у-у! — пробежал по кабинкам многоголосый ропот. — Прихожую отдали врагу-у-у... Таможня пала... У-у-у! Враг идёт на столицу...

Петюнька высунул голову из кабинки, чтобы лучше рассмотреть новый зал, в котором он оказался. Зал совещаний, надо полагать. По структуре помещение мало чем отличалось от Тронного зала, разве что было поменьше. Совещательные кабинки были заняты хорошо знакомыми Петюньке буквами. Толстая фея с гномом и эльф из соседних цветков тоже присутствовали на заседании. Из пауков на глаза в основном попадались черношерстные особи в высоких папахах, украшенных цепями. Высшие чины паучьей армии, как догадался Петюня.

Слева от мальчика на ступенчатой возвышенности стоял трон, а на нем сидел король Лут Нарат. Точно такой же, как и в парадном зале, только с короной.

— Интересно? — подумал малыш, не заметив, что сказал это вслух. — Я приехал на цветке-лифте, а как король, не вставая с трона, сюда попал? Или трон под ним — это тоже завуалированный лифт?

— Дело не в лифте, — заметил Плюнь-Чпок. — Дело в короле. Их двое. Настоящий сейчас перед нами, а в Тронном зале гостей встречает его двойник. Бал — это всего лишь декорации... Для отвода глаз, так сказать. Это безобидный повод собрать под одной крышей выдающихся деятелей Антресолевских смежных королевств. Чтобы не пугать местное население, понимаете? Преждевременно не пугать.

Пока в Тронном зале веселятся, танцуют и угощаются, причём большинство делают это искренне, даже не подозревая о нависшей над столицей угрозе, мы будем решать, как отразить нападение врага.

— Трельяжный Князь очень силён. Его войско стремительно растёт. Хранитель ключей молчит... — без всяких предисловий начал речь председательствующий кот. — Люди своими тёмными желаниями подпитывают магию колдуна Сморчка. Они — источник его силы. Боюсь, что нам самим не справиться с трельяжным монстром, в которого превратился колдун Сморчок. Как говорят мудрецы? Клин клином выбивают?

— Да! Да! — кивали в кабинках.

— Так вот, дамы и господа, нам нужен человек! — продолжал кот, при этом взгляды всех присутствующих на Тайном Совете устремились на Петюнью. — Уверен, что Хранитель ключей не просто так позволил земному детёнышу проникнуть в наш мир. Мальчик пришёл к нам не случайно. Это судьба! Он избранный! Он должен выполнить свою миссию. Он выступит против колдуна.

— Пожалуй, вы правы, Ваша Усатость, — взял слово Плюнь-Чпок. — Мальчик сыграет ключевую роль в этой войне. Вопрос в том, каков сценарий? План действий, так сказать?

— Какой? Какой? — переспрашивали друг друга заседающие и пожимали плечами. Те из них, конечно, у кого эти плечи были.

— Пауки возьмут на себя оборону. Зададим черни перцу! — пообещал король Лут.

— Союзники помогут. Это я вам говорю — Барсениус! — гордо заявил кот, стукнув себя лапой по полосатой груди.

Поднялся гул. Плюнь-Чпок рывком встал с кресла, стукнулся затылком о низкий цветочный потолок кабинки, молча потёр ушибленное место, затем простёр руку к Петюньке, выждал минутку, пока не утих шум, и громко, торжественно так сказал:

— Куапа — последний замок на двери, ведущей в высший мир... В Антресолио! Столицу нельзя отдавать врагу. Все вместе, сплотившись, мы будем отстаивать город. Мальчик в это время отправится... в Трельяж. В место, где всё началось, откуда излилась

река черни. Нужно освободить феев снов. Чтобы одолеть кошмары, насыляемые Сморчком на людей, чтобы одолеть чернь, нужен чистый сонный порошок. Ведь только чистое сердце может верить в чудеса, только не замутнённый чёрными мыслями разум способен порождать светлые фантазии. Паны Соньки изготавляют новый сонный порошок, дарящий людям светлые сны, дарящий им покой. Для этого должно хватить тех волшебных крупинок чистого порошка, которые удалось сохранить мальчику. А там посмотрим, чья возьмёт.

– Это опасно! – вскрикнула толстая фея.

– Мальцу не справиться, – усомнился эльф.

– Я? Я... – пискнул от страха Петюнька, почувствовав, что снова все взгляды прикованы к нему.

Эльф презрительно фыркнул. Гном насупил брови. Фея качала головой. Пауки-генералы задумчиво поправляли папахи.

– Пусть покажет нам порошок, – сказал своё слово король.

Генералы выразили согласие кивками. Зынь, зынь! – хором звенели цепи на их роскошных папахах.

– Выйди, мальчик, в центр зала, – попросил Петюньку Барсениус. – Покажи нам сонный порошок.

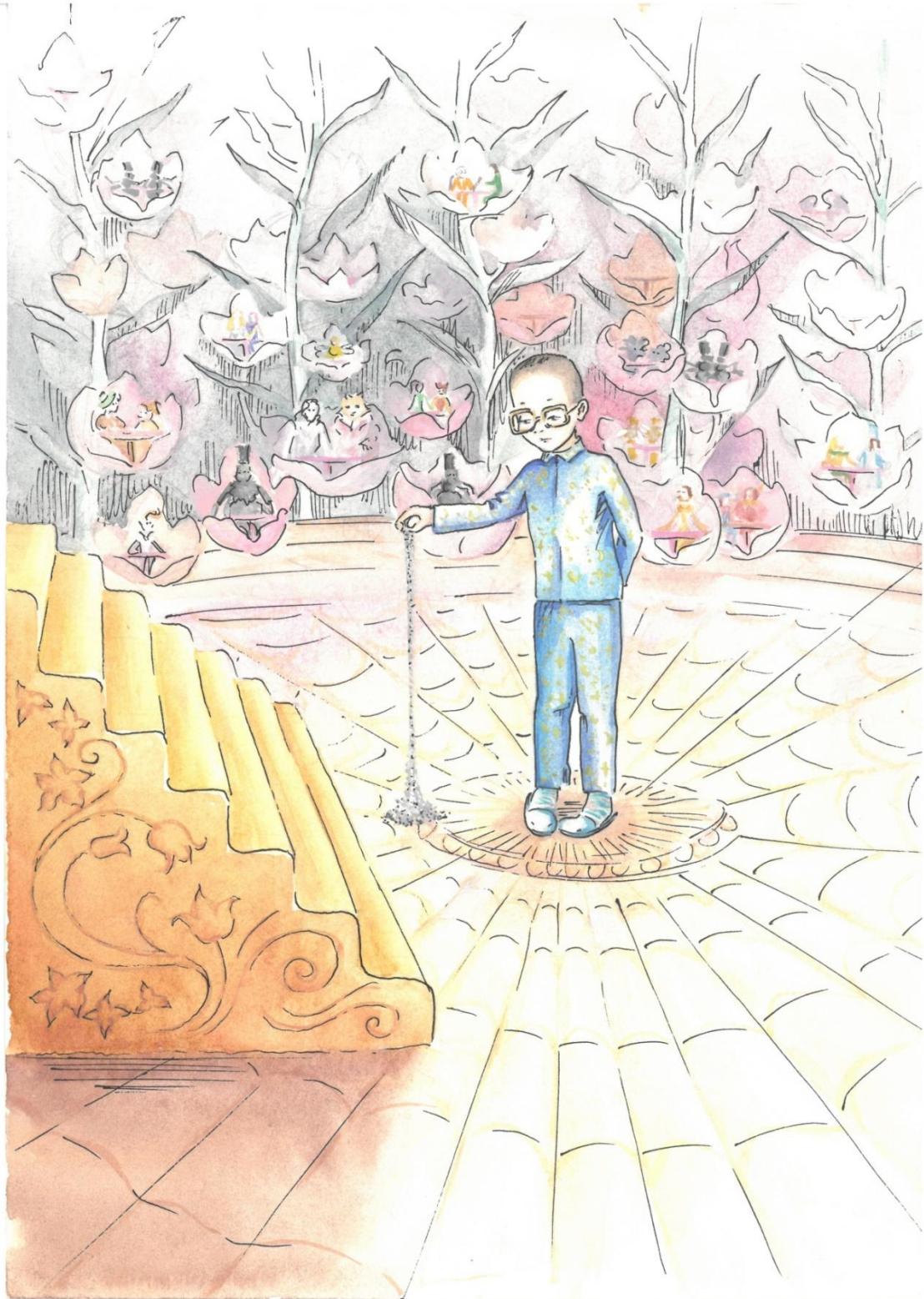
Недоумевая, малыш встал. Его коленки дрожали. Чувствуя нерешительность хозяина, тапки взяли инициативу на себя, захлопали крыльями и под громкое «фиву-фиву!» опустили его, куда было велено, – в пятак посреди зала, выложенный из камня.

«Клоун на цирковой арене», – обречённо подумал Петюня. Ему казалось, что сейчас над ним непременно начнут смеяться. Задрав голову, он отыскивал в кабинках своих друзей, надеясь получить от них поддержку.

– Мы здесь! Мы здесь! – махал Петюньке шляпой профессор Абра-ар.

Дзинь-да-да, примостившаяся рядом с ним, посыпала мальчику воздушные поцелуи. Гагатун от переживаний жевал свой колпак, а Вьюн и Бурундун, забыв о взаимных претензиях, сидели, обнявшись, на столе.

– Ну же? Где порошок? Мы ждём! – напомнил эльф.

Тень на Петюнькиной груди зашевелилась. В сердце мальчика вскипела ярость.

«Какие противные, оказывается, эльфы, – стиснув зубы, подумал он. – А я раньше любил слушать про них сказки. Фу! Больше не буду».

Петюнька достал из кармана мешочек, не глядя развязал его, зачерпнул горсть порошка и застыл, поскольку не знал, что делать дальше.

– На пол немного насыпь, – подсказал ему Плюнь-Чпок.

Малыш послушно насыпал. По-прежнему не глядя.

– Ох-ох?! – вылетело из каждой кабинки.

Абра-ар прикрыл лицо шляпой. Дзинь-да-да уткнулась ему в плечо. Гагатун выплюнул колпак и снова засунул его в рот, чтобы продолжить жевать. Бурундун с Вьюном упали, перевернув стол.

Петюнька не понял, что стало причиной такого переполоха. Но, опустив взгляд, он и сам обомлел: вместо белого, как первый снег, порошка по полу рассыпалась серая пыль. Малыш сел на корточки, макнул пальцы в пыль, поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть непонятно каким образом изменившийся порошок. Многие крупинки, как видел Петюня, почернели. Смешавшись с белыми, они образовывали грязно-серую массу.

– Процесс очернения души начался, – констатировал факт Плюнь-Чпок.

– Я же говорил! Я же говорил! – злорадно взвизгнул эльф. – Люди все одинаковые. Им нельзя верить. У всех в душах червоточины.

– Порошок наполовину чёрный... чёрный... чёрный... – повторял одно и то же слово король Лут, в знак печали снявший корону. – Мы обречены.

– Порошок наполовину белый! Белый! Белый! – протестующе крикнула принцесса Яхтар.

– Значит, надеж-ж-жда есть! Есть! Есть! – поддержала её королева Жужа.

– Жу-жу-жу! – одобрительно загудели пчёлы из Жужиной свиты.

– Ах, мы за мальчика ручаемся! Б-б-берём на поруки! Вай, он хороший! Га, съем свой колпак, если это не так! Да-да-да! – кричали, перебивая друг друга, Петюнькины друзья.

Гагатун так увлёкся жеванием колпака, что действительно чуть было не съел его. Пышный помпон застрял в горле бедолаги, который сразу посинел. Подобно старой засорившейся водосточной трубе, он выдувал страшные хрипы. Из глаз катились слёзы. Спасибо Бурундуну, который не растерялся и хлопнул друга по спине зонтом. Мокрый колпак выпал изо рта Гагатуна и, обиженно взмахнув помпоном, приземлился в серую пыль.

Брам! Брам! Брам! – загремело вдруг. Стены дворца задрожали, из кабинок посыпалась цветочная пыльца. Музыка в Тронном зале стихла. Вместо неё послышались стоны и плач.

– Началось, – сказала человекоптица, растопырив перья. – Ваша Усатость, пора решать.

– Последнее слово за Тайным Советником, – согласился с фиолетовым ангелом Плюнь-Чпок. – Совет одобрит Ваше решение, каким бы оно ни было.

Кот тяжело вздохнул, зажмурился, застыл, словно истукан, а затем неожиданно вздрогнул, полизал кончик хвоста, почесал за ухом, фыркнул.

– Йк, – икнул отшельник Йк, устав ждать.

Его смешная икота немного разрядила напряжённую атмосферу. Барсениус улыбнулся, расправил поникшие было усы.

– Мяу-у-у! – выдал победный клич кот и стукнул лапой по кожаному переплёту книги с золотым замочком. – Пока последние искры добра не погасли в душе ребёнка, есть надежда разуть пламя. У нас нет выбора… Мы вынуждены довериться детёнышу… Но! Но у мальчика есть выбор! Я верю в то, что он будет правильный. Мы отправим маленького человека в Трельяж и дадим ему в помощь книгу заклятий. В трудную минуту посредством её магии он сможет вызвать любую букву.

– Мы поможем, мы придём, – пообещали буквы, одна за другой вставая с кресел и отдавая честь малышу громкими аплодисментами.

Глава 57

Чернь идёт на столицу

Великий Трельяжный Князь вернулся с пополнением. Тьма покрыла небо Сумеречной Долины, излилась на землю, затопила леса и поля, стёрла все краски. Хохочущей черни собралось так много, что небосклон треснул, как переспевший арбуз. Те пограничные двери, которым до сих пор удавалось устоять перед магией колдуна Сморчка, под натиском тьмы вылетели в Междверное Пространство. То тут, то там включались космические сквозняки. Зелёный туман, гонимый ветром, сердито гудел, пытаясь проветрить загрязнённую тёмными желаниями страну. Но туману не под силу было справиться с липкой темнотой. Светящиеся зелёные пылинки, облепленные черниками, тяжёлыми каплями срывались вниз, где гасли, растворяясь в зловонной вязкой жиже.

— Нас много, нас легион! Раздавим, сплющим, разотрём, всё превратим в пустыню! — грозятся чёрные желания, и им некому возразить. Пограничники давно оставили свои посты. Фиолетовые Сумерки пали, уступив место Тьме. Страна повергнута. Границы больше нет. Граница стёрта.

Посреди пролившегося из космоса на землю океана чернил остался только один островок, где сухо и ещё брезжит свет. Это волшебный купол, под которым спряталась паучья столица — цветочнопрестольная Куапа. Молочный свет молний, волшебной паутиной укрывших от напасти город, словно маяк, дарит сказкам надежду на спасение. Куапа подмигивает, дразнится, будто говорит врагу:

— Не возьмёшь! Зубы обломаешь! Вера сильнее отчаяния! Любовь сильнее ненависти! Свет победит тьму!

Подкравшись к куполу, темнота высунула язык, чтобы попробовать на вкус свет, но тут же, взвизгнув, отпрянула, ужаленная тысячами рассерженных молний.

— Тяв-тяв-тяв, — поскуливали тени, отступая от города. Пыл черни поубавился, и огонь в глазах темноликих воинов горел уже не так ярко, как прежде.

Видя позорное отступление своей армии, Сморчок распустил плётку, которая причудливым образом увеличилась в сотни, тысячи раз, размахнулся и хлестнул ею по чёрной жиже. Во все стороны разлетелись вопящие от боли брызги. Тьма содрогнулась, захлебнулась в крике, но колдун продолжал мучить её, наказывая за трусость. Он крутил плёткой по кругу, взбивая стонущую жижу, будто венчиком тесто для пирога. Подхваченную вихрем чернь затянуло в омут. Князь опять размахнулся и хлестнул, на этот раз по куполу. Вместе с ударом плёткой на город обрушился в виде чёрного хобота смерч. Тьма опустилась на купол. Сливаясь с молниями, она вопила. А колдун Сморчок хлестал и хлестал плёткой, оставляя на радужном коконе Куапы жирные грязные следы. Молнии отчаянно шипели на липких пришельцев, кололи, кусали чернь, резали её и рвали, но, заляпанные грязью, они постепенно теряли силы. Тьма, словно ненасытная ржавчина, расползлась по куполу, разъедая его сплетённый из радуг и белых молний покров.

– Где наше знамя?! – крикнул Трельяжный Князь, озираясь.

– Здесь я! – вспыхнул красным солнцем на чёрном небе огненный дракон. Распластав крылья, от которых исходил смрадный дым, он завис над куполом в ожидании дальнейших указаний от повелителя.

– Зажги нам фейерверк, – подмигнул ему колдун.

Дракон довольно оскалился. Он был рад поупражняться в стрельбе огнём. Признаться, в пустыне, которую оставила после себя армия Сморчка, больше нечего было поджигать, и дракоша заскучал. Набрав побольше слюны в рот, чудовище плонуло огнём на купол. Вязкая грязь вспыхнула факелом. Огонь перескакивал от воина к воину, и скоро весь купол был в его объятиях. Пылающая чернь с удвоенным рвением вгрызалась в волшебную сеть, пытаясь перегрызть, пережечь радужные волокна. Не выдержав жара, молнии-швы лопнули. Вдоль радуг, как на женских колготках, с треском разошлись стрелки. Ликующая чернь горящей нефтью пролилась в трещины. Трельяжный Князь в последний раз хлестнул плёткой по куполу и разбил его, словно яйцо.

— Цып, цып, цып, — ухмыльнулся стариk, — иди ко мне, птенчик! Я тебя поджарю!

Жители Куапы, заслышиав шум, выглядывали из окон своих цветочных жилищ и с ужасом наблюдали, как их родное небо вспыхнуло вдруг, будто бумажный листок, брошенный в камин. Сначала обуглились концы, затем огненные языки жадно набросились на сердцевину, коснулись волшебного кристалла, который от жаркого такого внимания раскололся и градом осколков обрушился на цветочный город.

Протяжно завыли сирены: виа- виа! виа- виа- виа!

Мирные жители давно попрятались по домам, а пауки в оранжевых касках на ремешках забегали по опустевшим улицам города. Они протягивли к Целебному озеру, так кстати разлившемуся, гибкие, изготовленные из стебельков каких-то особенных растений шланги. Сотни пней-насосов зафыркали, погнав по ним воду. Пауки-пожарники забрасывали шланги в подкупольную высь. Там их клювами подхватывали ласточки и направляли сердито шипящие струи на захватчиков.

Гигантские одноглазые рыбы высакивали из озера и грузно падали, поднимая в пылающее небо столбы прохладной воды. Им помогали русалки, которые, взявшись за руки, прыгали, стараясь расплескать по небу как можно больше целебной жидкости. Совместными усилиями паукам, ласточкам, рыбам и русалкам удалось затушить огонь. Однако небесное покрывало, изгрызенное чернью, ещё долго тлело. Ночь, постанывая, осторожно дула белым дымом на выжженные в небесном теле раны.

— Пломбируем купол, — приказал по громкой связи Плюнь-Чпок, — пока враг не опомнился и не приступил к новой атаке.

Пожарники ринулись выполнять приказ правой руки короля. Водяные пауки передавали сухопутным собратьям собранные в ракушках со дна озера ил и песок. Это была основа временной волшебной пломбы. Её запуливали в небо рыбы, используя вместо катапульты свои хвосты с широкими, изогнутыми ковшом хвостами. Жужины пчёлы усердно размазывали по небосклону целебную грязь,

жалили чернь, просачивающуюся в прорехи купольного покрытия, рубили её саблями. А отряд паучих-ткачих, в экстренном порядке вызванных с местной швейной фабрики, штопал небо, прокалывая его кактусовыми иголками.

Цыпочка, величайшая мастерица в сфере волшебного цветоводства, раздала паукам-пушкарям бобы «Суперсила». Ими королевские артиллеристы забомбили окраины столицы, упирающиеся в стенки купола. Бобы, лихо свистнув, дали ростки, которые, стараясь перегнать друг друга, с завидным ускорением поползли по радужным волокнам. Многократно переплетаясь, зелёные бобовые щупальца вывязывали дополнительный защитный слой – подкупольный. Закончив переплется, бобы-переростки, не сбивая темпа, приступили к цветению. Бело-красные улыбчивые цветки прикрыли собой последние дырки в небе. Над ними уже порхали пчёлы. Они зачерпывали ведёрками пыльцу, переносили её с одного цветка на другой и высевали, обеспечивая таким образом опыление. Благодарные цветки, по-прежнему улыбаясь, сбросили лепестки и вытянули носы, которые быстренько превратились в пёстро-фиолетовые стручки. Наполнившись соками жизни, стручки надули бока. Красивый кафтан на них треснул. Очередная партия волшебных бобов погрузилась в мягкую раздобрёвшую землю, пустила щупальца-ростки, и так по кругу. Подлеченное небо над Куапой приобрело новый зелёный купол.

Волны чёрного океана отхлынули от столицы, чтобы немного передохнуть, зализать раны. Трельяжный Князь не наказывал чернь плёткой, не поджигал драконовым пламенем. Сощурив покрытые чёрными бельмами глаза, старик направил на своенравный город руку с перстнем. Пульсирующий синий луч пробил купол, прошёл сквозь живую бобовую завесу, ударил в сердце города – дворец короля Лута.

– Ахуратс, – позвал колдун. – Слышишь меня, девочка?

Тень услышала зов хозяина, заволновалась.

– Ахуратс... Ахуратс... – нашёптывал Сморчок, а потом вдруг крикнул: – Фас!!!

Глава 58

Слёзы колдуна – это страшный яд!

– Пожар! Пожар! – опять кричали пауки в оранжевых касках.

Не успели они погасить небо, как случилась новая напасть – вспыхнули цветочные стены дворца Лута. Языки вечно голодного пламени жадно лакомились цветами, превращали их розовую красоту в чёрный пепел. Началась паника. Гости в Тронном зале, сбивая друг друга с ног, бросились к выходу. Впереди всех бежал псевдокороль Лут. Свою длинную, расшитую золотом мантию он оставил у трона на съедение пламени, которое при виде такой роскоши изошло огненной слюной.

– Караул! Спасайте! – завопила толстая фея, свесившаяся с перил своей кабинки. Гном пыхтел, обхватив даму за талию и не позволяя ей упасть.

– Прошу вас сохранять спокойствие, – подчёркнуто ровным голосом объявил Плюнь-Чпок. – Мы покинем помещение через аварийный выход, ведущий в подземелье. Нам сейчас откроют люк.

Двое восьминогих верзил подползли к Петюньке, бесцеремонно отпихнули его, смели щетинистыми лапами грязный порошок, нажали в определённой последовательности на несколько камней, после чего пол раздвинулся, открыв проход. Ступеньки вели вниз, под гору.

Шустрой эльф и ещё пара пауков, таких же нетерпеливых, как и он, уже столпились возле прохода и спорили, кто из них больше достоин спуститься первым. Спор подкреплялся пинками и щелчками. Видя такое безобразие, кот Барсениус качал головой. Король Лут вернул корону на голову, приосанился и отдал приказ:

– Закрыть люк. Никто не выйдет отсюда, пока не завершим начатое.

– Что? Что-о-о? – округлил рот эльф. Он был так удивлён, что пропустил щелчок по носу.

– Мяу-у-у! – сердито замяукал кот. – Призываю всех к порядку!

Человекоптица согласно кивала и хлопала крыльями.

Плюнь-Чпок вышел в центр зала, стал на каменной крышке люка, которую по приказу короля уже задвинули, подпёр руками бока.

– Перво-наперво отправим мальчика в Трельяж, а потом уж и сами спасаться будем, – сказал он как отрезал.

Все присутствующие на Тайном Совете буквы, пауки и прочие сказочные существа встали. Стоя им, видимо, было легче колдовать. Барсениус передал книгу заклятий сиреневой птице. Та, не мешкая, вспорхнула, описала круг над Петюнькой и вручила книгу ему.

Малыш не знал, куда деть подарок. В кармане книга не помещалась, а рюкзачок, подаренный бабушками-трактирщицами, он забыл в гостинице. Петюня хотел засунуть её за пазуху, где раньше, ещё до того, как паучихи-ткачики починили ему карман, носил мешочек, но Тень воспротивилась этому. Испугавшись, что книга почувствует её и выдаст, Ахуратс кольнула Петюньку в сердце. От неожиданной боли мальчик выронил книгу, что выглядело весьма неприлично.

– Хе! – презрительно хихикнул за спиной мальчика эльф.

Петюне было стыдно, ведь он хорошо знал, что нельзя бросать книги на пол, и в то же время обидно, поскольку он не был виноват в том, что книга заклятий упала. Хотя со стороны, подозревал малыш, всё выглядело так, будто он специально её отшвырнул.

– М-м-м, – заступился за Петюньку маркиз Медок, – сила книги заклятий велика, и не каждому удаётся с первого раза с ней поладить.

Мальчик под всеобщее оханье и аханье поднял книгу, сдул с неё пыль и прижал к груди. Золотой замочек на кожаном переплётё вспыхнул, заприметив нечто подозрительное под Петюнькиной пижамой. Тень под грозное клацанье замка шмыгнула за воротник.

– Ах-ах, – тяжело дышал Абра-ар.

Он запыхался, пока спускался по лесенке к Петюньке. В руках профессор держал ремень, который на ходу снял с пояса. К ремню был прикреплён похожий на кобуру, только прямоугольной формы, футляр, предназначенный для переноса книг. Умный профессор

никогда не расставался со своими любимыми словариком и букварём. Протянув пояс с футляром мальчику, Абра-ар улыбнулся.

– Милейший, – сказал он, – думаю, это вам нужнее, чем мне.

– Спасибо, спасибо, – искренне благодарили друга Петюнька.

Он был очень рад поясу, красивому такому, с ромбовидным рисунком, выбитым на коричневой коже. Правда, чтобы затянуть пояс на худенькой талии малыша, пришлось проделать в нём несколько дополнительных дырочек. Но это всё ничего. Красота профессорского пояса не пострадала. Главное – книга заклятий теперь была в безопасности.

– Приступим, – хлопнул в ладоши Плюнь-Чпок. – Прошу всех взяться за руки. Волшебная пятёрка, выйдите в круг.

Буквы «А», «Б», «В», «Г», «Д» окружили Петюньку. Все остальные члены Тайного Совета, в том числе Барсениус и птицеангел, каждый на своём месте, стоя, взявшись за руки и неотрывно следя за детёнышем, начали вслух читать заклинание:

– Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюон, Гагатун, Дзинь-да-да!

Над Петюнькиной головой открылась воронка-лифт. Малыш зажмурился. Он чувствовал страх и одиночество, ведь ему предстояло отправиться в путешествие без верных друзей. А путешествие опасное – в загадочный тёмный Трельяж, которым его так часто пугали!

– Не нужно бояться, дружочек, – шепнула Петюньке Дзинь-да-да. – Мы будем рядом.

– Как только понадобится наша помощь, откройте, милейший, книгу заклятий и позовите нас по именам, – давал наставления профессор Абра-ар.

– Об-б-бязательно придём! Придём! – пообещал Бурундун.

– Виват! Земной мальчик! Виват! Герой!!! – торжественно произнёс Вьюга-вьюон.

Он хотел приложить ладонь к виску, чтобы по-военному отдать честь Петюне, но не сумел сделать этого, поскольку его руку крепко сжимал Гагатун.

– Га-га-га! Га! – смеялась буква «Г». – Герою нашему слава!

Волшебной воронке надоело ждать, и она принялась за своё привычное занятие – засасывать в себя мальчика, которого ей надлежало перенести в иное измерение. Петюньку подхватило вихрем и закружило по часовой стрелке. Ещё чуть-чуть, и мальчик скрылся бы в портале. Но в этот момент, проделав в цветочной стене дырку, в зал проник синий луч. Поджигая всё на своём пути, луч пронзил насквозь зал и точным попаданием ударили в центр – в портал. Лифт-воронка, чихнув, сломался. Петюнька упал, больно ударился спиной. Покончив с порталом, луч нацелился в него. Малыш, оцепенев от страха, смотрел, как пылает над ним синее пламя. Странное пламя, поскольку от него исходил не жар, а холод.

– Мама! Мамочка! – позвал Петюня. – Где ты, мам?!

Откуда ни возьмись, рядом с мальчиком оказался Плюнь-Чпок. Широко открыв рот, он выплюнул серебристую нить, которая, скрестившись с лучом, взорвалась. Под потолком расплылась синяя дымка. В ней проявился глаз с уродливым чёрным бельмом. Глаз, не моргая, разглядывал Петюньку. Он изучал маленького человека, сканировал взглядом его душу.

Плюнь-Чпок, набравшись сил, выстрелил новой нитью. Она резанула по глазу в дымке, но под воздействием чёрной магии рассыпалась серебристой пылью. Глаз тоже пострадал, заморгал, выпустил слезу. Чпок – хлюпнул на пол сгусток чёрной вязкой жидкости.

– Уйди! – крикнул сиреневый человекоангел, расправил крылья и метнул в глаз перья.

Они роем кружили над синей дымкой, жалили и кололи подглядывающий глаз. Чпок, чпок, чпок – полились слёзы, образовав большую лужу, будто кто-то опрокинул ведро. Глаз закрылся, дымка рассеялась, однако опасность не миновала. Лужа чёрных слёз забулькала, вскипела. Над ней поднялся чёрный пар.

– Не дышите! – предупредил доктор Йод, закрыв лицо шляпой. – Пары колдовских слёз очень ядовитые. Скорее в укрытие. Все в подземелье!

Петюнька закашлялся. Кружилась голова. Он всё ещё лежал на полу, так как ему не хватало сил, чтобы встать. Тень, уловив удобный момент (все вокруг забегали, спасая свои жизни, и на мальчика мало кто обращал внимание), окрутила шею детёныша чёрными кольцами и начала сдавливать её. Петюня, задыхаясь, схватился за воротничок, дёрнул, оторвал пуговицу, которая, отлетев влево и отрикошетив от чей-то спины, покатилась по каменному полу с громким «цок-цок-цок».

Кот Барсениус навострил уши. Бросив взгляд жёлтых, как горящие лампадки, глаз в центр зала, он заметил, что с мальчиком творится что-то неладное. Быстро пробраться к Петюньке сквозь мечущуюся в панике толпу не представлялось возможным, поэтому Барсениус, перемахнув через перила своей кабинки, помчался по головам обезумевших членов Совета.

Человекоптица помогала всем замешкавшимся спуститься к люку. В частности она перенесла на своей спине толстую фею с гномом и трёх генералов-пауков. Заприметив скачущего кота, ангел поспешил ему навстречу.

Петюня сквозь приоткрытые веки видел, как топчутся, пинаются чьи-то ноги. Множество разных ног. Окутанные чёрным паром все двигались вслепую, натыкались друг на друга, кричали, ругались, кого-то звали. Ядовитые пары чёрных слёз колдуна дурманили головы, пробуждали самые тёмные, низменные желания. Каждый хотел спасти свою шкуру и при этом забывал о близких, каждый норовил первым пролезть в люк. И уже не имело значения, кто ты – король или генерал. Никто никого не желал пропускать, никто никого не слушал. Лут Нарат в суматохе потерял свою корону и теперь почти ничем не отличался от своих подчинённых. Так же, как и все, он раздавал и получал пинки. Воцарился полный хаос. Братья-близнецы, демоны Ужаса и Страха, безудержно хохотали, собирая щедрый урожай – новорожденную чернь.

Рядом с Петюнькой упал на колени Абра-ар. Он потерял очки, поэтому ощупывал пол, пытаясь найти их. Ему на спину откуда-то

сверху прыгнул кот. Следом за котом на профессора спланировала птица.

– Мяу-у! Подлая, оставь ребёнка! – Барсениус замахнулся лапой, на которой грозно сверкнули перламутром накрашенные когти. – Изыди, нечистая! Брысь!!!

«Это же Яшкин Барсик?! – осенило Петюньку. – Точно! Это мы с другом покрасили коту когти маминым лаком...»

Ахуратс, принявшая образ змеи, зашипела на кота, высунула раздвоенный на кончике язык. Кот хотел царапнуть когтем Тень, однако медлил, так как боялся поранить мальчика.

– Мяу... – растерянно мяукнул Барсениус, обернувшись к птице.

Ангелочек, до того топтавшийся по Абра-аровской спине, подлетел к уже хрипящему Петюньке и ударил крылом по змее. Ахуратс вывернула шею, раскрыла пасть, намереваясь ужалить птицу, но прогадала. Ангел оказался шустрее Тени, схватил змею за голову когтистой лапой, рывком потянул её на себя и вытащил из-за Петюнькиного воротничка.

– Так её! Так её! Мяу-мяв! – разошёлся кот.

Птица бросила Тень на каменный пол, пришипила её перьями. Ахуратс выворачивалась по-всякому, билась в судорогах, и всё же освободиться у неё не получалось. Перья ангела – это, знаете, грозное оружие против демонов!

Глава 59

Ударим вишнёвой палкой по колдовскому наваждению!

Абра-ар таки нашёл свои очки. На них чуть было не наступила Дзинь-да-да. Хорошо, что девочка вовремя остановилась, чтобы поправить сползший в толкучке чулок. Надев очки, профессор ахнул, поскольку заметил потрёпанного Петюньку.

– Ах, как же так? Ах, что же делается? Ах, как жаль... – причитала буква «А».

– Абра-арушка, милый, всё хорошо, – шептал малыш, обнимая друга.

К ним подошёл кот, сел на свой хвост, уставился на мальчика большими, слегка раскосыми глазами, задумчиво почесал за ухом.

– Как же мы теперь отправим тебя, детёныш? – спросил Барсениус, будто Петюнька знал, как.

Кот посидел ещё немного, подумал, почесался, затем улыбнулся, потянулся к Петюне, лизнул его нос, потёрся о детскую щёку. Мальчик отметил про себя, что Барсениусу не хватает нескольких зубов. «Точно! Точно это Барсик. Старенький Яшкин любимец!» – был уверен Петюнька.

– Ах, осмелюсь напомнить, Ваша Усатость, – сказал Абра-ар, отмахиваясь шляпой от надоедливого чёрного пары, что, впрочем, было совершенно бесполезно, – ангелам не нужны двери и лифты, чтобы перемещаться из мира в мир.

Птицеловек выпрямил спину. Кот расправил правый ус, искоса посмотрел на своего верного спутника.

– Согласишься ли? Прорваться сквозь чернь даже для высших существ вроде тебя... Мяв-мяв... Это опасно?!! – с сомнением в голосе спросил Барсениус. – Я не вправе заставлять тебя...

– Знаю. Это мой выбор, и он сделан, – не дал договорить коту птицеангел. – Садись мне на спину, маленький человек. Нам надо спешить. Куапа долго не продержится.

При помощи профессора и кота Петюнька забрался на спину ангела. Сиреневая кожа птицеловека оказалась тёплой и очень приятной на ощупь, а вот перья кололись.

— Ах, осторожно, — предупредил малыша Абра-ар. — Ангельские перья острые, как нож.

— Ага, — только и сказал Петюня, посасывая уколотый палец, на котором выступила капелька крови.

— Ну, счастливого вам пути, — пожелал кот и хлопнул птицу по спине. — Летите! Вот-вот дворец развалится.

Ангел обернулся, проверяя, как там мальчик.

— Всё в порядке, — кивнул ему малыш.

Птица расправила крылья, но, прежде чем взлететь, нагнувшись к коту и тихонько прошептала:

— Берегите себя, Ваша Усатость.

— Мяу-у-у, — благодарно мяукнул Барсениус.

Цветочные стены Зала Совещаний треснули и начали оседать, чернея на глазах. Огненное пиршество разгоралось. Пламя на радостях танцевало чечётку, выбивая каблуками искры. Уже сгорели почти дотла верхние кабинки. Те самые, где заседал с Плюнь-Чпоком Петюнька, а рядом фея с гномом и противный эльф. Разбрасывая, подобно осьминогу, щупальца, огонь спускался вниз, подминал под себя кабинку за кабинкой, ступеньку за ступенькой. Его целью была центральная площадка, где всё ещё толпились одурманенные слезливыми испарениями члены Тайного Совета. Выход был у них перед носом, но они словно не видели его, ругались, дрались или просто бродили, размахивая руками, — в общем, теряли время. Пламя смеялось, потрескивало, подбиралось к жертвам всё ближе и ближе. Ещё немного, и случится непоправимое.

Петюнька ужаснулся от мысли, пришедшей ему в голову в тот момент, когда ангел вознёс его над парами слёз колдуна: «Они же все погибнут?!! Их спасать надо! Но как??? Как вразумить их? Как заставить спуститься в подземелье?»

Птица устремилась к догорающему потолку, но с первого раза прорваться сквозь огонь не сумела — недостаточно разогналась. Тогда ангел развернулся, описал круг над дерущейся толпой, набирая скорость для второй попытки. Когда пролетали мимо отшельника Йка, колотившего кулаками маркиза Медка, который застрял в люке

и ответить разбушевавшемуся старику не мог, Петюнька вспомнил о вишнёвой палке и её способности снимать колдовское наваждение. Палка валялась рядом с Йком, который, видно, из-за колдовских слёз забыл о своём волшебном оружии.

Птицеловек снова поднялся над клубами чёрного пара. Он готовился к прыжку. Малыш понял это по тому, как напряглись мускулы ангела.

– Постойте! – крикнул Петюня. – Нам надо вернуться. Я не могу оставить в беде своих друзей. Им нужна моя помощь.

– Ты знаешь, как помочь им? – поинтересовалась птица, замедлив ход.

– Палка Йка, – коротко сказал мальчик.

Человекоангел понял его, стрелой опустился к локу, возле которого по-прежнему лежала вишнёвая ветка буквы «Й», на лету поднял её и передал Петюньке.

Изо всех сил, на которые только был способен, малыш размахивал палкой, посыпая толпу пыльцой. Драка прекратилась. Буквы начали узнавать друг друга, бросаться на помощь ближним. Гагатун и Вьюга-вьюн подхватили Дзинь-да-да, которая упала и разбила коленку, и понесли её к выходу. Инсулин нашёл Йода, и теперь они вдвоём искали Зелёнку. Йк прекратил колотить по «пузатым» штанам Медка. Вместо этого он помог толстенькому маркизу протиснуться в люк. Эльф больше не раздавал паукам щелчки, а те – ему пинки. Пауки в папахах вспомнили о короле и кинулись вызволять его из объятий феи, которая вдруг под воздействием вишнёвой пыльцы прониклась к Луту пылкими чувствами. Под командованием мадам Жужи пчёлы выстроились в ряд и так, по очереди, без суеты и тумаков, спускались в подземелье. Их примеру последовали прочие члены Совета. Замыкал движение председательствующий кот.

– Как хорошо, что всё хорошо! – обрадовался мальчик и ласково погладил человекоптицу по спине, по тому месту, откуда начинало расти правое крыло.

Ангел молчал и не поворачивал головы, но Петюнька сердцем чувствовал, что он улыбается. Покружиив немного над опустевшей площадкой (осталась только Тень, пригвождённая к полу перьями), птица в третий раз поднялась к потолку, с разгону пробила в огне дырку и взмыла в небо. Малыш крепко прижался к ангелу, так крепко, что даже слышал, как учащённо бьётся его сердце.

«Кто знает? – задумался Петюня. – А может, у ангелов не одно, а целых два сердца? Вон как барабанят?..»

Глава 60

Три буквы «С»: Солнце, Свет, Смысл

Ласковым шелестом встретили путников бобовые заросли, покорно раздвинулись, открыв проход, и сразу же сомкнулись за их спинами. Белые молнии не шипели и не жалили. Они размякли, словно подтаявшее на солнце масло, и позволили пройти сквозь купольную сетку. На перьях птицы, на волосах и пижаме Петюньки остались жирные масляные пятна.

Завидев сиреневую точку на купольном покрове, которая стремительно увеличивалась, колдун Сморчок нервно моргнул опухшим глазом. По его дряблым щекам всё ещё текли чёрные слёзы. Вытерев рукавом лицо, старик стеганул плёткой по отдыхающей черни.

– Хватит валяться, шелудивые псы! – заорал он, указывая плёткой на сиреневого летуна. – Ату их, ату, ату!

Трельяжный Князь был очень зол. Столицу пауков не удалось, как планировалось, взять с насоку. Да ещё боль в глазу напоминала о пережитом унижении.

– Как они посмели?! – скрежетал зубами старик, не переставая моргать и плакать. – Они за это поплатятся.

Колдун пришпорил таракана и вслед за гавкающей чернью помчался навстречу ангелу. Слёзы, капавшие из его глаз, подпитывали тёмных воинов, делали сильнее демонов-генералов. Сплотившись, чернь лавиной обрушилась на птицеангела, оглушила Петюньку, упорно норовила просочиться в его рот, нос, песком припорошила глаза, тисками сдавила голову. Птица отбивалась крыльями, пронзала чернь перьями, превращая её в прах, но темноликие воины сменяли павших и всё лезли и лезли на абордаж, стремясь разлучить мальчика с ангелом. И это им, в конце концов, удалось. Петюнькины ладошки, как ни сжимал он их, соскользнули с шеи птицы. Колдун хлестнул плёткой по залитому чернью небу, разрубил его на две части. В одной из них застрял ангел, в другой повис, распластав руки, маленький человек.

Петюнька не сводил глаз с лица ангела, видел, что тот шевелит губами, что-то говорит, но слов не слышно. Малыш мотал головой, не понимая, чего от него хотят. Он чувствовал себя слабым, беспомощным, ненужным, позволил отчаянию затуманить разум, приглушить сердца голос, за что и поплатился, пропустив удар. Колдун хлестнул мальчика по животу, попал плёткой по футляру на его поясе, разбудил книгу. Наполовину высунувшись из испорченного футляра, она клацнула золотым замочком, раскрылась, удивлённо зашуршала страницами, как бы спрашивая, что здесь такое происходит?

Малыш хотел взять книгу, но руки его не слушались, стали тяжёлыми, негнущимися – деревянными. Распятый, он висел на огрызке обугленного неба и слушал, как свистит жестокая плётка, намереваясь нанести ему второй удар.

– Книга, – тихонько позвал Петюня, – помоги мне, пожалуйста.

Пожелтевшие от времени страницы перестали шуршать, прислушались. Но на них не было написано ни строчки. А коль чистый лист, нет и волшебства.

«Надо что-то написать, – догадался мальчик. – Но что? Что поможет победить темноту? Тем более, когда её так много?»

Плётка просвистела над Петюнькиным ухом, но не зацепила его. Колдун передумал – обрушил удар на птицу, одним махом перебил ангелу крыло. Птицечеловек протянул к мальчику руку, моля о помощи.

«...Мне привиделось солнце... Оранжевое, искрящееся радужными бликами солнце, которое взошло над головой земного мальчика...» – почему-то вспомнил Петюнька слова, которыми встретил его отшельник Йк в подземном трактире.

Вслед за Йком перед мысленным взором мальчика появился светлый образ Яхтар. Она смотрит на него так ласково, так нежно, так верит в него.

«Запомни, малыш, ты носишь в себе свет, – говорит принцесса. – Темнота может одурманить твой разум, но никогда...

Слышишь, НИКОГДА она не погасит твой свет! Свет твоей души. Борись! Твой выбор за тобой».

— Солнце... Свет... Свет и солнце? — крепко задумался малыш. — В чём смысл? Смысл? Три буквы «С»... Солнце. Свет. Смысл?..

Книга заклятий внимательно следила за ходом мысли Петюньки. На раскрытой странице проявилась буква «С».

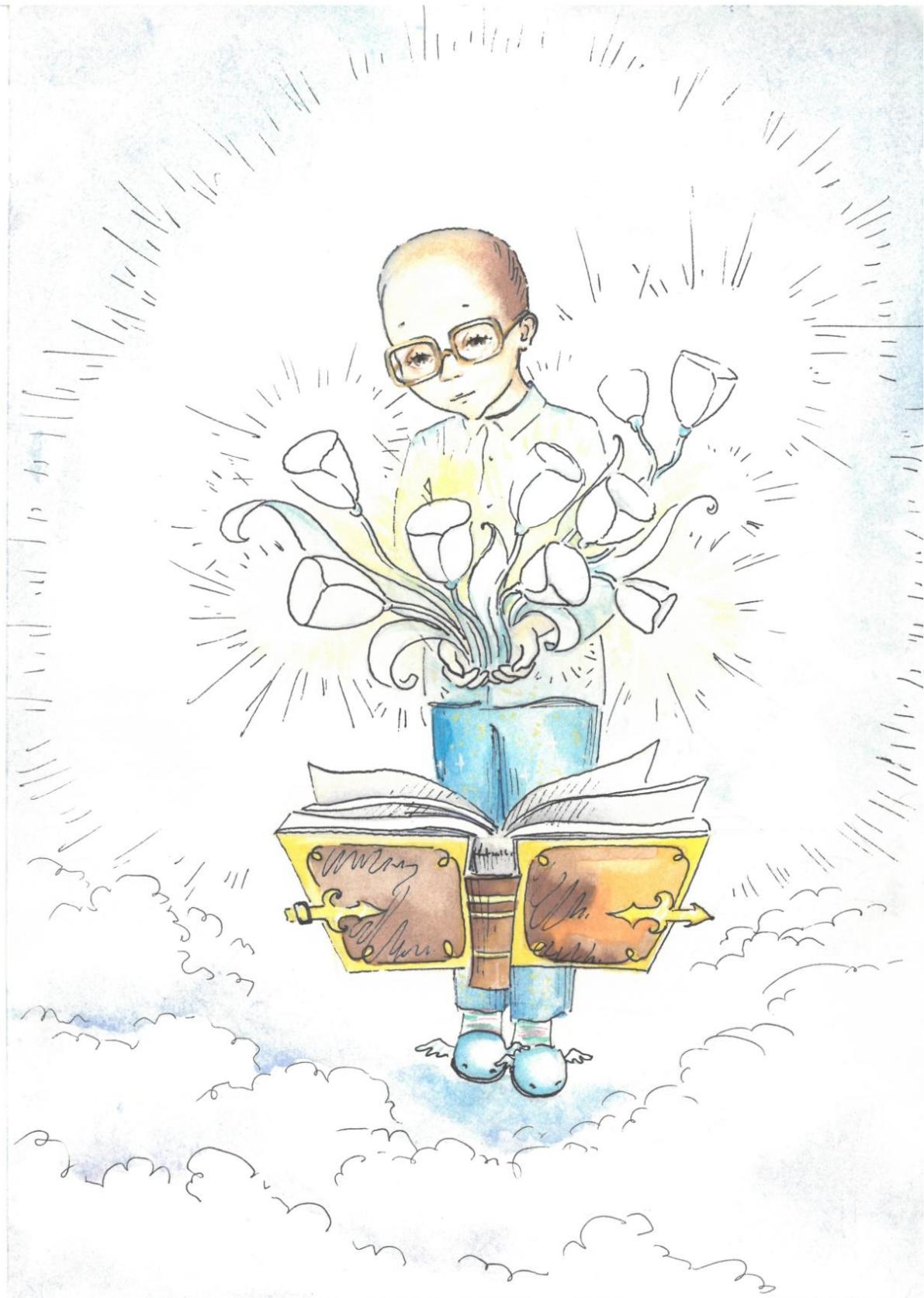
— Свет есть во мне, как и в каждом из нас, — начал говорить малыш, сначала тихо и неуверенно, а затем громко, с вызовом. — Свет во мне! Свет!

В третий раз свистнула плётка. Трельяжный Князь направил хлыст-жало на Петюньку. Мальчик закрыл глаза, но странно — сквозь веки он увидел... свет! Обычно так бывает, когда долго, до слёз, смотришь на солнце, а потом зажмуришься, но солнце не хочет отпускать тебя, щекочет веки лучиками, дразнится маленькими радужными зайчиками, которые спрятались в твоих ресницах, свесив ножки.

Медленно Петюнька разлепил веки. Свет стал ярче. Создавалось впечатление, что сразу зажглось множество лампочек. И отчасти это действительно было так. Только вместо лампочек светились нежным белым светом крупные бокаловидные цветки, распустившиеся прямо на Петюнькиных руках, будто это не руки были, а ветви волшебного дерева. Цветы были прекрасны, и малыш невольно залюбовался ими. Он видел чудо. Это бесспорно! И всё же Петюнька не мог поверить в то, что сотворил чудо он сам, что дивный свет, льющийся из цветов, — это свет его души.

— Ну почему ты всё время сомневаешься? — с лёгким упрёком спросил ангел. Тихо спросил, но мальчик его услышал, хотя и находился по другую сторону разорванного неба. Наверное, потому услышал, что слушал не ушами, а сердцем.

Чернь окатило волшебным светом. Поджав хвосты, демоны бросились врассыпную. Те же, кто не успел укрыться, таяли, словно чёрный шоколад на дне разогретой кастрюльки, в которой готовится крем для пирога.

Тапки фея, воспользовавшись затишьем, понесли мальчика к ангелу. Раненая птица парила на одном крыле. Второе крыло, сломанное, потрёпанное, висело тряпочкой. Однако ангел,

превозмогая боль, смеялся. Тонкоголосыми колокольчиками разнёсся по небу, освятив его, ангельский смех: дон! дон! дон!

Петюнька прильнул к груди птицеловека, заглянул в его сиреневые, сияющие счастьем глаза.

– Ну почему? – вырвалось у него.

Ангел шикнул, не дав договорить.

– Опять сомневаешься, – вздохнула птица. – И почему люди такие неверующие? Такие слепые?

Глава 61

Здравствуй, Трельяж – холодная планета!

Вспышка. Лучики света от Петюнькиных цветов вытянулись, словно жевательная резинка, и коконом окрутили мальчика с птицей. Исчезло истерзанное, настрадавшееся от черни небо Сумеречной Долины. Свет слизал грязь, выбелил небесное полотно. Руки ангела обняли Петюньку. Здоровым крылом птица укрыла его. Воцарилась тишина. Тук... пауза... тук... пауза... – тихонько постукивало ангельское сердце на ухо мальчику. Тук-тук, тук-тук! – радостно отвечало ему сердечко маленького человека. И этот милый слуху сердец перестук сближал их лучше всяких слов.

Петюнька не знал, сколько времени они так парили вместе – несколько минут или вечность? Внутри кокона из света время, казалось, совсем застыло, законсервировалось, забыло, что должно куда-то бежать, отсчитывать секунды.

«Как хорошо, – радовался малыш. – Как хорошо, что я не одинок!»

Лепестки цветов начали потихоньку опадать и кружиться вокруг путников. Кокон из света раскрылся, выпустив их на волю. Сияющей стайкой лепестки выпорхнули в открывшийся проём, за которым притаилось чужое небо чужого мира. Точно не Сумеречной Долины! Глухое, слепое, скучающее небо Трельяжа пустыми глазницами взорилось на гостей.

Лепестки, хохоча, пустились в пляс. Тёмному небу было всё равно, кто по нему пляшет. Ночь-Стражница, разбуженная смехом, с любопытством рассматривала пришельцев. Ветер-баловник тоже выглянул из будки. Ему не терпелось присоединиться к танцу белых лепестков, невесть откуда взявшихся на небе печальной планеты. Не выдержав всё-таки соблазна, проказник проскользнул мимо Ночи и, разогнавшись, свистя, разнёс лепестки по всему небосклону. Стражница ахнула, но не стала унимать расшалившийся ветер, поскольку ей нравился её новый наряд – в светящийся горошек.

Устав кружиться, лепестки липли белыми пластырями к небу. Трельяжная Ночь аккуратно разглаживала их ладошками, радуясь, как ребёнок, что у неё теперь есть свои звёзды. Небо сразу подобрело.

Ангелоптица опустила мальчика на покрытую тёмными пятнами планету, которая в свете звёзд выглядела уже не так уныло, как прежде. Загадочные пятна, с высоты ангельского полёта напоминавшие пятикопеечные монеты, при ближайшем рассмотрении оказались невероятно широкими кратерами. Каждый такой кратер-колодец был размером с футбольное поле. О том, какова их глубина, Петюнька понятия не имел и, честно говоря, иметь его совсем не собирался.

Между колодцами были проведены узкие, покрытые серой пылью дорожки. Передвигаться по ним даже маленькому мальчику было опасно. Один неверный шаг, и яма с удовольствием поглотит тебя.

Человекоптица примостилась на одной из таких тропинок, осторожно вытянула раненое крыло, пощупала его, покачала головой.

– Больше нет сил, – с грустью сказал ангел. – Дальше, малыш, тебе придётся самому. Воспользуйся феевскими тапками. Они приведут тебя к своему настоящему хозяину.

– Нет! – протестовал Петюнька. – Нет-нет!

Он не хотел оставлять раненую птицу одну, он не хотел оставаться один. Чего больше не хотел, малыш и сам не знал. Но главное – не хотел!

Птица сложила крылья, распушила перья, согреваясь, ведь на Трельяжной планете, никогда не знавшей рассвета, было очень холодно. Больше ангел не проронил ни слова, но в его сиреневых глазах читалась такая любовь, вера и надежда, что Петюнькино сердце сдалось.

– Хорошо, я сделаю это. Сам точно не знаю, что именно это, но сделаю... – пообещал мальчик.

Тапки запищали в предчувствии новых приключений. Ангел кивнул. Он был спокоен.

— Летим, — приказал тапкам Петюня. — Ищите своего хозяина. Ищите феев снов.

С привычным громким «фиву-фиву!» тапки подняли мальчика над колодцами. На их потёртых матерчатых «личиках» расплылись дырчатые улыбки. Реснички-ниточки подёргивались от возбуждения. Тапочкам определённо нравилось, что им поручили важное дело.

— Чур, я поведу, — успела первой крикнуть правая тапка и резко дёрнула вправо.

— Не-не, сестра, идём налево, — не согласилась с правой левая тапка и упрямо повернула налево.

Петюнькины ноги разъехались. Смешно взболтав воздух руками, малыш кувыркнулся и повис вниз головой. Под ним зияла, оскалившись беззубым ртом, чёрная пропасть. С закрытыми от страха глазами Петюнька одной рукой потянулся к очкам, другой к футляру, повреждённому колдовской плёткой. Ни очки, ни книгу ему никак нельзя было терять.

— Тапки! Тапки-и-и! — крикнул мальчик проказницам, с завидным энтузиазмом тянувшим его в разные стороны. — Не балуйте! Прямо давайте! Прямо!

Ухватившись за коленки, Петюня принял позу, будто сидит, затем аккуратно, не спеша выпрямился и немного подался корпусом вперёд, отведя ноги с пищащими, на этот раз от неудовольствия, тапками назад.

— Я поведу, слышите? Я! — твёрдо сказал мальчик.

Тапочки скривились, но подчинились слову Петюньки. Как ни крути, мальчик всё ещё оставался их хозяином. До тех пор, конечно, пока не найдётся настоящий владелец — пан Сонька.

Вытянув руки лодочкой, малыш долго парил над Трельяжной планетой, всматривался в чёрные дырки, но всё напрасно. Как ни старался он разглядеть что-либо в темноте, все кратеры выглядели одинаково: пусто, холодно, мёртво.

«Наверное, их выдавливали на теле планеты одним большим стаканом? — подумал, разозлившись, Петюня. — Так мама делает из теста кружочки для вареников. Но как же мне в них разобраться?»

— С высоты, пан Петюнька, каҳы-каҳы, — подчёркнуто вежливо обратилась к мальчику правая тапка и закашлялась, — мы вряд ли что-нибудь найдём. Каҳы-каҳы...

Левая тапка пошамкала губами, подумала, после чего решила согласиться со своей сестрой.

— Да, — подтвердила она, — нужно обследовать камеры Трельяжной темницы изнутри. Где-то там, на дне колодцев, Сморчок, тьфу на него, спрятал феев снов. Подошвой чувствую, что там.

— Как жаль, что я растратил все светящиеся лепестки, — вздохнул Петюня. — Хотя звёзды из них вышли отменные! Но что же мне делать? В колодцах ведь темно, хоть глаз выколи? Ах, да. Палка Ыка! Ой, кажется, я забыл её на дорожке рядом с ангелом... Что делать? Как надоел мне этот вопрос. Что делать, книга? Книга!!!

Малыш вынул книгу из футляра, раскрыл и позвал букву «Ы»:

— Ык. Буква «Ы». Палка Ыка!

На странице сама по себе выписалась красными чернилами нужная буква. Петюнька вытянул руку, раскрыл ладошку и тут же почувствовал в ней увесистую вишнёвую палку, цветущую розовыми цветами. Исходившие от них лучики любопытными прожекторами прощупывали чёрные дырки.

— Ну что, ныряем? — неуверенно спросил малыш.

— Ещё бы! — пискнула левая тапка и наглым образом, без предупреждения понесла Петюнькину ногу вниз.

Поскольку правая тапочка, обидевшись, что её опередили, нарочно отставала от левой, мальчик летел, как всегда, неуклюже, широко расставив ноги. К подобной манере перелётов он уже привык, а потому не жаловался, молча, стиснув зубы, терпел тапкино соперничество друг с дружкой.

Глава 62

Камеры Трельяжной темницы

В правой руке Петюня держал вишнёвую ветку, которая выполняла роль факела. В её лучах, настойчиво тревоживших темноту, несмело проступали серые стены, слепленные из песка и глины. Бросалось в глаза, что колодец – искусственного происхождения. Уж слишком гладкими, на взгляд малыша, были его стены. Здесь явно поработали чьи-то умелые руки.

— Эй-ей-ей! — восторженно кричала левая тапка, довольная, что ей таки удалось обойти правую сестру.

Вторая тапочка в отместку дала задний ход, отвела ногу малыша назад. Получилась ласточка.

— Ну, хватит! Я вам не клоун! — лопнуло Петюнькино терпение. — Мне надоели эти ваши фокусы.

Феевские тапки немного умерили свой пыл, пошли на равных. Теперь Петюнька плавно опускался вниз, держа факел-палку над своей головой. Иногда он размахивал ею, подносил к стенам, надеясь рассмотреть что-либо интересное, но его ждало разочарование — всё то же, всё так же кругом. Сплошная серость, сплошная пыль, и не было ей ни конца, ни края. Колодец, казалось, вёл в самое сердце холодной планеты. Погружение в него затянулось, и малыш даже устал.

— Умение червяков рыть подземные ходы сейчас мне пригодилось бы, — первое, что сказал Петюня, когда его ноги коснулись дна колодца — пустого... Значит, надо начинать поиски сначала. Придётся вернуться на поверхность Трельяжа, чтобы нырнуть в другой колодец. А таких кратеров на теле планеты ох как много... Все не исследуешь.

— Фе, так стань червяком, — подсказала правая тапка.

— Книга заклятий тебе зачем, пан Петюнька? — решила и от себя дать совет левая тапочка. — Давай, колдуй!

— А вот возьму и наколдую, — сказал мальчик, рассматривая пока что чистый лист бумаги. — Только не хочу я быть червяком. Да и потом... У червяков ведь нет ножек. На что тогда я вас обую? Нет. Быть червяком — определённо не то. Я лучше... Я лучше кисточки наколдую. Ту, которую видел у художника Хмелевича. Думаю, что не только вкусности, нарисованные ею, становятся настоящими, но, к примеру, двери тоже? Да-да, волшебная кисточка поможет мне перейти из одной камеры в другую через двери, которые я нарисую. Итак, книга «К» — кисточка!

Когда на странице появилось цветное изображение буквы «К», в левую руку мальчика легла кисточка. Петюня начертил ею на серой

стене контуры будущей двери – большой прямоугольник, пририсовал ему круглую ручку. Дверь скрипнула, приоткрылась. За ней перед мальчиком расстелился коридор. Именно расстелился, как скрученная рулоном ковровая дорожка. В противоположном конце длинного коридора приоткрылась вторая дверь, и тоже со скрипом.

Таким образом, рисуя на стенах двери и расстилая дорожки-коридоры, Петюнька перемещался от колодца к колодцу. С виду все кратеры, попадавшиеся ему на пути, были абсолютно одинаковыми и пустыми. Поначалу малыш считал их, но камер было так много, что он сбился со счёта. Тогда Петюнька, чтобы не запутаться, начал помечать кратеры, рисуя на стенах числа. Только вот незадача – цифры из-под волшебной кисточки оживали, соскакивали на пол и, подобно тараканам, разбегались, прячась по щелям. Упрямый Петюня не желал сдаваться и пальцем чертил циферки. Стены хохотали, не выдерживая щекотки, и шаловливо посыпали его голову серым песком. Однако новые числа не убегали, и малыш, успокоившись, продолжил свой путь по подземным колодцам, присваивая каждому из них свой номер.

– 81, 82, 83... 124... – устало считал Петюня.

В отличие от Яшки, который без запинок мог сосчитать разве что до двадцати, он хорошо разбирался в арифметике. Всё благодаря тёте Зое, педагогу по образованию, которая взяла на себя подготовку к школе умного не по годам племянника.

Выйдя из 125-й камеры, мальчик остановился, растерянно потёр виски, потому что вошёл он вопреки всем правилам в камеру под номером 84. Но этого не должно быть? За 84-й последовала 99-я, дальше 48-я, за ней 27-я, и снова, причём два раза подряд, камера 84.

– Они издеваются, что ли, надо мной? – изумился Петюня и даже немножко обиделся. – Меняются местами, как цветные квадратики в кубике-рубике?

– А мы предупреждали, – запищали обе тапочки, – что в червяка надо было превращаться. В червяка! Толку больше было бы. Подошвами клянёмся. Да-да!

— Да ну вас с вашими червяками и подошвами, дырявыми, между прочим, — теперь уж точно обиделся малыш. — Здесь червяки не помогут. Здесь нужно что-то другое. Попробую-ка нарисовать я двери не на стене, а на полу. Может, тогда толк будет? Авось получится?

Петюня стал на коленки, ради разнообразия начертил вместо прямоугольника круг с большим кольцом в качестве ручки. Люк материализовался, однако открывать себя не позволил. Мальчику пришлось нарисовать лом и затем прилично попотеть, поддевая им капризную крышку люка. Его усилия не прошли даром — крышка нехотя открылась. Снизу хлынул голубоватый свет. Как и предполагал Петюня, в недрах Трельяжной планеты, под камерами, находился ещё один уровень — секретный!

Глава 63

Тайная комната с треснувшим зеркалом

«Там, надеюсь, я найду панов Сонек», – подумал мальчик и шагнул вниз.

Крылатые тапочки не дали ему упасть, опустили на каменный пол небольшой комнаты с огромным треснувшим зеркалом во всю стену. Зеркало это излучало голубой свет, в лучах которого купалась тайная, как окрестил её Петюня, комната. Бутылочные факелы на стенах давно потухли, уступив первенство зеркалу. В его дивном завораживающем свете комната не казалась мрачной или опасной, какой на самом деле она была. Однако Петюнька не верил зеркальному свету. Его внутренний голос нашёптывал ему, что нужно быть осторожным. И, надо признать, интуиция мальчика до сих пор его не подводила.

Перед зеркалом валялся перевёрнутый табурет. Похоже, тот, кто опрокинул его, куда-то очень спешил. Какой-либо иной мебели в комнате не наблюдалось. Не встретил малыш здесь и ни одной живой души. Разве что приветствовало Петюню в зеркале его собственное отражение, махало ему рукой, подмигивало и улыбалось. В то время как сам мальчик стоял истуканом посреди комнаты, даже и не думая улыбаться, махать и подмигивать себе.

– Испугался? Ха-ха! – насмехалось над Петюней его отражение. – В штанишки наложил?! Хи-хи!

– А вот и нет. Чего мне бояться? – возразил мальчик, выставив вперёд, на всякий случай, руку с палкой Йка. – Что ты можешь мне сделать?

– Бояться мне чего? Сделать мне можешь ты что? – дразнился зазеркальный Петюнька, повторяя то же самое, что сказал малыш, только слова он произносил в обратном порядке.

– Захочу, вот и разобью зеркало, – погрозил мальчик, не заметив, как легко он позволил гневу ослепить себя. Петюня действительно готов был сделать это.

– Зеркало разобью и вот захочу, – смеялось, схватившись за живот, отражение. – Чу-чу, чу-чу!..

Петюнька замахнулся, с криком «на тебе!» кинулся на обидчика. Его лицо, отражённое в зеркале, исказилось до неузнаваемости, почёрнело, в глазах вспыхнули ненавистью угли. То, что находилось по ту сторону зеркала, не было мальчиком. Это было чудовище. Тёмная сторона Петюнькиной души.

Малыш испугался. Самого себя! Он был поражён, потрясён, раздавлен... Поддавшись тёмным мыслям, тёмным чувствам, Петюнька не заметил даже, как выронил палку и кисточку. Страх подпитывал его ярость. Мальчик ударил кулаком по зеркальной глади. Зеркало не разбилось, крякнуло и засосало его кулак. С той стороны чужой, злой Петюнька схватил застрявшую в зеркале руку и потянул на себя. Не успел малыш опомниться, как его затянуло в крякающее зеркальное болотце по самое плечо.

– Кошмар! Какой кошмар?! – запаниковали тапки.

Они не желали стать пищей прожорливого зеркала и отчаянно хлопали крыльями, стараясь вытащить из него мальчика. Петюньку прижало к зеркалу. Он чувствовал, как натянулась кожа правой щеки, будто её прищемили прищепкой. Правый глаз закрылся. Губы криво, вымученно растянулись. Понимая, что в его распоряжении считанные секунды, малыш левой, пока ещё свободной рукой вынул из футляра книгу, бросил её на пол, подальше от зеркала.

– Извини, – едва вымолвил Петюня. Ему сложно было говорить с растянутыми губами.

Книга примирительно зашуршала страницами. Ей нужно было что-то приказать, назвать букву, заветное слово, но мальчик, охваченный страхом, не мог придумать, что ему сейчас нужнее всего.

– Д... Друзья мои! – просто позвал Петюня своих верных товарищей.

– Держи! – услышал он голос, вроде бы Дзинь-да-да.

Малыш не мог повернуть головы, чтобы посмотреть, что происходит в комнате. Половина его лица уже погрузилась в волокнистую зеркальную массу. Но он чувствовал, как кто-то держит его за левую руку. Кто-то очень сильный.

— Ах, взяли! Б-б-берём! Все вместе! Грандиозно! Да-да-да! — послышались голоса Петюнькиных друзей.

Мальчик застрял в зеркале, запутался в его липкой паутине. Обе руки, за которые его тянули с двух сторон, будто он был тряпичной куклой, нестерпимо болели.

«Вот так же верёвку перетягивают спортсмены во время игр, — с горечью подумал Петюня. — Но то верёвка... Но то игры... Я же человек! Если верёвка лопнет, она ничего не почувствует. Её заменят другой верёвкой или свяжут концы. Ой, а если лопну я? Мамочка! Мама! Помогите!»

Дзынь, дзон, дзень — зазвенело вдруг в ушах малыша. Справа началась какая-то возня. Нечто, удерживавшее Петюню, ослабило хватку. Слева поднатужились, дёрнули сильнее. Петюнька пошатнулся, но не сдвинулся с места — он слишком глубоко засел в злополучном зеркале.

«Ну вот, — всхлипнул мальчик, — я уже не верёвка, а репка из сказки про дедку, бабку, внучку, собачку Жучку и ещё кого-то там?

Дёргали они всё репку, дёргали, а вытянуть не смогли. Наверное, я к зеркалу прирос, пустил, как та сказочная репка, корни?»

Звон стал громче: дзон-дзынь-дзень-дзень-дзон! Кто-то, тяжело дыша, склонился над Петюнькой, пыхнул зелёным паром на него и мягко подтолкнул. Мальчик вылетел из зеркала и шлёпнулся на пол посреди комнаты. Рядом с ним лежала раскрытая книга заклятий, чуть поодаль — кисточка и вишнёвая палка. На странице книги прописью, с красивыми завитушками была написана буква «Д». На глазах Петюньки краски начали выцветать, контуры буквы стираться, и, в конце концов, буковка «Д» исчезла совсем. Срок действия буквенного волшебства истёк. Петюня озирался по сторонам, надеясь увидеть своих друзей, ведь он точно слышал их голоса. Однако в комнате, кроме него, никого не было. Даже зеркальное отражение мальчика куда-то спряталось.

С той стороны зеркало покрылось зелёной пылью, с которой Петюнька познакомился ещё во время своего путешествия по Междверному Пространству. Малыш помнил, что пыль эта живая и, вполне возможно, вовсе не пыль. Что именно представляла собой странная зелёная субстанция, он пока что не знал, но подозревал, что ей обязан своим удачным вылетом из прожорливого зеркала.

— Спасибо, — счёл нужным поблагодарить пыль Петюнька.

— Дзон-дзень-дзон! — весёлым перезвоном ответили ему.

Глава 64

Феи снов нашлись!

Придя в себя после падения, Петюнька первым делом поднял с пола книгу, с которой он уже дважды, пусть и ненамеренно, обошёлся невежливо.

— Простите меня, пожалуйста, уважаемая книга, — плаксивым голосом попросил прощения малыш, — я не хотел вас бросать на пол. Так получилось, так пришлось...

Книга заклятий ласково похлопала страничкой по Петюнькиной ладошке, поурчала немножко, как кошка, после чего, посчитав, что с формальностями покончено, захлопнулась и закрылась на золотой замочек. Мальчик со спокойной совестью отправил её на хранение в футляр. Не забыл он также о кисточке и палке Йка. Подбирав эти волшебные предметы с пола, Петюня старался не смотреть в зеркало. Он знал, что зелёный туман его защищает, что зеркало парализовано до поры до времени, но осторожность всё-таки никогда не помешает.

«Пока зеркало не опомнилось, — справедливо рассудил малыш, — надо уходить отсюда. Всё равно феев снов здесь нет».

Чтобы сэкономить время, Петюнька нарисовал двери не только на трёх стенах, но и на полу. Когда все четыре двери разом открылись, он застыл, решая, какой из них ему воспользоваться, прислушался, пригляделся. Поскольку сам малыш не мог толком различить что-либо в темноте расстелившихся коридоров, пришлось обратиться за помощью к тапкам:

— Ну же, шустрики? Что скажете? Где ваш хозяин? Куда идти?

Тапки переглянулись, подмигнули друг другу. Пиу-пиу-пи-и-и! — неожиданно запищали они дуэтом. Мальчик, ошеломлённый, прислонился к стене, закрыл уши ладонями. Пыльца с вишнёвой ветки обильно припудрила его, отчего волосы стали казаться розовыми. Не выдержали тапкиного писка также и стены. Они нервно задрожали, золотистыми волнами заструился по ним песок.

— Хватит, прекратите уже, — попросил Петюня. Он мотал головой, стряхивая с волос песок и пыльцу.

Тапочки умолкли. Мальчик удивился, что они так легко послушались его, но вскоре убедился, что дело здесь не в послушании, а совсем в другом. Тапки писком своим кого-то позвали и теперь прислушивались в ожидании, что этот кто-то им ответит. И ответил-таки – похожим писком, доносившимся из проёма в стене, той, что слева от зеркала.

– Летим налево, – торжествующе объявила левая тапка. Правой нечего было ей возразить.

Петюнька рад был лететь куда угодно, лишь бы не вниз. «Вдруг ещё до дна планеты доберусь, – размышлял он. – Нырять в раскалённую лаву как-то не хочется».

Чем дальше малыш продвигался по коридору, тем громче и невыносимее становился писк. Петюнька начал серьёзно подумывать о том, чтобы повернуть обратно, стал в нерешительности посреди коридора, оглянулся. Мысль о страшном зеркале, которое чуть было не затянуло его, убедила мальчика в том, что возвращаться в тайную комнату всё-таки не стоит. Тем более что в пищащем потоке, обрушившемся на бедные Петюнины уши, стали различимы некоторые слова.

– И-и-ий! Я голоден. Я есть хоч-у-у-у!

– И-и-и! И я есть хочу!

– Я больше хочу, чем вы. Я дальше здесь сиж-у-у-у. И-и-ий!

– Мы есть хотим, ий-ий! Есть! Есть!

Сотни толстых панов Сонек в полосатых арестантских костюмах, заложив руки за спину, ходили по кругу вдоль гладко отшлифованных стен огромной пещерной камеры. Ходили и пищали, требуя еды. Петюнька обвязал голову курткой пижамы, чтобы хоть как-то обезопасить себя от воздействия Соньковского писка, а мешочек засунул в штаны.

По центру камеры с высокого потолка вместо сталактита свисала слабо светящаяся пузатая труба. Когда писк голодных феев снов достиг своего апогея, труба надулась, зарделась румянцем, словно девица, и выстрелила в заключённых белой пеной. Покрытые с ног до головы шипящим пенистым веществом Соньки, не

останавливаясь, облизывали свои руки, а также спины и плечи впереди идущих. Писк прекратился. Вместо него пещерное эхо разнесло дружное чавканье сотен ненасытных ртов.

— Ух, обжоры, — послышался в трубе уставший голос Ночи-Надзирательницы, — на вас не напасёшься. Почти всю манну небесную съели. С клубничным вкусом, у-у-у.... Малиновым, грушевым, яблочным... У-у-у! Бананово-ананасную я даже не попробовала. Всю вам, ироды писклявые, отдала. Хватит объедаться, поросята! Обед окончен. Пора за работу. Взяли в руки щётки! Бегом стены шлифовать!

Облизываясь, причмокивая, жуя, отрыгивая, икая, сотни толстых, одинаковых с лица панов Сонек принялись ритмично, слева направо, снизу вверх и обратно вниз, водить пушистыми щётками по стенам.

— Раз-два, влево! Раз-два, вниз! Повернулись кругом, ать-два! А теперь сначала! — командовала Ночь. — Раз-два, влево! Раз-два, вниз!

Ветер-баловник от скуки задул в трубу, вызвал ненарочно помехи на линии, отчего трубовещание прекратилось. Ночь покашляла в трубомикрофон, постучала, ещё раз покашляла. Очень скоро ей надоело стучать и кашлять, и она упорхнула в небо протирать тряпочкой свои звёзды. Ветер погудел-погудел, погонял воздух, пошлёпал Сонек по их одинаковым лоснящимся лысинам и тоже предпочёл удалиться, чтобы проверить, как дела там у Ночи, все ли звёзды на месте. Феи продолжали натирать стены, но уже с меньшим энтузиазмом. В конце концов, работать им надоело, и они побросали щётки, уселись на пол, сложили пухлые ручки на животах и, будто по команде, заснули, выдувая смешные «труля-ля».

Петюня на цыпочках вошёл в камеру. Ему не хотелось будить феев снов раньше времени. От их противного писка уши мальчика достаточно уже настрадались. Но не шуметь Петюньке не удалось. Мешочек с сонным порошком свалился через правую штанину на тапку, подбил ей глаз.

— Карапул! — запищала тапочка. — Убивают!

Волшебные вязаные носки захихикали. Левая тапка, поддерживая сестрицу, захныкала:

– Ой, что же это делается? Какое безобразие?! Приличных дам бьют! Спасайте, кто может!

Феи снов от такого переполоха повскакивали со своих мест. Они удивлённо протирали глаза, не веря им, перешёптывались, тыча в мальчика пальцами. Но более всего панов Сонек заинтересовали тапки. Согласно Трельяжным правилам у заключённых при поступлении их в темницу отбирались личные вещи. Взамен выдавалась полосатая тюремная роба. Без своих крылатых тапочек феи снов не могли покинуть тёмную обитель, а посему были обречены на вечное и бесполезное натирание стен. Появление же в этих самых стенах живых волшебных тапок дарило им надежду на

спасение. Только вот беда – пара тапок одна, а босых панов Сонек сотни.

– Родненькие вы мои! – разнёсся по камере истошный крик. – Роднюсенькие! Ко мне! Ко мне!

Толпа феев заволновалась. Петюнька насторожился в ожидании новой волны писка. К счастью, на этот раз пронесло. Паны Соныки, то ли от удивления, то ли от радости (поди их разбери?), утратили дар писка, то есть дар речи, конечно... Хотя у феев снов это всё одно и тоже.

Тапочки соскользнули с Петюнькиных ножек, взмыли над лысыми головами под самый потолок. Соныки не сводили с них жадных взглядов.

– Приём! Приём! Летите сюда! Это я! Я!!! – звал, расталкивая соседей, один из панов.

– Да нет же! Это я! Я! – выкрикивали из толпы точно такие же феи Соныки.

– Ну всё, – хлопнул себя по лбу Петюня, – писка таки не избежать. Этих поросят не убедишь помолчать. Услышит Стражница, придёт, застанет меня здесь. Всему тогда конец.

Феи снов разошлись-распищались, начали колотить друг друга, подпрыгивать. Кто сильнее, взбирались на плечи слабым, намереваясь достать до тапок, но те никому в руки не давались, маневрировали над толпой, дразнясь нитчатыми язычками. Намотав с десяток кругов по камере, тапочки вернулись к Петюньке, обулись на его ноги, подхватили малыша и понесли его в трубу.

– Что вы делаете? – опешил мальчик.

– Надо найти, глупенький пан Петюнька, наших сестёр, – разъяснили тапки. – Без нас феи снов не феи. Без тапочек им не спастись.

– Ага... – согласился малыш и запнулся вдруг, вспомнив, что оставил мешочек с порошком в камере.

Глава 65

Ветер

Трубопровод вёл на поверхность планеты. К такому выводу пришёл малыш, ощущив на своей коже лёгкое прикосновение свежего ветерка. Высунув язык, неугомонный ветер ластился к мальчику, тёрся о его щёки. Он был счастлив, потому что, наконец-то, нашёл себе друга.

– Вау-вав-вав! – радостно завыл ветерок, виляя вихрастым хвостом.

Труба внезапно закончилась. Над Петюнькой улыбалось умытое звёздным светом небо. Ветерок первым выскочил из трубы, закружил пыль. Ему так не терпелось поиграть с мальчиком. Петюнька же не разделял его восторга. Он боялся, что ветер своим воем привлечёт внимание Стражницы. Это было бы очень некстати.

Сгорая от нетерпения, ветерок подул сильнее, выбил из рук мальчика вишнёвую ветку и кисточку, на лету поймал их, покружили и вернул, бросив под ноги Петюньке.

– Вав-ва-а-у-у-у! – гордо завыл ветер, требуя, чтобы его похвалили.

– Тише, тише, – приложил палец к губам Петюня, – не надо шуметь. Хороший, хороший ветер.

– Ну-у-у, – поскучивал ветерок у ног малыша, нежно трепля его штанины.

Мальчик хотел погладить по загривку ветер, но его рука прошла сквозь него. Только маленькие песчинки, потревоженные шаловливым ветерком, осели на детской ладошке.

– Да, руками тебя не возьмёшь, – сощурил Петюнька глаза, в которые, несмотря на очки, тоже попал песок, – ты всюду, ты везде, ты всё знаешь, ты всё видишь. Ты хороший ветер. Ты поможешь мне.

Ветерок рад был служить, стал на задние лапы, подул мальчику в лицо, взъерошил его волосы.

– На-ка, – Петюня снял левую тапку и помахал ею перед носом ветра, – хороший мой, найди мне ещё много таких же. Где они у вас хранятся?

Ветер поубавил свой пыл, лёг животом в песок. Левая тапка, которой всё ещё размахивал малыш, нахмурила ниточки-брови.

– Вув, – коротко гавкнул ветерок, как бы оправдываясь перед своим новым другом, что не может выполнить его просьбу.

Левая тапка, обидевшись, что её проигнорировали, всплакнула. Петюнька покачал головой, сел на корточки перед колышущейся кучкой песка, где устроил себе лёжку ветер, и как можно жалобнее попросил:

– Пожалуйста? Ну, очень надо. А потом я с тобой ещё поиграю. Буду бросать палку, а ты её ловить. Идёт?

Ветер засунул голову в песок, что означало – не идёт.

– Ух, упрямый, – чуть было не крикнул от досады малыш, но вовремя спохватился и, снова перейдя на ласково-просящий тон, продолжил уговаривать строптивца. – Хочешь, я нарисую для тебя дерево? Будешь играть с его ветвями, сбрасывать с них листья, а затем гонять их по планете. Это веселее, нежели взбивать хвостом песок. Я могу ещё нарисовать тучки. Будешь выбивать из них дождик. А когда станет совсем холодно, закружишь в танце метель. Ну как? Хочешь?

Ветер оставил в покое песок, поднял хвост пистолетом. Посчитав, что данный жест означает согласие, Петюня принял рисовать кисточкой, используя в качестве холста небо. Он не умел красиво рисовать, мог лишь начертить контуры, отдалённо напоминавшие те предметы, которые ему хотелось изобразить. К счастью, волшебная кисточка не требовала от юного художника особого мастерства, сама справилась, сама вдохнула в картину душу, придала игривую лёгкость расплывшимся над планетой облакам и горделивую мощь коренастому дубу. Дерево приветствовало ставшее вдруг воздушно-кучерявшим небо, шуршало листьями, протягивало к нему ветви для дружественных объятий.

Ветер от восторга завилял хвостом, прыгнул на дерево, от души покувыркался в его раскидистой кроне, затем переключился на облака, хвостом щекотал их пушистые бока, отчего тучки смеялись, брызжа весёлыми дождинками. Там, куда падали капельки,

смешиваясь с песком, застенчиво всходила травка. Она тоже не пропала, была поиграть с ветром, о чём сообщала ему нежным шелестом своим.

Петюнька, наблюдая, как радуется ветер, радовался вместе с ним. И ему захотелось побегать по шёлковой траве, подставить лицо тихому дождику. Но, как говорят взрослые, делу время, а потехе час. «Ах, если бы не эти тапки. Ах, если бы не тапки...» – вспомнил малыш о цели своих поисков.

– Ветер, ветер! – позвал он шалуна, примостиившегося на нижней ветке дуба и раскачивающегося, словно на качелях. – Ты доволен?

– Був!

– Да, значит? Тогда, хороший мой, помоги мне найти место, где спрятаны волшебные тапки феев. Пожалуйста?!

Ветерок соскочил с качелей. Ветви дуба ещё немногого поволновались и успокоились. Травинки удивлённо взорвались в небо, откуда с таким же удивлением на них смотрели застывшие облака.

– Что происходит? – испугался Петюня. – Неужели ветер покинул меня?

– Не может быть! Не может быть! – уверяли его тапки.

Малыш понурил голову, обул левую тапку, подтянул штанины, засунул за пояс кисточку. Он усиленно моргал, стараясь удержать просившуюся на волю слезу. Ему было сложно осознавать, что его предали. Именно предали! Так чувствовал Петюня. За тот короткий промежуток времени, который он провёл в обществе забавного ветра, мальчик сдружился с ним, начал ему верить. Сердце подсказывало, что ветерок хороший, добрый, а он... А он ушёл! Как же так?

Тучи загрустили, заплакали градом, который, падая, пробивал в листьях дырки, ранил молодую траву. Малыш и себе заплакал, не сдержав всё-таки слезу. Холодные слезинки извилисто прокладывали путь по детскому лицу, но до подбородка не добежали. Свежий ветер осушил их, ласково потрепал Петюньку за щёки. Мальчик, улыбаясь, поднял к небу глаза, куда взлетел вихрем его друг. Сразу ему показалось, что он ослеп. Исчезли звёзды, облака, как будто

Трельяжная планета вернула себе прежний облик – чёрный, пустой. Хотя нет, не пустой! В небе что-то шевелилось. Тёмное пятно, видел Петюня, разрасталось, неслось на него.

Хлоп, хлоп, хлоп – небо подарило мальчику неожиданные аплодисменты. Ветер, примерив на себя роль пастуха, с посохом в руке (позаимствовал у Петюньки палку Йка), гнал, протяжно посвистывая, сотни хлопающих крыльями тапок. Если одна из них сбивалась с курса, начинала отставать, он вмиг подхватывал её зубами и возвращал в стадо.

– Вув! Ву-у-ув! – гордым кличем огласил небо ветер.

Ночь-Стражница пила чай со звёздами, закусывала печеньем, обсуждала последние новости. Услышав клич ветра, Ночь поперхнулась, расплескала чай.

– Что-то ветер наш расшалился, – извиняясь, сказала Стражница подружкам и, поблагодарив их за угощение, мягко опустилась на планету.

Глава 66

Хода нет

– Пиу-пиу! – перекликались между собой тапки.

Петюнька цыкнул на своих, чтобы хотя бы те не шумели, но где там... Непослушные тапочки визжали, пищали, кричали, смеялись, улюлюкали. И этого тартарарама им было мало. Взмахнув крыльями, тапки понесли мальчика в небо, чтобы слиться со стаей и вместе с родственниками продолжить полёт. Петюнькиного согласия, ясное дело, никто не спрашивал. Окружённый сотнями вопящих тапочек, то и дело натыкающихся на него подошвами, бьющих по затылку, хлещущих крыльями по щекам, малыш раскинул руки и болтался, словно сосиска.

«Да, сосиска, – подумал Петюня, у которого потихоньку начал бурчать голодный желудок. – Ах, сосиску бы сюда. Насадить бы её на тонкий прутик. Мы так с папой обычно делаем, когда отправляемся на пикник в соседнюю лесопосадку. Нанизываем сосиски и кусочки хлеба на прутики и поджариваем над костром».

Тапки сбились в кучу. Удары по Петюниной голове, спине и бокам участились. Не в силах больше терпеть побои, мальчик взмолился:

– Ветер, дружище, уgomони их. Направь в трубу, в подземелье.

– Ну-у-уф! – погнал ветерок крылатое стадо в нужном направлении.

Вместе с тапками понесло и Петюньку. Труба не возражала. Смакуя, она пила хлынувший в неё поток тапочек. Ветер подгонял мальчика в спину и насвистывал ему на ухо что-то ласковое. Тапки, как всегда, сходили с ума – пищали. Снизу им отвечали писком взволнованные феи снов.

Ночь прильнула к трубе тёмным оком. То, что увидела она там, встревожило её. Разозлившись, Стражница ударила ладонью по трубе, закупорила выход чёрным пластилином. Таким же образом поступила Ночь со всеми кратерами.

– Я проучу вас... Я научу вас... – грозилась Стражница. – Будете знать, как нарушать порядок. Вот вам! Вот!

Вернувшись к дереву, разъярённая Ночь изрыгнула на него тьму, сломала дуб, вытоптала тёмными потрескавшимися ступнями траву, ковшом зачерпнула все облака, связала их в одну большую тучу, окрасила её в чёрный цвет, а после, злорадно хихикнув, ударила по туче кулаком. Та, бедная, лопнула. Из-под облачной обшивки вылетели снежинки в пышных белых юбочонках. Скрестив руки на груди, они танцевали какой-то смешной танец. Звёзды на небе кричали им «браво!».

Снежинки остудили ярость Ночи. Заворожённая их танцем, Стражница и сама пустилась в пляс. Звёзды весело подмигивали подружке и зазывали в гости:

– Иди к нам, кумушка, иди, голубушка. Мы заварили новый чай, испекли миндальное печеньице, мятный пряничек. Иди, иди к нам!

Ночь застелила планету снежным покрывалом, расправила сугробы-складки, полюбовалась немножко и, накинув на плечи пуховый платочек, отправилась на чаепитие.

– Узники никуда не денутся, – рассудила Стражница. – Выхода из темницы нет.

Петюнька по трубе спустился в камеру, шлётнулся на кучу тапок. Ему на голову упала палка Йка. Обезумевшие от радости паны Соньки копошились вокруг, разгребая тапки. Каждый искал в куче свою пару – родную. Феи звали крылатых друзей, выкрикивая ласковые имена.

– Ласточки мои, идите к папе! – завопил один такой толстопуз, плюхнувшийся на колени перед Петюнькой.

Он простёр руки к ногам мальчика, нежно потрогал тапочки, каждую из них почесал по переносице. Им это, видимо, было очень приятно. Тапкины реснички-ниточки закрутились в спираль, дырочки-рты расплылись в улыбках.

– Приветствуем тебя, хозяин, – пропищали тапочки, перепрыгивая с Петюнькиных ножек на толстые ноги фея.

– Ой, мои родные, как же вы истрепались, как же вы запылились?! – рассматривал тапки, охая да ахая, Сонька. – Вот вернёмся домой, возьму шило, прошью ваши подошвы, подклею,

вымою хорошенько. Ох, родные, не переживайте, папочка с вами. Папка о вас позаботится.

Петюня с интересом слушал, как сюсюкают феи с обувью. При иных обстоятельствах он, наверное, рассмеялся бы, но только не сейчас. Несмотря на свою смешную внешность и нелепую манеру разговаривать, феи казались искренними. Мальчика нескованно тронуло то, как сильно они привязаны к тапкам, как любят их. Тапочки для феев – не просто дорогие вещи, тапочки для них – это лучшие друзья.

«Как мило», – подумал малыш, выбирайсь из заметно поредевшей кучки обуви. Соньки не теряли времени, быстренько её разбирали. Это было на руку Петюньке, поскольку ему ещё предстояло найти потерянный мешочек с порошком.

Ветер баловался в трубе. Не находя выхода, он расшатывал её изнутри. Сверху посыпался песок.

– Эй, – прикрикнул на него мальчик, – не балуйся!

– У-у-ув, – разочарованно дунул из трубы ветер, закружил не разобранные ещё тапки.

Среди тапочкиной карусели малыш заметил свой мешочек. Зацепившись за торчавший из трубы ржавый гвоздь, мешок порвался, белой струйкой посыпался на пол порошок. Петюня подставил ладошки, чтобы спасти хотя бы последние крупинки, но всё безрезультатно – песчинки ветром разнесло по всей камере.

Примечательно то, что порошок снова изменил свой цвет, вернул себе белоснежную чистоту. Это открытие обрадовало мальчика. На сердце у него отлегло, будто он сбросил с себя невидимый, но очень тяжёлый камень.

– Как хорошо, – вздохнул полной грудью Петюнька и сладко зевнул. Его веки налились свинцом, тело обмякло, что означало – начал действовать сонный порошок.

Малыш ущипнул себя за щёку, сопротивляясь волшебному сну, потёр кулачками глаза, а затем смешно выпучил их, чтоб не закрылись. Сквозь светящийся поток дрейфующих по камере пылинок он видел, как феи снов взялись за руки, начали водить

вокруг него хороводы. То в одну сторону, то в другую, то в одну, то в другую. У Петюньки закружились голова.

— Баю-баюшки-баю, — запели тонкими, на удивление нежными голосами Соньки, — пусть, малыш, тебе приснится, баю-баюшки-баю, золотая колесница, баю-баюшки-баю, с рыжей гривой кобылица, баю-баюшки-баю, на спине её жар-птица, баю-баюшки-баю, крыльями взмахнула, баю-бай, малыш наш, засыпай...

Петюнька и сам не заметил, как свернулся на полу калачиком, ещё пару раз зевнул и уснул. Во сне он увидел маму. Она готовила абрикосовый пирог, мурлыкала что-то весёлое себе под нос. Мама всегда так делает — поёт, когда стряпает. Поэтому, наверное, её блюда получаются такие вкусные. А вот в сон вошёл папа. Он приготовил для сыночка сюрприз — двухколёсный велосипед с разными скоростями. Машенька пришла в гости, подарила Петюне букет ромашек. Говорит, что сама собирала. Для него! Под окном орёт Яшка, вызывая Петюньку на велосипедное состязание. Ух, как будет весело!

— У-у-ух, у-у-ух! — будит малыша ветер, нежно щекочет за ухом.

«Как всегда, на самом интересном месте меня разбудили», — открыл один глаз Петюнька, подождал чуть-чуть, потягиваясь, открыл второй глаз, нехотя сел. Ему было немножко грустно. Что скрывать, мальчик успел соскучиться по своей семье, друзьям, по дому. Чтобы хоть как-то себя развеселить, Петюнька приложил к зевающему рту ладошку и похлопал ею, представляя, что он индеец. После протяжного «ав-ва-ва-ва» малыш хихикнул. Его смех подхватили Соньки:

— Хи-хи-хи!

«Интересно, сколько времени уже прошло с тех пор, как я попал в сказку? — задумался Петюня, который всё не мог прогнать мысли о родных. — Хватились ли меня мама с папой? А как там Яшка? Моя Машенька? Ищут ли меня?»

— Великий! Всемогущий! Мудрейший! Храбрейший! Добрейший! О, пан Петюнька! — начали бить поклоны мальчику благодарные феи снов.

Все они зачем-то поснимали полосатые рубашки, сидели в одних штанах, выставив напоказ пухлые белые животики, похожие на подушки. Рубашки (каждая завязана узелком) лежали рядом с феями.

– Что в узелках? – спросил малыш.

– О, красивейший и сильнейший пан Петюнька, – запищали, перебивая друг друга, Соньки, – пока вы спали, наш господин, мы наколдовали новую партию солнного порошка. О, спаситель наш! Веди нас, пан мальчик. Нас ждут люди.

Петюнька почесал затылок. Ветер крутился рядом с ним, трепал его волосы, дул за шиворот, раздувал рубашку.

– Хороший мой, ты хочешь мне что-то сказать? – почувствовал беспокойство друга мальчик. – Что случилось?

Ветер отстал от Петюни, юркнул в трубу, пошуршал там, погудел, вернулся, снова в трубу влетел, пошумел и назад, в камеру.

– Бувф, – рассказывал малышу что-то на своём языке ветер.

– Ах, если бы я тебя понимал, – нахмурился Петюнька. – Что там в трубе? А ну-ка, Соньки, одолжите мне тапки, я проверю.

Обувшись в крылатые тапочки, любезно предоставленные ему улыбчивым толстячком, малыш с ветром поднялись по трубе. Вопреки его ожиданиям ход, ведущий на поверхность планеты, исчез.

– Странно, – удивился Петюня, ощупывая чёрное липкое вещество, закупорившее выход. – Раньше этого не было. Нас замуровали, что ли? Не беда, я нарисую двери.

Раз-два – взмахнул он кисточкой, очерчивая контуры двери. На чёрном фоне проявился белый прямоугольник, посветил немного и потух – подозрительное вещество залепило дверь, не дав ей материализоваться. Петюнька нарисовал ещё несколько геометрических фигур, но все они, подобно первой, исчезли под слоем липкого пластилина.

– Такая сильная магия, что против неё кисточка бессильна, – оправдывался потом перед феями мальчик. Видя, как они расстроились, он постарался их утешить: – Не переживайте, я выведу вас тем путём, которым сам сюда попал. Эта планета имеет много дырок. Настоящий дуршлаг!

По нарисованному коридору, ведя за собой стадо пищащих панов, Петюня перешёл в соседнюю камеру. Вместе с ветром он отправился на разведку вверх, но и там они натолкнулись на пластилиновую преграду. Пришлось продолжить путешествие по подземным коридорам, посетить ещё камеру-кратер, и ещё, и ещё. Итог один – хода нет.

– И-и-ий, – жалобно запищали Соньки, – это Она. Это Ночь. Только Стражница на такое способна. Только ей это по силам. Мы обречены...

Глава 67

Зеркальный портал

Петюнька с феями вернулся в пещеру с трубой. Она была шире обычных камер-колодцев, и сотням толстых панов Сонек легче было в ней разместиться. Феи начали жалобно попискивать, поскольку проголодались уже. Однако ждать манны небесной не было смысла. Ночь наказывала узников лишением пайка.

– Ничего! Ничего! – успокаивал толстопузиков мальчик. – Я вас накормлю. Это моя кисточка может!

Представив себе, что бы он сам сейчас съел, Петюня нарисовал свои любимые лакомства: оладьи со сметаной, вареники с вишней, жареную хрустящую картошку, консервированные помидорки, пухлые булки с маслом и малиновым вареньем, воздушный зефир, трубочки с кремом, сливочное мороженое… Всё, что предлагал феям малыш, они съедали, не моргнув глазом, но никак не могли насытиться и требовали добавки.

– Кажется, я начинаю понимать, отчего так ворчала Ночь, – искоса поглядывая на жующих панов Сонек, сказал, как бы между прочим, Петюня. – Прокормить такую ораву вечно голодных ртов, которые если не жуют, то пищат до головной боли, – занятие не из лёгких. Куда там мне, со своими помидорками? Им манны небесной было мало. Я нарисовал бы эту загадочную манну, если б знал, что это такое. Может, манная каша, а?

– Кашу давай, – охотно закивали Соньки, похлопывая себя по голым животам. – И манную, и гречневую, пшеничную и ячменную, кукурузную, пшённую, овсянную, гороховую, рисовую, перловую. С грибами, со шкварками, с укропчиком, с маслицем! Давай! Давай! Давай! И-и-ий!!!

– Цыть! – крикнул Петюнька и стукнул палкой по трубе, надеясь так успокоить пискунов. – Я бы тоже запер вас, чтобы не докучали. От вашего писка у меня уже сводит зубы.

– Ий-ий! – невозмутимо пищали феи.

Мальчику ничего не оставалось, как нарисовать на стене несколько котелков, в каждом из которых кипела каша. Следом за

котелками пошли подносы с пирожками. Их феи, приложившись к фигуристым кувшинчикам, запивали квасом, молоком, компотом. Разноцветные струйки стекали по жирным подбородкам, капали на животы, скапливаясь в виде вкусных лужиц в их многочисленных складках. Заметив это, многие Соньки становились на колени и слизывали с животов соседей пролитые капли.

— Фе-е, настоящие поросыта, — скривился Петюня и отвернулся, не желая больше смотреть на неряшлиевых обжор.

Собственно говоря, отвести взгляд ему было некуда. Круглая пещера была битком забита панами. Разве что, можно спрятаться за дверью? Той самой, через которую малыш впервые вошёл в камеру с феями. Прикинув это, Петюнька направился к двери. Ему то и дело приходилось перешагивать через развалившихся на полу Сонек, которые, окончив трапезу, готовились отойти ко сну.

— Не могу поверить, — бурчал себе под нос мальчик, — что эти поросыта работают феями.

Коридор за дверью ещё не успел раствориться. Он вёл в комнату с зеркалом. Это Петюнька хорошо помнил.

«Забудешь тут, когда столько страха натерпелся из-за страшного зеркала, — подумал малыш, и от этой мысли у него мурашки пошли по коже. — Нет, возвращаться в ту комнату я не хочу. Хотя... Зеркало — это ведь тоже своего рода дверь? Портал? Ведь попал же я в сказку через трельяжное зеркало? Если другого выхода нет, может, волшебное зеркало в странной комнате поможет? Главное — понять, как открыть этот портал. Ох, как не хочется это мне понимать. Но не вечно же куковать здесь с писклявыми панами? Я им не слуга. Накорми, подай, дай... Кроме зеркала, как я погляжу, ничего придумать не получается. Тогда надо попробовать. Ах, надо...»

Не сказать, чтобы решительно, но пошёл всё-таки мальчик к двери в дальнем конце коридора. Самые любопытные феи снов поползли за ним. Набитые вкусностями животы тянули их к полу, и иначе, нежели на карачках (ну точно поросыта!), у них передвигаться пока что не получалось. Петюня махнул на феев рукой, решил не

прогонять их. Пусть ползут, если хотят. Лишь бы в проходе не застряли.

В таинственной комнате ничего не изменилось. По-прежнему валялся на полу перевёрнутый табурет. Тусклое зеркало, покрытое с той стороны зелёным туманом, вроде бы дремало. В нём отражались двери, нарисованные на стенах и полу Петюнькой ещё в первое посещение им комнаты. Его же собственное отражение отсутствовало. Малышу даже стало не по себе: смотреться в зеркало и не видеть там себя? Это очень странное ощущение.

Петюня прошёл в середину комнаты, поднял табурет, сел, задумался.

– Эврика! – вдруг крикнул он и, как положено в таких случаях, стукнул себя по лбу. – Решение же очень простое! Нужно сказать заклинание, отворяющее двери в Междумирье. Его я хорошо знаю.

Феи снов, которым удалось, наконец, встать с колен, окружили мальчика. Заложив руки за спины, они рассматривали более чем скромную обстановку таинственной комнаты. Петюнька наблюдал за ними, глядя в зеркало, в котором ходили лысые толстяки вокруг... пустого табурета.

– Ну, вот что, Соньки, – резко встал мальчик с табурета, опрокинув его, – передайте вашим, чтобы по одному заходили в комнату, чтобы не толпились в проходе. Сейчас я открою портал в космос, и мы покинем эту холодную планету.

– На чём пан Петюнька лететь собирается? – поинтересовался фей, который стоял ближе всех к мальчику. – Крылатых тапочек у пана мальчика больше нет. О, мудрейший, позвольте нам нести вас?

Малыш призадумался: «Я, конечно, мог бы наколдоввать при помощи кисточки или книги заклятий какое-нибудь транспортное средство. Знать бы, какое? Может, огуречный мотоцикл, как у Фломастера? Нет. А если вдруг заглохнет мотор? Что тогда? Я ведь толком не знаю, что прячется за дверью, куда мы попадём. Придётся довериться феям. Ведь они всю жизнь из мира в мир перепрыгивают, разносят добрые сны».

Два толстых фея, не дожидаясь, когда Петюня даст согласие, стали по бокам, взяли его под руки.

— Мы не бросим пана мальчика, ни-ни, — уверяли толстопузы.

Петюнька сдался:

— Ладно. Заходим в портал по очереди. Вы же помните? А там, каким бы оно ни было это самое там, держимся все вместе.

Малыш пристально посмотрел в зеркало. В комнате воцарилась тишина. Утих даже ветер. Только слышно было, как тяжело дышат феи-толстячки. Зеркало, наверное, что-то почувствовало, его гладь изрезали зигзагом зелёные волны.

— Начинаются фокусы, — сжал кулаки Петюня. — Но ничего, мы прорвёмся. Абра-ар!

Зеркало потемнело, будто кто-то невообразимо большой прильнул к нему.

— Бурундин!

Стекло затрещало под напором некой силы. Из старого шрама на зеркальной поверхности засочилась чёрная жидкость.

— Вьюга-вьюн!

Одна из дверей, отражённых в зеркале, задрожала. Кто-то с той стороны колотил по ней. На двери появились следы чьих-то кулаков.

— Гагатун!

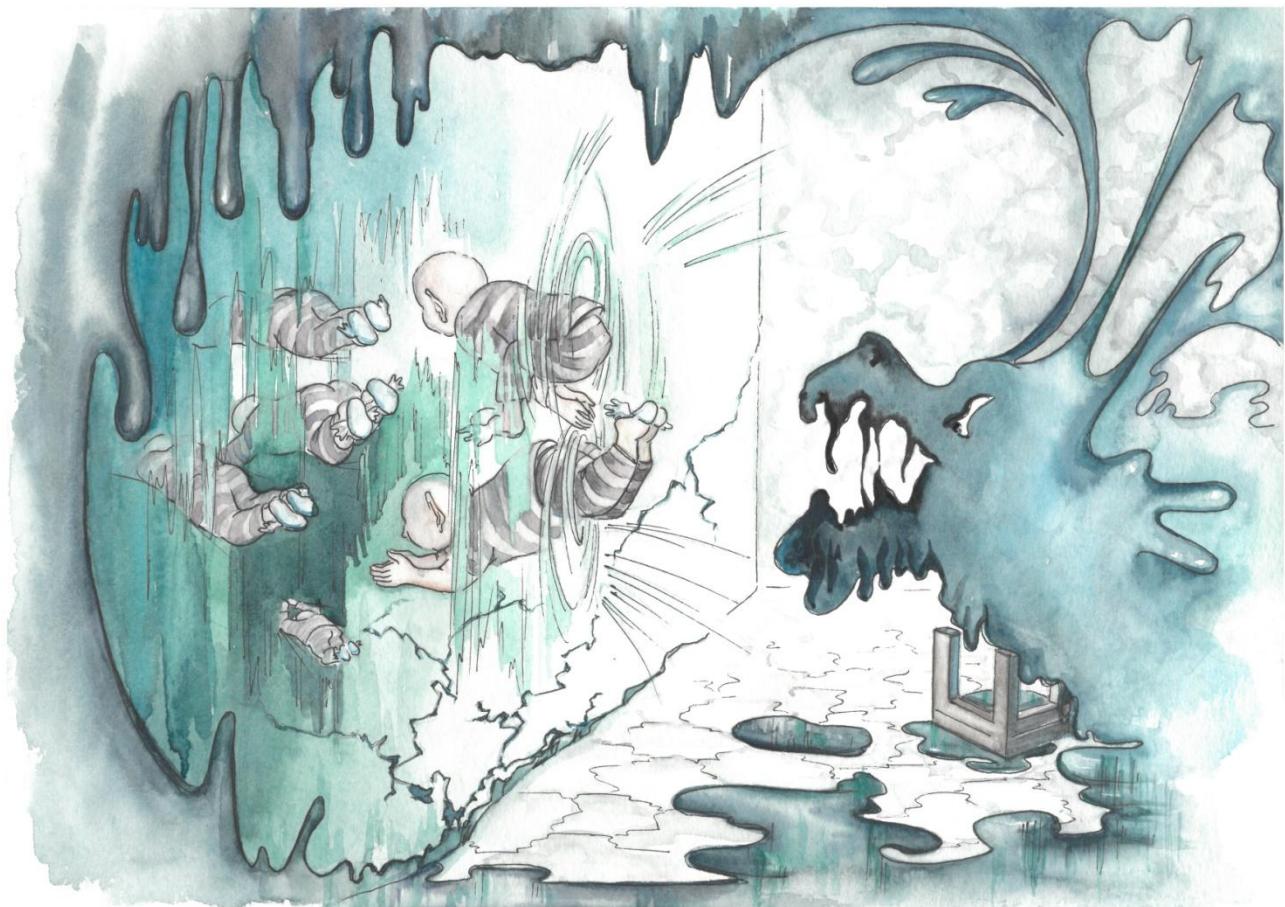
Дверь приоткрылась. В щель вместе с пылью ворвались стоны.

— Дзинь-да-да!

Дверь-отражение сорвалась с петель и влетела в комнату. Соньки, несмотря на свою тучность, в мгновение ока сориентировались — навалились на мальчика, вынудив его лечь на пол. И как раз вовремя! Дверь-phantom прошла над Петюнькиной головой, на огромной скорости пересекла комнату и врезалась в стену, где располагалась другая дверь — её аналог в трельяжном мире. Раздался хлопок. Две двери из параллельных миров, нарисованная Петюней и её копия, вылетевшая из зеркала, поглотили друг друга. На месте их столкновения образовалась чёрная точка. Пустив корни, она начала расти и превращать в ничто всё, с чем соприкасалась. Исчезли стена и часть потолка, будто кто-то стёр их ластиком.

– И-ий-ий! – кричали испуганные феи. – Что-то пошло не так. Сбой программы. Сработал механизм самоуничтожения – открылась чёрная дыра. Трельяжная планета погибнет.

Двое Сонек (Петюня между ними, в спину дует ошеломленный ветер) прыгнули в портал. За ними друг за другом, словно они сдавали зачёт по физкультуре, запрыгивали в зеркальный проём остальные феи. Дыра разъела почти всю комнату. Когда последний Сонька скрылся в зеркале, чёрная пустота вгрызлась и в него.

Широко открытые от страха глаза Петюньки, парившего с феями в пыльно-зелёном космосе, видели, как где-то там, очень далеко, две гигантские призрачные руки безымянного бога сомкнулись, сжав планету. За глухим хлопком последовала вспышка, настолько яркая, что казалось – взорвались сразу тысячи и тысячи солнц. Безжалостный свет опалил космос.

– Трельяжу капут, – перешептывались Соньки.

– Это я, что ли, виноват? Это из-за меня погиб целый мир? – всматриваясь в лица феев, спрашивал малыш. Те бессвязно мычали, потому что и сами не знали ответа на поставленный вопрос.

Ночь, в один миг лишившаяся работы, проплыла мимо, понурив голову. Звёзды на её покрывале, пытаясь утешить подружку, декламировали стихи. Жаль, Петюнька не мог понять смысла их слов. Звёздный язык ему не был знаком, но всё равно звучало очень красиво. Вселенная, притормозив свой ход, с упоением слушала, как читают стихи звёзды из нового – Петюнькиного созвездия. Ведь это он их создал! Ведь это были лепестки от цвета его души!

Глава 68

Ангел и Хранитель

– Не печалься, пан Петюнька, – прильнув щекой к щеке мальчика, нашёптывал ему фей. – В одном месте убудет, в другом прибудет. Это закон. Взамен исчезнувшей планеты ты подарил сказке целую галактику. Вон сколько звёзд зажглось! И кто его знает, сколько ещё малышей-планет, пока невидимых нашему глазу, уже курсирует по своим орбитам вокруг новых солнц, требуя погремушки?!

– Правда? – мальчик вытер слёзы.

– Правда, правда, – ответили ему, но не Соньки.

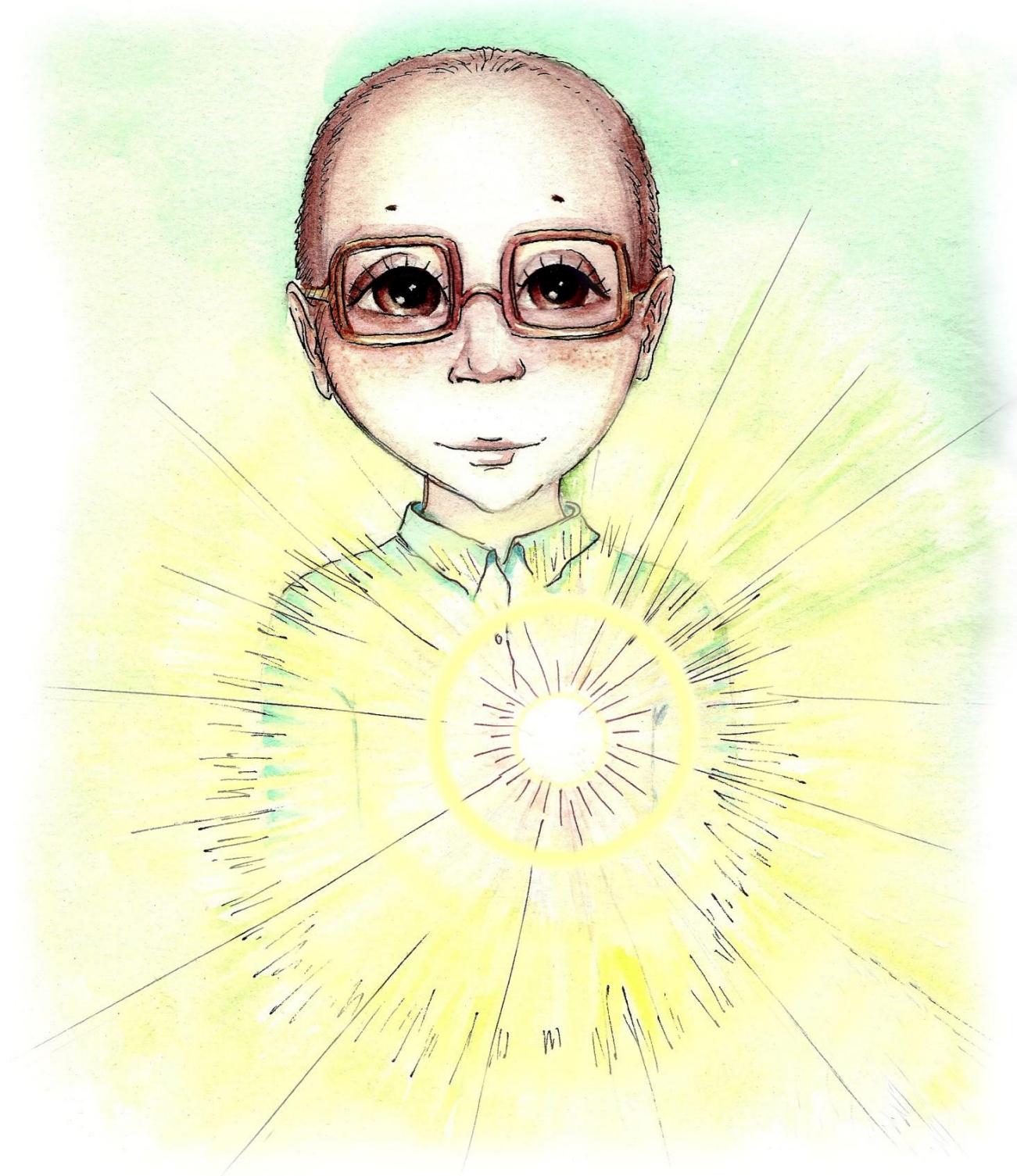
Слова, казалось, исходили отовсюду, из безграничного ВСЕГО или великого НИЧЕГО. Каждая частичка зелёного тумана, соединяющего воедино миры, разговаривала с мальчиком. Петюньке стало хорошо. По телу разлилось тепло. Безмятежность – вот, пожалуй, главное слово, которым можно было бы охарактеризовать то чувство, которое испытывал малыш в данную минуту. Он будто нежился в колыбели, которую раскачивало, убаюкивая ребёнка, загадочное ЭТО.

– Смотри, – приказал ОНО-ОНИ-ОН, – и слушай.

Мальчик, который, поддавшись неге, чуть было не уснул, открыл глаза. Не столько увидел, сколько почувствовал он, как от сердца его протянулась тоненькая ниточка. Заинтересовавшись, куда уходит она, Петюня окунул взглядом горизонт. Просторы безразмерного космоса были сплошь опутаны такими же нитями, как у него. Они переплетались друг с другом в одну сеть. Петюнькина ниточка терялась среди них. Нити вздрагивали, словно от лёгкого прикосновения, пульсировали. По сетевым каналам переливалась живая энергия, подпитывающая миры, которые спрятались за дверями. Тук, тук, тук – слышал мальчик биение их сердец.

Перед его глазами промелькнула оборванная с почерневшим, обугленным концом нить. Она выбивалась из общего гармоничного строя космической сети, от боли трепетала. Чернота съедала нить, превращая её в прах. В тех узлах и переплетениях всеобщей сети, по

которым проходил маршрут гибнущей ниточки, вспыхивали красные огоньки, обжигая соседние нити и, к счастью, сразу же гасли, растратив силы и не успев причинить им вреда. Рисунок сети менялся, менялись чьи-то судьбы. Таковы правила Вселенной.

– И-ий, чёрная нить – это пуповина погибшей планеты? – делились предположениями феи Соньки. – Скоро Сморчок почувствует, если уже не почувствовал, что нить оборвана. Его месть будет страшна. Ий-ий…

Зелёный туман сгустился в тучу, помялся, как тесто, которое взбивают, и вытянулся в волчью морду. Клацнув зубами, голова рыкнула на феев:

– Не зевать, не зевать. Брысь на работу! Люди нуждаются в добрых снах, сказки – в новых светлых фантазиях. Уж слишком много людей разуверились, потеряли веру в чудо… Уж слишком тяжёл мой груз.

На шее волка появилась толстая-толстая верёвка, на которой висело, позывая, множество разных ключей: больших и маленьких, длинных и коротких, толстых и тоненьких. Верёвка натёрла волку шею. На загривке у него вздыбилась шерсть.

Петюнька открыл от удивления рот. Как он сразу не заметил такое странное ожерелье, которое не заметить было просто невозможно?

– Ой, я, кажется, знаю, кто вы, – лицо Петюньки просияло улыбкой. – Вы – Хранитель ключей. Ключник! Мне Яшка рассказывал о вас. Ключики, которые вы носите на себе, – это вера в чудеса, потерянная людьми. А… А вы её храните… Наверное, потому, что верите… За них… В них… В то, что люди лучше, нежели сами думают о себе. Да, вы верите в нас и ради нас терпите такую страшную муку!?

Огромный волк, материализовавшийся в полном своём обличии, приблизился к мальчику. Из его глаз текли слёзы.

– Надо же? – моргнул Ключник, и крупная слезинка капнула ему на нос, которую он тут же слизал. – Ты меня пожалел? Ты? Меня?

Малыш протянул к волку руку, погладил его влажный нос. Он ничего не сказал. Он знал уже, что бывают моменты, как этот, когда слова лишние. Ведь сердцу, чтобы говорить, слова не нужны.

– Ты хорошо поработал, научил детёныша слушать сердцем, – непонятно к кому обратился Хранитель. Его взгляд был направлен как будто сквозь мальчика.

– В этом нет моей заслуги – детёныш попался способный к сердценауке, – ответил волку кто-то за Петюнькиной спиной.

Малыш обернулся. Его сердце кольнуло, почувствовав, как натянулась нить, исходившая из него. Над ним распростёрся фиолетовый ангел. Его поломанное крыло срослось. С виду и не скажешь, что совсем недавно человекоптица была серьёзно ранена.

– Милый, милый мой ангел! – воскликнул Петюня. – Как я рад, что ты не погиб вместе с Трельяжной планетой!

Мальчику казалось, что в груди его находится не сердце, а переполненная радостью чаша, и радость эта выплескивается, окатывая его приятными тёплыми волнами. Чем теплее и приятнее были волны, тем сильнее натягивалась сердечная нить. Петюня с удивлением рассматривал её, потому что только сейчас разглядел, что ниточка его разветвляется. Одним концом она пронзает фиолетовую грудь ангела, вторым – упирается в зелёно-пыльную грудь Хранителя. Куда уходят и с чем переплетаются другие концы (а их невероятно много!), малыш не видел, но сердцем чувствовал, что крепко связан со всеми, кого он любит и кем любим, а также, вполне вероятно, и с теми, кого ему только предстоит полюбить.

– Ну вот, – ангел вскинул голову, гордый за мальчика, – человеческий детёныш научился не только слушать, но и видеть сердцем. Ты прав был, Хранитель, что открыл перед ним двери в сказку. Ты, как всегда, был прав.

Волк обошёл кругом Петюньку, таща за собой ключи, которые радостно звенели, сообщая, что тоже рады, что тоже гордятся.

Феи Соньки, о которых позабыли, неуверенно попискивали, напоминая о себе. Ключник тяжело вздохнул, почесал за ухом.

– Я же сказал вам, – властно повысил он голос, – БРЫСЬ!

В разных уголках Междверной Вселенной открылись порталы. Зелёная пыль зашевелилась, обхватила панов и понесла их к дверям,

которые, открыв рты, покорно ждали несущихся на них и жутко визжащих Сонек.

Петюнька остался без поддержки феев, кувыркнулся в пыли и полетел куда-то, ведомый вихрем. На лету он ухватился за верёвку Ключника и повис на ней. Ключики перезванивались, жалуясь на свою горькую судьбу:

– Нас потеряли... Нас забыли... От нас отказались... Дзы-дзы...

«Нет, ключа от моей веры здесь не будет, – решил для себя малыш. – Никогда!»

Глава 69

Дверь в Антресолию

Осада Куапы чернью продолжалась. Столица не сдавалась врагу, стойко держала оборону, но... силы её уже были на исходе. Город выдохся. Черни удалось через прорехи в куполе заляпать грязью улицы, раскалённой лавой сжечь волшебные бобы, едким дымом удушить Куапу. Задыхаясь, жители столицы, которые не успели спрятаться в подземелье, метались по улицам.

Огненный дракон без устали обжигал слюной купол. Пламя неистово полыхало. Приняв образ красного петуха, оно хлопало крыльями, сыпало искрами, перепрыгивало с крыши на крышу и кукарекало, пророча столице скорую гибель. Температура в городе поднялась настолько, что все растения-дома завяли, а Целебное озеро начало испаряться. Лишённые драгоценной жидкости, дарующей жизнь, гигантские рыбы увязли в иле и судорожно хватали ртами воздух. Не в лучшем положении оказались и русалки. Они вопили и беспомощно били хвостами, разбрызгивая грязь. Жирные пиявки, которые, прячась от жара, закопались в ил, недовольно поглядывали на вопящих девиц, разрушавших их убежище.

С потолка посыпались куски треснувшего купола, разбомбили всмятку последние уцелевшие дома. Медленным тягучим потоком чернь прорвалась в трещины купола, погребая развалины города. Чернота чавкала, уминая улицы, скверы, кварталы, всё превращала в пустыню.

На вершине горы по-прежнему пылал факелом дворец Лута. Черноликие воины не успели добраться до него, предоставив всесильному огню полное право здесь властвовать. Всё равно после жадного огня им мало что останется.

— Огненное знамя поднято, господин, — доложили Князю его верные псы. — Столица наша. Принимайте!

В широкую расщelinу, изуродовавшую волшебный купол, влетел на таракане Шуршунчике Сморчок. Демоны-генералы, выстроившиеся в ряд, диким свистом встречали своего повелителя.

Чертята, зачерпывая ручонками пепел из перевёрнутых вверх тормашками шлемов, посыпали им дорогу перед колдуном.

– Да здравствует Трельяжный Князь! Славься, повелитель злых снов и желаний! – кричала темноротая армия. – Ура кошмарам! Ура! Ура!

Сморчок, слегка откинувшись в седле, важно гарцевал на таракане. Самодовольная улыбка не сходила с его лица. Он всё-таки добился своего – поставил на колени столицу.

– Где теперь пауки, хвалёные стражники Сумеречного мира? Покажите их мне! Не вижу. Ау-у-у! – презрительно развёл руками Князь. – Попрятались по подземным норкам? Трусы и слабаки! Небось, сидят сейчас и дрожат, в то время как МЫ попираем их землю. МЫ, кого презирали веками, стали хозяевами Границы! МЫ!!!

– Ура! Ура-а! У-ра-а-а! – скандировала толпа.

– МЫ вышибли все двери, – продолжал толкать речь Сморчок. – Осталась только одна – в розовую страну добреных фантазий, ха-ха, да и та вот-вот слетит с петель. Ну-ка, ударим все вместе, потрясём верхний мир, попугаем чистюль! Пускай там знают – МЫ близко! Ха-ха!

Чернота сгустилась за спиной Князя, превратилась в огромный кулак. Колдун взмахнул рукой с перстнем, направил синий луч в небо, ища заветную дверь.

– Ну же, где вы её спрятали? – ноздри старика раздулись от нетерпения. – Вам меня не провести. Я найду её, слышите?!

Укутанное паром, дымом, пеплом, изрезанное лазером небо молчало. Ему, собственно, нечего было сказать – двери-портала на нём не было. Колдун рассвирепел, ударил лазером в гору с догорающим дворцом, сравнял её с землёй, но этого ему показалось мало. От злости Князь дробил камни в пыль. Демоны за его спиной росли, подпитываясь яростью хозяина, раздувались, словно тесто на дрожжах.

Справившись с горой, Сморчок принялся обстреливать лазером озеро. Вернее, то, что от него осталось – кучку грязи, в которую,

поскуливая от страха, зарывались озёрные обитатели. Громче всех скулили русалки, которые во время рытья испортили свой маникюр. Одна из них, сломав последний ноготь – на правом мизинце, не стерпела и крикнула:

– Ну что ты буянишь, грибоголовый?! Здесь портала больше нет.

– Больше нет? – Князь отвёл руку с лазером, которую направил, было, на дерзкую русалку. – Значит, раньше был?

Русалка, осознав, что взболтнула лишнее, закрыла рот руками. Её сёстры, от макушки до кончика хвоста вымазанные илом, осуждающе кивали головами, разбрызгивая со слипшихся волос грязь, и тяжко вздыхали.

Колдун посмотрел на небо, которое хмурилось чёрными облаками.

– Больше нет, говоришь, а раньше был? – размышлял он вслух, потирая ладонью острый подбородок. – Порталом может служить если не дверь, то зеркало. Раньше озеро было наполнено водой, а вода – это тоже зеркало. Понял! Озеро и есть портал! Только нужно вернуть ему воду.

– Лай-лай-лай! – залаяла, высунув чёрные языки, чернь.

Воинам не терпелось, им хотелось жечь, крошить, ломать, им хотелось отведать боли. Чужой боли и чужих страданий.

– Эй, – Сморчок хлестнул плёткой тьму, – хватит жару. Пора остыть маленько.

– Лай-лай-лай! – не унималась чернь, которой надоело, что её всё время бьют.

Слепленный из тьмы кулак нацелился в спину старика. Демоны хотели есть и пить. Поддавшись голоду и жажде, они готовы были напасть на хозяина, испить его душу до дна. Впрочем, у демонов хозяев нет. Их можно подчинить, но не приручить. Сморчок забыл об этом и чуть не поплатился за свою забывчивость жизнью.

Если бы не верная Ахуратс, единственное во всемирье существо, любившее старику, чернь, не раздумывая, расправилась бы с ним. Тень, погребённая под камнями разрушенной горы, пронзённая ангельскими перьями, почувствовала, что её господину угрожает смертельная опасность. Терпя боль, Ахуратс вытащила перья, просочилась сквозь щели между камнями и набросилась на кулак. Демоны, расprobовавшие на вкус свободу, стали сильнее. Кулак размахнулся и ударил. Тень прикрыла собой хозяина, приняла удар на себя.

Услышав, как стонет его любимица, старику обернулся. Из глаз его текли чёрные слёзы. Князь открыл рот. Наказывая бунтовщиков,

он пил их. Когда с бунтом было покончено, Сморчок вытер рукавом лицо. Из его перстня, заряженного новой чёрной энергией, выстрелил не один, а целый пучок синих стрел. Вспыхивая, лучи продевали во тьме множество дырок. Тысячи, миллионы искажённых от боли лиц молили о пощаде. Но колдун только начал. Гибкой змейкой развернулась плётка и ударила со свистом непокорную чернь, выбивая из неё спесь.

— Побеждает тот, — приговаривал Князь, — кто выпьет первым. Вы — меня, или я — вас?

Истерзанная Ахуратс доползла до ног хозяина, приклеилась к его подошвам, свернулась клубочком отдохнуть, радуясь, что они снова вместе. Шапка на голове колдуна рыкнула на Тень, сверкнув двумя маленькими острыми клыками. На большее она не осмелилась, повернулась к Ахуратс спиной и принялась вылизывать свой пышный рыжий хвост. Шапка-зверёк знала, что хозяин любит Тень больше, нежели её...

— Вы не достойны, чтобы я тратил на вас свои силы, — прощедил сквозь зубы колдун и отпустил чернь, которая чёрным инеем осела на земле.

Старик простёр к небу руки, сделал движение, будто выкручивает бельё. Тучи скрутились в ракушку, заплакали дождём. Вода зашторила небо. Падая на иссущенную огнём землю, она изливалась ей свою печаль. Рыбы ожили, заплескались. Русалки полоскали волосы, смывая с них налипшую грязь.

Вода быстро прибывала. Нетерпеливо покачиваясь в седле, Сморчок ждал. Когда озеро достигло своей нормальной величины, он выпустил на него лазер, чтобы отсканировать воду на наличие под её целебными толщами портала. Почти сразу же луч запульсировал.

— Да! Ха-ха! — засмеялся Князь. — Дверь найдена! Тук-тук!

Под руководством колдуна чернь опять слепилась в кулак и обрушилась в центр озера, где высветился портал. Поднялся столб воды, закрутился в лифт-воронку, из которого выплыли захваченные вихрем с той стороны мира розовые облака.

— Антресолия, — жадно прошептал старик и облизал губы. — Наконец-то!

Он направил таракана к лифту. Преданная Тень от него не отставала. Демоны с пылающими глазами, окружив чёрным кольцом розовую воронку, не двигались с места — первым пропускали своего господина. Колдун уже чувствовал на губах вкус воздушного зефира, вдыхал аромат ванили и сладкого яблока с корицей, ощупывал вату розовых облаков. Там, за дверью, его ждало много такого же приятного добра, которое он разрушит одним своим словом. Словом великого мага, Князя Трельяжа.

— Что, девочка? — приголубил Сморчок ластившуюся к нему Тень. — Сейчас исполнится моё заветное желание — я уничтожу страну желаний. Забавно, не так ли? Ха-ха!

Колдун разразился смехом, но захлебнулся вдруг, почувствовав удар в спину. Его нанесла ему не чернь. Это было что-то другое. Это лопнула нить, связывающая Сморчка с тёмным холодным миром — Трельяжем.

— Князь без княжества, — ухмыльнулись демоны.

Чернь роптала, но пока не решалась повторить попытку свергнуть колдуна, выжидала удобного момента, когда Сморчок ослабнет и утратит власть над волшебным перстнем.

— Ахуратс, — глотая чёрные слёзы, пожаловался своей любимице старик, — как они могли? Как?

Глава 70

Чудо нуждается в твоей поддержке

Человекоптица подлетела к Петюньке, подставила ему свою спину. Малыш отпустил верёвку Ключника и прыгнул. Верхом на Ангеле и с Хранителем над головой он продолжил путешествие по космическим просторам. Гирлянда из ключей перезвоном своим предупреждала двери, попадающиеся на пути, о том, что идёт он – Спаситель сказок, детёныш из рода человеческого. Двери с почтением расступались, пропуская троицу.

Космическая сеть задрожала, будто по ней полз вселенский паук. По сетевым каналам, от узелка к узелку, распространялась тревожная весть: Князь бушует, Куапа пала, дверь в Антресолию взломана!

Ангел с Хранителем переглянулись и увеличили скорость полёта. Двери мелькали всё быстрее и быстрее и, в конце концов, стали неразличимы Петюнькиному глазу, просто превратились в некий пылепоток. Малыша более всего поразило то, что, по его ощущениям, он вроде бы совсем не двигался. Перемещалось всё вокруг него, он же вместе с птицеловеком и волком оставался на месте. И пижама не надулась, как это всегда бывало во время полётов, и даже волосы не растрепались. Тем не менее, Петюня точно знал, что они сейчас преодолеваю невероятные даже по космическим меркам расстояния и с каждой секундой приближаются к Границе.

Из общего потока вылетела искрёженная, неопределённой формы дверь. Видно было, что ей порядком досталось от черни. Нити-сосуды, оплетавшие дверь, воспалились. Их болезненная краснота сигнализировала о беде. Дверь сильно кашляла, выпуская клубы чёрного ядовитого дыма. Завидев Ключника, она широко открыла рот, словно показывала доктору своё больное горло. Хр-хр-хр – доносились изнутри хрипы гибнущего Сумеречного мира.

Ангел, Хранитель и Петюнька запрыгнули в портал, протаранили скользкую черноту и, не сбавляя скорости, оставляя за

собой фиолетовую дорожку, направились к пылающей точке на горизонте – паучьей столице.

Малыш испугался, поскольку не увидел купола. Вместо грандиозного строения, выплетенного из молний магами, – всего лишь жалкая разбитая скорлупа. Исчез и прекрасный цветник-город, и солнцекристалл. Целебное озеро утратило свой уникальный изумрудный оттенок, стало пепельно-серым. В самом центре его разверзлась розовая воронка. Над ней в ожидании повисла тучей чернь. Тысячи углами горящих глаз следили за троицей. На чёрных скулах заиграли желваки, но ни один из воинов, как бы им этого ни хотелось, даже не пошевелился. Хозяин не велел!

Великий Князь Трельяжный, купаясь в розовых облаках, беспечно выплывавших из воронки, не скрывал презрительной ухмылки.

– Кого я вижу? – крикнул он. – Сам Ключник к нам пожаловал! На огонёк! Хороший я устроил здесь пожар, не правда ли?

Волк вздыбил шерсть от гнева, но всё-таки сдержался.

– Ха-ха, волчок! Ты зализал уже свой раненый бочок? – насмехался Сморчок. – Я помню, в последнюю нашу с тобой встречу тебе порядком досталось. Неужели понравилось? Неужели добавки хочешь?

Хранитель молнией метнулся на обидчика. Шуршунчик увернулся, спасая всадника от волчьей пасти. Тонны ключей, свисавшие с шеи, мешали Ключнику в бою. Таракан был явно шустрее его. Волк бросался на робота, бил лапой, лязгал зубами. Он хотел сбить Шуршунчика, ухватить его за ус, но всё мимо. Подобная игра в догонялки забавляла колдуна, который безудержно хохотал и стыдил Хранителя, вгоняя того в краску:

– Ух, увалень, тяжело тебе, да? А ты брось свои ключики, тем более что они не твои. Зачем хранить чужую потерянную веру? Бесполезное это занятие, ха-ха, – подбирать то, что другие выбросили. Мусорщик!

Пока волк крутился колесом, гоняясь за тараканом, чернь окружила его, оттеснила от птицеангела, сомкнулась вокруг него

безжалостным замком. Теперь, когда Хранитель ослаб и был один, Сморчок подал знак воинам, что пора нападать.

Получив «добро» от хозяина, чёрные псы набросились на Хранителя, повалили его на спину. Ангел не мог подступиться к другу, поэтому пытался помочь ему на расстоянии: метал ножами-перьями в демонов. Однако, как ни старался он, перья не долетали до мишени, поскольку Сморчок испепелял их лазером.

Петюнька одной рукой держался за шею птицы, другой достал книгу заклятий и начал по памяти перечислять все буквы, которые он знал. «В финальной битве, – решил малыш, – понадобится помочь всего алфавита».

Книга охотно отозвалась на его зов. Страница за страницей покрывались цветными рисунками. Всего Петюня насчитал тридцать три буквы. Листочки с их символами вырвались из книги, свернувшись в бабочек и полетели, старательно махая маленькими крылышками, прочь от чёрной тучи.

– Это что-то новенькое? – не понял, что происходит, мальчик. – Раньше книга такого не вытворяла. Куда они летят? Зачем? Это похоже на бегство, на предательство...

Петюня от страха и отчаяния закрыл глаза ладошками. Он не хотел видеть поражение добра, не хотел видеть, как гибнут его друзья.

– Не теряй веры, детёныш, – шептал ангелочеловек, не переставая при этом стрелять перьями, хотя всё было напрасно. – Не сдавайся. Чудо нуждается в твоей поддержке.

Слова ангела засели в Петюнькином сердце, пустили росток надежды, и малыш отвёл ладони от лица. Они были мокрыми от слёз.

– Пожалуйста... Пожалуйста... – просил он, скав кулаки. – Свершился!?

Чернь заляпала грязью бумажных бабочек. Намокнув, листы распрямились и упали на землю, растворившись в ней. Там, где приземлились бедные листочки, корка лавы, сковавшей развалины цветочного города, треснула, сдаваясь перед силой и напором молодых растений. Возродившиеся из пепла цветы росли и крепли и

даже стали больше тех, что цвели под куполом до пожара. Растения дерзко поднимали головки, распускали лепестки-кудри. Внутри цветочков находились буквы, пауки, эльфы, феи, гномики и прочие добрые фантазии и мечты.

– Мяу-у-у, – приложив ко рту военную рацию, командовал кот Барсениус из цветка с семьёй разноцветными лепестками, – эльфийский десант, пошёл!

Стройные остроухие эльфики в голубых беретах с пробковыми автоматами наперевес и ракетами, привязанными к спинам, бросились в наступление: перепрыгивали с ветки на ветку, пластом ползли, уворачивались от горящих нефтяных снарядов, которыми потчевала их чернь. Подобравшись к врагу ближе, десантники запустили свои ракеты (подожгли их спичками) и на сумасшедшей скорости врезались во тьму. Засвистели выпущенные из автоматов пробки-пули, заблестели серебром кортики, которыми эльфы ловко орудовали в бою, рассекая покрывало тьмы на мелкие лоскуты.

– Гномов запускай! – махнул хвостом кот.

Пауки вывезли катапульты, направили их на чернь. Вместо ядер к метательным машинам крепились круглые, словно бублики, гномы в мотоциклетных шлемах. Каждый гномик, смешно вытянув трубочкой губы, обеими пятёрнями сжимал топорик на низкой ручке. Когда катапульты выстрелили, живые «ядра» с криком «бэнзай!» полетели на тучу черни, чтобы, следуя примеру смелых эльфов, проделать в ней топориками как можно больше дырок.

– Теперь феи! – отдал приказ Барсениус и, прихорашиваясь (всё-таки дамы!), растопырил усы.

Феи, все как одна пышнотельные красавицы, обвязанные гранатами, причём некоторые мадам кольца гранат держали зубами, включили крылья-пропеллеры, как у Карлсона, и с гиканьем понеслись на армию Сморчка. Ряды тёмных воинов вздрогнули.

«Ещё бы не вздрогнуть, – хихикая, подумал Петюня, – когда вооружённые до зубов дамы, всё равно что гиппопотамы, несутся на тебя. Не хотел бы я оказаться на их месте. Бр-р-р...»

Русалки, повинуясь, наверное, чувству женской солидарности, решили подсобить феям-подрывницам. Лихо выпрыгивая из озера, девицы оплетали волосами зазевавшихся чертят и уносили их под воду. Те и булькнуть не успевали, как, соприкасаясь с целебной водой, рассыпались и превращались в ил. Отметив такой неожиданный эффект, русалки принялись колотить хвостами по озёрной глади и разбрызгивать как можно больше целебной жидкости на чернь. К девицам присоединились рыбы и пиявки. Озеро покрылось гигантскими волнами, которые пенистой грудью накатывали на тёмных воинов и отнимали у них силы.

Демоницы Злость, Жадность и Месть, сплотившись, образовали ножницы и набросились на русалок, чтобы состричь им волосы. На защиту хвостатых девиц стали феи, забросавшие демониц гранатами. С разудальным хлопаньем взрывались «лимонки» и расцвечивали небо оранжевой зарёй.

— Бобовый фейерверк давай! — довольно потирая лапами, командовал кот, которому, как и всем мужчинам, нравилось наблюдать, как дерутся дамы.

Пауки-пушкари подсуетились, и уже знакомые Петюньке пушки выплюнули на врага фасоль, горох и бобы: грох-бах-фах! бах-фах-грох!

— Авиация! — крикнул Барсениус.

С правого и левого флангов взмыли в небо ласточки и пчёлы. Среди них на огуречном мотоцикле выделявал сложные виражи непревзойдённый Фло-мастер. Ласточки, разбившись на пары, держали в клювах шесты, на которых болтались котелки с растопленным на огне мёдом и кипячёным молоком. Поравнявшись с чёрной тучей, эскадрон двухвосток, ведомый командиршами Лори и Нори, выпустил шесты. Котелки перевернулись, обеспечив черни горячий молочно-медовый душ. Пчёлы бесстрашно ныряли в подслащённую тьму, вонзали в неё жала. Мастер Фло, развернув суперогурец к врагу «попой», выпустил на него, как из пулемёта, очередь ядрёных семян.

Сморчок пятился к воронке. Его чутьё подсказывало ему, что запахло жареным, вернее сладким, что в данной ситуации было всё равно. Пока его воины бились за него, колдун рассчитывал незаметно проскользнуть в портал. И этот манёвр удался бы, если б не облака, которые вдруг не захотели пропускать старика. Оказывается, и облака имеют характер! Сморчок отрывал от них куски ваты, отщипывал по пушинке, разрезал лазером, но упрямые облака вновь и вновь срастились. А ещё они смеялись, глядя в глаза колдуну, и показывали розовые язычки. Князь разозлился и ударил по ним плёткой.

Демоны-генералы почувствовали злость хозяина, подтянулись к нему.

— Фас! — указал им пальцем на облака старики. Указал и отвернулся, будучи уверенным в том, что солдаты выполнят его приказ. Однако за его спиной не раздался привычный вой черни,

рвущейся в бой. Стариk повернул голову, сощурился, пошамкал губами и, не дождавшись нужной реакции, повторил приказ: – Фас!!!

В ответ молчание.

– Ну же? – Сморчок накрутил на ладонь плётку. – Чего стали?

Демоница Злость прошипела:

– Ты хотел бросить нас здесь? Ты хотел нас бросить...

– Не-е-ет, вы неправильно меня поняли, – забегал глазами стариk.

Демоны стали на четыре лапы, вытянули псиные морды, принюхиваясь.

– Пахнет страхом, пахнет страхом и ложью, р-р-р, – угрожающе зарычали они и сделали шаг вперёд, игнорируя нацеленные на них плётку и перстень.

Колдун протянул руку, чтобы выстрелить лазером. Это послужило сигналом для демонов. С громким лаем чернь набросилась на того, кто смел называть себя её господином. Ахуратс защищала хозяина, как могла, кусалась и отбивалась. Но черни было много, а она – одна, и, к тому же, Тень очень устала...

Глава 71

Лучистая колючка

Розовые облака катались по кругу воронки. Ветер раскручивал воздушную карусель, игриво щекотал им пятки. Облака надули щёки, чтобы не рассмеяться, раскраснелись, но ветер так усердствовал, что они не выдержали щекотки и, подбрав пышные юбки, улетели прочь. Небо над порталом прояснилось.

– Приём, приём, – говорил по рации Барсениус, – даю добро на полёт.

– Слушаюсь, – ответили ему.

Портал-воронка чихнул эскадрильей космических ромашковых кораблей. Это антресольки прислали на Границу подмогу.

Петюнька хлопнул в ладости. Он не надеялся уже увидеть своими глазами настоящий ромашковый корабль, о котором так много и с таким упоением рассказывал ему Яшка. А тут не то чтобы один – целая эскадрилья!

Ромашки направили на чернь жёлтые прожекторы, в свете которых злые желания начали исчезать. Не сразу, постепенно: сначала они уменьшались до размеров горошин, а затем лопались, как мыльные пузыри.

– Ура-а-а! Юшечки мои, в бой! – протопал мимо Петюни Юшка Юговой, размахивающий мечом.

Там, где воевода, там и его добрые помощники – Мякиш и Твердолоб. Молодцы бежали, сотрясая землю, и выкрикивали «ура!». За ними следовал отряд пауков-щитоносцев, тащивших на своих мохнатых спинах огромные клетчатые щиты. Чёрные снаряды, сыпавшиеся сверху, не в состоянии были причинить паукам вред, поскольку щиты были заговорённые.

Далее проскакали быстроногие кузнечики, впряженные в трёхколёсные колесницы. Они везли пухленьких мальчиков-феев с крыльями, как у стрекоз. Мальчики били палками по щитам пауков, высекали молнии, ловили их, поплёвывая на пальцы, чтобы не так горячо было, после чего стреляли молниями из луков в чернь.

Из-под земли вынырнули закованные в броню червяки. Вместо вагонов к ним крепились листовые танки. Люк на одном таком танке открылся. Из него высунулась усатая голова Каратэ. Водитель облизал указательный палец, поднял его вверх, прикинул, откуда ветер дует, смешно повращал зрачками, делая в уме какие-то важные расчёты, и, ещё раз облизав палец, скрылся в танке. Люк захлопнулся, а из дула, наведённого на вражескую армию, вылетела хорошая порция варенья. Судя по запаху, клубничного.

Сладкая бомбёжка оказалась весьма эффективной – чёрные воины слиплись, не могли поднять оружие, сдвинуться с места. Пока они кряхтели, пытаясь разлепиться, пауки-солдаты в камуфляжной форме опутывали их верёвками.

От великой армии Сморчка осталась лишь горстка, которая сбылась в комок судорожно пульсирующей темноты. От неё отделилась Тень. В своих объятиях она несла старика. Иссущенный демонами Князь растратил почти все свои силы, но у него ещё оставался волшебный перстень, который, казалось, врос в палец старика, стал его неотъемлемой частью.

Чёрный камень, обрамлённый серебром, лучился магией, питавшейся злостью колдуна. По мере того как Сморчок слаб, его ярость и жажда мести, напротив, усиливались и заряжали энергией перстень. От переизбытка тёмных чувств благородное серебро, в конце концов, расплавилось, а камень выпал и юркой мышкой пустился наутёк. Он скакал от облака к облаку, прожигая в каждом из них дырки, пока не угодил в воронку. Ощетинившись синими лучами, камень превратился в лучистую колючку и застрял в проходе. Танец карусели прекратился, лифт-портал стал. Колючка росла, разрушая шипами проход и неумолимо приближая катастрофу – столкновение двух миров.

– Это вам за Трельяжную планету, – оскалился Сморчок.

Поверженный Князь лежал на берегу озера. Рядом валялся искорёженный корпус таракана-робота. Руку с обожжёнными пальцами Сморчок прижимал к груди. Тень слизывала расплавленное

серебро, чтобы хоть немного облегчить боль хозяина. Зверёк-шапка обмахивал раненую руку хвостом.

Хранитель запрыгнул в воронку, лапой поддел колючку. Лазеры-шипы впились в него, разрезали верёвку на шее. Ключики

рассыпались звенящим дождём. Под синим излучением лазеров они теряли форму, оплывали струйками жидкого металла. Камень покрылся глазурью из утраченной веры в чудеса, под тяжестью которой его шипы отломились. Поднатужившись, колючка нарастила новые шипастые лучи, но и те покрылись металлом, отломились и раскрошились.

Вера в чудеса, даже если её утратили, всё равно остаётся верой, ведь чудеса, даже если о них забыли, не перестают быть чудесами. Вера сильнее безверия, добрые желания могущественнее злых. Чёрный камень, питавшийся самыми низменными, самыми отвратительными чувствами людей, не сумел противостоять чистой, наивной вере в чудо, которая зародилась однажды в детских сердцах и продолжает жить, пусть о ней забыли, в сказках, фантазиях и снах.

Камень уснул. Расплавленный металл обёртывал его, словно конфету. Слой за слоем железо твердело и приобретало форму сердца. Гигантского сердца, вросшего в ткань Междумирья. Сближение двух параллельных реальностей приостановилось. Граница и Антресолия, будто чаши весов, поколебались немного по разные стороны сердца и застыли. Конец света для этих миров был отсрочен. Только вот портал разрушился. А как на Границе без прохода?

Волк когтями хотел выцарапать из воронки сердце. Не поддалось – слишком глубоко застряло. Тогда пауки спустили в портал верёвки, оплели ими железное сердце, потянули, но у них тоже не вышло. Утраченная вера очень тяжела, а в сочетании с людской злобой, таившейся в чёрном камне, она и вовсе стала неподъёмным грузом. Даже для Хранителя…

– Мяв, если магии Ключника недостаточно, то куда уж нам, – разочарованно промяукал Барсениус.

– Да, – устало склонил голову ангел, – помощь сейчас не помешала бы. Давно сказки не пополнялись свежими фантазиями.

– Что же феи Соньки медлят?! – заругался Хранитель из воронки. – Разленились, поди, в темнице. Добрый снам пора уже дать первые всходы. Где? Где же они?

Глава 72

Всходы

В небесные двери над Сумеречной Долиной, которые успели подлечить свои раны и покрыться новыми корочками, постучали. Сразу во все двери, рассыпанные по всему небосклону. Двери вздрогнули и от страха выпучили глаза. С той стороны постучали снова, и на сей раз настойчивее: тук-тук-тук!

Ключник, выбинаясь из портала-воронки, крикнул бедолашным:

– Не бойтесь! Это друзья. Враг не тратит время на то, чтобы стучать. Враг вышибает двери. Откройте!

Двери не смели отказать Хранителю и, хотя им было очень страшно, со скрипом отворились. Окутанные слабо мерцающей дымкой в Сумерки неспешно вплыли призраки. Они несли на неокрепших спинах крылья и от непривычки горбились. Видно было, что призраки новорожденные и не научились ещё толком летать.

– Вот они – всходы! – обрадовался ангел и вместе с Петюнькой, который всё ещё сидел у него на спине, полетел навстречу гостям.

Малыш, прижавшись к птицеловеку, спросил его шёпотом:

– Кто это?

– Всходы! – добродушно повторил ангел. – Всходы семян, посевянных в душах людских добрыми снами. Новые фантазии и мечты! Новые сказки! Взгляни на них, детёныш, внимательнее. Посмотри, как они прекрасны.

Петюня, говоря по правде, призраков побаивался, поэтому по привычке зажмурился. Он всегда так делал, когда ему было не по себе, – крепко закрывал глаза. Однако любопытство оказалось сильнее страха. Да и потом – после стольких приключений стоило ли бояться каких-то там полукрылых призраков? Мальчик для начала открыл один глаз. На него с любопытством смотрело призрачное лицико, и тоже одним глазом.

– Ха-ха-ха! – залился смехом призрак. – Ха-ха-ха!

Совсем круглое, в звёздчатых веснушках лицо весельчака показалось Петюньке подозрительно знакомым. Малыш наморщил

лоб, соображая, чья бы это могла быть мечта? И вдруг его осенило – это же Вовки Заречного лицо... Верзилы-хулигана...

«Не может быть?! – не верил своим глазам Петюня. – Вовка тоже мечтает о чём-то хорошем? Кто бы мог подумать?..»

– Да, да, да! – каким-то образом прочёл Петюнькины мысли призрак. – Вовка тоже мечтает о чём-то хорошем!

– О чём же? – спросил мальчик, причём не просто так, из вежливости спросил – ему было действительно интересно.

Лицо призрака посерёзнело, в глазах появилась загадочная задумчивость.

– Вовка мечтает лечить собачек, которых сбила, например, машина или укусила оса, – с полуулыбкой, стесняясь, призналась дымка в звёздчатых веснушках и закатила глаза. – А когда Вовка вырастет и разбогатеет, он откроет приют для всех бездомных животных!

– Вот это да?! – не переставал удивляться Петюня. – Вовка – ветеринар? Тот самый Вовка? Я и представить себе не мог такое. Как всё-таки я ошибался в нём. Как ошибался...

– Да, да, да! – весело дакал призрак с Вовкиным лицом.

Хохоча, он кувыркнулся и неуклюже полетел вперёд, чуть было не врезавшись в призрачного аиста, который в клюве нёс нежно попискивающий свёрток.

– О, это точно чья-то мечта о ребёнке, – догадался мальчик. – Может быть, даже моего папы?

Петюнька удобнее устроился на спине ангела, подпёр ладонью щёку и вдруг почувствовал себя зрителем в грандиозном кинотеатре, на небесном экране которого транслировалось интереснейшее кино о человеке. О том, каким добрым и благородным он может быть.

– Я придумаю лекарство от всех болезней, – поведал Петюне маленький призрак в большой кепке.

– Я полечу на Марс и построю там научную станцию, – делилась своей историей другая мечта.

– Испеку вечный хлеб и накормлю им всё человечество, – взахлёб рассказывала третья.

— А я хочу, чтобы Серёжка из соседнего подъезда, тот мальчик в инвалидном кресле, выздоровел и стал олимпийским чемпионом, — прошептала четвёртая дымка ласковым голосом, совсем как у Машеньки.

- Проведу трамвайную линию до самой Луны!
- Посажу дерево, построю дом!
- Защищу докторскую!
- Куплю Ниночке новые сапожки, на меховой подкладке. Вот она обрадуется!
- Эх, искупаюсь в море! С разбегу так нырну!
- С сынишкой проведу выходные!
- Наши выиграют футбольный матч! Оле-оле-оле!..
- Тьфу на ту диету... Вот та-а-акую порцию мороженого съем!
- Придумаю машину времени!
- Наконец-то почитаю на досуге!
- Женю-ю-сь!
- Стану водолазом, найду на дне морском клад!
- Пусть он меня поцелует, пусть поцелует...

В раскрытые двери всё влетали и влетали новоиспечённые, ещё тёпленькие, только что из-под подушки мечты. Все такие разные, но неизменно прекрасные. Петюнька залюбовался ими и даже от чувств расплакался, и этих светлых слёз ему совсем не было стыдно. Ещё он почувствовал лёгкую грусть. Ведь жаль будет, если эти милые, романтичные, дерзкие, фантастические или смешные желания забудутся и так никогда не осуществлятся, жаль будет, если люди потеряют веру в них.

Призрачная дымка окутала Куапу. От такого количества добрых желаний воздух над городом наэлектризовался, небо покрылось белыми стежками из волшебных молний, выплетающих новый купол. Сладко запахло жасмином. Кружево из белоснежных цветов застелило столицу к празднику. Призраки мягко опускались на цветы, поднимая в заштопанное уже небо лёгкие облачка ароматной пыльцы.

Петюня рассмеялся, завидев, как бодро вышагивает от цветочка к цветочку, где нашли себе приют призраки, паук-гостеписец. Ещё бы! У него появилось столько работы – нужно внести в таможенный список все добрые желания, которые пересекли Границу. Хлопотное занятие, надо отметить. Здесь остановись, там перекинься парой словечек, всех запиши красным карандашом в жёлтый свиток. Благо, во всей этой переделке с колдуном Сморчком гостеписец умудрился сохранить свой рюкзачок с таможенными принадлежностями. Вот что значит быть ответственным работником!

Если какой-нибудь проказник (а молодые мечты – они такие шутники!) надумает улепетнуть и спрятаться где-нибудь под кочкой или листочком, в ход идёт знаменитый таможенный свисток на цепочке. Трель-трель-трель! – разудало разносится над городом, и уже спешит на зов шефа сама Ляля.

– Ой-ля-ля, – жалуется ей гостеписец, – надоть научить молодняк дисциплине. Ой, надоть!

И Ляля учит, отлавливая, словно мух, непослушных призраков и подвешивая их на цветочной стене с помощью паутинистой липучки.

– Правильно, нечего баловаться и убегать, когда спрашивают твоё имя! Порядок надоть соблюдать! – покачивая головой, отчитывает пойманых правонарушителей гостеписец.

– Эй, – крикнул ему Барсениус, – не больно-то усердствуй. Мечты зелёные ещё совсем. Многого не понимают.

– Надоть знать закон, – грозно сверкнули из-под очков восемь бусинок-глаз.

– Да ну тебя, – махнул хвостом кот и переключил своё внимание на лифт, который до сих пор не починили. – Без портала переправить мечты в Антресолию не получится. Что делать будем, Хранитель?

Волк почесал задней лапой за ухом, призадумался. Рядом с Ключником и Барсениусом, на берегу Целебного озера, примостился ангел. Петюнька слез со спины птицы и уселся четвёртым.

– Будем думать вместе, – подбодрил друзей ангел. – Думать вместе веселей!

– Может, человеческий детёныш нам что-то подскажет? – встрепенулся Барсениус.

– А что? И подскажу! – не растерялся малыш. – Ключики были железные?

– Ну?.. – кивнули кот, ангел и Ключник.

– Тогда нам нужен гигантский, под стать железному сердцу магнит!!!

– Ишь ты? – удивился волк. – Ну что ж, ты придумал, ты и колдуй, а мы поможем.

Глава 73

Магнит для утраченной веры

Петюня открыл книгу заклятий, промурлыкал, призывая букву «М», на которую начинается слово «магнит». Книга не ответила, так как во время последнего волшебного сеанса растратила свои бумажные листочки, а новые отрастить ещё не успела. Малыш разочарованно захлопнул книгу, взялся за кисточку, нарисовал нечто в форме подковы, что, по его мнению, могло выступить в качестве магнита. Подкова, то ли она вышла маленькой, то ли не тот это был магнит, которым утраченную веру притягивают, не принесла ожидаемого результата. Железное сердце осталось на своём месте, в воронке, а подкова-магнит рассыпалась.

– Ой, – только и смог сказать Петюнька.

Он уже привык полагаться на волшебные вещи – книгу и кисточку, которые до сих пор выручали его в сложных ситуациях. И вот сейчас, впервые за время путешествия по сказке, вышел такой неприятный конфуз.

– Ты подумай хорошенъко, – посоветовал мальчику ангел, – не смей отчаиваться. Подумай, ведь речь идёт не о простом куске железа. Это сердце создано из утраченной веры в чудеса! Подумай, что может её притягивать?

– Опять загадки, – буркнул Петюнька и принял позу для размышлений – сложил руки на груди, а заодно нахмурился и выпятил нижнюю губу, невольно копируя папу, который часто хмурится, когда предаётся размышлениям. Потом вдруг малыш рассмеялся, представив себе, как нелепо он выглядит.

– Ха-ха-ха! – заливался хохотом знакомый призрак с Вовкиным лицом. – Это смешно! Хо-хо!

Призрак парил рядом с Петюнькой и наглым образом рассматривал его, тоже, как и малыш, сложив руки на груди.

– Если мы имеем утраченную веру в чудеса, скажи, чем её можно притянуть? – спросил, ничуть не обидевшись, Петюня призрака, не надеясь, правда, услышать вразумительный ответ.

И действительно, ответа не последовало, только хохот и нелепица:

– Ха-ха-ха, чудеса-са-са... Ха-ха!

– Да, – вздохнул мальчик, – чудеса, да и только.

– Да, да, да! Чудеса! Чудеса! Чудеса! – выкрикивал призрак Вовкиной мечты, привлекая внимание прочих, таких же, как и он, молодых и зелёных желаний.

Искрящиеся звёздочками призраки столпились над воронкой. Их распирало любопытство, им так хотелось взглянуть на железное сердце, застрявшее в Междумирном проходе. От переполнявшей желания доброй энергии вывязался из белых молний круг. Он подпоясал призрачную тучку, стянул её крепким узелком, от которого вниз, в воронку, спустилась сплетённая из тех же молний верёвочка. Сердце потянулось к ней и с радостью позволило оплести себя и выдернуть, словно пробку из бутылочного горлышка с шипящим лимонадом. Вместо сладкого напитка, но тоже шипя и играя пузырьками, в проход влетели в ритме вальса розовые облака. Пых, пых, пых – пыхтела воронка, простирая горло.

– Чудеса-са-са! Чудеса! – пела Вовкина мечта, сидя на железном сердце, которое раскачивалось на верёвочке, будто маятник.

– Чудеса, – согласился с ней Петюнька. – Я понял! Именно чудеса и есть тот самый волшебный магнит для утраченной веры. Удивительно! Я и раньше знал, что ничто так не притягивает чудо, как вера в него. Оказывается, всё может быть наоборот: чудо притягивает веру?!

Бригада строителей-пауков в красных защитных касках и с рюкзачками на спинах, из которых выглядывали разные полезные инструменты, спустилась по канатам в портал и принялась ремонтировать его: стучать молоточками, замазывать выбоины специальной дымящейся смазкой, приваривать свежими молниями к повреждённым стенам лифта листы паучьей стали – фиолетовые листья, знакомые Петюньке по вагонам метро. Работа кипела и ладилась. Очень скоро воронка перестала по-стариковски пыхтеть. Загудел двигатель, заставивший работать воздушную карусель.

Пушистые облака в розовых балетках стали на цыпочки и пустились по кругу плясать. Ветер баловался, раздувал им юбки и бил палочками в барабан: БАМ, БАМ, БАМ.

— Это всё хорошо-о-о, мяв, — лениво протянул кот Барсениус. — Только с сердцем что делать будем? Надо бы как-то приспособить его в сказочном хозяйстве. Не пропадать же добру? Зря, что ли, столько тонн утраченной веры переплавилось?

— И ничего не зря. Мудрая судьба случайностей не подбрасывает. Всё смысл имеет! — выпалил Петюня, вспомнив, как учили его друзья — умный Абра-ар и добрая Дзинь-да-да.

Ангел обнял мальчика крылом. Его перья не кололись, а ласково щекотали Петюнькины щёки.

— Ты прав, малыш, всё смысл имеет, — согласилась птица. — У сказки теперь есть сердце новой планеты. Взамен погибшего Трельяжа. Мы испечём ей тело, вылепим из теста горы, разольём из молока реки. Хочешь, мы назовём её в твою честь?

— Угу, — улыбнулся Петюня.

— Вера в чудо никогда не утрачивается до конца, вера всегда живёт в человеке. В его снах, в его мечтах! Не забывай об этом. Не забывай! — доносились откуда-то издалека слова ангела.

Перья приглушали звуки. Петюне показалось, что ему на ухо положили пуховую подушку. Стало жарко. Лоб покрылся испариной. Малыш отбросил подушку и... проснулся.

В комнате было светло. За окном весело щебетали птицы, здороваясь с солнышком и новым днём. Толстый, хромой на правую ножку голубь сидел на карнизе и стучал клювом по стеклу, требуя завтрак. Наверное, тётя Зоя забыла насыпать вечером семечек?..

Глава 74

Ночью что-то было?

Температура спала. Пижама и одеяло были влажными от пота. Петюнька ворочался в своей кроватке. Спать ему уже не хотелось, а сил встать не было. Даже дотянуться до подушки, которая упала на пол, лень. Малыш протянул было руку к беглянке, но рука не послушалась его и вялой плетью свесилась с кровати.

«Да ну её, – сонно подумал Петюня. – Всё равно перьями от неё пахнет. Обойдёмся и так».

Однако обойтись не получилось. Валяться в постели без подушки – удовольствие уже не то. Пришлось сесть, зевнуть, потереть кулачками глаза. В общем, обычная утренняя процедура.

Доставая с тумбочки очки, мальчик наткнулся на коробку из-под пластилина. Внутри неё в перемешку с недоеденным вчера печеньем и шоколадом лежали пластилиновые буквы. Петюнька от неожиданности икнул.

– Значит, вы мне всё-таки не приснились?! – обрадовался он, и сонливость как рукой сняло.

На всякий случай проверяя, пластилин ли это, мальчик дотронулся пальцем до синей буквы «А», которая лежала с краю. Пластилин оказался настоящий, на ощупь липкий и сплошь покрытый крошками от печенья. Чтобы лучше рассмотреть буквы, Петюня положил коробку на колени. Осторожно, одну за другой, он доставал из неё фигурки, подносил к лицу, нежно отряхивал крошки и смешно бормотал:

– Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да.

Дверь, ведущая из коридора в комнату, скрипнула. Малыш испугался, что подействовало заклятье, и уронил коробку. Пластилиновые буквы и раскрошившееся печенье вывалились на ковёр.

В комнату вошла тётя Зоя с градусником в руке, который она встряхивала, готовясь засунуть его Петюньке под мышку. Заметив безобразие на ковре, тётя, боец номер один в семье за порядок и чистоту, остолбенела.

— Что это? — ледяным тоном спросила она, тыча градусником в коробку. — Что это за мусор?

Петюня плюхнулся на колени рядом с коробкой и, от старательности высунув язык, принялся отдирать пластилин от коврового ворса. Бросив украдкой взгляд на тёту Зою, которая так и стояла с вытянутой рукой, малыш счёл нужным пояснить:

— Это не мусор. Это буквы. Буквы — это ведь хорошо?

Тётя приподняла правую бровь, сощурила левый глаз. Её так и распирало отчитать племянника, но умная и добрая тётя Зоя сдерживала себя, поскольку помнила, что кричать на детей, тем более ещё не до конца выздоровевших, нельзя.

— Буквы? — смягчилась тётушка. — Наверное, Яшка принёс? Буквы... Хм... Это хорошо. Ладно, а ковёр мы пропылесосим.

Петюнька улыбался. Он и не сомневался в том, что тётя Зоя его поймёт. Она всегда его лучше всех понимала.

После обеда пришёл в гости Яшка. Он сразу засунул свой любопытный нос в верхний ящик трельяжа. Не обнаружив там коробки с буквами, рыжий шалун на одной ноге попрыгал в Петюнькину комнату. Мама погрозила Ермолаеву из кухни пальцем, но промолчала. С разгону взобравшись на кровать, Яшка сел потурецки и начал барабанить ладонями по коленям. При этом он хитро щурился и качал головой. Петюня стойко выдержал вопрошающий взгляд Ермолаева. Он всегда отличался завидным терпением, чего не скажешь о его рыжеволосом друге. Хлопнув в ладоши, Яшка вскочил и подпрыгнул, вынудив кровать жалобно застонать. Петюнька молчал.

— Ах, вот ты как? Ушёл в молчанку? Ну, держись тогда, партизан! — угрожающе крикнул Яшутка и принялся за своё любимое занятие — изобразил шаловливую обезьянку, выделывающую смешные акробатические трюки.

Треск в кровати усилился. Кровать прямо-таки молила о пощаде. Однако Петюня по-прежнему молчал.

— Так ты со мной поступаешь? — пискнул от обиды Ермолаев, упал на живот и закрыл глаза, будто его понарошку подстрелили. — А я тебя считал другом...

— Ну ладно, Яшутка, не балуй, — смилиостивился Петюнька. — Что ты хочешь знать?

— Как что?! — округлил глаза Ермолаев. — Колись, давай! Ночью что-то было?

— Было.

— Что-о? — Яшка нервно сглотнул.

— Сказка, прекрасная сказка, — просто ответил Петюнька.

Вечером с папкой Петюня вышел во двор. Мама с тётей разрешили, только ненадолго. До булочной за углом и назад. На улице было душно. Земля, уставшая от зноя, пахла терпко, пряно. Петюнька любил этот запах. Тонко-горьковатый запах выжженных солнцем трав. Очумелые от предчувствия скорого прихода осени комары пировали, с особым рвением атакуя прохожих. Петюня отмахивался, бил себя по лбу и шее, но всё равно улыбался. Писклявые кровососы не в состоянии были испортить его хорошее настроение. А как же? Ведь он выздоравливает! Ведь и в его жизни нашлось место для сказки! Малыш был уверен, что все те волшебные приключения, которые произошли с ним, не были сном или бредом, вызванным высокой температурой. Чистое детское сердце подсказывало ему, что это было настояще чудо.

За углом на огрызке чего-то серого, из бетона, с торчащими, словно нервные окончания, проводами, сидел, скрючившись, тощий старик с невероятно огромной, раздутой, как арбуз, головой. Несмотря на жару, незнакомец был в кожаных, до колен, сапогах и в меховой шапке, нахлобученной по самые брови. У его ног растянулась чёрная собака. В вечерних сумерках Петюнька не сразу заметил её. Фигура собачки почти сливалась с тенью, отбрасываемой соседней многоэтажкой, и сама казалась тенью. Когда малыш приблизился к ней вплотную и чуть было не наступил на хвост, тень с глухим рычанием оскалила зубы. Петюня отпрянул, прижался к папе.

— Ахуратс? — вырвалось у него.

– Черныш это, Черныш, – прощедил сквозь зубы стариk, даже не взглянув в сторону прохожих.

– Пойдём, – старший Ложкин потянул за руку сына, который от страха застыл на месте.

Стариk резко подался вперёд, приблизил лицо к мальчику, втянул носом воздух. Широкие ноздри раздулись, как у хищника, учувавшего добычу. Но более всего поразили Петюню глаза незнакомца – с абсолютно белыми радужками. Можно было подумать, что стариk слепой, если бы не живые чёрные зрачки, пристально следившие за малышом.

– Ночью что-то было? – неожиданно задал он вопрос. Точно такой же, как несколько часов назад Яшка. Заметив, как смущился мальчик, стариk криво усмехнулся и смачно сплюнул на землю.

– Позвольте, уважаемый, а что-то случилось? – поинтересовался отец.

– Да так... – махнул рукой странный человек в зимней шапке. – Открывают тут некоторые двери, когда их не просят, суют свой нос в чужие дела.

– Да, я давно говорю, что кодовые замки на подъезды вешать надо, – из вежливости поддержал разговор пapa, выгребая из кармана мелочь для подаяния. – А лучше посадить консьержку. А то, действительно, ходят туда-сюда подозрительные субъекты.

Стариk отказался от предложенных денег, презрительно хмыкнул и снова уселся на кусок бетона – уродливое подобие стула. Чёрная собака положила голову ему на колени.

– Пойдём, – на этот раз Петюнька потянул за руку отца.

Старший Ложкин пожал плечами:

– Я хотел как лучше...

На обратном пути, проходя мимо старика, который, казалось, уснул, сердобольный папка таки всунул ему в руку свежую булку. Незнакомец от булки не отказался, разломил её и большую часть отдал своему четвероногому другу. Собака без особого удовольствия (всё-таки не косточка) приступила к ужину.

– Тёмные желания где-то живут, – ни с того ни с чего, вместо «спасибо», сказал старик. – Помни об этом.

– Ах, сумасшедший?! Что с него взять? – окончательно растерялся папка, добрый поступок которого не оценили, и потащил озирающегося Петюньку домой.

– Абра-ар, Бурундуn, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да! – крикнул им вслед безумец.

На пятом этаже высотки хлопнула форточка. Стекло разбилось и крупными осколками осыпалось на асфальт. Послышались ругательства. Это позабавило старика. Он смеялся и пританцовывал, как дикарь. Собака крутилась у его ног, преданно заглядывала хозяину в глаза и виляла хвостом.

Заворачивая за угол, малыш обернулся в последний раз. Он догадывался, с кем повстречался только что, и не мог просто так уйти. Старик раскрошил оставшуюся часть булки и бросил на землю. Собака не притронулась к угощению, поскольку оно предназначалось

не ей. С головы старика спрыгнула шапка-зверёк, сладко потянулась и, в отличие от собаки, с аппетитом набросилась на раскрошенную булку. Видимо, шапка была очень голодна, так как ужин её исчез за считанные секунды. Насытившись, рыжий зверёк вернулся на своё место, растрёпанную голову безумца, и как ни в чём не бывало свернулся в шапку.

— Чудеса, однако, — прошептал Петюнька, уже подходя к своему подъезду.

Он больше не сомневался в том, что видел колдуна Сморчка. Бывшего, надо полагать, колдуна, коль его сослали в земной, обычный мир. Хотя бывают ли колдуны в отставке? Интересный вопрос, ответ на который, возможно, мы найдём в следующей сказке.

Содержание

Глава 1. Старый трельяж в прихожей Ложкиных	3
Глава 2. Петюнькины грёзы	7
Глава 3. У Петюни Очкастого появился друг!	9
Глава 4. Игры в нефабричные игрушки	11
Глава 5. Солнечный Зайчик	13
Глава 6. Перваяссора, или Гирлянда из пожухлых листьев	15
Глава 7. Подвески для Машеньки	18
Глава 8. Страшная тайна Ермолаева, или Здравствуй, Антресолия!	23
Глава 9. Главный секрет – буквы	28
Глава 10. Любимая пижама космонавта	31
Глава 11. Зазвонил поломанный будильник	33
Глава 12. Сюрприз в прихожей, или Апчхи!	37
Глава 13. Знакомьтесь: Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да	41
Глава 14. В зеркале скрипнула дверь, и вот он – пан Сонька	49
Глава 15. Печальный рассказ пана Соньки	53
Глава 16. Что такое Трельяжное Королевство?	58
Глава 17. Ахуратс	62
Глава 18. Посмотрите, друзья, что пан Сонька нам оставил!	64
Глава 19. Первый полёт Петюни	69
Глава 20. Междверное пространство	72
Глава 21. Красно-синий ромб	75
Глава 22. Воронка-лифт	78
Глава 23. Встреча с пауком	83
Глава 24. Деревня на ладони. Земляной эскалатор	88
Глава 25. Пауки несут службу. Допрос с пристрастием	92
Глава 26. Стакан правды	98
Глава 27. Юшкин кот	103
Глава 28. Операция «Перехват»	109
Глава 29. Сморчок	118
Глава 30. Волчья голова	124

Глава 31. Тыкве капут	130
Глава 32. Министерский экипаж	136
Глава 33. Скачки на кузнечиках	141
Глава 34. На подземном перроне	148
Глава 35. Трактир «Три бабушки»	155
Глава 36. Тыква на столе, тыква в животе	161
Глава 37. «Тихий зал» в пещерном саду	170
Глава 38. Узники Трельяжа	180
Глава 39. Битва в «прихожей» Сумеречного Мира	189
Глава 40. Сонный порошок в руках злодея становится чёрным	195
Глава 41. Голубая тапка в небе	199
Глава 42. Утро настало, или Привет, Чух, Чих, Чах!	206
Глава 43. Вагончик тронулся, или Наваждение	213
Глава 44. Тупик	218
Глава 45. Конечная остановка. Свет!	225
Глава 46. Город под радужным куполом	232
Глава 47. Гостиница «Розовый рай» и музыкальная лестница	239
Глава 48. Сон	245
Глава 49. Урок танцев от Жужи	249
Глава 50. Держим курс на Целебное озеро	257
Глава 51. Под водой. Ракушечная лечебница	262
Глава 52. Инсулин, Йод и пиявки	268
Глава 53. Два зверя в душе человека, или Мудрая Яхтар	273
Глава 54. Наводнение	279
Глава 55. Бал короля Лута	283
Глава 56. Тайный совет	292
Глава 57. Чернь идёт на столицу	299
Глава 58. Слёзы колдуна – это страшный яд!	303
Глава 59. Ударим вишнёвой палкой по колдовскому наваждению!	309
Глава 60. Три буквы «С»: Солнце, Свет, Смысл	313
Глава 61. Здравствуй, Трельяж – холодная планета!	318
Глава 62. Камеры Трельяжной темницы	322
Глава 63. Тайная комната с треснувшим зеркалом	326

Глава 64. Феи снов нашлись!	330
Глава 65. Ветер	335
Глава 66. Хода нет	340
Глава 67. Зеркальный портал	346
Глава 68. Ангел и Хранитель	352
Глава 69. Дверь в Антресолию	357
Глава 70. Чудо нуждается в твоей поддержке	363
Глава 71. Лучистая колючка	370
Глава 72. Всходы	374
Глава 73. Магнит для утраченной веры	379
Глава 74. Ночью что-то было?	383

Повесть-сказка

Ирина Мальчукова

**Петюнька Очкастый в Трельяжном Королевстве,
или История с сонным порошком**

Художник-иллюстратор: Виктория Голуб

Издатель «ФЛП Середняк Т. К.», 49000, Днепропетровск, 18, а/я 1212

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в

Государственный реестр издателей, изготовителей и

распространителей издательской продукции

ДК № 4379 от 02.08.2012.

Идентификатор издателя в системе ISBN 7761

Подписано к печати 02.04.19. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 50 экз. Заказ № 745.

Усл. печатн. листов 25,46. Учетно-изд. листов 14,48

Отпечатано на базе издательско-полиграфического центра

«Адверта»

49000, Днепропетровск, а/я 1212

тел. (068)-732-45-20

www.adverta.com.ua